

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

С О В Е Т С К А Я
Э Т Н О Г Р А Ф И Я

3

1 9 5 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

Редакционная коллегия:

Главный редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов,
заместитель главного редактора И. И. Потехин,
М. О. Косвен, П. И. Кушнер, М. Г. Левин, Л. П. Потапов,
С. А. Токарев, В. И. Чичеров

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, ул. Фрунзе, 10

Подписано к печати 27.IX. 1955 г. Формат бумаги $70 \times 108^{1/16}$ Бум. л. $6^{1/4}$
Т-05960 Печ. л. 17,12 + 2 вкл. Зак. 1445. Уч.-изд. листов 21,8 Тираж 2575 экз.

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Р. ЯБЛОНСКИТЕ-РИМАНТЕНЕ

О ДРЕВНЕЙШИХ КУЛЬТУРНЫХ ОБЛАСТЯХ НА ТЕРРИТОРИИ ЛИТВЫ

На сравнительно небольшой территории Литовской ССР даже в настоящее время можно выделить несколько этнографических областей, которые еще в конце XIX в. резко различались по форме строений, одежде, обычаям и т. п. Для понимания происхождения этих различий одних только этнографических данных недостаточно: выяснение истории живших на определенной территории племен и народов может быть достигнуто только совместными усилиями археологов, этнографов, антропологов и языковедов. Археологи Литвы уже собрали достаточно данных для постановки, а частично и для разрешения отдельных вопросов о древнейших культурных областях на территории страны. К сожалению, большинство этих материалов еще не опубликовано, и с ними можно познакомиться только в музеях Литвы.

Основываясь на данных исследования различных памятников, а также на письменных источниках и этнографических материалах, можно приблизительно установить отдельные культурные области первобытно-общинного времени, в известной степени совпадающие с расселением древних племен.

Культурные области в Литве начинают выявляться уже со времени мезолита. Из-за ограниченности исследований в соседних областях точно установить их границы еще не представляется возможным. Пока можно наметить лишь приблизительные границы распространения культуры прибалтийского мезолита. На юге она захватывает Гродненскую область¹, на западе — Калининградскую область и Мазурский край в Польше², на востоке — район Молодечно (БССР) и распространяется далее к югу вплоть до Пинских болот³.

В Латвийской ССР найдены только костяные изделия периода мезолита, которые во многом сходны с подобными находками в Литве, а также с предметами, характерными для мезолита северной Европы⁴. То же самое и в Эстонской ССР. В настоящее время из-за малого количества

¹ Z. Gloger, Osady nad Niemnem i na Podlasiu s czasów użytku krzemienia, «Wiadomości Archeologiczne», Warszawa, 1873, I, стр. 97, III, стр. 115; Z. Szmít, Badania osadnictwa epoki kamiennej na Podlasiu, «Wiadomości Archeologiczne», Warszawa, 1929, X, стр. 36—118.

² C. Engel, Vorgeschichte der altpreussischen Stämme, Königsberg, 1935 табл. 22.

³ К. М. Поликарпович, Палеолит і мезоліт БССР і некаторих саселніх крайн, «Прасы секцыі археологіі», III, стр. 218—221; K. Polikarpovic, Das paläolithikum und mesolithikum der Weissrussischen SSR und einiger Nachbargebiete am oberen Dnjepr, «Transaction of the II International conference...», 1935, V, стр. 70—83.

⁴ H. Moora, Pirmatņējā kopienas iekārta un agra feodālā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā, Rīgā, 1952, стр. 11—13.

находок нельзя говорить о принадлежности стоянок Эстонии и Латвии к одной культурной области. Возможно, культура этих областей имела свои особенности. Это различие гораздо яснее проявляется в неолите, когда культура Литвы становится совершенно самостоятельной.

При определении культурных областей эпохи неолита обыкновенно основываются только на изучении керамики. К сожалению, до настоящего времени в Литве еще мало хорошо исследованных стоянок с керамикой, так как на развеванных ветром дюнных стоянках сохранились лишь очень мелкие фрагменты глиняной посуды, а иногда на таких стоянках керамики совсем не обнаруживается. Найденные сосуды чаще всего не орнаментированы. Для неолита Латвии характерно большое количество гребенчатой керамики, тогда как в Литве ее почти нет. В то же время шнуровая керамика в Латвии встречается весьма редко и только в ее юго-восточной части, а на литовских неолитических стоянках она господствует.

То же относится к кремневым изделиям. В Латвии ромбовидные накопечники стрел, характерные для культуры гребенчатой керамики, находят сотнями, а в Литве до сего времени известно только несколько накопечников этого вида. В то же время в Литве так же, как в Латвии и Эстонии, часто находят ладьевидные каменные топоры, распространение которых, вероятно, было связано с развитием новой формы хозяйственной деятельности — скотоводства, требовавшего организованной охраны стад.

Обнаружение памятников с гребенчатой керамикой вплоть до Одера совсем не означает, что на всем этом пространстве жила одна этническая группа. В данном случае скорее можно говорить об экономической общности, о культурном влиянии, но не о расселении определенной группы родственных племен. На всем побережье Балтийского моря к югу от Литвы не встречалось в неолите ни чистой гребенчато-керамической, ни чисто шнуро-керамической культуры. Везде обнаруживалось смешение этих культур, приобретающее локальные оттенки⁵.

Наряду с указанными видами керамики необходимо отметить и третий ее вид — штрихованную керамику. Шнуровая керамика на городищах I-го тысячелетия до н. э. не встречается, гребенчатая (мелкозубчатая и ямочная) еще сохраняется до начала н. э., а штрихованная, появившаяся во II тысячелетия до н. э. была широко распространена вплоть до III—IV вв. н. э. и таким образом объединяет культуры каменного и железного веков. И хотя позднее всю территорию от Днепра до Занеманья и от среднего и верхнего течения Даугавы до верховьев Немана, на которой распространена эта керамика, считать населенной литовцами нельзя, в первые века н. э. штрихованная керамика была для литовцев наиболее характерной⁶.

Для конца третьего и начала второго тысячелетий до н. э. уже можно выявить границы распространения литовско-латышских (балтийских) племен. Для всей этой территории от Персанте до Даугавы характерны находки каменных мотыг с расширенным в виде змеиной головы обухом («змееголовые мотыги»; рис. 1, а). На этой же территории распространены и характерные для балтийских племен узкие проушные каменные топоры с параллельными сторонами и четырехугольным обухом (рис. 1, б); распространение их на севере тоже доходит до Даугавы. На юге и на востоке граница прослеживается хуже из-за недостатка пуб-

⁵ J. Kostrzewski, Über die jungsteinzeitliche Besiedlung der polnischen Ostseeküste, «Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigaе, 19.23.VIII.1930», Riga, 1931, стр. 55—63.

⁶ A. Tautavičius. Rytų Lietuva mūsų eros pirmajame tūkstantmetyje, Vilnius, 1953 (Диссертация, архив Института истории и права АН ЛССР); А. Г. Митрофанов, К истории населения средней Белоруссии в эпоху раннего железа, Л., 1953 (Диссертация, архив Ленинградского Гос. ун-та им. А. А. Жданова).

ликованных данных, но приблизительно она совпадает с границей распространения «змееголовых мотыг»⁷.

С появлением во втором тысячелетии до н. э. бронзы в области распространения «змееголовых мотыг» и указанного типа каменных топоров получают распространение топоры с расширенным округлым острием и с закраинами, боевые топоры нортикенского типа, спиральные булавки (рис. 1, *в*, *г*, *д*). К сожалению, памятники этого периода вплоть до II в. н. э. очень мало исследованы. На всей этой территории встречаются очень

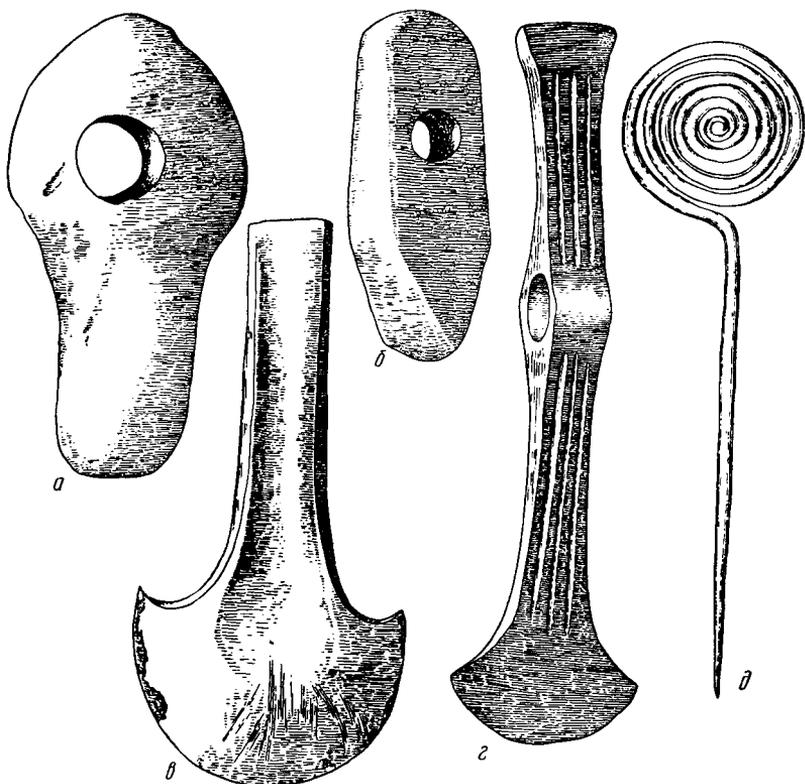

Рис. 1. *а* — «змееголовая» мотыга; *б* — каменный топор с параллельными сторонами; *в* — топор с закраинами; *г* — боевой топор типа Нортикен; *д* — спиральная булавка

схожие курганы с каменными венцами в середине или обложенные камнями сверху. Дальнейшие исследования выявят здесь отдельные культурные области, хотя, несомненно, до начала н. э. культура всех литовских, а также латвийских и древнепрусских племен была очень сходной. Только начиная со II в. н. э. ясно выделяются отдельные культурные группы, в известной степени соответствующие древним племенам.

Попытаемся наметить наиболее ясно выраженные в первые века н. э. культурные области на территории Литвы. Проследим развитие хозяйства и культуры в каждой из них до возникновения письменной истории и сделаем попытку определить, какие племенные группы они выявляют.

Точность некоторых данных не вызывает сомнений, другие же требуют оговорок. Характерными материалами, бесспорно, являются погребальные памятники. Связанные с определенной идеологией, они не скоро поддаются чужим влияниям. Показательны также и различные типы изделий, распространение которых никогда не ограничивается только пределами расселения определенного племени.

⁷ L. Kilia n, Das Siedlungsgebiet der Balten in der älteren Bronzezeit Altpreussen, Königsberg, 1939, 4, стр. 107—114.

Но распространение изделий можно увязывать с этническими границами только в том случае, если оно не обусловлено какими-либо явлениями чисто экономического характера, связанными с развитием в определенном периоде на большом пространстве новых форм хозяйственной жизни.

По типу погребений первых веков нашей эры в Литве ясно выделяются следующие культурные области: область грунтовых могильников западной Литвы, область грунтовых могильников средней Литвы, область курганных могильников северной Литвы, область курганных могильников восточной Литвы и область каменных могил юго-западной

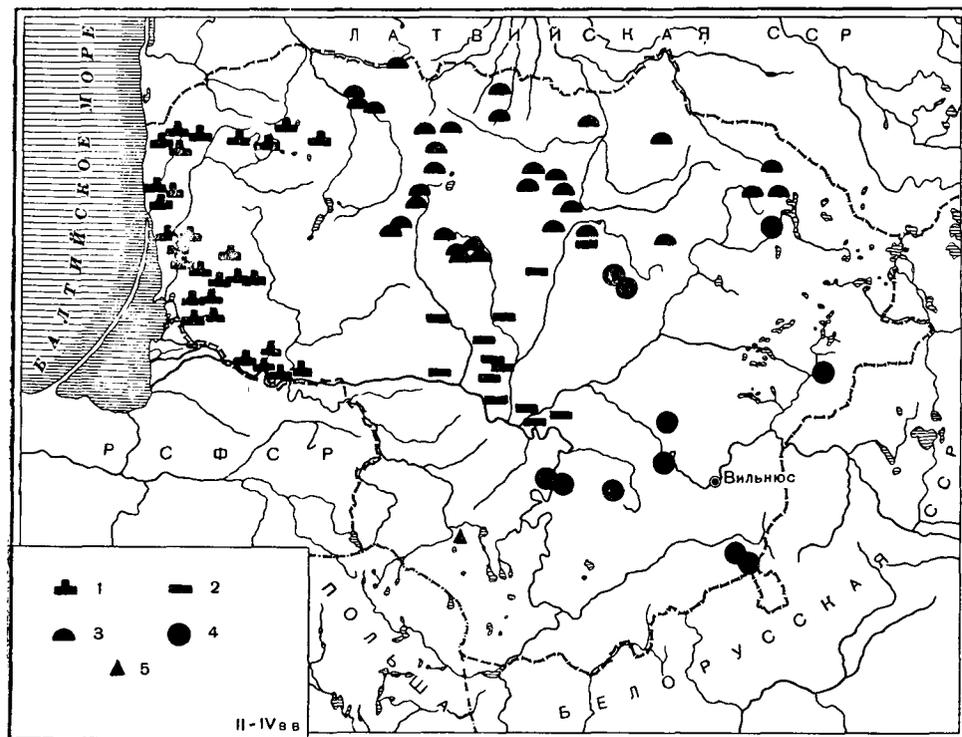

Рис. 2. Распространение типов погребений II—IV вв. в Литве

Литвы⁸. По наружному виду памятники погребений отдельных областей кажутся сходными, но они значительно разнятся внутренним устройством и инвентарем.

Первая область (западной Литвы) занимает побережье Балтийского моря и устья Немана (см. карты, рис. 2, 5, 8). В этой области распространены грунтовые погребения, обложенные каменным венцом (на картах знак «1») на глубине 10—30 см от поверхности земли. Могила — размером 3 × 2 м, почти четырехугольная в плане. Погребения без каменных венцов встречаются редко и не характерны для данной области. Но можно предположить, что каменные венцы были разрушены, в особенности, если они выступали из земли и мешали земледельческим работам, или же были разобраны на постройки.

Каменные венцы соорудили, повидимому, на поверхности земли, насыпанной над погребением, так как само погребение чаще всего распо-

⁸ M. Alseikaitė-Gimbutienė, *Kapų tipai Lietuvoje pristoriniais laikais, «Gimtasai Kraštas», Siauliai, 1943, № 31, стр. 1—30; Р. Куликаускаене, Погребальные памятники Литвы конца I—начала II тысячелетия нашей эры КСИИМК, X, 1952, стр. 108—122.*

лагалось глубже. Венцы состояли из камней иногда до 80 см в диаметре, уложенных впритык один к другому. Повидимому, ранние погребения имели круглые каменные венцы. Такие венцы обнаружены в селениях Сенкай (Кретингский район), Режате (Салантайский район), Рудайчяй (Клайпедский район). В других могильниках каменные венцы четырехугольной формы. Характерно, что в этой области до нашей эры встречаются также курганные погребения с соприкасающимися каменными венцами (с. Курмайчяй Кретингского района)⁹. Особенно правильную прямоугольную форму каменные венцы получили в V—IV вв. Могилы расположены рядами (с. Тубаусяй Кретингского района, Режате Салантайского района). Каменные венцы соединяют отдельные могилы и их ряды. Встречаются и двойные погребения, окруженные общим каменным венцом (с. Тубаусяй Кретингского района).

Наиболее характерные каменные венцы наблюдаются в V—VI вв. Погребения IX—XIII вв. венцов не имеют. Дальнейшее исследование погребений двух промежуточных веков позволит проследить эволюцию погребений этого типа. Однако и в настоящее время имеются некоторые данные, показывающие, что позднейшие погребения повторяют более ранние. Так, еще в X в. изредка встречались каменные венцы. Таков могильник Гинтелишке (Салантайский район). Погребение № 9, находящееся почти в середине могильника, окружено четырехугольным каменным венцом. Аналогичное погребение № 1 было обнаружено и в Имбаре (Салантайский район). Другой особенностью, связывающей эти погребения с ранними, является своеобразное расположение захоронений. Если раньше этого требовали каменные венцы, то позднее оно сохранилось лишь по традиции.

Около XI в. в этой области начинает распространяться обряд трупосожжения. В некоторых могильниках обнаружены погребения с труположением и трупосожжением (Гинтелишке и Лайвьяй Салантайского района, Димитрава Кретингского района, Рудайчяй Клайпедского района). Сначала при трупосожжении погребение производилось в таких же продолговатых ямах, позднее сожженные кости и инвентарь стали складывать в небольшие гробы и, наконец, в ямки. В ранних памятниках погребения с трупосожжением (Гинтелишке и Лайвьяй Салантайского района; Лаздининкай Кретингского района) сожженные кости рассыпаны по всей длине гроба, а весь инвентарь разложен в определенном порядке. Кости еще полностью выбирали из костра. Это показывает постепенную эволюцию от старых обрядов к новым. Дальнейшее развитие погребений с трупосожжением можно проследить по могильнику Яздай (Кретингский район), где сожженные кости погребены в небольших (60 × 30 см) гробах. Такие погребения обнаружены в Линкунай (Калининградская обл.), Рямучяй и Андуляй (Клайпедский район). Таким образом, появившийся в IX в. наряду с труположением обряд трупосожжения в течение двух столетий распространился по всей западной Литве. В XI в. старый обряд труположения уже исчезает.

Определенная преемственность прослеживается и в расположении погребального инвентаря, который, как и в других областях Литвы, отличается характерными для отдельных периодов особенностями: в первых веках н. э. в погребениях встречается много земледельческих орудий труда (подсечное земледелие периода расцвета родового строя), в IV—VI вв. — много оружия (распад родового строя, военная демократия) и т. д.

Отличительной особенностью погребений западной Литвы является их ориентировка. Умерших обычно погребали головами на северо-запад, чаще всего в направлении 330° (Курмайчяй, Лаздининкай Кретингского

⁹ Дневники археологических раскопок и находки, хранящиеся в Каунасском художественном музее им. М. К. Чюрниониса.

района). Типы сопровождающего инвентаря и расположение вещей в определенном порядке также отличают эту область от других областей Литвы. Из оружия для погребений этой области характерны втульчатые наконечники копий, втульчатые топоры, лезвия которых позднее становятся широкими; они встречаются даже в могильниках X в. (Гуоделяй Седаского района), тогда как в средней Литве к этому времени они уже исчезли. И

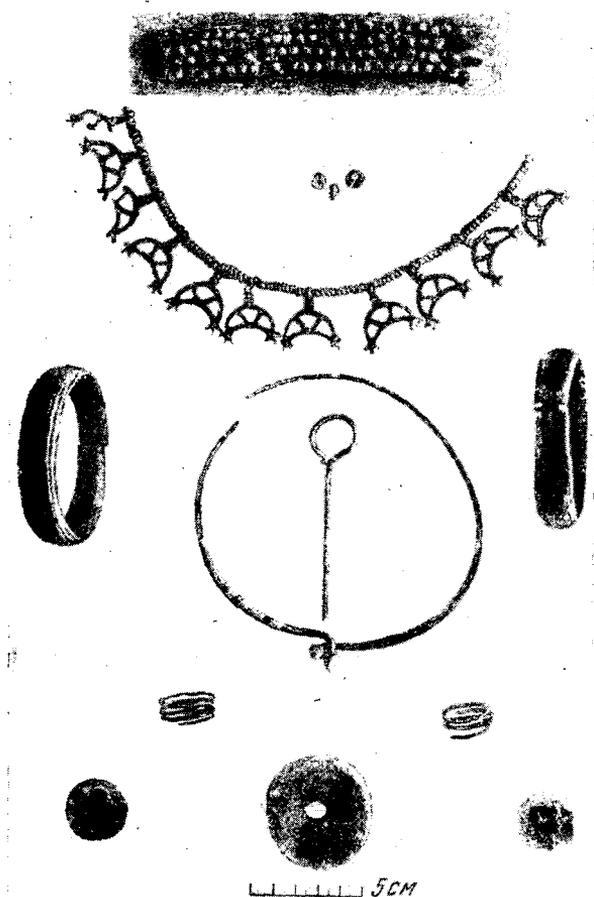

Рис. 3. Инвентарь погребения № 8, Курмайчай (Кре-
тингский район)

земледельческих орудий распространены косы, которые в восточной Литве встречаются редко (там более употребительны были серпы). Из характерных ранних (III—IV вв.) украшений (рис. 3) найдены выпуклые браслеты с глазчатым и шнуровым орнаментом и плоские пластинчатые браслеты с текстильным орнаментом. Для этой области характерны также ажурные нагрудные украшения, особые шапочки и перекладчатые фибулы так называемого клайпедского типа. В погребениях часто встречаются римские монеты. Позднее распространились булавки с розетками и жезловидные булавки с большими головками. Для погребений V—VIII вв. особенно характерны крупные кольчатые фибулы и фибулы с звездчатыми ножками. Общими для этой области и средней Литвы являются фибулы с лопаточной ножкой, коробочные шейные гривны и браслеты с утолщенными концами. В VIII—XI вв. возник свое-

образный тип арбалетных «звериных» фибул, наиболее характерный для южной части области.

В XI—XII вв. край стал особенно богатым, что было несомненно связано с проложением торговых путей, которые соединили литовское при море с различными странами. Однако импортные изделия в погребениях встречаются редко. Зато много местных изделий прежних форм, причем они стали очень крупными. Характерны неправильного профиля браслеты массового производства. Часто встречаются большие широкие кольчатые фибулы, а также громадные фибулы со «звериными» ножками и сплюснутые арбалетные перекладчатые фибулы, украшенные зернью. Необходимо также отметить витые шейные гривны, которые иногда встречаются по нескольку в одном погребении, и спиральные шейные гривны из нескольких витков. Особенно характерны шейные гривны, витые из бронзовой и железной проволоки. Распространены также бусы из синего стекла с ребристой поверхностью, нанизанные на проволоку и как бы составляющие шейную гривну.

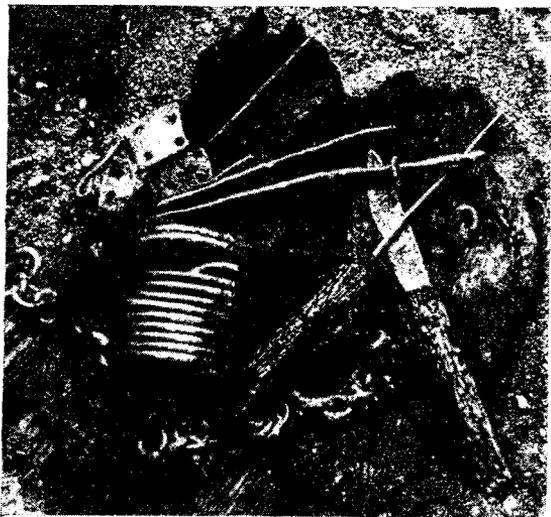

Рис. 4. Миниатюрный ткацкий набор из Яздай (Кретингский район)

В женских погребениях найдены комплекты миниатюрных приборов для тканья поясов при помощи дощечек (рис. 4)¹⁰. Начиная с первых веков н. э., вплоть до периода возникновения письменной истории, в погребения клали миниатюрные топорики и глиняные сосудики высотой 3—7 см, помещая их близ головы. Параллелей им не найдено ни в одной соседней стране. Около X в. вместо сосудиков клали рога для питья, украшенные бронзой оковкой.

Многие черты погребений этой области связывают ее со средней Литвой, а также с Калининградской областью. Со средней Литвой ее роднят погребения с труположением, а с Калининградской областью венцы, окружающие погребение. Та же двойственность прослеживается и в изделиях, в особенности в формах украшений. Булавки чаще всего имеют черты, характерные для средней Литвы, но фибулы родственны фибулам Калининградской области.

Кто же жил в этой области?

В письменных источниках уже в IX в. в самой северной части Литвы и юго-западной Латвии упоминаются курши¹¹. Из переписки магистра ордена можно установить, что в середине XIII в. здесь было пять областей (повидимому, административных, но, вероятно, основа этого деления была этническая). Распространение в Латвии, которая является настоящей областью куршей, грунтовых погребений, значительно отличающихся от литовских, позволяет предполагать, что в начале и середине I в. н. э. в Литве куршей еще не было, они появились позднее и только в северной части

¹⁰ Этот способ тканья поясов хорошо известен у литовцев и других народов Прибалтики и по этнографическим данным.

¹¹ K. Būga, *Lietuvių kalbos žodynas*, Kaunas, 1925, II, стр. 89—93; A. Salys, *Die Žemaitischen Mundarten. I. Geschichte des Žemaitischen Sprachgebiets*, «Tauta ir Zodis (Epe Lituana)», VI, Kaunas, 1930, стр. 193—198.

области. В юго-западной части Литвы письменные источники упоминают племенное объединение скальвов¹². В XIII в. оно достигало болот устья Русне. Но это уже период исчезновения скальвов, так как они со

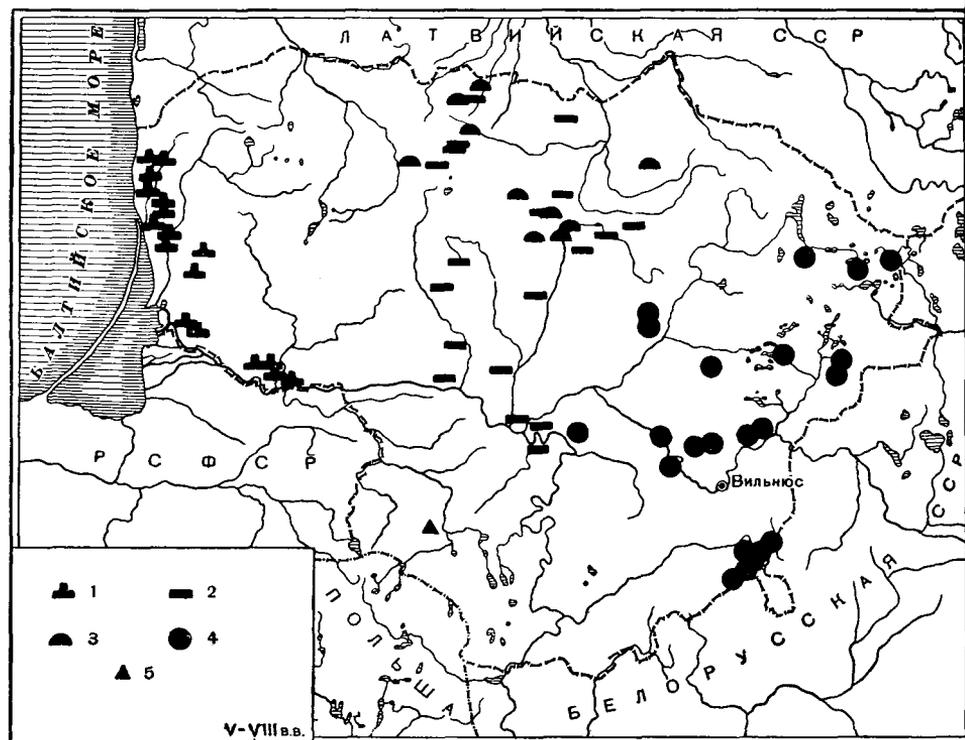

Рис. 5. Распространение типов погребений V — VIII вв. в Литве

хранились едва до середины XVI в., а потом смешались с собственно литовцами. Возможно, в более ранние времена скальвы жили на берегу моря еще далее к северу и состояли из нескольких родственных племен. Им могли принадлежать и могилы с венцами.

Рис. 6. Детские погребения, Саргенай у Каунаса

и Вершвайском (предместье Каунаса, II—VI вв. н. э.) могильниках ориентировка связана с полом умершего: мужчин хоронили головами на запад,

¹² К. Вūга, Указ. соч., стр. 69.

женщин — на восток. В позднейших погребениях этого правила строго не придерживались, и уже в V—VI вв. ориентировка была различной. В могильнике Палукнис IX—X вв. (Титувенского района), находящемся близ западной Литвы, умершие погребены головами на запад, на что, повидимому, повлияли традиции западной Литвы.

Первые погребения с трупосожжением появляются здесь наряду с трупоположением уже в V—VI вв. (Ейгуляй, предместье Каунаса). Обряд трупосожжения связывает среднюю Литву с восточной, для которой трупосожжение особенно характерно. Влияние восточной Литвы прослеживается и в том, что здесь не обнаружено такого перехода от трупоположения к трупосожжению, какое наблюдалось в западной Литве, а сразу появилось погребение с трупосожжением в ямке.

Погребальный инвентарь положен, как и в восточной Литве, отдельно, поверх костей. Встречаются ранние (V в.) погребения, обложенные несколькими довольно большими камнями (Ейгуляй). В том же могильнике найдено погребение с трупосожжением в продолговатой ямке, словно имитирующей погребение с трупоположением. В поздних погребениях не сгоревшие кости тщательно собирали и складывали в круглую ямку, но камней вокруг погребения уже не клали, хотя в могилах встречается по одному довольно большому камню рядом с погребением (Палукнис Титувенского района), что идет, повидимому, от старых погребальных традиций.

В XI—XII вв. во всей средней Литве обряд трупоположения заменяется трупосожжением. Погребения с трупосожжением здесь более однообразны, чем в западной Литве. В круглую ямку сыпаны остатки сожженных костей вместе с обожженными и сломанными украшениями и углями от костра. Умерших редко сжигали в могильной яме, чаще всего остатки кострища для трупосожжения встречаются отдельно от могильника.

Погребальный инвентарь в большинстве случаев состоит из украшений, оружия почти нет, тогда как в погребениях западной Литвы оружие в могильниках встречается в значительном количестве.

Для средней Литвы характерны конские могильники¹³, исследованные в нескольких местах (Вершвай, предместье Каунаса, Граужай Кедайнского района, Римайсай Гамигальского района; рис. 8 — знак «3»). Отдельные конские погребения, встречающиеся по всей Литве, возникли еще в первые века н. э., сплошные же конские могильники характерны только для периода раннего феодализма. Коня погребали вместе с его богатым снаряжением рядом с умершим или в отдельном могильнике.

Из характерных для этой области украшений (рис. 7) отметим спиральные височные украшения, состоящие из нескольких витков круглой проволоки. Их, повидимому, подвешивали к шапочкам. Известны и пластинчатые височные украшения с концентрическими кругами и с отверстием в середине. Обнаружены еще шейные гривны с трубчатым концом, а также с обвитым проволокой ложечным или петельчатым концом. Встречаются ожерелья из мелких стеклянных бусин, массивные браслеты полукруглого профиля, украшенные глазками и имитацией шнура, а также сильно профилированные перекладчатые фибулы. Во все периоды были широко распространены различного вида булавки для застегивания одежды (в особенности женской). В период раннего феодализма были употребительны различные подкововидные фибулы и витые шейные гривы с четырьмя конусиками на концах. Большинство изделий характерно для всей территории Литвы.

В отличие от западной Литвы здесь редко встречается миниатюрная

¹³ Р. Куликаускаене, Погребение с конями у древних литовцев, «Советская археология», XVII, 1953, стр. 211—222.

керамика и в погребениях совершенно не обнаружено миниатюрных орудий труда.

Для средней и западной Литвы характерны такие общие черты, как грунтовые погребения, камни в могилах и в особенности общая материальная культура. Поэтому границу между ними определить очень трудно можно лишь установить соотношение отдельных изделий в одной или

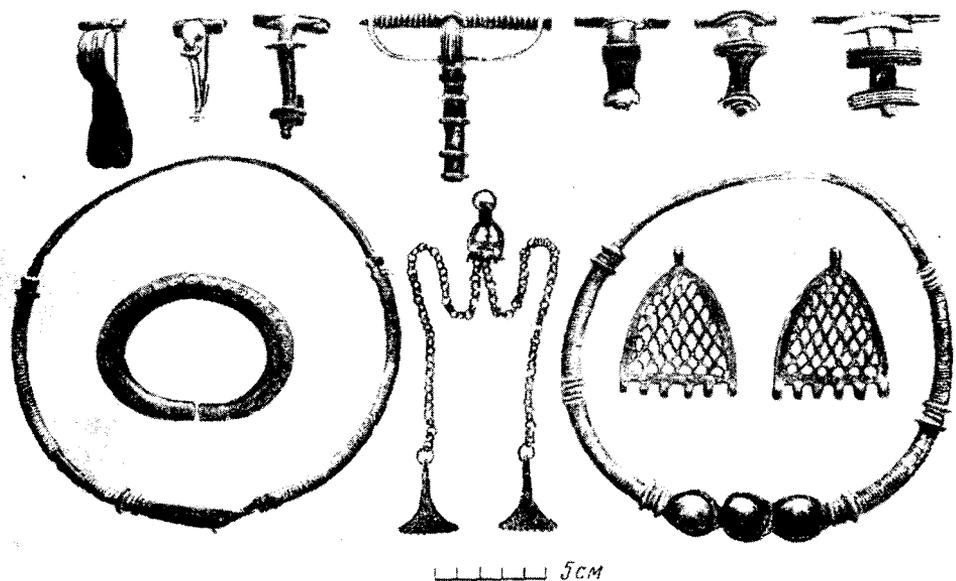

Рис. 7. Изделия II—V вв. из средней и северной части [средней Литвы]

другой области. Имеются и общие для всей области изделия. Среди них отметим особого вида втульчатый железный топор, граница распространения которого проходит приблизительно по линии Каунас—Паневежис, т. е. совпадает с границей распространения курганов восточной Литвы и грунтовых могильников. Общим является пользование косами, но в средней Литве косы в погребениях встречаются очень редко.

В исторических источниках среди населения этой области упоминаются жемайтчяй (жмудь), т. е. «жители низменности»¹⁴. По этим источникам, граница жемайтчяй в XIII—XIV вв. проходит на севере по верховьям рек Муша и Вента, на северо-западе доходит до Жаренайских озер, на юго-западе до устья Митувы, на юге до Немана, а на востоке до р. Невежис. Но уже в хрониках этого периода жемайтчяй не всегда отделяются от литовцев.

К северу от области грунтовых могильников распространены курганы, которые в начале н. э. занимают территорию районов Мажейкяй, Шяуляй, Паневежис, Биржай, а на юге распространились до районов Расейняй и Таураге (рис. 2, 5 — знак «3»). Курганы в этой области невысокие, редко выше 1 м, диаметр 5—13 м. Обыкновенно они правильной круглой формы, но бывают и овальные. Основания курганов окружены венцами из больших камней, иногда до 1 м в диаметре (рис. 9, а, б). Камни уложены в несколько рядов. Иногда встречаются каменные венцы с разрывом, повидимому, для имитации входа (Павекаяй Кельмеского рай-

¹⁴ К. В ü g а, Указ. соч., стр. 53; А. S a l y s, Указ. соч., стр. 174—177.

она). Вместе с основным венцом в некоторых погребениях Павекай обнаружены и отдельные камни, а также сложенные из меньших камней полу-венцы, которые сооружались одновременно с основным венцом. Кроме венцов, камней в курганах не встречается.

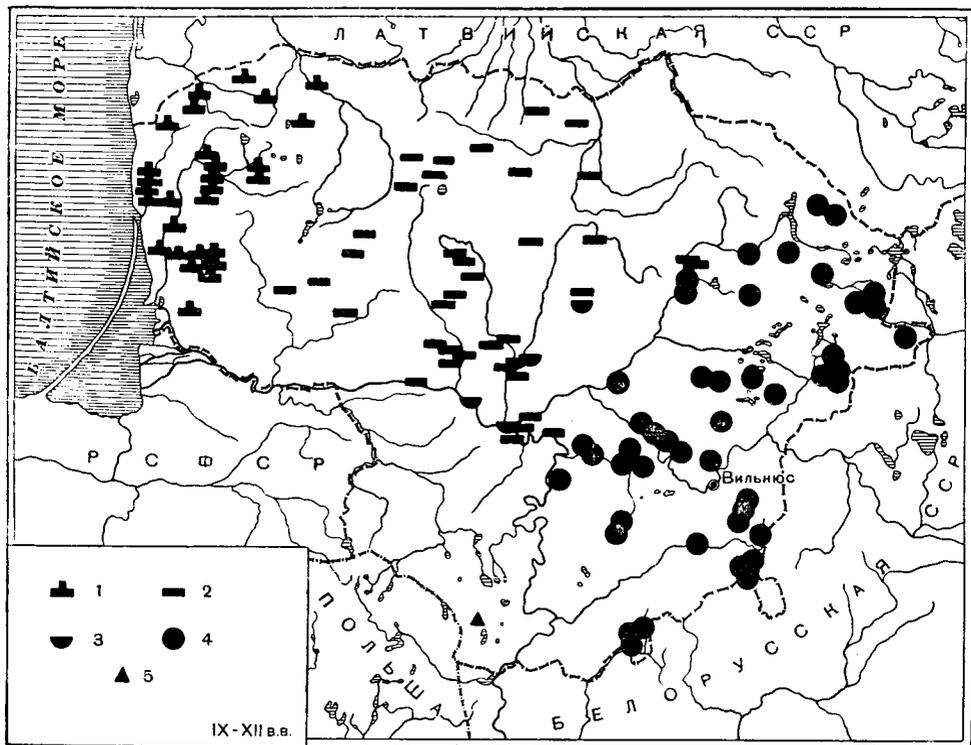

Рис. 8. Распространение типов погребений IX—XII вв. в Литве

В курганах обнаруживается по 2, 3 и даже по 8 погребений. Первое, основное погребение находится в середине кургана на поверхности земли, другие расположены в насыпи. В некоторых местах отчетливо видно, что с каждым новым погребением насыпь кургана увеличивалась. Встречаются группы курганов, в которых каменные венцы соприкасаются (Виздяргяй Куршенского района). Этим они напоминают курганы западной Литвы последних веков до н. э. (Курмайчайские курганы Кретингского района).

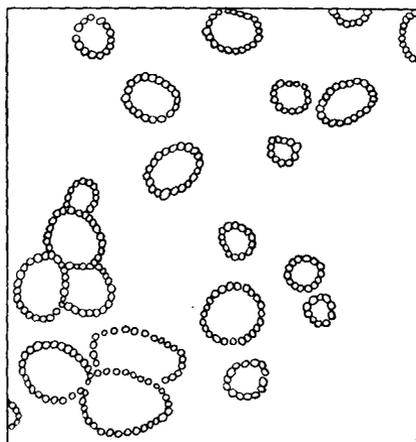
Ориентировка погребений строго не выдерживается, но чаще всего умерших хоронили головами на запад, северо-запад и север. Если в ранних курганах умерших погребали в насыпи курганов, то уже с IV в. начали хоронить в ямах под насыпью (Гибайчяй Шяуляйского района).

Структура отдельных погребений очень близка грунтовым погребениям средней Литвы. У головы и ног тоже клали по два камня. Традиция класть камни в погребения сохранилась здесь до V в., т. е. до того времени, когда исчез обычай насыпать курганы.

Инвентарь в погребениях клали без соблюдения одинакового порядка. В некоторых погребениях встречаются рога для питья. Оружия в погребениях мало. Вообще погребения значительно беднее, чем в западной Литве. Но социальные различия, судя по количеству погребального инвентаря, здесь проявлялись весьма резко.

Из погребального инвентаря для этой области, так же как для грунтовых погребений соседней Латвии, характерны шейные гривны с трубо-видными концами, особой формы подвески, нагрудные украшения из не-

больших пластинок и другие. Вообще обряд погребений и погребальный инвентарь очень близки области грунтовых погребений средней Литвы с которыми после исчезновения курганов они окончательно сливаются.

а

б

Рис. 9. а — часть плана курганного могильника, Виздяргяй (Куршеский район);
б — курган после снятия насыпи, Павекайяй (Куршеский район)

Можно предполагать, что в этой области проживало какое-то отдельное племенное объединение жемайтчяй, которое довольно рано утратило свои специфические черты.

В соседней области Латвии — Земгала — встречаются такие же курганы, которые позднее исчезают. В материальной культуре этой области, обнимающей среднюю Латвию и среднюю Литву, уже с начала н. э. можно выделить три различные этнические группы. Какие это были этнические объединения, для того времени решить трудно. Однако ясно, что северная часть составляла самостоятельное этническое объединение жемгаляй (земгалы), а южная влилась в этническое объединение жемайтчяй.

На востоке Литвы в продолжение II—XIII вв. господствующей формой погребения были курганы¹⁵ (см. рис. 2, 5, 8 — знак «4»). В первые века н. э. здесь, как и в других областях Литвы, был распространен обряд трупоположения. Исследованных курганов этого периода очень мало, поэтому обобщающие замечания о погребениях могут быть неточными.

Были ли в начале нашей эры в этой области грунтовые могильники, пока неясно, так как относящиеся к ним материалы в большинстве случаев представляют собой случайные находки. В некоторых местах за грунтовые могильники могли быть приняты разрушенные невысокие курганы. Рядом с грунтовыми могильниками с начала н. э. стали появляться курганы с трупоположением.

По материалам, относящимся к III в., курганные насыпи были диаметром от 7 до 12, иногда до 17 м и высотой до 0,5—1 м. Основания курганов окружали каменными венцами и окапывали неглубокими канавами. Чаще всего в курганах обнаруживается по два или несколько погребений, но меньше, чем в курганах средней Литвы. Для восточной Литвы характерны погребения в яме под насыпью. Большинство погребений обнаруживается на глубине 60 см. Погребали головой на запад, а в западной части области в различных направлениях.

В южных районах умерших стали сжигать уже с IV в., в северных же и в восточных районах обряд трупоположения сохранялся до V—VI вв. В юго-восточной части Литвы (в Эйшишкском и Варенском районах) курганы, относящиеся ко второй половине первого тысячелетия н. э., сплошь сложены из камней или из камней и земли. Такие курганы особенно характерны для западной части бассейна р. Меркис, но встречаются и в других местах рядом с обыкновенными курганами.

В ранних погребениях с трупосожжением (V—VI вв.) остатки костей из костров полностью выбирала. Слегка обожженные или совсем необожженные предметы погребального инвентаря клали поверх костей. В некоторых курганах ранние погребения с трупосожжением найдены в ямах. Позже начали погребать на поверхности земли — на тонких слоях песка, гравия или угольного слоя. Трупы сжигали отдельно. Позднейшие погребения производились в насыпи курганов, однако в каждом кургане обнаруживается не больше двух-трех погребений.

В последней четверти первого тысячелетия н. э. каменные венцы укладывали редко, только в отдельных случаях они сохранялись до VIII—X вв. Позднейшие курганы в виде усеченного конуса каменных венцов уже не имеют.

Наряду с круглыми курганами встречаются продолговатые и даже четырехугольные. Некоторые курганы имеют в диаметре 20 м, но по высоте не превышают 1,5 м. Чаще всего в кургане этого периода одно погребение. Сожженные кости перемешаны с углями, золой и инвентарем и рассыпаны на большом пространстве, видимо, на месте сожжения. Изделия обожжены, разломаны. Миниатюрных изделий не встречается.

Меньшую часть погребального инвентаря составляют орудия труда. Среди них встречаются серпы и топоры с узким лезвием, а позднее, начиная с X в., с широким. Топоры с узким лезвием — проушного типа, втульчатых найдено только два и то на границе со средней Литвой. В это же время в западной части Литвы большое распространение имели втульчатые железные топоры с узким лезвием.

Характерны для этой области серпы с отогнутым концом, которые сохранились приблизительно до IX в., когда их сменили, тоже характерные только для этой области, зубчатые серпы.

¹⁵ А. Таутавичиус, Указ. соч.

Для восточной Литвы характерны и наконечники копий с зубцами на пере, появившиеся во второй половине первого тысячелетия. Из других видов оружия отметим своеобразной формы умбоны щитов, встречающиеся во всех периодах.

Наряду с типичными для всей Литвы украшениями — такими, как конические шейные гривны III—V вв., ложечные гривны, различные фибулы (с согнутой ножкой, кольчатые), — встречаются и своеобразные формы. Булавки для застегивания одежды здесь не употреблялись.

В IV—V вв. производство железа в этой области достигло такого высокого уровня, что из него изготовлялись и украшения, например арбалетные фибулы с высокой узкой дужкой, а позднее небольшие арбалетные фибулы с тордированной дужкой и короткой ножкой. Из бронзовых изделий в погребениях с трупосожжением обнаружены височные украшения из проволоки круглого или ромбического сечения в виде колец с утончающимися, немного заходящими концами. Они появились в IV в. и сохранялись в продолжение долгого времени. Характерным местным украшением являются подкововидные фибулы и подвески с эмалью (рис. 10, а). В VII—X вв. были распространены характерные для племен Латвии и северной Литвы шейные гривны с седловидными, а также с плоскими заходящими концами (рис. 10, б).

Для второго тысячелетия н. э. характерны красивые орнаментированные пластинки для украшения одежды. Распространение этого специфического украшения полностью совпадает с границами распространения курганов восточной Литвы.

В восточной Литве, как и в других областях страны, в V—VIII вв. конских погребений еще очень мало. Большинство их относится к IX—XIII вв. Характерно, что в этой области наряду с несожженными конскими трупами встречаются сожженные. В исторических источниках отмечено, что князь Кестутис и Алгирдас были сожжены вместе с конями. Эти князья погребены как раз в восточной Литве (Кестутис в Вильнюсе, а Алгирдас в Майшегала Вильнюсского района). Для этой области характерно, что в погребения клады конские зубы.

Область восточной Литвы имела связь с культурными областями средней и юго-западной Литвы, что подтверждается распространением многих характерных для всей Литвы украшений и орудий. Особенно ясно культурное объединение прослеживается в начале второго тысячелетия, когда по всей Литве распространился обряд трупосожжения. Со средней Литвой эту область объединяет и появление грунтовых могильников. Связью со средней Литвой объясняется и распространение конских погребений. Вообще культурное объединение всех областей Литвы связано с формированием в то время литовской народности¹⁶. Из юго-западной области в восточную Литву пришел обычай трупосожжения, появившийся сначала в ее юго-западных районах. Кроме того, в этих районах наряду с обыкновенными курганами встречаются и курганы, сложенные из камней.

Граница распространения курганов восточной Литвы на севере проходит через районы Дукштас и Зарасай, на северо-западе доходит до р. Швентой (Свенты), на западе идет через Укмергский район и районы Кайшядорис и Алитус по р. Неману. На юге курганы этого типа встречаются в Шальчининкском, Эйшишкском и Варенском районах. Восточные границы пока неясны, но погребения с трупосожжением VII—IX вв. и погребальным инвентарем балтов прослеживаются до линии оборонных русских замков XII—XIII вв.: Новогрудок — Минск — Заславль — Логойск, а к северо-востоку почти до Полоцка.

¹⁶ R. Volkaitė-Kulikauskienė, Medžiaginė Lietuvos gyventojų kultūra IX—XII amžiuje, remiantis tyrinėtų laidojimo paminklų duomenimis, Vilnius, 1950 (Диссертация, архив Ин-та истории и права АН ЛССР).

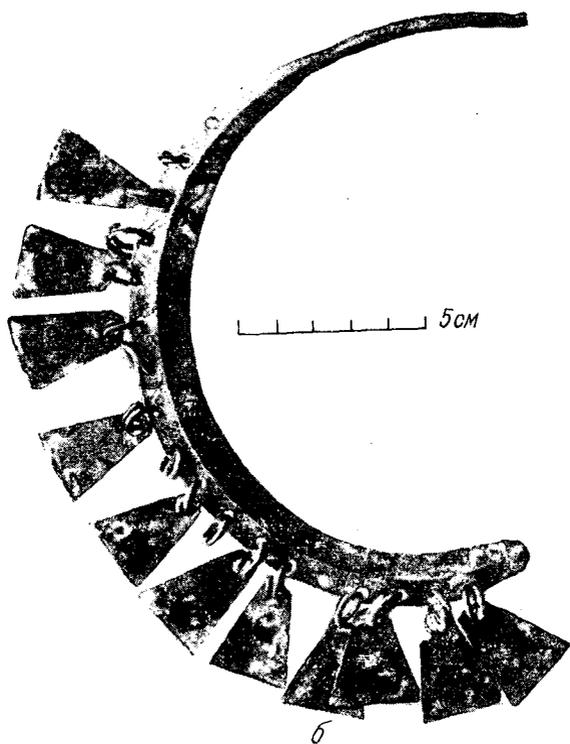
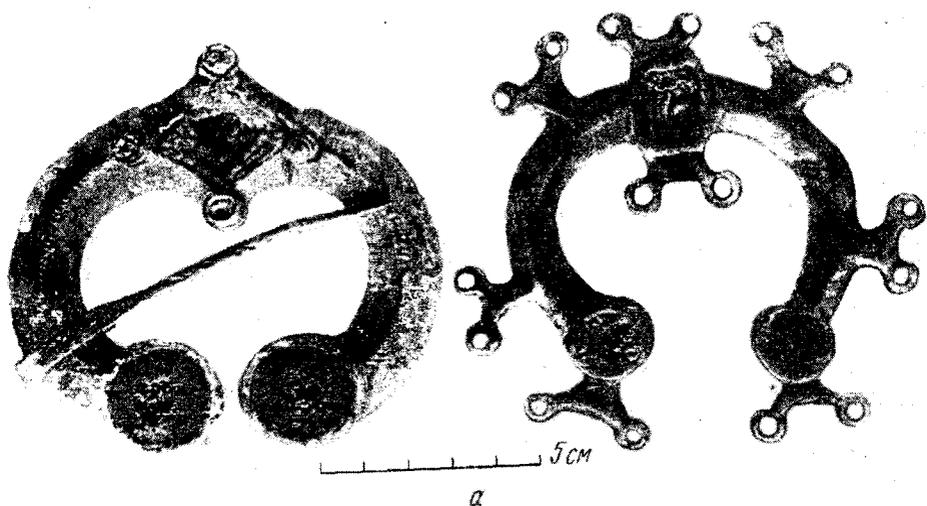

Рис. 10. *а* — эмалированные изделия из восточной Литвы; *б* — половина шейной гривы из северо-восточной Литвы

С VIII—IX вв. в курганах с грунтовыми погребениями, находящихся теперь на территории БССР, наряду с трупосожжением, встречается не большое число труположений и совершенно чужой для этой области погребенный инвентарь: филигранные бусы, стеклянные браслеты и другие украшения. Погребения с труположением, относящиеся к этому периоду, считаются славянскими.

В русских летописях начала второго тысячелетия жители восточной Литвы называются литовцами¹⁷. Упоминаемые в этих летописях названия «жмудь» — жемайтский и «литва», повидимому, обозначают наименования народностей. Но в хронике XIII в. (например, в «Рифмованной хронике» написанной около 1290 г.) при упоминании наряду с литовцами и жемайтский часто подчеркивается, что последние — те же самые литовцы. В некоторых немецких хрониках XVI в. встречается название «аукштайтский». Повидимому, так называли жемайтский своих ближайших соседей. В этот период, судя по письменным источникам, в восточной Литве различались также земли Нальшанская и Девалтовская. Их границы пока установить трудно. Несомненно, это было уже административное деление, но в основе его лежали этнические признаки. Таким образом, в восточной части Литвы, помимо литовцев, в первом тысячелетии было еще несколько племенных объединений, границы распространения которых предстоит выяснить в будущем.

В исторических источниках упоминается еще одно племенное объединение — селяй (селы)¹⁸, обитавшие в северо-восточной части Литвы (районы: Рокишкис — Зарасай — Утена). Но эти районы археологически еще мало исследованы, поэтому определить границы расселения указанного племенного объединения, входящего в общий этнический массив Литвы, пока не представляется возможным.

На юге Литвы выделяются погребения, покрытые камнями (на картах знак 5). На этой территории пока исследованы только два попорченных могильника. Сведения о других надо искать в материалах регистрации археологических памятников и в более ранних исследованиях польских и немецких археологов. Граница распространения таких могильников на западе доходит до Мазурских озер, на севере до Немана на юге до оз. Спирдинг, а на востоке и юго-востоке включает районы Сувалок и Гродно.

Во всей этой области, начиная с первых веков н. э., встречаются погребения как с труположением, так и с трупосожжением. Все могилы покрыты камнями, и погребения расположены рядом по нескольку в одной могиле. Повидимому, это семейные захоронения. По данным одного могильника Дельницы нельзя пока делать заключения о том, что в Занеманье были распространены погребения с труположением, а в южной части — с трупосожжением. Но о продолжительном распространении в Занеманье погребений с труположением свидетельствует и могильник Лепинай, относящийся к тому же периоду.

Обычай погребения с труположением объединяет эту область со средней и западной Литвой, но это больше всего относится к Занеманью. Погребения с трупосожжением в южной части области схожи с погребениями древних пруссов, которые в продолжение всего периода сжигали умерших и обкладывали погребения камнями.

В исторических источниках упоминается, что в этой области жило племенное объединение иотвингяй (ятвягов) или судувяй (судинов)¹⁹. Точные границы их расселения установить пока нельзя из-за отсутствия исследований в этой области. Заметим лишь, что подобные погребения встречаются и у рек Припять и Буг.

¹⁷ А. S a l y s, Указ. соч., стр. 174—177.

¹⁸ К. В ü g a, Указ. соч., стр. 141—149.

¹⁹ Там же, стр. 69.

О племенном объединении судавов имеются довольно ранние сведения. Уже Птолемей во II в. н. э. упоминает судавов наряду с другим племенным объединением — галиндов.

* * *

Собранные к настоящему времени археологические данные показывают, что на территории Литвы, начиная с первых веков н. э., можно очертить определенные культурные области, соответствующие крупным племенным группам. Несомненно, дальнейшие исследования дадут возможность еще более уточнить их границы и выделить внутри них локальные группы. Для большей детализации необходимо исследование большего числа памятников.

Все упомянутые в обзоре этнические группы вошли в литовскую народность, которая стала формироваться на рубеже первого и второго тысячелетий нашей эры. Поэтому данные исторических источников XIII—XIV вв. не могут отразить все те этнические группы, которые имелись в Литве в первом тысячелетии. Культурное объединение в начале второго тысячелетия прослеживается во всех областях Литвы. Это особенно ясно выражено в распространении обряда трупосожжения, возникновении грунтовых могильников в восточной Литве, увеличении числа конских погребений.

Ко времени создания письменных памятников литовская народность уже сформировалась, так как в них упоминаются чаще всего только два этнических объединения — жемайтчай (жмудь) и аукштайтчай (литва). Не без основания Витаутас, в 1420 г., в письме к римскому императору отмечает, что жемайтчай с древних времен называются литовцами. Тут же он объясняет, что земля жемайтчай находится в низине («Terra inferior»), а аукштайтчай — на высотах («quod est terra superior respectu Terrae Samagitarum»).

Отраженные в письменных памятниках племенные перегруппировки, слияния, передвижения аукштайтчай на западе и пр. происходили уже в более позднее время, в чем можно убедиться при изучении истории наречий литовского языка. Еще в настоящее время наречия могут служить показателем для установления древних культурных областей. Несомненно, прослеживание культурных областей Литвы до периода возникновения современных наречий является благодарной и интересной задачей, но она уже выходит за рамки настоящего обзора.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Т. А. ЖДАНКО

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АТЛАС СРЕДНЕЙ АЗИИ *

Работа над составлением историко-этнографических атласов отвечает современному этапу развития этнографической науки, когда для разработки обобщающих этнографических трудов стало насущной необходимостью создание прочной научной базы путем систематизации и введения в научный оборот всех накопленных этнографических материалов, восполнения пробелов в этнографической изученности разных стран и областей.

Свою главную задачу — исследование культуры и быта различных народов — советская этнография решает в историческом плане, проследив развитие культурно-бытовых явлений с древнейших этапов формирования этнических общностей. Процесс становления форм хозяйственной деятельности, культуры и быта каждого народа неразрывно связан с этногенезом, историей расселения, передвижений, обуславливающих культурно-исторические связи и влияния. Проследить этот процесс с научной достоверностью можно только основываясь на тщательно, с максимальной полнотой собранных и изученных материалах археологии и этнографии, дополненных данными этнической антропологии и языкознания.

Специфика методов этнографической науки, как и науки археологической, требует, во-первых, привлечения огромного иллюстративного материала, воспроизводящего конкретные элементы материальной культуры, которые входят в число главных объектов этнографического анализа; во-вторых, — необходимости размещения выявленных типов этнографических явлений на географической карте, что дает возможность с наибольшей точностью и плодотворностью применять сравнительно-исторический метод этнографического исследования. Поэтому для успешного развития этнографической науки необходимо издание обобщающих научных трудов не только в виде тематических монографий и серий монографий (как например, «Народы мира»), но и в виде историко-этнографических атласов, включающих альбомы рисунков, типологические таблицы и карты этнографические, археологические, антропологические, терминологические, диалектологические, приуроченные к определенным историческим периодам.

Работа над типологическими таблицами и картографирование выявляет новые важные данные для изучения таких сложных исторических

* Доклад о проекте структуры атласа на совещании по вопросам археологии и этнографии Средней Азии, состоявшемся в Москве 27—29 апреля 1955 г.

проблем, как этногенез, история производительных сил, история культуры и искусства, культурных связей между народами, история развития народностей и формирования наций.

Этим значение атласов не ограничивается. Они нужны не только историкам, но и практическим работникам в области экономического и культурного строительства. Обобщая народный опыт в области хозяйственной деятельности, зодчества, народного костюма, прикладного искусства, они помогут создать новые архитектурные ансамбли, произведения бытового прикладного искусства, типы одежды и т. д.¹

* * *

За рубежом этнографические атласы в XIX — начале XX в. составлялись в Германии, Польше, Швейцарии, Швеции и некоторых других странах. Общая черта, характеризующая эти атласы, — статичность; они показывают только географическое распространение различных этнографических явлений, не выявляя их исторического развития, закономерностей этого развития. В этих атласах нашел отражение буржуазный позитивизм, сводящий роль науки к формальному описанию фактов². Примером преодоления этого коренного недостатка можно считать работу по созданию Польского этнографического атласа, проводимую с 1953 г. Институтом материальной культуры Польской Академии наук. Польский атлас ставит задачей отобразить специфику «польской национальной культуры во всех ее разнообразных проявлениях — в эпохи феодализма, капитализма и в современную эпоху строительства социализма»³, показать региональные различия польской национальной культуры, вскрыть генезис возникновения различных этнических групп в разные периоды истории польского народа, наконец, «исследовать связи между определенными группами и диалектологической структурой польской языковой территории». В число карт вводной части включается несколько исторических: карта эпохи средневековья, «отображающая культуру по районам» (подготавливаемая совместно с археологами); карта, «реконструирующая племенные границы»; карты торговых и промышленных центров в XVI в. и другие. Как отмечает Ю. Гаек, атлас, вероятно, позволит выяснить некоторые вопросы, относящиеся к первобытной эпохе. Все это характеризует перелом в научной работе (по сравнению, например, с «Атласом польской народной культуры» Мошинского) и правильный, и с т о р и ч е с к и й подход к разработке темы.

Остановимся более подробно на этнографических атласах, над которыми ведется работа в СССР, прежде всего на подготавливаемых Институтом этнографии «Историко-этнографическом атласе Сибири» и «Русском этнографическом атласе», первый из которых уже закончен. По своему типу Сибирский и Русский атласы — разные. Один из них охватывает обширную область, населенную многими народами, из которых два (якуты и буряты) развиваются как социалистические нации. Авторский коллектив Сибирского атласа, тщательно изучив элементы культуры каждого из народов Сибири, отразил их особенности в альбомной части атласа, в сопроводительных текстах; но типологические таблицы и карты составлены по всей Сибири в целом, а не по народам. Атлас содержит две подробные этнические карты — расселения народов Сибири в XVII в. (составлена по архивным данным) и в начале XX в. (составлена по материалам пе-

¹ См. С. П. Толстов, Задачи советской этнографии, «Вопросы истории», 1954, № 11, стр. 161.

² См. П. И. Кушнер (Кнышев), Русский историко-этнографический атлас, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXII, М., 1955.

³ Ю. Гаек, О польском этнографическом атласе, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXII, 1955, стр. 54.

реписи 1926—1927 гг.). По материальной культуре разработаны тем жилище народов Сибири, одежда народов Сибири, собаководство, оленеводство, лыжи, лодки. Кроме того, в атласе имеются разделы, посвященные народному творчеству и религиозным верованиям: орнамент народов Сибири, шаманские бубны, шаманское облачение.

Атлас Сибири составлялся почти исключительно на базе вещевой музейного материала — богатейших коллекций Музея антропологии и этнографии АН СССР, отчасти Государственного музея этнографии (Ленинград) и коллекций других музеев, накопленных за более чем столетний период развития в России этнографической науки. Материал обусловлен хронологическими рамками работы. Большинство карт характеризует период XIX — начала XX в., и лишь часть тем (например, типы собаководства) удалось осветить в историческом плане, с XVIII в. Слабая археологическая изученность Сибири не дала возможности последовательно провести принцип преемственности данных археологии и этнографии по всем разделам. Вместе с тем использовалась каждая возможность углубления исследования путем археологических экскурсов. В частности, тему «Орнамент» ее автор, С. В. Иванов, удачно увязал с археологическими данными, выявив при этом наиболее архаические мотивы, восходящие к неолиту⁴.

Несмотря на большие трудности, пробелы в материале и другие недостатки, первый опыт коллектива советских сибиреведов по созданию этнографического атласа оказался очень интересным и плодотворным. На территории Сибири удалось выявить несколько историко-этнографических областей, населенных в иных случаях народами разного происхождения, культура которых, однако, в результате длительного общения приобрела ряд сходных черт. Некоторые из этих областей (Амуро-Сахалинская, Восточносибирская) территориально совпадают с «Амурской» и «Прибайкальской» неолитическими провинциями, выделенными А. П. Окладниковым на основании археологических данных. Получены многочисленные доказательства древних связей народов Восточной Сибири с Китаем, Западной Сибири — со Средней Азией. Новое освещение получили многие вопросы этногенеза. Картографирование орнамента и одежды привело к одинаковым и очень убедительным выводам о тесных культурных, возможно, и этнических связях обских угров — хантов и манси — с живущими на Северном Алтае шорцами и кумадинцами. Сходные формы орнамента и одежды, подтверждающие эту связь, распространены, кроме того, в Поволжье (башкиры, чуваша и другие) и у некоторых народов Средней Азии. Уже сейчас можно с уверенностью сказать, что материалы Сибирского атласа представляют собой огромную научную ценность и что трудно преувеличить их значение, в частности, для предстоящих работ над атласом Средней Азии.

К другому типу надо отнести «Русский этнографический атлас», посвященный не группе народов, объединенных в одну историко-культурную область, а одному крупному народу — русским. Эта тема настолько обширна, что разработка ее, очевидно, продлится не одно, а несколько пятилетий. За прошедший с начала работы четырехлетний срок коллектив авторов провел учет и изучение музейных коллекций, архивных документов и литературных источников, организовал несколько экспедиций в области, по которым ощущается наибольший пробел в материалах (в 1953 г. — в 5 областей, в 1954 г. — в 10), и заканчивает подготовку к изданию четырех разделов атласа: вводного; техники земледелия русских крестьян в XIX — начале XX в.; русского народного жилища; русской народной одежды.

Как и для Сибирского, для Русского атласа основной базой являются

⁴ См. С. В. Иванов, Орнамент народов Сибири как исторический источник, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XV, М., 1952.

музейные вещевые коллекции, датируемые преимущественно XIX — началом XX в.; кроме того, широко используются архивные материалы (Вольного экономического об-ва, Русского географического об-ва и др.) и полевой материал — бытовые до сих пор предметы, собранные сотрудниками в экспедициях.

Коллектив Русского атласа придает большое значение датировке вещей и добивается синхронности используемого материала. Им установлены три исходные даты, в соответствии с которыми разделяются все исследуемые предметы: середина XIX в. (канун отмены крепостного права), вторая половина XIX в. и первые два десятилетия XX в. Это деление тесно связано с общей исторической периодизацией и с процессом развития русской народности в русскую буржуазную нацию. Для середины XIX в. еще характерно сохранение многих областей с локальными особенностями быта, одежды, жилища, многих говоров и диалектов. К концу XIX — началу XX в. эти этнографические особенности постепенно стираются.

При составлении типологических таблиц и карт авторы атласа выясняют прежде всего главные черты форм, отражающих национальную специфику русской культуры, и территориальное распространение этих форм. Вторая их задача — уточнить границы обитания локальных групп и определить особенности культуры этого — иногда неславянского — населения, полностью или отчасти слившегося с великорусской народностью в процессе ее консолидации в нацию. Таким образом, по своим задачам Русский атлас отличается от Сибирского главным образом тем, что он изучает этнические процессы, характерные для другого этапа этнической истории, — не столько этногенеза и процесса формирования народности (археологический материал исследователями не привлекается), сколько развития народности в нацию. Это не исключает отдельных этногенетических экскурсов, оказавшихся неизбежными, в особенности при изучении одежды⁵, однако не идущих глубже XVII—XVIII вв.

В 1954 г. Президиум АН СССР в своем решении по итогам объединенной научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, состоявшейся в Ташкенте в январе — феврале 1954 г., рекомендовал Институту этнографии приступить к разработке историко-этнографического атласа Средней Азии. Этот обобщающий труд должен помочь в решении ряда исторических проблем, разработка которых пока еще упирается в недостаточную изученность фактического материала, в частности в области этнической истории и истории культуры народов Средней Азии и Казахстана. Работа по составлению атласа включена в государственный план Института этнографии на 1955—1960 гг. и будет продолжена в следующем пятилетии. Успешное выполнение этого большого и сложного научного мероприятия возможно лишь при условии совместной работы Института этнографии — с одной стороны, с Институтом истории материальной культуры и Институтом языкознания АН СССР, а также с музеями Москвы и Ленинграда, с другой стороны, — с институтами истории, археологии и этнографии Академий наук среднеазиатских республик, местными музеями и другими научными учреждениями Средней Азии. При составлении атласа должен быть учтен, конечно, опыт авторских коллективов Сибирского и Русского атласов.

Источники для историко-этнографического атласа Средней Азии обильны; они накапливались в течение длительного периода тесных связей народов Средней Азии и Казахстана с Россией, сохранились в богатейших собраниях восточных рукописей и приобрели характер массового этнографического материала со второй половины XIX в., после присоеди-

⁵ См. Г. С. Маслова, Опыт составления карт распространения русской народной одежды, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXII, 1955.

нения Средней Азии к России. Однако эти источники далеко не полностью учтены и не систематизированы. При подготовке атласа предстоит, по существу, создать историю этнографического изучения Средней Азии и Казахстана, учесть и изучить музейные коллекции хранилищ Москвы, Ленинграда и среднеазиатских республик. Эта работа уже начата, и можно полагать, что при содействии и участии работников музеев в ближайшие годы будут выявлены и войдут в научный оборот богатейшие коллекции Музея антропологии и этнографии АН СССР, Гос. Музея этнографии народов СССР в Ленинграде, бывшего Музея народов СССР, почти совершенно не известные еще этнографам сокровищницы ташкентских музеев истории и искусствознания, Самаркандского, Ферганского, Хивинского и других музеев Узбекистана, музеев Таджикистана, Казахстана, Туркмении, Киргизии. Эти коллекции, поступившие в музеи преимущественно в конце XIX — начале XX в. и в годы Советской власти (главным образом в 1920—1930-х гг.), до сих пор мало публиковались и почти не использовались для сравнительного историко-этнографического анализа и научных обобщений. Необходимо взять эти коллекции на учет, выделить хронологические комплексы, провести научное описание, фотографирование и зарисовку части предметов для подготовки материала к составлению типологических таблиц. Наряду с вещевыми коллекциями в музеях следует учесть имеющие научную ценность картины, рисунки фотографии.

По примеру коллектива Русского атласа предстоит изучить и основные архивные источники, отражающие различные стороны народной жизни: хозяйство, материальную культуру, семейный быт, обычаи, верования, народное творчество. В первую очередь следует уделить внимание архивам, дающим массовый и синхронный материал по разным областям Средней Азии, — таким, как архивы Русского географического общества, Переселенческого управления, областные архивы статистических комитетов Туркестанского генерал-губернаторства и другие. Материалы, собираемые по областям и уездам, лягут на карту и создадут необходимую основу для многих тем атласа (например, сельское хозяйство, ремесло, жилище и другие). Не менее важным источником явятся рукописные научные архивы Академий наук среднеазиатских республик, где сосредоточены материалы многих этнографических и фольклорных экспедиций дореволюционного и советского времени. Далее, необходимо будет тщательно собрать весь литературный материал, использовав громадное количество статей периодической печати, «Туркестанский сборник» и опубликованные архивы. В процессе этой работы могут готовиться сборники материалов к этнографическому атласу Средней Азии, дополненные извлечениями из архивов, и тематические библиографические указатели по этнографии народов Средней Азии (например, по жилищу, одежде, прикладному искусству). Наконец, следует по возможности полно собрать картографический материал, отражающий расселение народов и племен Средней Азии. Как известно, карты со сведениями такого рода имелись уже в средние века. Разумеется, необходима будет и научная интерпретация этих карт, в силу тех или иных причин подчас искажавших картину расселения.

По мере подготовки материалов для атласа будут выявляться наиболее существенные пробелы, возникшие из-за неравномерной изученности Средней Азии. В наиболее слабо изученные этнографами районы нужно будет направить этнографические экспедиции и отряды, подобно тому, как это практикует коллектив Русского атласа. Большую подготовительную работу по подбору и систематизации археологического материала для атласа предстоит провести также и археологам. Есть все основания рассчитывать, что планомерная, организованная концентрация накопленного наукой этнографического материала позволит на должной теоретической высоте осуществить работу по составлению Среднеазиатского

историко-этнографического атласа и довести его хронологически в первую очередь до периода кануна Великой Октябрьской социалистической революции. На этой основе в дальнейшем будут строиться разделы, посвященные этнографии советского периода. В настоящее время материала для этих разделов еще недостаточно, хотя он собирается почти всеми этнографическими экспедициями Института этнографии АН СССР и Академий наук республик Средней Азии.

Учитывая опыт построения Сибирского и Русского атласов, особенно задачи и структуры каждого из них, мы должны придти к заключению, что для Среднеазиатского атласа необходимо сочетание обоих этих типов. Действительно, Средняя Азия представляет собой обширную, слагающуюся на протяжении нескольких тысячелетий историко-культурную область, население которой всегда поддерживало между собой оживленные и всесторонние связи. Взаимовлияние и взаимопроникновение этнических и культурных элементов здесь достигало большой силы. Общеизвестно, что этнические связи племен и народов Средней Азии, восходящие еще к эпохе первобытности — неолиту и бронзе, продолжались на протяжении всей их дальнейшей истории. Этот процесс непрерывного и активного этнического взаимодействия особенно ярко вскрыт в результате археологических изысканий, проведенных в годы Советской власти. Они охватили почти всю территорию среднеазиатских республик и дали возможность восстановить характерные особенности этнического облика и культуры племен и народов древности и раннего средневековья. Данные археологии и палеантропологии подтверждаются историко-этнографическими исследованиями (изучение родоплеменного состава, исторических преданий), которые ведутся, в частности, двумя большими археолого-этнографическими экспедициями Академии наук СССР — Хорезмской и Киргизской. Не менее тесными (во всяком случае — более тесными, чем в Сибири, где в силу природных условий существовала большая изолированность отдельных групп) были хозяйственные и культурные связи между народами Средней Азии на протяжении многих веков их совместного развития. Новые археологические и этнографические материалы свидетельствуют, вопреки прежнему взглядам, что эти связи были чрезвычайно сильны не только между населением земледельческих оазисов, но также и между земледельцами и соседними кочевниками-скотоводами степей Приаралья и Прикаспия.

Этническая, хозяйственная, культурная близость населения Средней Азии, бесспорно, должна быть отражена в историко-этнографическом атласе. Первая часть его должна быть построена в плане Сибирского атласа, причем большая археологическая изученность Средней Азии по сравнению с Сибирью дает возможность более углубленно отразить ранние этапы этногенеза и историко-культурную тематику. С другой стороны, поскольку население Средней Азии представляет собой сейчас шесть крупных социалистических наций, а в дореволюционное время на ее территории уже оформились крупные народности, консолидацию которых в буржуазные нации задерживали главным образом условия колониального режима, в Среднеазиатском атласе нельзя ограничиться только общей для всех народов частью, а необходимо разработать и разделы, характеризующие, подобно Русскому атласу, специфические национальные особенности каждого из шести народов. Следовательно, в основу структуры Среднеазиатского атласа надо положить деление его на две части: 1) общая часть — атлас Средней Азии и Казахстана и 2) региональная часть — атласы узбекского народа, киргизского народа и т. д.

Первая часть будет содержать вступительные статьи и основной археологический материал:

а) карты расселения племен и народов с древнейших времен до средневековья, составленные на основе археологических и палеантропо-

логических данных, а для позднейших периодов — на основе исторических и этнографических данных;

б) карты языковых групп;

в) археологические карты, альбомы и типологические таблицы, характеризующие хозяйство, быт и культуру племен и народов древности средневековья;

г) построенные по принципу исторической преемственности с археологическими этнографические карты, альбомы и типологические таблицы посвященные отдельным темам: 1) земледелие; 2) ирригация; 3) животноводство; 4) охота; 5) рыболовство; 6) ремесла и промыслы; 7) поселения; 8) жилища; 9) одежда и украшения; 10) транспортные средства; 11) утварь; 12) пища; 13) семейные обычаи; 14) верования и обряды; 15) прикладное изобразительное искусство; 16) орнамент; 17) музыкальное творчество и др.

Список тем можно расширить, но для начала работы следует, наоборот, ограничить его и избрать те темы, которые нужно разрабатывать первую очередь. На примере Сибирского и Русского атласов можно видеть, что наиболее целесообразно начать с разработки тем, связанных с хозяйством, жилищем, одеждой, а из области духовной культуры наиболее важны и актуальны темы «Верования», «Прикладное изобразительное искусство» и «Орнамент».

Разработка каждой из тем должна составить особый раздел или выпуск, в который войдут: краткий очерк по теме, альбом иллюстраций, типологические таблицы и серия карт. В итоге на карте, охватывающей Среднюю Азию и Казахстан в целом, выявятся, очевидно, как это произошло и в атласе Сибири, элементы культуры, общие для всех народов Средней Азии, территории со специфическими комплексами культуры совпадающие с территориями расселения определенных народов, и территории со сходными, близкими комплексами культуры, но не совпадающие с расселением отдельных народов, т. е. очертания историко-этнографических областей, время сложения которых поможет определить археологический материал; последний, вероятно, ляжет на карты в этих районах также определенными комплексами. Уже заранее можно предугадать, что в число таких областей войдут Хорезмский оазис, Бухара, Ферганская долина и другие. В последней и сейчас некоторые черты культуры узбекского, таджикского, каракалпакского населения имеют между собой больше сходства, чем, например, у узбеков Ферганы и Кашка-Дарьи или Бухары и Хорезма. При разработке этой части атласа надо сомкнуть археологический материал с этнографическим на рубеже позднего средневековья (XVI—XVII вв.), что потребует от археологов большего внимания к раскопкам памятников этой эпохи, пока еще очень мало изученных.

Но и современное состояние источников, в особенности в свете докладов о новейших исследованиях, заслушанных на отчетно-экспедиционной сессии 1955 г.⁶ и на совещании археологов и этнографов Средней Азии позволяет предугадать большой научный интерес работы над целым рядом типологических таблиц и историко-этнографических карт. Так, можно уже класть на карту Средней Азии большой новый материал по родоплеменному составу тюркских народностей Средней Азии. За последние годы этнографами Туркмении, Каракалпакии, Киргизии, Узбекистана проделана очень большая работа по этой теме, весьма важной для изучения этногенеза. Заново в историческом плане изучен родоплеменный состав и многих соседних со Средней Азией тюркских народов (Саяно-Алтайского нагорья, Башкирии), что расширяет возможности научных сопоставлений и исследований. К сожалению, на обширной территории Казахстана эта работа еще до сих пор не осуществлена. Картографирова-

⁶ Отчет о сессии см. ниже, раздел «Хроника».

ние и выявление типологии генеалогических структур должны дать плодотворные результаты и для изучения вопросов истории общественного строя, поскольку характер родоплеменной структуры имеет непосредственную связь с типом аульных кочевых и полукочевых территориальных общин народов Средней Азии в XIX — начале XX в.

Не менее плодотворной может стать уже в ближайшее время разработка для атласа темы «Ирригация». Необходимо положить на карту не только древние и средневековые ирригационные системы, изучавшиеся археологами в Хорезме, Бухарском оазисе, Ферганской долине, Туркмении, но и этнографические материалы по этой теме — распространение в XIX — начале XX в. разных типов орошения (в частности, — лиманного), типов оросительных систем, водоподъемных сооружений, устройств для регулирования водопользования, типов мелкой оросительной сети, планировки полей для полива различных культур и т. д. Сводка и обобщение этих данных, с одной стороны, будут способствовать осмыслению археологического материала и восстановлению истории среднеазиатской ирригации, а с другой стороны, помогут изучению общественного строя народов Средней Азии, выяснению характера земельно-водных, сельских общин.

Большой материал, как этнографический, так и археологический, накоплен уже для темы «Поселения и жилища». Для некоторых областей (Хорезм, Туркмения) есть возможность выявить процесс развития поселений и жилищ с древнейших времен до настоящего времени; здесь изучаются археологами (Хорезмской и Южно-Туркменистанской экспедициями), помимо архитектуры более ранних эпох, и позднесредневековое зодчество, и памятники народной архитектуры XVIII — начала XIX в. В результате новейших этнографических исследований все более определенно выясняются типы кочевого жилища у разных народов Средней Азии и Казахстана, а также типы полукочевого жилища, зачастую сочетающего юрту с домом. Большие перспективы имеет практика совместного изучения истории народного жилища археологами, этнографами и архитекторами; эти совместные работы дадут возможность восстановить историю распространения в Средней Азии определенных строительных материалов, строительных приемов (каркас, пахса, сырцовый кирпич и др.) и приступить к составлению типологических таблиц, характеризующих формы жилища, соответствующие определенным народностям и областным группам. Большое значение имеет начатое в Узбекистане (Бухара) и Таджикистане. (Ленинабад) комплексное историко-этнографическое изучение городов.

Само собой разумеется, что картографирование и типологизация народной одежды даст богатейший материал для изучения этногенеза. Особенно большое значение в этом отношении имеют головные уборы, наиболее устойчиво сохраняющие архаические черты и специфические формы, присущие небольшим локальным и родоплеменным группам. Не меньшую роль сыграет, очевидно, анализ видов ювелирных украшений, которые имеют в Средней Азии богатую историю и в огромном количестве и многообразии накоплены во время археологических раскопок памятников разных эпох. При изучении истории народной одежды в Средней Азии этнографы могут теперь пользоваться новым источником — такими ценными археологическими находками, как многочисленные древние терракоты, крупная скульптура, великолепные настенные росписи с многофигурными цветными композициями (Топрак-кала, Варахша, Пенджикент, Балалык-тепе), представляющими собой подлинные сокровищницы для историка культуры.

Вторая часть атласа будет включать шесть выпусков, посвященных узбекам, таджикам, туркменам, казахам, киргизам, каракалпакам. Построение их должно быть близко Русскому атласу: в них будет включен материал, характеризующий прежде всего национальную специфику культу-

ры и быта народа. Темы альбомов, таблиц и карт — в основном те же, что и в общей части, но разработаны они будут значительно подробнее, с более детальной типологической классификацией и с большим числом таблиц и карт, характеризующих распространенные у данного народа виды хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуры. В результате картографирования в этой части выявятся не только комплексы характеризующие национальные черты культуры народа, но и этнографические особенности локальных этнографических групп, сохраняющие свои особенности или еще не вполне консолидировавшихся с окружающим населением (например, кыпчаки, тюрки в Ферганской долине, ягнобцы, локайцы в Таджикистане и другие). Большую роль во второй части атласа будут играть диалектологические и терминологические карты. Исследования авторов региональных разделов атласа будут преследовать две цели: во-первых, осветить процесс этнического развития народностей Средней Азии в период с XV—XVI до XIX — начала XX в. (в условиях узбекских ханств и после включения в состав России), в частности, — выяснить вопрос о степени их национальной консолидации накануне Октябрьской революции, о наличии или отсутствии у них в то время зачатков буржуазных наций; большое внимание должно быть уделено, в связи с этим, развитию города, состоянию ремесла (развитие мануфактуры), торгового обмена, характеру продукции земледелия, скотоводства, ремесла и другим темам, связанным с ростом экономической общности. Во-вторых, уже на следующем этапе работы, проследить процесс развития в послеоктябрьский период народностей Средней Азии в социалистические нации. В республиках, где проводятся экспедиции по методу сплошного обследования (Киргизия, Таджикистан), материал по этнографии советского периода даст возможность уже в скором времени довести региональные разделы атласа до современности.

Работа над обеими частями атласа, как нам кажется, должна быть начата одновременно.

Как видно из сказанного выше, основными хронологическими рамками материала для первой части атласа явятся:

I. Период от древности до позднего средневековья, освещаемый археологическими и отчасти письменными данными; материалы будут привлекаться по мере возможности, в зависимости от состояния их разработки.

II. XVIII — первая половина XIX в. (канун присоединения к России) — период, освещаемый письменными и отчасти этнографическими источниками. Большую роль для этого периода будет играть архивный материал.

III. Вторая половина XIX — начало XX в. — период, освещаемый этнографическим материалом, музейными коллекциями, литературой, архивными данными.

Во второй части атласа первый хронологический период будет отсутствовать, второй и третий периоды разрабатываются детальнее и несколько в другом направлении, а добавляющийся здесь четвертый, Советский период подробно освещается на основании полевых экспедиционных материалов.

При коллективной работе нескольких научных учреждений особенно важное значение имеет унификация сбора, учета и описания материала. Необходимы, в частности, программы сбора материала по темам, стандартные карточки учета музейных коллекций и экспонатов, карточки для выписок из литературы и архивных источников (для чего следует использовать опыт Русского атласа), а также карточки-справки для выписки поездных данных (подготовка к картографированию). Необходимо выработать для сбора материалов по некоторым темам (главным образом по материальной культуре) несколько форм анкет, организовать сеть постоянных корреспондентов, знакомых с этнографией, лучше всего — музейных работников, преподавателей истории, членов местных секций Всесо-

юзного географического об-ва, студентов. Присылаемый ими материал должен быть унифицированным и синхронным.

Необходимо составить и издать основы общесреднеазиатских и республиканских карт в определенном масштабе. На основу общесреднеазиатских карт должны быть нанесены дореволюционные административные границы вплоть до уезда, который, таким образом, явится основной территориальной единицей (микрорайоном) при картографировании. Для республиканских карт наносятся современные границы; территориальная единица учета материала — район, а в некоторых особых случаях — сельсовет или аулсовет. Для исторических (археологических, палеантропологических и других карт) должны быть созданы особые основы с учетом топонимики соответствующего исторического периода.

Одним из наиболее важных и ответственных этапов работы является составление типологических таблиц на основе всего собранного материала. Важно выбрать принцип классификации, отобрать признаки, которые дадут определенный научный результат.

Успех предстоящей большой, многолетней работы по составлению историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана, как мы писали выше, может быть обеспечен только при условии постоянного и теснейшего контакта, совместной работы коллективов специалистов по Средней Азии. В связи с этим предстоит осуществить ряд организационных мероприятий, в первую очередь — создать редколлегию атласа, составить и утвердить план работы на ближайшее пятилетие и на специальном организационном совещании распределить работу на этот период между институтами и музеями; добиться включения в планы работ названных выше научных учреждений темы «Историко-этнографический атлас Средней Азии»; осуществить договоренность об участии в работе над атласом музеев Москвы, Ленинграда и среднеазиатских республик; поставить перед Президиумом АН СССР и Президиумами среднеазиатских Академий наук вопрос об ассигновании специальных средств на работу по атласу (для организации экспедиций и научных командировок, оплаты художников, фотографов и т. д.), а также о выделении дополнительных штатных единиц для приглашения нужных работников.

О. А. СУХАРЕВА

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА СРЕДНЕЙ АЗИИ *

Одной из важнейших проблем советской этнографии является этнографическое изучение современной жизни народов. В этнографии, как и в других исторических науках, совершился поворот к изучению современности под воздействием прямых указаний Коммунистической партии, направившей исследования историков на разрешение самых актуальных научных вопросов, наиболее важных для насущных практических нужд культурного строительства.

Изучение современности потребовало от этнографов высокой теоретической подготовки, определения и уточнения новой тематики, разработки соответствующей методики исследований. В момент Всесоюзного этнографического совещания 1951 г. мы стояли еще в начале этого пути, и хотя проблемы этнографического изучения современности уже заняли на этом совещании почетное место, опыт в их разработке был очень незначителен. Другое дело теперь, когда мы имеем возможность подвести итоги некоторых крупных работ, опубликованных или находящихся в стадии завершения.

Основной проблемой, за разрешение которой взялись этнографы в осуществление новых задач, явилась проблема путей социалистического преобразования быта колхозного крестьянства как нового, впервые появившегося на исторической сцене класса социалистического общества. Обращение в первую очередь к изучению культуры и быта колхозного крестьянства не случайно. Прежде всего следует отметить актуальность этой проблемы. Хотя разительные перемены произошли в культуре и быте всех слоев советского народа, нигде они не представляют собой такого контраста со старой дореволюционной жизнью, как в деревне, отличавшейся раньше особой отсталостью. Сопоставление быта дореволюционного и современного крестьянства ярко рисует все значение Октябрьской революции, в особенности для народов Средней Азии, у которых, при слабом развитии промышленности, а следовательно и пролетариата, крестьянство представляло собой основной класс населения; говорить здесь о широких народных массах в дореволюционный период — значит говорить прежде всего о крестьянстве.

Одной из самых актуальных является проблема изучения крестьянского быта и для советского времени. Важно изучение передовых форм культурно-бытового строительства, изучение мешающих культурному росту вредных пережитков прошлого, в борьбе с которым происходит утверждение всего нового, прогрессивного в жизни современного колхозного крестьянства. Последние решения ЦК КПСС и Советского правительства о развитии животноводства должны направить внимание этно-

* Доклад на совещании по вопросам археологии и этнографии Средней Азии, проходившем в Москве 27—29 апреля 1955 г.

графов и на проблемы, связанные с жизнью среднеазиатских животноводов, быт которых, так же как и условия производства, в силу специфики последнего, еще отстает в своем развитии от быта земледельцев, в особенности хлопкоробов.

Изучая процессы нового быта и новой культуры колхозного крестьянства, мы по существу изучаем проблему перехода народов Средней Азии от феодализма и пережитков патриархальщины непосредственно к социализму, минуя стадию капиталистического развития. Эта проблема имеет громадный теоретический интерес в общеприродном плане и в то же время исключительно важна практически для тех народов зарубежных стран, которым еще предстоит пройти или которые проходят этот путь от докапиталистических отношений к социализму. Изучение современного состояния колхозного крестьянства является в конечном счете изучением типичных, отлившихся в своеобразные национальные формы элементов жизни и быта, которые подготавливают условия для перехода от социализма к коммунизму. Этими важнейшими проблемами определяются и задачи этнографического изучения колхозного крестьянства. В своих исследованиях этнографы должны показать процесс сложения в среднеазиатском кишлаке, в различных природных, хозяйственных и исторических условиях, новых, социалистических отношений, процесс ликвидации на их базе классовых отношений. Задачей этнографов является анализ процесса превращения отсталого дореволюционного дехканства в передовое колхозное крестьянство, анализ процесса ликвидации противоположности и изживания существенных различий между городом и деревней, показ культурной революции в деревне, выявление национальной специфики, нашедшей отражение в бытовом укладе жизни колхозников. Этнограф должен дать полное и красочное отображение жизни крестьянства во всем ее национальном и локальном своеобразии. Эти задачи, глубоко осознанные этнографами, лежат в основе проводимой ими работы по изучению колхозного крестьянства.

Этнографическое изучение колхозного крестьянства Средней Азии в настоящее время проводится в трех направлениях: монографическое изучение одного типичного передового колхоза; изучение истории, культуры и быта ряда колхозов с разным этническим составом населения; исследование отдельных тем.

Основным из них является пока первое. Задаче монографического изучения одного крупного колхоза посвящено большинство опубликованных работ, в том числе обе вышедшие монографии: «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства»¹ и «Прошлое и настоящее селения Айкыран»². В этом же плане проводится работа в Киргизии; на материале одного передового колхоза построена в основном и большая статья Я. Р. Винникова о культуре и быте туркменских колхозников³, так же как и краткая публикация им этого материала еще в 1950 г.⁴

Монографическое изучение колхозов было обусловлено необходимостью при переходе к новой проблематике разносторонне охватить изучаемые явления для выяснения наиболее важных и актуальных вопросов, которые могут быть изучены на этнографическом материале. Для того, чтобы правильно поставить исследование и глубоко войти в основные проблемы истории и современного положения колхозного крестьянства — без чего немислимо и его этнографическое изучение, — необходимо было исследовать все стороны жизни одного или нескольких населенных пунктов, жители которых тесно связаны друг с другом в хозяйственном и бытовом отношениях.

¹ «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXIV, М., 1954.

² Академия наук Узбекской ССР, Институт истории и археологии, Ташкент, 1955.

³ См. «Среднеазиатский этнографический сборник», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXI, М., 1954.

⁴ См. «Советская этнография», 1950, № 1

Постановка в первую очередь монографического изучения колхозов диктовалась и соображениями методического порядка: такой характер следования обусловил организацию длительных стационарных работ обеспечивающих хорошее знакомство с жизнью данного колхоза и колхозников, глубокое проникновение в их интересы и внутренний мир. Достигнуть всего этого при охвате исследованием многих объектов, конечно, значительно труднее, особенно при отсутствии опыта в работе новой проблематике. Не случаен был и выбор объектов исследования типичных передовых колхозов, где складываются наиболее характерные для современного колхозного крестьянства условия производства быта, благоприятные для развития социалистической культуры.

Конечно, ни одна из опубликованных и готовящихся к печати работ еще не сумела полностью осуществить сформулированные выше многочисленные и сложные задачи. Это может быть достигнуто лишь в результате ряда исследований, общими усилиями.

Изданные монографии являются результатом работ 1950—1954 гг. В них получил отражение обширный круг вопросов: история селения, история сложения и укрепления колхоза, современное состояние его экономики, бытовые условия жизни колхозников, их духовная культура, семейная и общественная жизнь. Взяв на себя почин в этом деле, этнографы Академии наук СССР, Таджикистана и Узбекистана выполнили трудную задачу, попытавшись найти путь этнографического изучения колхозного крестьянства и разработать соответствующую методику. Остановившись, в порядке обобщения опыта по изучению колхозного крестьянства, нескольких основных моментах, нашедших свое отражение в обеих монографиях и во многих статьях.

Опубликованные монографии в той или иной степени освещают проблемы истории селения, на базе которого образовался колхоз, охватывая как историю советского времени, так и более ранние ее этапы, вплоть до древнейших. Наличие на территории колхозов археологических памятников, изучение топографии, топонимики и народных преданий, привлечение исторической литературы,— все это позволяет поставить вопрос об истории сложения культуры в изучаемом районе. В монографии о узбекском колхозу ставится также вопрос о происхождении населения района, для чего дается — весьма, впрочем, неспециальный — анализ географии и привлекаются данные топонимики и исторические предания. Заключен вопрос: нужно ли в работе, посвященной передовому колхозу углубляться в ранние этапы истории? Мне кажется, что если это и не обязательно, то во всяком случае желательно, так как позволяет нарисовать картину постепенного, начиная с древности, освоения и использования природных возможностей, показать, что только в условиях социалистического общества народ смог завершить свой многовековой труд, используя высокую современную технику. Нет причин отказываться от освещения ранних этапов истории селения, если в руках этнографа оказываются соответствующие материалы, полученные им при полевых работах: решения или хотя бы постановка вопросов древней и средневековой истории играя в монографии о колхозе служебную, второстепенную роль, способствует обогащению научного содержания работы. Конечно, для правильного анализа таких материалов необходима консультация, а иногда и прямая помощь специалистов — историков и археологов, но, как правило, организация такой помощи в наших условиях не представляет затруднений.

Очень важен для изучения истории селения в дооктябрьский период вопрос о жизни народа до и после присоединения Средней Азии к России. Рассмотрение его позволяет выявить прогрессивное, положительное влияние этого факта на жизнь народных масс. Изменения, происшедшие после присоединения, показаны, хотя и неполно, без необходимых исторических выводов, в монографии о таджикском колхозе; посвященны

этому периоду страницы являются одним из самых интересных мест ее первого раздела. В монографии об узбекском колхозе важная проблема осталась вне поля зрения авторов, которые, к сожалению, не сумели своевременно поставить этот вопрос и разыскать необходимые материалы. Важность и перспективность этнографического изучения этой проблемы стали им ясны лишь при работе над соответствующим разделом «Истории Узбекской ССР».

В дальнейших работах необходимо уделить этой проблеме особое внимание.

Для понимания жизни народных масс до Октября большое значение имеет анализ хозяйственной деятельности населения в тесной связи с производственными отношениями, определявшими собой классовый строй общества, систему эксплуатации и классовую борьбу в кишлаке. Мы считаем этот вопрос важнейшим для понимания как положения народных масс до революции, так и преобразований, в корне изменивших жизнь народа за годы Советской власти. Соответственно этому разделам «Занятия населения», «Формы землевладения» и «Социальные отношения» уделено в узбекской монографии очень большое место. Коллектив авторов таджикской монографии отказался от углубления в эти вопросы, ограничившись самым беглым и поверхностным их упоминанием; между тем эти важные вопросы, зачастую недостаточно освещаемые историческими источниками, могут быть хорошо изучены по этнографическим материалам. Сообщения современников событий недавнего прошлого раскрывают те конкретные формы, в которые выливались в данном районе производственные отношения, как правило, не оформлявшиеся в Средней Азии документами. Этнографический источник позволяет выяснить все оттенки аграрных отношений, определить особенности хозяйства данного района, в частности выявить, с одной стороны, норму земельного участка, способного прокормить среднюю семью и поглотить ее трудовые ресурсы, с другой, — размер землевладений, делающий возможной эксплуатацию чужого труда.

Выяснение этих вопросов важно не только для понимания положений трудового народа до Октября, но и для понимания по крайней мере всего первого десятилетия советского периода, когда жизнь сельского населения еще определялась борьбой между старыми производственными отношениями и новым, социалистическим строем.

Неясности, неточности в деталях социальных отношений приводят иногда к крупным ошибкам, порождают превратные представления, находящие отражение в научных работах. Такого рода ошибка была допущена, например, в макете одного крупного коллективного труда. По словам автора одного из разделов, дехкане, «владевшие 3 десятинами земли, прибежали, как правило, к издольной аренде (чайрикерству) у крупных землепользователей. Хозяйства же, владевшие наделами свыше 7 десятин, сдавали их в аренду частично или полностью». На деле же 3 десятины, при низкой ручной технике, были высшей нормой трудового землепользования в орошаемых районах. Такой участок земли семья могла обработать своим трудом лишь при условии наличия в ней по крайней мере двух трудоспособных мужчин. Семь десятин земли составляли уже норму полностью нетрудового хозяйства. Относя обладателей 3 десятин к беднякам, а обладателей 4—7 десятин к середнякам, автор исказил истинную картину жизни кишлака, дал неправильное представление о классовых отношениях. Этнографические данные помогают уточнить этот вопрос. Уточняют они и очень важный для понимания феодальных отношений в Средней Азии вопрос о различных формах издольной аренды. Известно, что условия труда издольщиков определяются историками Средней Азии главным образом на основании этимологии терминов. Что это не всегда может оказаться правильным, доказывает обнаруженный этнографическим

исследованием в Айкыране факт несоответствия этимологии термина и обозначаемых им отношений: «сеяк» был там издольщиком, получавшим не $\frac{1}{3}$, как можно предполагать по буквальному смыслу термина, а $\frac{1}{4}$ выращенного им урожая.

К сожалению, приходится отметить, что исторический раздел таджикской монографии не содержит точных фактов, четких положений, обоснованных оценок по вопросам социальных отношений дореволюционного и доколхозного периодов в истории изучаемого селения. Ни различные формы издольной аренды, ни ростовщический характер ссуды продуктами, ни обложение налогами в Кокандском ханстве, ни остатки общинного землевладения, — все эти интереснейшие вопросы, затрагиваемые в разделе, не нашли здесь ясного и точного освещения. Так, например очень мало разъясняет положение эксплуатируемых масс следующее утверждение: «Фактически часто чайрикер получал... меньше половины урожая, особенно, если бай предоставлял ему инвентарь, тягловую силу а также семена. В таких случаях доля чайрикера составляла $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ часть урожая»⁵. В примечании сказано: «В Кыстакозе обычно различали чайрикера от селккора... к первым относились молодые работники не вошедшие еще в полную силу, ко вторым уже полноценные работники»⁶. На самом деле существовала четкая, выработанная веками система по которой за предоставление тех или иных средств производства взималась определенная доля урожая. За землю издольщик отдавал половину; за землю, скот, орудия и семена обычно — $\frac{2}{3}$, а если добавлялось питание от хозяина для самого работника, издольщик отдавал $\frac{4}{5}$ урожая. Возраст работающего при такой системе не мог иметь значения. Так как вся работа и вся ответственность за урожай целиком передавались в руки издольщика, им и не мог быть слишком молодой, неполноценный работник. Точно так же неточно и неправильно утверждение, что до Худояр-хана харадж взимался в размере $\frac{1}{10}$ урожая, а Худояр-хан увеличил его до $\frac{1}{5}$. Это утверждение вызвано, повидимому, недоразумением: харадж в размере $\frac{1}{10}$ части урожая взимался с неполивных земель, в размере $\frac{1}{5}$ — с поливных. Если верно, что изменение хараджа имело место за указанный период, то, очевидно, оно было связано с превращением неорошаемых земель в орошаемые. Наконец, приводимый автором раздела интереснейший факт о переходе общинных земель в частную собственность, т. е. по существу о захвате их богачами, не получил должной оценки, вопрос об общинном землевладении не поставлен совсем, а пути перехода общинных земель в частную собственность показаны неточно.

То, что в таджикской монографии история подана столь бегло и поверхностно, обусловлено, повидимому, нежеланием или неумением автора раздела углубить эти вопросы. Мы знаем Н. А. Кислякова как автора нескольких интересных работ, посвященных специально социальным отношениям. Дело в установке, принятой коллективом, не поставившим достаточно четко этот вопрос в программу своих работ. А между тем глубокое освещение в этнографической работе о колхозе вопросов истории селения в предреволюционный период необходимо для правильного понимания процесса сложения в нем отношений социалистических.

Если важно этнографическое исследование дореволюционных социальных отношений, то еще более важной задачей монографий, посвященных колхозам, является исследование процесса формирования социалистических отношений, борьбы за их торжество в конкретных условиях данного селения, конкретного отражения этих процессов в быту народных масс. Нельзя, например, в таком исследовании обойти земель-

⁵ «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства», стр. 28.

⁶ Там же.

но-водную реформу, историю вовлечения дехканства в различные виды кооперации, открывшей прямой путь к колхозам. Эти события довольно скудно освещаются письменными источниками, состоящими в подавляющем большинстве из официальных циркуляров, постановлений и отчетов. Почетной задачей этнографов является восстановление яркой картины революционного преобразования жизни дехканства, раскрытие борьбы, происходившей в то время в сознании различных слоев крестьянства, лишь постепенно пробуждавшегося к активному участию в социальной революции. В таком исследовании в полной мере проявятся все специфика этнографического источника, позволяющего показать событие изнутри, с точки зрения различных представителей изучаемого народа, нарисовать событие вместе с бытовыми деталями, показать не только что происходило, но и как это происходило в его конкретном местном и национальном своеобразии. В обществе, где нет антагонистических классов, отношения между людьми, связанными общей работой, определяются как отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, направленные к решению общих задач, в котором заинтересовано как все общество в целом, так и каждый его член. Поэтому одним из важных вопросов исследования колхозного крестьянства является вопрос об организации общественного труда, об отношениях, которые складываются между всеми его участниками, в частности, вопрос о формах внутриколхозной демократии — основы политического и культурного развития колхозников. Этнографические данные позволяют осветить эти вопросы очень полно и ярко.

Следует признать, что вопрос о социалистических отношениях в конкретной колхозной действительности не поставлен и не решен ни в таджикской, ни в узбекской монографиях. Все значение этой проблемы и пути ее решения в этнографическом труде стали ясны лишь после завершения исследования. Это вызвало постановку в Узбекистане специально, теперь уже оконченного исследования Р. Якубовой по истории формирования социалистических отношений, которое было проведено на базе другого колхоза.

Следующий заслуживающий внимания вопрос — это вопрос о месте, которое должно занимать в монографическом исследовании освещение хозяйства. Ясно, что в такой работе нельзя не коснуться хозяйственных достижений колхоза, составляющих базу для развития культуры. Однако правильная постановка и правильное освещение экономических вопросов — задача, для неспециалиста трудная, а подчас и непосильная, тем более, что мы еще не имеем перед собой образцов таких работ в виде специальных монографий, подготовленных экономистами.

Поэтому в узбекской монографии мы ограничились краткой характеристикой хозяйства колхоза, содержащей лишь основные его показатели. В таджикской монографии хозяйственной деятельности колхоза посвящен специальный раздел, который рисует картину производства, имеющего своеобразные формы, хотя и определяющегося современными методами ведения тех или иных отраслей сельского хозяйства. Очень интересен раздел «Организация труда в колхозе», показ производственного быта бригады, изживания суеверий в шелководстве, ряд мелких бытовых деталей, верно подмеченных и хорошо описанных автором. Очень обогащает раздел прекрасно использованный материал по сельскохозяйственной терминологии. Автор сумел ввести в раздел описание традиционных земледельческих приемов, что имеет историко-культурный интерес.

Однако при всех этих несомненных достоинствах раздел о хозяйстве, написанный неспециалистом, носит на себе следы недостатка у его автора специальных экономических знаний, вследствие чего им допущен ряд ошибок. При обсуждении монографии в Отделе этнографии Института

истории и археологии Академии наук Узбекской ССР раздел этот подвергся суровой, но в основном справедливой критике со стороны экономистов. Они правильно упрекали его автора за то, что он, задавшись целью показать хозяйственную деятельность крупного колхоза, оснащенного новой техникой и ведущего свое хозяйство по-новому, основное внимание уделил старым, отжившим приемам, иногда даже поднимая их при этом на щит. Так, описывая обработку засоленных участков с высоким стоянием грунтовых вод, автор прямо пишет, что здесь «современная механизация исключается», что все работы должны производиться тяглом, преимущественно омачем, так как, по мнению автора, подсказанному ему информаторами, здесь нельзя применять не только тракторный, но и обыкновенный плуг. Если встать на эту точку зрения, придется признать невозможным освоение громадных пространств таких засоленных земель. А между тем в наши дни они успешно осваиваются путем применения целого комплекса специальных приемов, причем обрабатываются только машинами. Что же касается омача, то он применяется в колхозном хозяйстве лишь в редчайших случаях. Автор раздела, несомненно, знает что применение омача в колхозе — явление не типичное, случайное, что колхозная техника земледелия определяется не им, а машинами. Выпав на первый план старые приемы, по существу закрыв глаза на то, что характерно для колхоза сегодня, он исказил действительность, представил ее убогой, отсталой. Он только кратко упомянул — именно упомянул, а не изобразил — те черты, которые, действительно, характерны для хозяйства колхоза, которые объясняют его производственные успехи и быстрый рост колхозных доходов.

Положение значительно ухудшено подбором иллюстраций, также отражающих преимущественно нетипичные для сегодняшнего колхоза сюжеты: прополка плохеньких посевов лука, вспашка омачем и малование неудобных участков сада, кетмень, ручка которого производит впечатление неуманной, и т. д. На фотографиях показаны остальные приемы обработки почвы: окучка хлопка вручную, широкие междурядья, хотя именно этот район Таджикистана был родиной нового, получившего общее признание приема — сева хлопчатника суженными междурядьями.

В разделе немало положений, показывающих, что автор не разбирается в вопросах экономики и агротехники современного сельского хозяйства. Он говорит, например, о продукции люцерноводства в колхозе, называя мизерную цифру сбора в 19,5 ц с гектара, которую он считает «сравнительно невысокой», в то время как в Узбекистане низкий считается урожай в 60—70 ц с гектара. Автор называет «опытом» пересадку взрослых деревьев с целью создания больших карт полей для машинной обработки и ставит этот «опыт» в заслугу колхозу, хотя это мероприятие проводится в осуществление правительственного постановления.

Приведенные примеры свидетельствуют, что этнографам, изучающим жизнь сельского населения, необходимо, во-первых, показывать самое характерное для сегодняшнего состояния хозяйства колхозов, а во-вторых, либо приобрести специальные познания по экономике и агротехнике сельского хозяйства, либо отказываться от исследования хозяйственных вопросов, предоставив это экономистам. Узбекские этнографы пока пошли по этому второму пути.

Следующий важный вопрос этнографического изучения колхозного крестьянства — это вопрос о семье. Исследование семьи является одной из специально этнографических проблем, которые никогда не решались и не будут решаться без участия этнографов. Сейчас одной из основных задач сделалось исследование современной советской семьи, в том числе и семьи колхозной, имеющей своеобразные черты, порожденные условиями жизни и производства в колхозе. Эти черты связаны с тем, что

в колхозном производстве принимает активное участие вся масса женщин. Участие в общем колхозном труде всех взрослых членов семьи — и мужчин и женщин, большой самостоятельный заработок, который имеет в колхозе каждый работающий, создали условия для подлинного раскрепощения женщины, для освобождения от гнета патриархальщины младшего поколения семьи, которое раньше оставалось под властью отца, зависело от него материально.

Задача показа современной колхозной семьи, на мой взгляд, успешно выполнена и в узбекской (автор раздела М. А. Бикжанова), и в таджикской монографиях. В таджикской монографии раздел «Домашняя и семейная жизнь» принадлежит к наиболее удачным. Он содержит живое и точное описание бытовых условий жизни колхозников, тонко наблюдаемых проявлений новых отношений между мужчинами и женщинами, родителями и детьми. Эти новые отношения хорошо показаны автором на множестве мелких, но убедительных штрихов, на примере супружеских пар, в разрез со старыми обычаями идущих по улице рядом, на диалоге между родителями и дочерью. Как много свежего, здорового в описанных автором раздела отношениях между юношами и девушками — товарищами по школе или в описании семейного праздника — приема молодых родителями новобрачной!

Однако и здесь слишком много внимания уделено старым формам быта. Особенно сказалось это в подборе иллюстраций. Тяжелое впечатление производит дважды показанный убогий очаг, убогая печь, примитивнейшая ручная крупорушка, которая осталась в современной жизни как печальный памятник прошлых дней. Читатель не видит в книге новых домов колхозников, слабо показана их обстановка, новые предметы, во множестве проникшие в колхозный быт. Не видит он и колхозников в современном советском костюме, — а между тем он очень типичен для современных селений.

Вызывает сомнения трактовка автором вопроса о форме семьи в прошлом. Верно ли, что «до конца прошлого столетия в Кыстакозе сохранялось еще очень значительное число семей, в которых женатые сыновья не выделялись из хозяйства до смерти отца и были во всем от него зависимы» и что в дальнейшем «темпы распада больших семей очень ускорились»? Не точнее ли будет сказать, что неразделенная семья, включавшая два поколения, была до революции и даже позже основной формой семьи в Кыстакозе, как и в других районах Ферганской долины и — шире — всей Средней Азии? Все наши материалы говорят о том, что если и были раньше выделы сына при жизни отца, то лишь как редчайшие исключения. Только колхозный строй, обеспечив действительную экономическую независимость молодежи, создал условия для массового изживания большесемейного уклада. Если утверждать, что этот вопрос уже был решен ходом истории до революции, как понять тот процесс ломки старых устоев и сложения новых норм семейной жизни, который происходит (и не безболезненно) сейчас в республиках Средней Азии? Несмотря на наличие специального исследования о семье у таджиков, вопрос о времени, когда основной формой семьи у среднеазиатских народов сделалась малая отдельная семья, пока еще нельзя считать решенным.

Говоря об исследовании семьи, необходимо поставить вопрос о пережитках, которые, как известно, дольше всего держатся именно в семье, в семейных отношениях — области, мало доступной постороннему глазу, но ощутительно влияющей на производство и общественную жизнь. Этнограф должен вскрывать черты отсталости, которые могут сохраниться в той или иной семье, давать им оценку с точки зрения интересов социалистического общества. Это возможно лишь при глубоком ана-

⁷ «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства», стр. 162.

лизе наблюдаемых фактов, критическом к ним подходе. Иначе может случиться, что этнограф, сам того не желая, возьмет под защиту то, что не должно получить одобрения. Пример некритичного отношения к сообщаемому факту можно видеть в не так давно опубликованной статье С. М. Абрамзон⁸, где в весьма положительных тонах описывается семья колхозника Усупа Джээнбаева; а между тем изложенные факты свидетельствуют о наличии в этой семье тяжелых пережитков прошлого. Как видно из состава дохода семьи за 1951 г., в колхозе работали только мужчины — отец и женатый сын, живущие общим хозяйством. И пяти женщин — жены Усупа, его невестки и трех дочерей (повидимому, взрослых, так как они не учатся в школе) — в колхозном производстве участвовала лишь самая старшая из них, заработав всего 35 рублей.

Вместо оценки этого факта как свидетельства о наличии в семье отсталых отношений, в следующем абзаце автор говорит об установлении правильного положения мужчин и женщин. Таких неправильных оценок нет в посвященном семье разделе таджикской монографии. Но в ней вопрос о пережитках поднят лишь декларативно, и это придало ему характер некоторой пассивности.

За недостатком места я не буду затрагивать здесь тему духовной культуры колхозников. Показ изживания былого культурного неравенства города и деревни имеется в обеих монографиях, что неудивительно, так как колхозная жизнь представляет богатейший материал для подтверждения этого положения. Можно только пожелать дальнейшего углубления исследований в этой области, отведения им в монографиях, посвященных колхозам, большего места. Остановлюсь только на вопросе о людях колхоза. Люди являются основным источником этнографических материалов. Этнографы при полевой работе близки к ним, сталкиваются, узнают их судьбу, проникают в их внутренний мир. Поэтому на этнографе лежит особая ответственность за то, чтобы его современники, представители изучаемого им народа, были показаны в своем индивидуальном и национальном своеобразии. Лучшие традиции русской этнографии завещали нам любовное, уважительное отношение к личности человека, внимательное отражение ее в этнографических исследованиях. Нарисовать живые портреты типичных представителей колхозников, раскрыть пути их становления и роста, выяснить историю их отцов и дедов — является одной из важных задач этнографического изучения современности. Ее выполнение дает в руки этнографа ценные, достоверные исторические факты, придает его работам этнографическую специфику.

Существенным моментом в наших работах, посвященных современности, являются иллюстрации. Следует особо подчеркнуть необходимость тщательного, продуманного отбора сюжетов, которые мы хотим показать наглядно. В иллюстрациях перед читателем должно вставать все наиболее типичное, имеющее наибольшую важность, наилучшие перспективы развития в сегодняшнем и даже в завтрашнем дне наших колхозов. Фотография, помещенная в книгу, — это документ, весьма сильно воздействующий на читателя, рассказывающий о фактах и показывающий ему то, что автор захотел выделить как главное. Иллюстрации в таджикской монографии подобраны в большинстве неудачно. Этнографы, видевшие колхозы своими глазами, без особого труда внесут коррективы и дополнения в картину, рисуемую подобными иллюстрациями, но некоторые читатели могут составить неправильное представление о колхозе. Недостаточно хорошо были проведены фотосъемки и коллективом изучавшим узбекский колхоз. Участники работы не сразу поняли, на чем следует фиксировать внимание, а когда разобрались в этом впоследствии

⁸ С. М. Абрамзон, Опыт монографического изучения киргизского колхоза «Советская этнография», 1953, № 3.

уже не нашли нужных материалов в своих архивах. Фотографирование должно занять в этнографических работах особое место, к нему нужно тщательно готовиться, приступать к нему не в начале, а в конце работы, когда будет выяснено все наиболее важное и характерное.

* * *

Подводя итоги нашему обзору, нужно сказать об одном важном, определившем отличительные черты обеих монографий моменте, который, вероятно, будет проявляться и в последующих работах. Речь идет о тех установках, из которых исходили оба коллектива и которые проистекали из понимания ими задач этнографии как науки.

Выше были перечислены те основные проблемные вопросы, разрешить которые призваны этнографические исследования жизни колхозников. Эти вопросы ставили перед собой и по мере сил решали авторы обеих работ. Однако в постановке ими исследований проявляется некоторое различие. Авторы узбекской монографии, работая в составе Института истории и археологии АН Уз. ССР и находясь в коллективе историков, в основном делали упор на первую часть указанной нами проблематики — ставили перед собой в первую очередь общеисторические проблемы. В таджикской монографии заметен чисто этнографический уклон, недостаток внимания к историческим вопросам, сосредоточение всего внимания на выявлении культурных традиций и национальной специфики. Это направление вытекает из слишком узко понятого определения задач и специфики этнографии как науки, которое было дано ведущими работниками. «Выявление этнической специфики, национальных особенностей культуры того или иного народа — вот в чем мы видим характерную черту этнографического исследования», — писал С. П. Толстов в своей статье «Основные задачи и пути развития советской этнографии»⁹. Этнографы Узбекистана, принимая эту установку, считают, что этнография как историческая дисциплина призвана участвовать в изучении всех тех вопросов истории, которые можно с успехом разрабатывать по этнографическим источникам. Естественно, что при пользовании этнографическими источниками, всегда отражающими через индивидуальную специфику информатора специфику нации или этнической группы, неизбежно выявляются национальные особенности и национальные формы изучаемой этнографом культуры. Понимая национальные особенности слишком узко, этнограф неизбежно скатится при изучении современности к подчеркиванию всего старого, традиционного. Это произошло с авторами таджикской монографии, которые, поставив перед собой в качестве основной задачи «выявление этнической специфики, национальных особенностей культуры», оставили за скобками явления общесоветской культуры. А между тем эта культура формируется на наших глазах, имея не только общее социалистическое содержание, но и некоторые общие формы, которые принимаются многими народами, раньше их не имевшими: городская одежда, городского типа жилище, полифоническая музыка, станковая живопись и скульптура сейчас вошли в быт среднеазиатских народов и с полным правом могут считаться проявлением их национальной культуры на новом ее этапе. Этой новой культурой овладевает весь народ, который делает выбор между ее различными формами, вносит в них изменения, придает им свой колорит, выражает их на своем родном языке. Общая для всех советских народов социалистическая культура в ее многообразных проявлениях создается из элементов культуры всех советских народов. И если видное место в ней принадлежит элементам русской или пришедшим через русскую элементам той или иной зарубежной культуры, — то это является закономерным, определяется ролью великого русского народа

в исторических судьбах всех народов Советской страны и в развитии мировой культуры. Стремление отметить и исследовать лишь узконациональные формы культуры, проявившееся у авторов таджикской монографии может привести (и уже привело) к фиксации внимания не на самом важном, самом передовом, а на тех пережиточных и уже изживающихся формах национальной культуры, которые не определяют собой культуру современных колхозников. Представляя иногда большой интерес в культурно-историческом или этногенетическом плане, они должны занимать второстепенное место в исследованиях, посвященных нашей многогранной и богатой современности.

Каковы перспективы дальнейших работ по изучению колхозно-крестьянства, в том числе и работ монографического плана?

Многообразие природных условий и сложный состав населения Средней Азии, экономическая и культурная замкнутость в недалеком прошлом отсталых районов делают необходимым исследование колхозного крестьянства у самых различных народностей и этнических групп так же как и в различных районах страны. Только совокупность таких исследований обеспечит действительно полное освещение жизни народных масс до и после Октября.

Монографические исследования следует проводить и в дальнейшем охватывая другие, пока не исследованные части страны, другие колхозы. Проведенные работы показали, что даже при одинаковых целях исследований, они, в силу специфики местных условий, а также в силу индивидуальных особенностей авторов, не повторяют друг друга, представляют самостоятельный научный интерес. Весьма интересно было бы поставить такие работы в районах бывших Бухары и Хивы, где до Октябрьской революции господствовал феодальный строй, где «многостепенность», по выражению Энгельса, феодальных форм зависимости представлена была во всех своих градациях и где переход к социализму был скачком, еще более огромным, чем в районах бывшего Туркестанского генерал-губернаторства.

Сложность задачи монографического изучения еще более повысится если мы перейдем к изучению целых районов и более обширных единиц, а эта задача, очевидно, очень скоро встанет перед нами. Решать ее вряд ли будет под силу одним этнографам. Встанет и уже встала во весь рост необходимость организации широких исследований комплексного характера с привлечением экономистов, историков, лингвистов, фольклористов. Методика проведения этих работ и их оформление для печати должны быть разработаны специально. Мне представляется, что их итоги должны публиковаться не в виде монографий, а в виде монографических сборников, отдельные статьи которых сохраняют особенности, свойственные различным наукам и порождаемые их специальными задачами и спецификой их источников.

Неотложной задачей дальнейшего изучения колхозного крестьянства является развертывание тематических исследований, которые дадут возможность углубить изучение наиболее актуальных вопросов. Такие исследования являются уже вторым этапом работы и пока еще не получили должного развития. Они были начаты позже, и к настоящему времени их итоги можно подвести лишь в самых общих чертах.

Одной из актуальных проблем тематических исследований является разрабатываемая Т. А. Жданко проблема образования новых этнографических территорий на землях нового орошения, где поселяются представители различных народностей и происходит слияние различных культурных традиций. Проследить этот процесс, происходящий на наших глазах, выявить закономерности слияния культур этнических групп в условиях социалистического общества — интереснейшая задача, решить которую могут только этнографы. Образование новых этнографических районов происходит сейчас во многих частях нашей страны.

Процесс переселения жителей горных районов, природные условия которых не способствуют развитию хозяйства, на равнинные, вновь орошаемые земли происходит в Таджикистане. Подобные мероприятия проводятся и в других республиках. Изучить сложение нового культурного уклада переселенцев представляется одной из важных задач изучения колхозного крестьянства. Нужно только иметь в виду, что изучение этого процесса, протекающего сейчас, на наших глазах, не может быть осуществлено в короткий срок. Требуются многолетние и достаточно широкие наблюдения, которые, несомненно, приведут к важным в научном и практическом отношении выводам.

В качестве проблем для тематического исследования Институт этнографии АН СССР выдвинул две: проблемы жилища и семьи, в том числе жилища и семьи колхозного крестьянства. Исследование этих вопросов ведется во многих республиках Советского Союза. В Узбекистане, в частности, в этом году заканчивается подготовка монографии «Семья и семейный быт передовых колхозов северо-востока Ферганской долины». Важным объектом тематических исследований являются также сложившиеся на базе колхозного строя социалистические отношения, сменившие отношения, свойственные феодальному обществу. Проведение подобной работы в Узбекистане на базе одного колхоза не исключает дальнейших исследований, а, наоборот, доказывает всю актуальность изучения этой проблемы на материале других колхозов и районов. Постановку таких исследований особенно приветствуют историки и экономисты, которые, отражая в своих трудах свойственный их науке круг вопросов и источников, очень нуждаются в дополнении их живыми и яркими этнографическими материалами, получаемыми путем непосредственного общения с людьми — носителями социалистических отношений.

Сохранение народами Советского Союза национальных особенностей, конкретные формы перехода к новому быту, объясняющиеся своеобразием исторического пути, пройденного тем или иным народом или этнической группой, выдвигают задачу этнографического изучения современной жизни отдельных национальных или этнических групп путем сплошного обследования районов их поселения. Подобные исследования в еще большей степени, чем монографические, должны включать изучение не только современной, но и прошлой жизни, характеристику дореволюционной культуры и быта, сохранявших отсталые, архаические черты, изучение которых поможет пролить свет на историю и этногенез данной группы. В то же время сопоставление этих архаических черт с современным бытом ярко обрисовывает громадные сдвиги, порожденные Октябрьской революцией и победой колхозного строя. В этом плане проводится работа в Таджикистане. Пока опубликованы лишь предварительные отчеты, в которых отмечается, что изучалось как прошлое, так и настоящее обследованных групп таджикского и узбекского народов (в Кулябе, Гарме и др.). В Узбекистане изучение колхозов с кыпчакским в прошлом населением проводилось вторым отрядом Ферганской этнографической экспедиции, возглавлявшимся В. Г. Мошковой, и прекратилось со смертью последней. Среди проблем, связанных с изучением современной жизни кыпчаков, теперь вошедших в состав узбекской нации, наиболее важной является проблема перехода бывших полукочевников-скотоводов к интенсивному земледелию хлопководческого направления. В этом же плане можно рассматривать статью Я. Р. Винникова о белуджских колхозах¹⁰. Весьма желательно было бы эту работу продолжить и углубить с целью создания монографии, охватывающей все стороны жизни и быта белуджей в прошлом и настоящем. К этому типу исследований можно отнести и диссертационную работу Л. С. Толсто-

¹⁰ «Советская этнография», 1952, № 1.

вой, посвященную вопросам этногенеза и истории культуры фергана каракалпаков. Изучение современной жизни каракалпакских коул в Фергане является необходимой второй частью этого исследования, которая, надо надеяться, будет выполнена в будущем.

Изложенное показывает многообразие, значительность и сложность задач, которые стоят перед этнографами, работающими в области изучения колхозного крестьянства. Вступив на этот путь, мы убеждены, что к каким широким перспективам научного исследования он нас ведет, как способствует нашему теоретическому росту, в какой степени повышает авторитет этнографии как науки, поднимающей острые, актуальные проблемы и выполняющей важную роль в общей задаче советского народа — коммунистическом строительстве.

А. Д. БЕХМАН

ЧЕРТЫ НОВОГО В АРХИТЕКТУРЕ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ЖИЛИЩА

Изучение русского крестьянского жилища, отличающегося своеобразными строительными приемами, архитектурой и декоративным убранством, представляет большой интерес для этнографов и зодчих.

При исследовании жилища предоктябрьского периода прослеживается изменение его форм по мере разложения сельской общины и развития капитализма в России. Еще нагляднее выступают изменения, которые происходят в Советскую эпоху в связи с коренным преобразованием быта и повышением материального и культурного уровня трудящихся. В планировке двора и дома, в его архитектурном убранстве отражается процесс стирания существенных различий между городом и деревней. В новых постройках выявляется стремление приблизить план дома к городскому типу, в традиционную архитектурную обработку вносятся городские элементы и т. д.

Наряду со строительством новых домов происходит перестройка старых, которые приспособляются к новым культурным и бытовым условиям.

Большого внимания заслуживает изучение народного жилища в районах, связанных с проблемой Большой Волги. В лесных районах по берегам Волги и ее притоков расположено много сел с хорошей деревянной архитектурой и очень интересным декором построек. Таков, в частности, Алатырский район Чувашской АССР. Территория его и до настоящего времени покрыта большими лесами. Район изобилует многими ручьями и речками, впадающими в Суру.

Вокруг г. Алатыря расположено несколько русских сел, в которых сохранилось много старинных построек своеобразной архитектуры и декоративного убранства. В настоящее время, как показали, например, наблюдения в с. Явлей, идет постепенный процесс преобразования старого жилища и изменения плана двора. В новом строительстве наряду со старинными декоративными приемами применяются украшения, свойственные городской архитектуре.

Село Явлей находится в 7 км от города. Оно расположено по берегам ручья Явлейки и р. Суры. Река судоходна и издревле использовалась для лесосплава, торговых перевозок и рыболовства.

В селе широкие улицы с небольшими переулками. Усадьбы расположены непрерывными рядами по обеим сторонам улиц. Старая часть села находится на возвышенности; прежние выселки из него ныне составляют с ним одно целое. Население, помимо земледелия, в прошлом занималось лесосплавом, вывозкой бревен и другими работами в лесу. Вывозка была сосредоточена преимущественно в руках богатых крестьян, многие из них имели по 5—6 лошадей и более, что приносило им значительные доходы, особенно в зимнее время.

Многие усадьбы в селе сохраняют традиционную планировку: двор застроен по периметру, дом обращен к улице торцовой стороной с тремя окнами. Так застраивали усадьбы до распада общины и так же продол-

жали строиться и выделявшиеся члены семьи, когда началось интенсивное дробление хозяйства с развитием капитализма в XIX в.

Появление на рынке в связи с ростом промышленности пиломатериалов, скобяных товаров, стекла и других изделий оставило значительный след в быту и жилище крестьян. Так, появились большие створчатые окна, кирпичные трубы и дымоходы, тесовая обшивка, обшивные фронтоны взамен рубленых, подшивные карнизы и прорезной орнамент вместо долбленого.

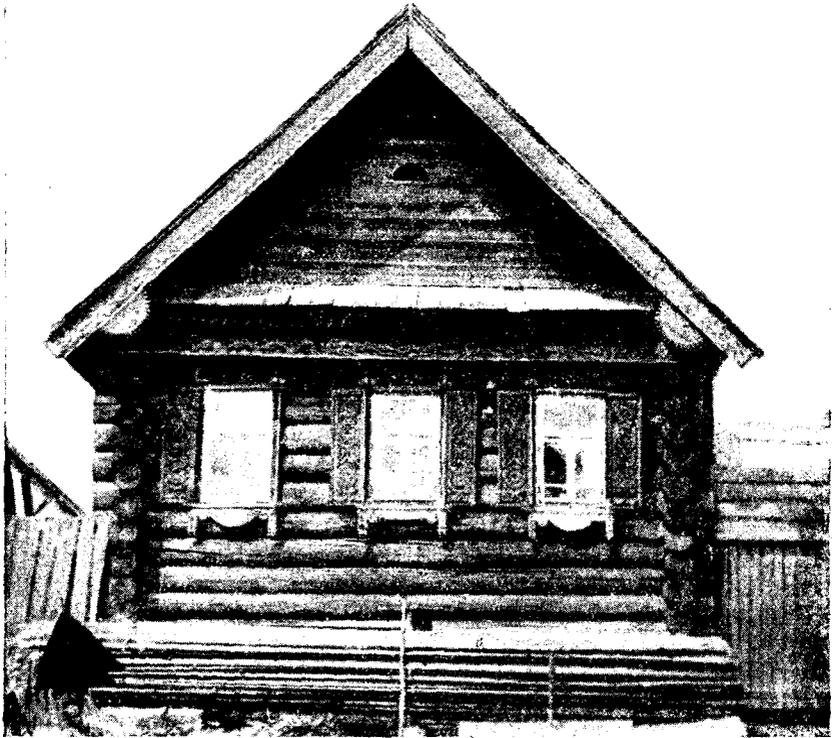

Рис. 1. Дом колхозника Карасева в с. Явлей

Особенностью изб середины XIX в. является наличие горизонтального карниза с «прибоиной» или «тяблом» в месте перехода от рубленой клетки к обшивному фронтому. Карниз богато украшен резьбой, в которой находят отражение элементы городской каменной архитектуры: резные модульоны, кессоны, розетки и т. д. Окна по форме, размерам и обработке далеки от древнего волокового окна. Они украшены красивой формы карнизами, наличниками и богатой резьбой на ставнях. Примером такой обработки может служить дом, представленный на рис. 1. Фронтон этого дома зашит горизонтально расположенными досками. В дальнейшем плоскость фронтона стали покрывать узорной обшивкой и сложными накладными декоративными украшениями, располагая их и горизонтально и параллельно скатам крыши.

В каждой усадьбе по улице рядом с домом расположены ворота во двор с калиткой. Вход в избу старой постройки находится на уровне земли. Входная дверь ведет в крытый коридор с внутренней лестницей в несколько ступеней, по которым поднимаются на уровень пола или «моста» сеней. Дома новой постройки имеют крыльца со ступеньками

перекрытые фронтоном на двух резных колонках. В домах современной постройки крыльца без колонок, с фронтоном на кронштейнах.

Большинство домов со «лбом» и двускатной крышей. Реже встречаются дома с четырехскатной крышей, стоящие длинной стороной вдоль улицы.

Во всех усадьбах непосредственно за двором разбит сад с плодовыми деревьями. Дворы и в новых усадьбах продолжают по традиции застраивать по периметру, оставляя середину его открытой. Старые дворы были большого размера, со многими хозяйственными помещениями. До наших дней они не сохранились, последний из них был перестроен в 1952 г. Планы и описание старых больших дворов могут быть восстановлены лишь путем опроса населения. На рис. 2 и 3 представлен типичный для села дом. Усадьба выходит узкой стороной на улицу, так что дом ориентирован окнами на юго-запад. Архитектурная обработка его относится к середине XIX в. Фронтон обшит горизонтальными досками без узоров и не украшен резьбой. В левом переднем углу усадьбы ранее стояла изба родственника Карасевых. Во дворе постройки расположены по периметру. Непосредственно к дому со стороны клети примыкает сарай с сеновалом. (Вдоль продольной стены сарая уложена «поленница» дров). Из сарая ведет дверь в «подклеть». К сараю примыкает коровник. При перестройке двор уменьшился за счет удаления конюшни с относящимися к ней подсобными помещениями. Место, которое она занимала, на плане заштриховано по краям.

За двором справа на огороде у межи расположен колодец, обслуживающий смежные усадьбы. Рядом с колодцем — крытый погреб, его рубленая надземная часть имеет вид сарая, с дверью в боковой стене и двускатной крышей. Внутри этого помещения имеется люк в подземную часть, куда набивают лед. За двором — огород и фруктовый сад. На огороде, ближе к левой меже,

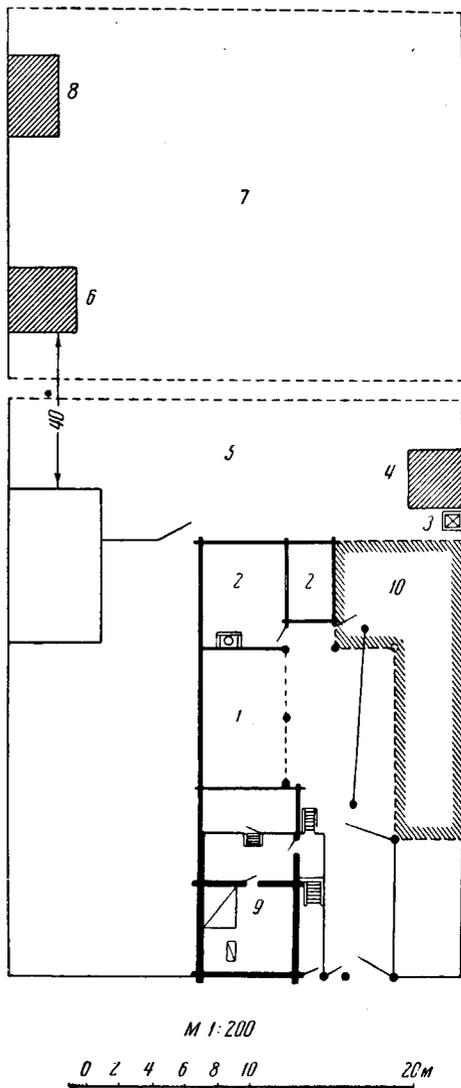

Рис. 2. План усадьбы колхозника Карасева: 1 — сарай с сеновалом; 2 — коровник; 3 — колодец; 4 — погреб; 5 — огород; 6 — амбар; 7 — сад; 8 — баня; 9 — изба; 10 — часть бывшего двора

За двором справа на огороде у межи расположен колодец, обслуживающий смежные усадьбы. Рядом с колодцем — крытый погреб, его рубленая надземная часть имеет вид сарая, с дверью в боковой стене и двускатной крышей. Внутри этого помещения имеется люк в подземную часть, куда набивают лед.

За двором — огород и фруктовый сад. На огороде, ближе к левой меже,

стоит амбар, приспособленный ныне для хранения утвари и сена. Еще дальше в глубине усадьбы находится баня, обычного типа — небольшого размера сруб, представляющий собой в плане пятистенку с двускатной крышей.

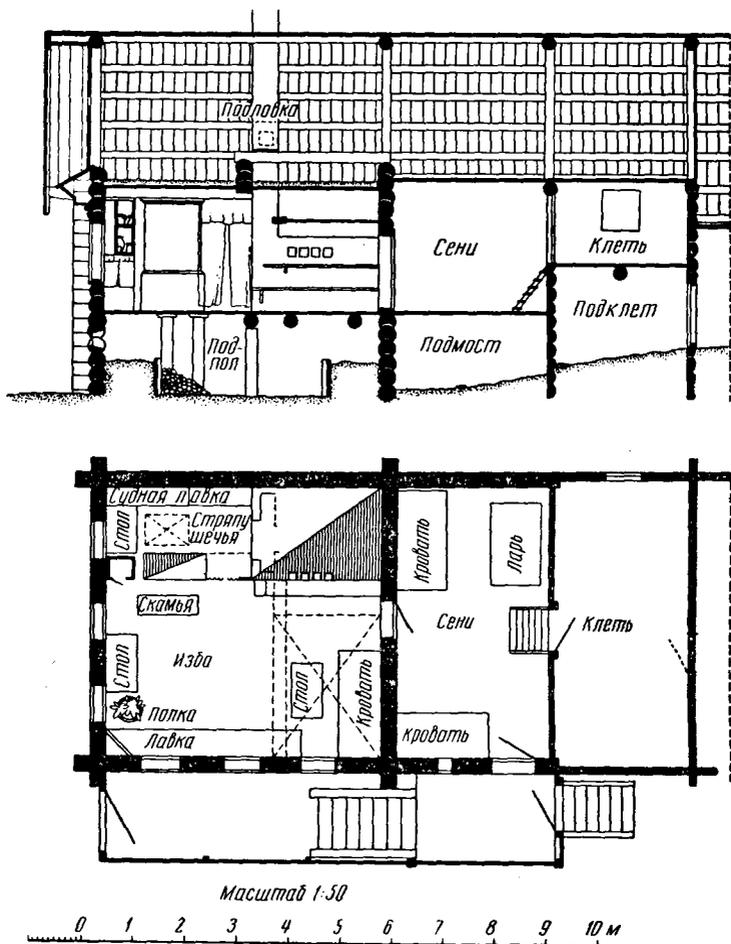

Рис. 3. План и продольный разрез дома Карасева

Дом сохранил в плане старинные черты. По длине он разделяется на три части: избу с подполом и чердаком, или «подловкой», сени с «мо-стом» и клеть с подклетью.

Дверь с улицы ведет в крытый коридор, имеющий, как и в других домах, сквозной проход во двор. Из коридора проходят в избу через сени. Изба разделена на две неравные части. В меньшей расположена стряпушечья с окном в лицевой стене против устья печи, а большая представляет собой жилое помещение с пятью окнами.

Стряпушечья отгорожена от жилого помещения печью или подтопком, шкафчиком с посудой и легкой занавеской вместо двери.

В полу стряпушечьей имеется люк в подпол, где зимой хранят картофель и корнеплоды, насыпаемые на землю и на идущую по периметру завалинку. Подпол высок настолько, что в нем свободно можно стоять. Он освещается через небольшое окно — продух в торцевой фасадной стене. На зиму продух наглухо закрывается изнутри. У стен в стряпушечьей стоят кухонный столик, скамья с ведрами и чугунами, на полу у печи лохань, ближе к окну «судная лавка» — старинный тип кухонного

шкафчика с двумя створками и толстой верхней доской. Непосредственно над судной лавкой на стене укреплена посудная полка «розинька» с горизонтальными брусками для подвешивания ложек, посуды и других кухонных предметов.

В старых избах обычно вдоль торцевой и продольной стен были устроены лавки, на которых сидели, а иногда даже и спали. В настоящее время в большинстве изб лавки заменены стульями. Исчезают из обихода и самодельные кровати, домашнюю обстановку постепенно пополняют фабричными изделиями.

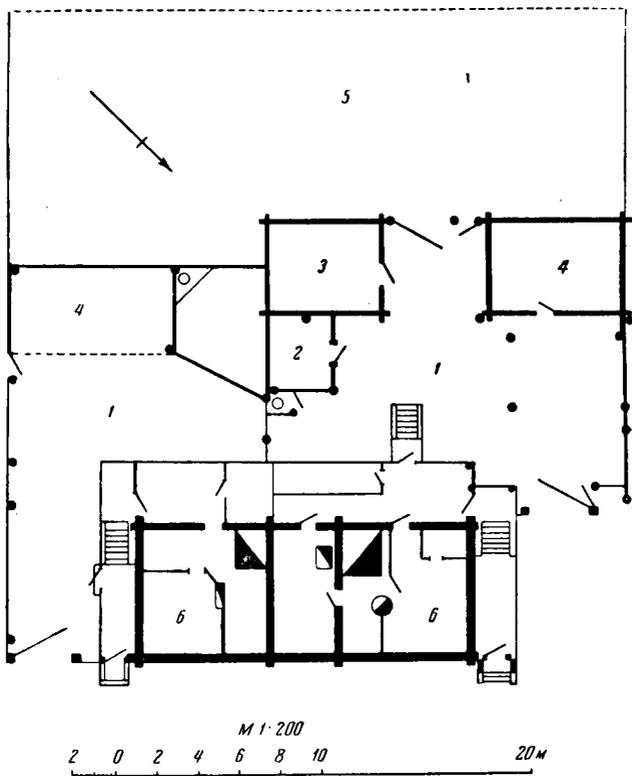

Рис. 4. План усадьбы колхозника Серебрякова в с. Явлей: 1 — двор; 2 — свинарник; 3 — сарай; 4 — коровник; 5 — огород; 6 — изба

В избе Карасева лавки у торцевой стены уже нет. Из мебели в избе имеются скамья и два стола, из которых один стоит в простенке у торцевой стены, а другой посередине помещения и служит для принятия пищи, для чего его поддвигают к лавке. В избе сохранились еще старинные полы, на которых зимой спят, а летом лежат одежда и мелкие предметы.

Находящаяся в углу справа от входа русская печь стоит на срубе, заполненном песком. Для влезания на печь и на полы к срубам прикреплены деревянные приступки.

Часть торцевой и продольной стен у переднего угла оклеена обоями прямо по подтесанному срубам. В этой части избы развешаны семейные фотографии. Пол и потолок при мытье скоблят большим ножом — «косарем», от этого доски пола стали настолько тонкими, что соединяющие их шипы вышли наружу. «Косарем» же скоблят судную лавку, столы и другие предметы обстановки. Потолок моют гораздо реже, но все же несколько раз в год. Местное население любит цветы. Во всех домах

можно встретить самые разнообразные растения, иногда редких. Цветы стоят не только на окнах, но и в особых кадках на полу: защиты от солнца и украшения жилища на окнах повешены занавески фабричного изготовления.

Из сеней ведет лестница в клеть, где хранят одежду и припасы; посредственно под клетью находится подклеть со входом из сарая — помещение достаточной высоты, в котором в зимнее время содержится домашний скот.

Потолок в сенях настлан из досок, но не по всей их ширине, а наполовину. Пол в сенях называется «мостом», а помещение под «подмостом», летом в подмосте держат свиней.

В сенях стоят две деревянные кровати, на которых летом спят, и с плоской крышкой. По стенам развешаны различные мелкие хозяйственные предметы.

По приставной лестнице можно подняться на чердак, или «подлов». Обращает на себя внимание устройство дымохода. Его делают обычно с горизонтальной вставкой — боровом, который лежит на досках, опирающихся на дополнительное бревно. Боровом пользуются для периодической чистки сажи и, что пожалуй еще важнее, он служит профилактическим «искроуловителем», чем уменьшается опасность пожара.

Конструкция стен несложна, они выполнены из массивных 30-сантиметровых бревен, а клеть с подклетью из пластин. Потолок держится рубленых стенах и на одной «матице», идущей поперек дома и служащей в то же время и затяжкой для стропил.

Пол избы опирается на стены и поперечное бревно. Для большей крепости пола под печь подведены еще две поперечные балки и, кроме того, в подполе установлены подпорки.

Крыша дома двускатная с тесовой кровлей и фронтоном, защищенная досками по стойкам. Наклонный подшивной карниз опирается на концы прогонов, идущих по стропилам.

Фасад избы интересен как образец архитектурной обработки жилища второй половины XIX в. Изба построена, как видно по надписи, вырезанной на левом конце карнизной прибоины «тябла», в 1863 г. На правом конце «тябла» вырезаны слова «Павел Яфи», что означает имя и отчество или имя и фамилию хозяина.

В резной орнамент «тябла» в центре вкомпанованы два льва, несколько потерявшие традиционный облик. Их напоминают лишь стилизованная грива и древняя форма изогнутого между лап хвоста со стрелкой на конце.

Лобовые наклонные доски фронтона, по-местному — «перилья», прикрывают торцы прогонов крыши и опираются нижней частью на выпущенные концы бревен верхнего венца. Концы венцов украшены торцевыми «перьями» в виде полуокружностей с резьбой и сиянием.

«Перилья» имеют глубинную резьбу, причем композиция орнамента неодинакова по их длине, к низу она усложняется.

Неменьший интерес представляют наличники со ставнями. Резные украшения их разнообразны и различны по композиции во всех домах, несмотря на то, что строили их часто одни и те же мастера. Избы рубились мастерами — плотниками, причем они рядились рубить дома вместе с резьбой и украшениями.

На рис. 5 изображен дом другого типа, принадлежащий колхознику Серебрякову. Дом расположен длинной стороной вдоль улицы. Во дворе ведут большие ворота с калиткой и имеется въезд с огорода и поля в глубине застройки. Двор также перестроен, по периметру его расположены свинарник, сарай, коровник с запасом сена на сеновале.

Дом ранее делился, как обычно, на две части — жилую и стряпушечью. Ныне он приспособлен под квартиры. В правой половине живет семья хозяйки, работающей в колхозе, а в левой тракторист с семьей.

Дом ориентирован окнами на северо-восток, чем, видимо, и вызвано расположение его вдоль переулка. План избы обычный, но в него внесены изменения, связанные с новым бытом. Изба подразделена на не-

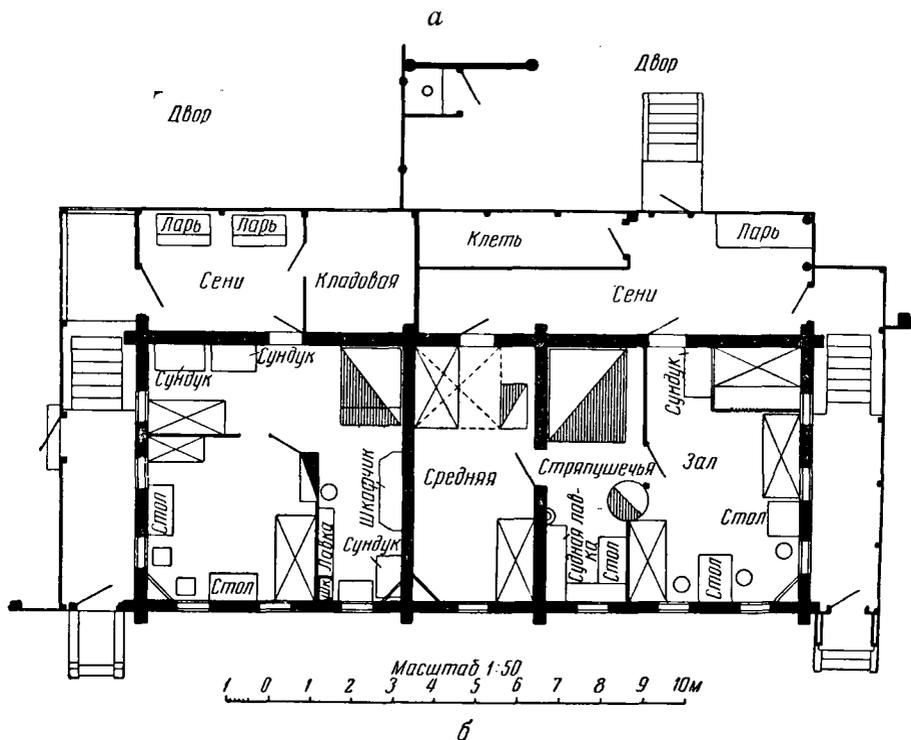

Рис. 5. Дом колхозника Серебрякова; а — внешний вид, б — план

сколько комнат. На правой стороне три комнаты: спальня, зал и кухня, или стряпушечья. На месте бывших сеней тоже комната — «средняя». Вход в избу с улицы, с низким крыльцом. Внутренняя лестница вдоль торцевой стены ведет в сени с клетью и ларем в углу.

Семья из десяти человек, живущая в этой половине, приспособила избу к новым условиям, подразделив ее на четыре помещения. В комнатах расставлена мебель фабричного производства — хорошие кровати, столы, стулья. В стряпушечьей — судная лавка, над ней «розынька», стел и умывальник. В «средней» комнате стоят деревянные кровати, а под их толком сохранились еще и полаты. У стен лавок уже нет, оставшаяся

последняя лавка выставлена из комнат в сени как ненужная.

Левая половина избы подразделена на три части: две жилые комнаты и стряпушечью со столом, шкафчиком, скамьей полками.

Почти во всех избах, кроме русской печи, имеются еще и подтопки даже отдельные круглые печи в кожухах.

Дом Серебрякова монументальный. Бревна массивные, 30-сантиметровые. Здание с подпольем высоко поднято над уровнем земли. При расположении дома вдоль улицы отпала необходимость в устройстве фронтона. Постройка перекрыта четырехскатной тесовой кры-

Рис. 6. Окно дома колхозника Серова, с. Явлей (постройка 1888 г.)

шей. Дом украшен по бокам двумя крыльцами с фронтонами на колонках. Карниз дома подшивной с резным орнаментом. Богато украшены резьбой наличники окон, ставни с красивым орнаментом. Створка ставень сделана из целой доски на двух шпонках подобно старинным иконам. Вырезан не только глубинный узор, но и боковые обрамления. Лишь по коротким сторонам к ставню прибиты планки, дополняющие обрамление.

Верх окна украшен своеобразной деталью в виде изогнутого лука. Орнамент плотник намечал при помощи шила, и потом уже по этому контуру выполнялась резьба на глаз от руки. В разметке орнамента нет строгой симметрии. Общий вид украшений окна подобен приведенному на рис. 6.

Внутри изба светлая, опрятная, на всех окнах занавески и комнатные цветы. Стены комнаты у переднего угла оклеены обоями и украшены, как и во многих других избах, резными полками. Орнамент резьбы полиц растительный, иногда раскрашенный. Повидимому, он взят с древних образцов, со включением в композицию различных архитектурных деталей, в том числе и витых колонок.

Приспособление старого плана избы к новому быту можно проследить также на примере дома колхозника Кузнецова в с. Удельном того же района (рис. 7). Колхоз в этом селе передовой, он электрифицирован, радиофицирован и имеет двухэтажное типовое здание клуба, в котором Кузнецов работает заведующим. Застройка двора Кузнецова традиционная — по периметру. Въезд через ворота. Крыльцо с фронтоном на кронштейнах.

Иза подразделена на две комнаты и кухню, служащую одновременно и столовой. Русская печь вынесена в кухню, а комнаты отапливаются

отдельной печкой. Это уже не изба, а квартира с городской обстановкой. В комнатах стоят хорошие кровати, буфет, комод, этажерка, шкаф, три стола, девять стульев. Печей три, включая и русскую. Комнаты светлые с большим количеством окон.

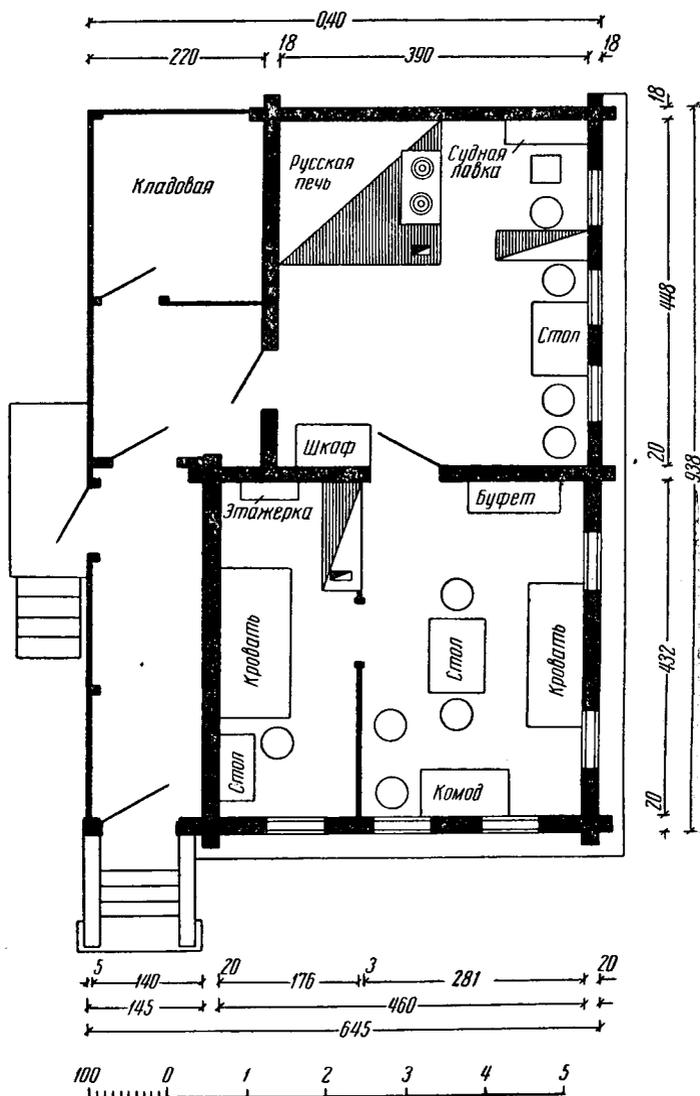

Рис. 7. План дома колхозника Кузнецова, с. Удельное

Приемы архитектурной обработки и планировки домов колхозников Карасева и Серебрякова относятся, как отмечалось ранее, к XIX в. На рис. 8 показан дом в с. Явлей более поздней постройки, в архитектуре которого отразились изменения, связанные с применением пиломатериала. Резные украшения приобрели иной характер. Обшивка фронтона стала орнаментальной, она обильно покрыта прорезными и накладными узорами. Окна стали шире, ставни исчезли, в наличниках появились точеные архитектурные детали.

Крыльцо удачно вкомпановано в стену и находится под общей крышей здания, что, кстати, применяется и в местной городской деревянной архитектуре.

На рис. 10 показан новый дом, построенный в 1953 г. колхозником

Блиновым в с. Явлей на территории старой усадьбы. План двора (рис. сохранился прежний — застройка по периметру, въезд через ворота, выезд в поле через сарай позади дома. С левой стороны расположенный колодец на меже. Рядом с ним стоит крытый погреб, а к нему примыкает крытый двор с сараем, коровником и свинарником.

В плане нового дома на месте сеней — удлиненный коридор со склепом и проходом к клети и во двор. Такие коридоры встречаются и в некоторых старых домах. Летом в коридоре спят, там же стоят велосипеды, которых хозяева ездят на работу. Из коридора по лестнице можно подняться в клеть, там же у клети устроен лаз по деревянным скобам «подловку». Из коридора дверь ведет в «прихожую» — комнату с окном

Рис. 8. Украшенный резьбой дом в с. Явлей

правой стороны которой расположена русская печь. Пространство перед печью предназначено для сушки одежды, поэтому туда и обращены и чурки. Зимой предполагается здесь держать ягнят и другой молодняк. Из прихожей можно пройти в стряпушечью, тоже имеющую окно, расположенное прямо против устья печи. В полу стряпушечьей имеется люк, ведущий в подпол, у стены стоит судная лавка и над ней «розынька».

Печь, как обычно, стоит на срубе высотой 85 см, скрепленном по камням и наполненном песком. Изба еще окончательно не достроена, и этому распределение площади избы и мебель на рис. 10 показаны пунктиром. Хозяин предполагает иметь, кроме прихожей, еще зал и спальню. Дверей во внутренних перегородках не будет, их заменят легкие завески.

Вместо подтопка для обогрева зала и спальни поставлена круглая печь в железном кожухе.

Полы и потолок деревянные, причем потолок сплошь покрашен белой масляной краской. Стены предполагается оклеить обоями.

Высота помещения в свету незначительна, всего лишь 2,5 м. Следует отметить увеличение световой площади окон: они увеличены по ширине и высоте, размеры их в свету 71×140 см вместо $65 \times 1,05$ см. Комнаты в этом доме будут значительно светлее, чем, например, в старом доме Карасева, где световой коэффициент составлял 1 : 6, а здесь он доведен до 1 : 4. Это даже значительно превышает современные гигиенические требования к освещению жилых комнат в городских зданиях.

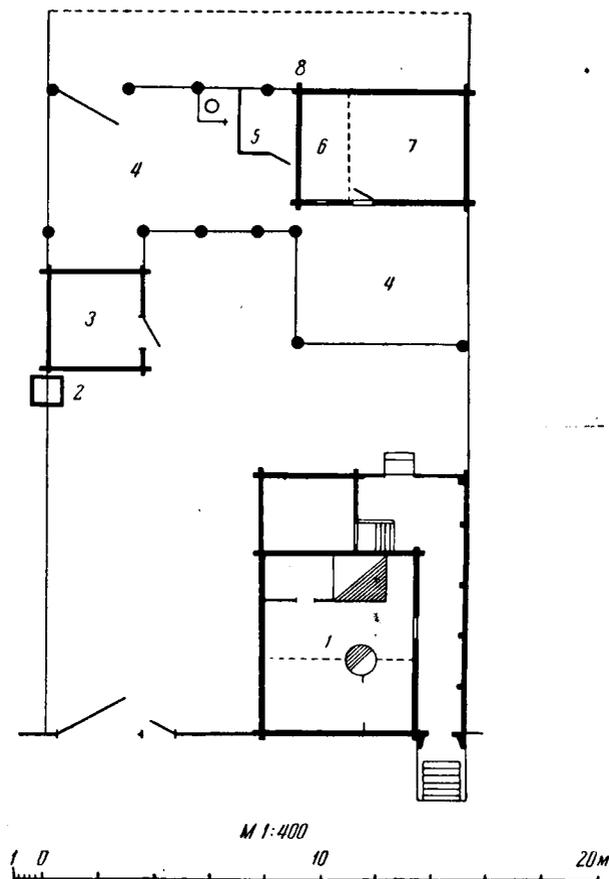
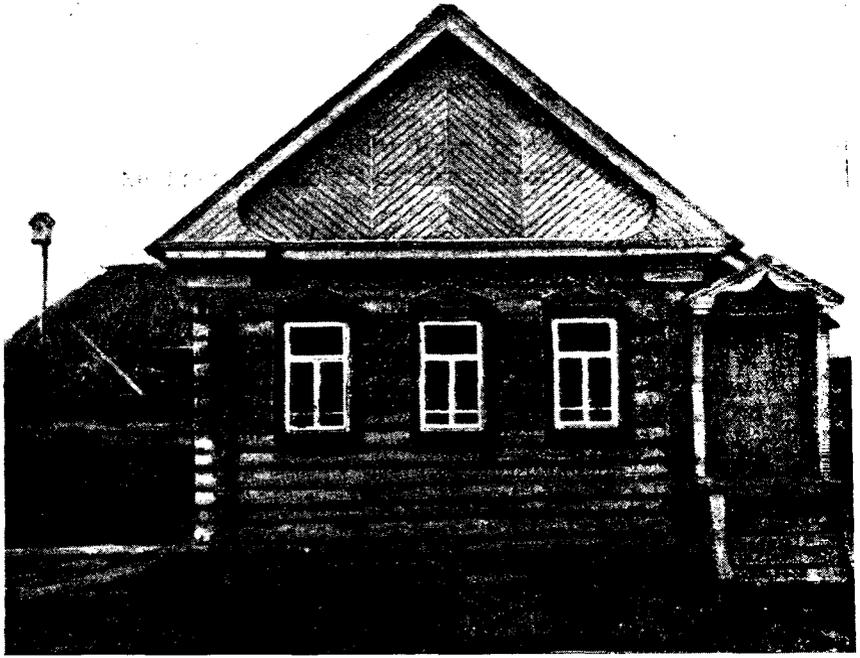

Рис. 9. План двора колхозника Блинова, с. Явлей.
1 — дом; 2 — колодец; 3 — погреб; 4 — крытый двор;
5 — сарай; 6 — свинарник; 7 — коровник; 8 — огород

Из-за расширения окон не удалось использовать старое декоративное убранство.

В обработку фасада дома внесены некоторые изменения с использованием приемов, принятых в городских и деревенских домах.

Подобно дому, приведенному на рис. 8, «лоб», или поле фронтона, защит досками в елку. Фронтон имеет утолщения по концам с раскреповками. Под горизонтальным карнизом оставлена старинная резная прибоина, или «тябло». Наличники новых окон в верхней части имеют украшение с килевидным вырезом, повторяющим украшение крыльца. Окна пока без ставен. Крыльцо без столбов. С боков оно оформлено выступами стен, перекрытыми сверху фронтоном с килевидным вырезом. Крыша тесовая. Местные жители считают такие крыши более долговечными и предпочитают их другим.

а

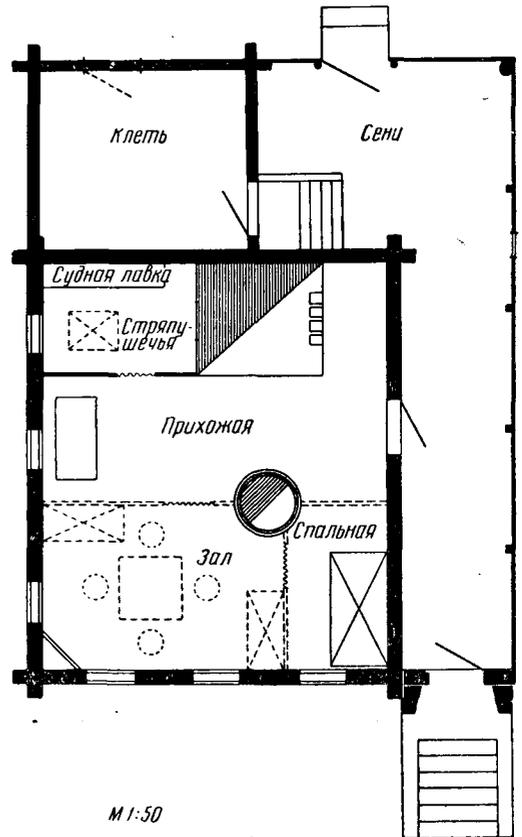

Рис. 10. Новый дом колхозника Блинова (постройка 1953 г.):
а — внешний вид, б — план

М 1:50

1 0

5

б

* * *

Изменения жилища и приспособление его к новым бытовым условиям наблюдаются не только в Алатырском районе, но и в других местах Владимирской, Ивановской и Горьковской областей.

Современные жилища значительно отличаются от дореволюционных построек. Крестьянские дворы перестроены и уменьшены против прежних за счет сокращения некоторых излишних в колхозном быту хозяйственных помещений, главным образом конюшен, амбаров и др.

План дома изменяется в сторону дробления жилой площади избы на несколько отдельных комнат: зал, прихожая, спальня. Для обогрева их ставится отдельная печь.

Прежняя мебельровка, состоявшая из лавок, полатей, деревянных скамей, самодельных кроватей, не удовлетворяет возросшим потребностям колхозников, новым условиям их быта и заменяется хорошей мебелью фабричного изготовления.

Архитектурное убранство фасада в новых домах создается на основе местных традиций зодчества с широким использованием теса и применением прорезного и накладного орнамента во фронтонах, карнизах и других мелких деталях. Освещение дома усиливается за счет увеличения размеров оконных проемов. Ставни применяются реже, а в архитектурную обработку окон вводятся элементы украшений из точеных деталей. Заметно стремление приблизить архитектуру домов к городскому типу, однако некоторые резные украшения, например, «тябло», «перилья» при перестройке все же сохраняются.

В связи с широким развитием строительства в колхозах изучение истории жилища имеет очень большое значение. Оно дает возможность при промышленном изготовлении новых домов колхозников учитывать в типовых проектах бытовые особенности населения, местные строительные традиции, опыт народных зодчих.

В. Н. ДАНИЛЕНКО

ВОЛОШСКИЙ ЭПИПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ МОГИЛЬНИК

(Предварительное сообщение)

Весной 1952 г. днепропетровским археологом А. В. Бодянским, осуществлявшим по поручению Института археологии АН УССР археологический надзор в порожистой части Днепра, был открыт древний могильник у с. Волошского (18 км южнее Днепропетровска). В связи с тем что памятнику угрожал разлив реки, А. В. Бодянским были предприняты раскопки, приведшие к выявлению девяти древних погребений. После этого раскопки, по указанию руководства Института, были прекращены и возобновлены под руководством автора только в ноябре. Результатом работ явилось исследование девяти других погребений. А. В. Бодянским удалось сохранить только один череп (№ 5). Наши возможности для консервации оказались лучшими, в значительной мере по причине участия в работах опытного реставратора Института антропологии МГУ Н. И. Ильенко, сумевшей сохранить антропологический материал.

Могильник расположен в прибрежной полосе на участке второй надпойменной террасы, имеющей вид вытянутого вдоль течения Днепра «островка». Древние погребения занимали гребень «островка» и располагались полосой, вытянутой с ЮВ на СЗ на 14 м, шириной около 4 м (рис. 1). Могильник подразделяется на две самостоятельные части: северо-западную (погребения № 1—12, образующие несколько коротких рядов) и юго-восточную (погребения № 13—18, размещенные без видимого порядка и отличающиеся от погребений первой группы также по характеру ритуала).

Все погребения залегали в толще лёсса. Признаков ям заметно не было. Из девятнадцати скелетов восемнадцать принадлежало взрослым, детским оказалось только одно погребение — № 18. Погребение № 8 оказалось парным.

По ритуалу погребения можно разделить на четыре типа. 1) Погребения скорченные, лежащие на правом боку, с руками, обычно подведенными к лицевым костям, ориентированные головами на ЮВ (№ 1, 2, 4—10, видимо, также № 11, 17 и 12). Сюда относятся почти все погребения северо-западной группы. 2) Тип представлен одним погребением № 3, отличающимся от предшествующих положением на левом боку и несколько иной ориентировкой. 3) Погребения, уложенные насильственно согнутыми (№ 14, 13 и 16), с различной ориентировкой. 4) Погребения вытянутые, ориентированные головами на ЮВ (№ 15 и 18).

Погребения разных типов выявлялись на разных глубинах. Наиболее «глубокими» оказались скорченные погребения первой группы, а самыми «мелкими» — вытянутые погребения № 15 и 18, а также потревоженное в древности погребение № 17.

Значение ряда признаков погребений как показателя хронологических различий не вызывает сомнений, однако здесь могли играть роль и общественные мотивы. Это, возможно, например, в отношении погребения № 3 — убитого взрослого субъекта, а также в отношении перегнутых погребений № 13, 14 и 16, занимающих на площади могильника особые периферийные места.

Ниже приводится описание погребений в порядке их расположения, хотя это и приводит к нарушению нумерации по дневнику.

Наиболее многочисленную группу составляют скорченные погребения. Погребение № 2. На глубине 1,22 м от условной точки. На правом боку. Колени находятся против места брюшной полости, кости левых конечностей налегают на соответствующие части костей правых, кисти — против лица. Погребенный был уложен в довольно просторную яму в позе спокойного отдохновения.

Погребение № 1. Глубина 1,22 м. Также на правом боку, теменем почти на юг, а лицевыми костями — на восток. Колени против таза, кости левых конечностей налегают на кости правых. Кости рук прижаты к грудной клетке, а кисти у самых лицевых костей. Инвентарь — обломок пластинки с притупляющей ретушью по краю и обломок пластинки с ретушированным концом (рис. 2—1, 2).

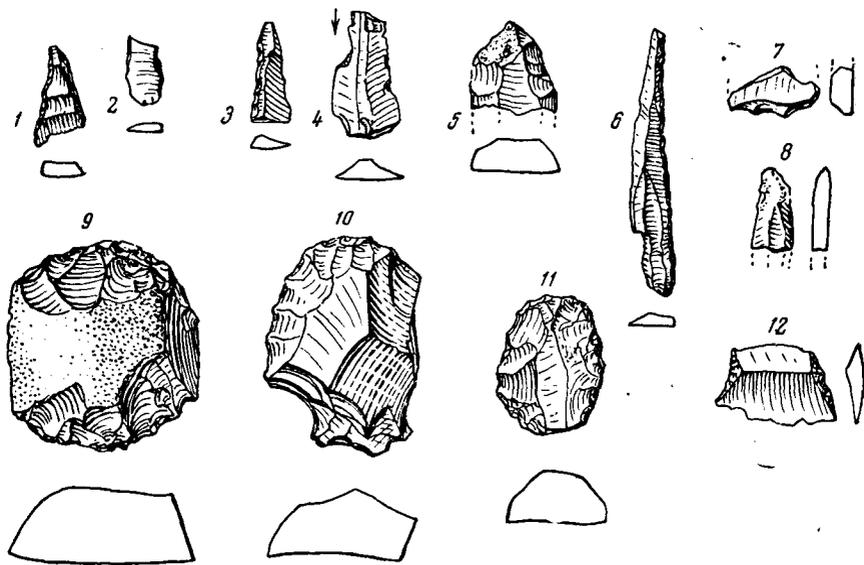

Рис. 2. Каменные орудия из Волошского могильника: Нат. вел. 1, 2 — при погр. № 1; 3, 4 — при погр. № 3; 5 — при погр. № 10; 6 — при погр. № 5; 7, 8 — при погр. № 15; 9, 10, 11 — из культурного слоя, 12 — близ погр. № 18

Погребение № 4. Глубина 1,10 м. Неполные кости конечностей и часть таза. Недостающие части срезаны ямой позднего происхождения диаметром около 2 м. По расположению костей можно предположить, что погребенный был уложен на правом боку, теменем на ЮВ, кости рук прижаты к грудной клетке, а ног — к костям рук. По положению очень близко к погребению № 8а (женскому?). Не исключено, что второе, парное с описываемым, погребение находилось на месте ямы.

Погребение № 9. Глубина 1,25—1,35. Кости ног подогнуты, колени против таза, кости рук согнуты в локтях, кисти — против лобных костей. Скелет сохранился полностью, недостает лишь верхней части правого бедра и части правой малой берцовой. Повреждения эти, возможно, древние, так как следов кротовин, корневищ и пр. не обнаружено.

Погребение № 5. Глубина 1,14 м. Отличается некоторыми особенностями — левое колено поднято выше правого, руки не повернуты к лицу, а спущены к коленям; кисти и части костей предплечья отсутствуют. Учитывая отсутствие механических повреждений почвы, а также приводимые ниже сходные случаи, можно думать об отсечении кистей рук по соображениям ритуального порядка. В области грудной клетки найдена небольшая остроконечная пластинка с притупляющей ретушью

по краю — несомненно, наконечник стрелы (рис. 2—6). Погребенный б повидимому, насильственно умерщвлен.

Погребение № 7. Глубина 1,26 м. Стопы налегают одна на другую, правое колено на уровне тазовых костей, левое — несколько ниже. Согнутые в локтях кости рук далеко вынесены вперед, кисти расправлены и находятся примерно на уровне лицевых костей.

Погребение № 10. Глубина 1,26—1,32 м. Руки и ноги сильно согнуты — локти и колени почти соприкасаются. Кости голеней и стопы лежат неестественно параллельно левой бедренной кости. Такое положение ног, т. е. особая притянутость к корпусу, а также смещение книзу, возможно, указывает на преднамеренное рассечение ног перед погребением. Под средними правыми ребрами недалеко от позвоночника найдена часть побывавшего в огне остроконечного кремневого орудия с крутой ретушью (рис. 2—5).

Погребение № 6. Глубина 1,12 м. Лежат, как большинство погребений первого типа, но несколько «вразвалку», наподобие погребения № 7, находящегося рядом. Кости рук, согнутые в локтях, вынесены вперед, а кисти находятся на уровне лица. Нижние части голеней и стопы отсутствуют, причины этого обстоятельства неясны.

Погребение № 8. Глубина 1,10 м. Парное, включающее два захоронения — № 8а (северо-восточное) и № 8б (юго-западное). Первое повидимому, женское. Связь, а следовательно, и одновременность обоих захоронений вне сомнения, из особенностей взаиморасположения этой пары погребений можно прийти к выводу о том, что она представляла собой супругов, брачные отношения которых символизируются особыми положениями погребенных.

Погребение № 12. Глубина 1,10 м. Сохранилось не полностью часть отрезана позднейшей хозяйственной ямой. На месте остались части костей ног и таз. По их положению видно, что погребение принадлежит к первому типу.

Погребение № 11. Глубина 1,24—1,36 м. Ноги согнуты в коленях настолько сильно, что пяточные кости оказались почти под копчиком. Руки согнуты в локтях и прижаты кистями к лицу, одна из основных фаланг оказалась зажатой между зубами верхней и нижней челюсти, концевая фаланга прилегает к нёбу. Череп разбит в древности — недостаёт его левой половины, линии изломов сохраняют древнюю известковую корку.

Погребение № 17. Глубина 0,75—0,90 м. Сильно разрушено и отнесено к типу скорченных погребений условно. Разрушено погребение в древности, но остатки его не были выброшены, а, как нам представляется, уложены в определенном порядке. Череп лежал на глубине около 0,75 м на правом боку теменем на ЮВ. К северо-западу от него непосредственно рядом, остатки нижней челюсти, а на расстоянии 35 см к западу небольшие обломки локтевой части руки. Вероятно, к этому погребению относятся находящиеся рядом с погребением № 16 кости ног, которым придано положение, имитирующее согнутость в коленях. Отсутствие следов позднейшего повреждения грунта позволяет думать, что это погребение было потревожено при захоронении погребения № 16а, возможно, и № 15.

Погребение № 3. Глубина 0,95 м. Находится на значительном удалении от других погребений и, повидимому, не случайно. Лежит на левом боку в сильно скорченном положении головой на юг. (Второй тип). Кисти рук, согнутых в локтях, прикрывают лицо, ноги сильно согнуты и подведены коленями к локтям. Погребение сопровождалось немногочисленным инвентарем: обломком небольшой пластинки с затупленным ретушью краем (рис. 2—3), найденным в области грудной клетки, небольшим микролитическим резцом углового типа (рис. 2—4), пластинкой подретушированной с бруска, мелкими обломками кремня, среди кото-

рых резцовый скел. Наиболее интересной является находка небольшой остроконечной пластинки с затупленным ретушью краем, застрявшей в атланте этого скелета. Погребенный был застрелен из лука. В этом, как и в том, что многие «пластинки с притупленным ретушью краем», в действительности являются наконечниками стрел — возможно древнейшими — едва ли могут быть сомнения.

Далее следуют погребения третьего типа.

Погребение № 16. Глубина 1,13—1,32 м. Очень сложное скопление костей, в основном находящееся под костями ног погребения № 17. Представляет собой погребение, уложенное на спине в согнутом пополам положении. Часть позвоночника, части левой половины грудной клетки и таз, сильно запрокинутый кверху, лежали ниже черепа. Кости ног оказались закинутыми к голове. Это видно из того, что головки бедренных костей находятся в соответствующих суставных впадинах таза, а самые бедренные кости перекрещены, причем левое колено вместе с коленной чашечкой оказалось под плечевой костью правой руки, а правое — у запястных костей черепа. Несмотря на то, что берцовые кости сохранились не полностью, можно установить, что ноги были сильно согнуты в коленях. Кости стоп не сохранились. Руки согнуты в локтях и закинуты вправо, кости левой руки сохранились почти полностью, включая и часть фаланг, а левой — не полностью — отсечена кисть вместе с примыкающими частями длинных костей. В связи с тем, что в этом месте нет следов позднейших механических повреждений почвы, можно думать, что отсутствие некоторых частей скелета, как и исключительная его скорченность, обуславливались какими-то особенностями погребального ритуала. Инвентарь: обломок пластинки с притупленным краем (острие) с приставшей костной массой (рис. 2—8) и небольшой отщеп с ретушью. Связь их с данным погребением не ясна, так как при нем есть части из других погребений.

Погребение № 13. Глубина 0,99—1,20 м. Сохранилось далеко не полностью, значительная часть его отрезана хозяйственной ямой, повредившей и погребение № 12. На месте осталась только передняя часть черепа, а также части правой и левой лопатки и часть правой плечевой кости. Несмотря на то, что от погребения осталось так мало, особый интерес его несомненен. Это погребение, если и было полным, было совершено в особом положении — грудью книзу.

Погребение № 14. Глубина 0,99—1,10 м. Уложено примерно в том же положении, что и погребение № 16, но ориентировано в противоположную сторону. Многих частей скелета нет, что в связи с отсутствием механических повреждений почвы можно объяснить особенностями ритуала.

Далее следуют вытянутые погребения — четвертый тип.

Погребение № 15. Глубина 0,80—0,93 м. На спине конечности вытянуты, череп ориентирован на ЮВ, лежит на правой стороне. Кисти рук и части обеих ног ниже колен отсутствуют. В связи с отсутствием механических повреждений почвы можно думать о преднамеренном ритуальном отсечении недостающих частей. К югу от черепа в лёссе на глубине 0,80 м небольшой отщеп (рис. 2—7), в области таза — острый обломок трубчатой кости животного, торчавший вертикально.

Погребение № 18. Глубина 0,90—0,95 м. Это погребение ребенка, уложенного на спину. Череп и несколько позвонков смещены к СВ, от рук остались только плечевые кости, несколько сдвинутые вправо, от ног — только бедренные, несколько сведенные в коленных частях. Нижняя часть ног отрезана ямой периода бронзы. Неподдалеку, на глубине 0,85 м, найдена небольшая трапеция из серого кремня (рис. 2—12).

В настоящее время трудно предложить окончательное решение вопроса о возрасте описанного выше могильника. В частности, мы лишены возможности сопоставить его с данными другого надпорожского мо-

гильника — Васильевского¹, сходного с Волошским во всех отношениях. Характер немногочисленных находок указывает на ряд архаических и неизвестных в комплексах заведомо «мезолитических» (Сюрень II, 3 миль-Коба, Шан-Коба, Мурзак-Коба и пр.), но имеется реальная возможность принять локальные особенности кремневого инвентаря за хронологические. Не все еще ясно и в отношении геологических условий залегания, так как степень сохранности «островка», на котором находится могильник, еще в недостаточной степени определена. Возможно, например, что какая-то часть покровного лёсса здесь была смыта или развезена в древности, что, может быть, и объясняет сравнительно небольшую глубину залегания погребений. Настаивать на последнем все же трудно. Несмотря на реальный характер этих трудностей, все же можно высказать некоторые соображения о возрасте Волошского могильника.

Как указывалось выше, Волошский могильник находится на второй лёссовой террасе Днепра, т. е. на том же самом уровне, что и позднейшие палеолитические стоянки Надпорожья.

Строение этой террасы на месте исследованного могильника характеризуется такими данными:

1. 0,00—0,30 м — черноземный почвенный покров.
2. 0,30—0,80 м — переходный буроватый суглинистый горизонт; в нем на глубине около 0,60 м — отдельные находки эпипалеолитического возраста (рис. 2—9, 10, 11).
3. 0,80—1,25 м — палево-желтый неслоистый эоловый лёсс. В нем впущены на глубину от 0,80—1,10 м вытянутые погребения № 15 и № 18, согнутые погребения № 13 и 14, а также скорченные погребения основного типа № 12, 8а и 8б и 3, а также на глубине всего 0,75—0,90 м залегают остатки разрушенного погребения № 17.
4. 1,25—1,35 м — серовато-желтый слабо слоистый лёссовидный суглинок: в нем залегает преобладающее большинство погребений могильника — № 9, 10, 11 и др.
5. С 1,35 до 2,4 м продолжаются делювиально-аллювиальные отложения (горизонты желтого и лёссовидного и слоистого серого суглинка; а глубже идут чередующиеся горизонты серого песка и тонкие глинст прослойки — отложения явно аллювиального происхождения).

Из приведенных выше данных можно сделать вывод о том, что опресняемый «островок» был использован для устройства могильника только после того, как он превратился в незаливаемый, но, видимо, еще долгое время окружавшийся водой участок суши.

Так как все погребения залегали в чистом лёссе, контуры ям, заключавших погребения, а также уровень, с которого они были впущены, установить не удалось. О последнем обстоятельстве можно составить некоторое представление лишь на основании косвенных данных. Например, можно предполагать, что вытянутые погребения № 15 и 18 впущены с уровня нижней части второго слоя (несколько гумусированной подпочвы). Об этом говорит ряд обстоятельств — наличие к югу от этих погребений на глубине около 0,60 м трех округлых скребков эпипалеолитического типа, положение черепа разрушенного погребения № 17 на глубине всего 0,75 м, залегание трапеции недалеко от погребения № 18 на глубине около 0,85 м и пр., что более или менее фиксирует древнюю поверхность, с которой были впущены эти погребения. Сами эти погребения залегают глубже всего на 10—20 см, что указывает на наибольшую глубину погребальных ям и, надо думать, на наличие каких-то надмогильных холмиков.

О том же приеме захоронения говорят и условия залегания наиболее характерных для могильника скорченных погребений. Несомненно, в самой мелкой яме находилось погребение № 3, выявившееся на глубине

¹ Открыт А. В. Бодянским, частично исследован А. Д. Столяром в 1953 г. и Д. Я. Телегиным в 1955 г.

всего 0,95 м. Столь малую глубину ямы следует объяснить каким-то особым положением погребенного здесь лица, умершего, как указывалось выше, неестественной смертью. Однако и другие скорченные погребения, например № 8а, 8б, и 12, лежали лишь на немногим большей глубине.

Сопоставляя данные о глубине залегания тех или других погребений, можно допустить, что скорченные погребения были впущены из третьего (лёссового) слоя. Это предположение согласуется с мыслью о том, что хоронить на описанном выше «островке» стали сразу же после того, как он перестал затапливаться. При этом захоронение производилось на протяжении значительного периода времени.

Учитывая это обстоятельство, а также охарактеризованные выше условия залегания погребений, целесообразно сопоставить геолого-археологическую характеристику Волошского могильника с соответствующими данными основных многослойных стоянок Надпорожья.

Откладывая рассмотрение относящихся сюда данных до более подробной публикации Волошского могильника, ограничиваемся следующими замечаниями.

В Надпорожье для времени, следующего за исчезновением фаунистического комплекса мамонта, отмечаются две фазы развития культуры. Первая охватывает время формирования вторых надпойменных террас, характеризуется фауной бизона и северного оленя, а также микролитическим комплексом кремневых орудий без геометрических форм. Заметное место занимают небольшие наконечники стрел в виде острий с притупленным краем, а также острия со скошенным концом. Эту фазу мы склонны считать финально-палеолитической. Вторая фаза отвечает времени завершения формирования лёссовых террас, которое характеризуется отложением покровного эолового лёсса, а также начавшимся перенесением стоянок с древних балок (ручьев) на песчаные боровые террасы. Кремневый инвентарь — Шан-Кобинского типа: геометрические формы — трапеции и треугольники, наконечники стрел — «свидерские». Известны погребения (например, Змеевка, Вильнянка и др.).

И по стратиграфическому положению, и по характеру свойственного им кремневого инвентаря основные (скорченные) погребения Волошского могильника относятся к заключительной поре стоянок первой группы, а позднейшие (№ 15 и 18) — ко времени памятников второй группы. Таким образом, Волошский могильник даже в древнейшей части позднее большинства южноукраинских стоянок, относимых к концу палеолита, — позднее верхних слоев Владимировки, позднее Майорки, большинства слоев Осоковрки и Днепровской (б. Ямбург), даже позднее Журавки, — но тем не менее это пока древнейший в Союзе могильник. Обоснование выдвинутой даты, равно как и раскрытие других положений и сравнение данных Волошского могильника с другими финально-палеолитическими и «мезолитическими» погребальными памятниками (Фатъма-Коба, Мурзак-Коба, Яниславице, Обржистве, Мугарет-эль-Вад, Эльментейта и др.), придется отложить до более полного издания этого памятника.

Культура, представленная Волошским могильником и рядом других сходных памятников, выявившихся в последнее время, а также рядом многочисленных на днепровских порогах стоянок, отнюдь не представляет собой узко локальное явление. Она занимает обширные пространства в Причерноморье и даже севернее. Истоки этой культуры могут находиться только на юге, возможно вне Европы — там, где встречаются многочисленные памятники так называемого капсийского типа.

Г. Ф. ДЕБЕЦ
ЧЕРЕПА ИЗ ЭПИПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО МОГИЛЬНИКА
У с. ВОЛОШКОГО

(Предварительное сообщение)

Серия черепов из могильника у с. Волошского является пока единственным документальным материалом о физическом типе населения Русской равнины эпилеполитического времени¹. До находок в с. Волошском представление об антропологических признаках этого населения могло быть составлено только на основании косвенных данных. Древнейший серийный палеантропологический материал с Русской равнины относился к неолиту и бронзовому веку. Изучение этого материала позволяло заключить, что в антропологическом отношении население Русской равнины характеризовалось сохранением признаков кроманьонского типа в широком смысле этого термина². Можно было полагать, что этот тип сохраняется здесь с позднелеолитического времени. Это заключение основывалось на следующих соображениях. Во-первых, кроманьонский тип в палеолите восточной Европы представлен конкретными находками (например, Костенки II)³. Во-вторых, более чем вероятно, что физический тип палеолитического населения Русской равнины был сходен с преобладающим типом палеолитического населения центральной и западной Европы, куда ведут ближайшие археологические параллели⁴. Естественно было полагать, что кроманьонский тип должен был преобладать и на протяжении переходного времени от палеолита к неолиту. Это предположение подкреплялось палеантропологическими находками мезолитического времени в Крыму⁵. Правда, на двух из трех крымских мезолитических черепов (на фатьяма-кобинском и женском мурзак-кобинском) отмечались некоторые черты, позволявшие предполагать возможность небольшой примеси негроидного типа. Но кроманьонские черты все же решительно преобладали, предположение о негроидной примеси оставалось, строго говоря, недоказанным.

В общей форме вряд ли можно сомневаться в правильности вывода о широком распространении кроманьонского типа на Русской равнине от позднего палеолита до третьего тысячелетия до н. э., а местами, судя, например, по находкам в Эстонии⁶, и позднее. Но, как увидим ниже, на-

¹ Археологические сведения о могильнике приведены в статье В. Н. Даниленко, помещенной в этом же номере журнала.

² Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, М.—Л., 1948, стр. 108—109.

³ Г. Ф. Дебец, Палеоантропологические находки в Костенках, «Советская этнография», 1955, № 1.

⁴ С. Н. Замятин, О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода, Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», М., 1951, стр. 127.

⁵ Г. Ф. Дебец, Тарденуазский костяк из навеса Фатьяма-коба в Крыму, «Антропологический журнал», 1936, № 2; Е. В. Жиров, Костяки из грота Мурзак-коба, «Советская археология», № 5, М.—Л., 1940.

⁶ К. Ю. Марк, Новые данные по палеоантропологии Эстонской ССР, Сб. «Материалы балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 год)», М., 1954.

ходки в Волошском могильнике показали, что дело обстояло значительно сложнее, что нельзя ограничивать наши представления не только одним кроманьонским типом, но и кроманьонцами в смешении с негроидами, участие которых в составе древнего населения Русской равнины стало несомненным после замечательной находки А. Н. Рогачева на Маркиной Горе.

Череп Волошского могильника были найдены в плохом состоянии. Все они были разбиты на множество кусков. Но, благодаря тщательной работе реставратора Института антропологии МГУ Н. И. Ильенко, их удалось склеить и, с большей или меньшей долей вероятности, восстановить недостающие части.

Морфологические особенности черепов из Волошского могильника характеризуются исключительным своеобразием. Прежде всего следует отметить их разнородность. У двух черепов (№ 13 и 15) орбиты низкие. У остальных — очень высокие. Череп № 13 (рис. 16) отличается резко выраженным прогнатизмом. По всей вероятности, прогнатен также череп № 15 (рис. 18), хотя реставрация его лицевой части носит в значительной мере гипотетический характер. Остальные черепа ортогнатны или мезогнатны. Череп № 13 характеризуется очень широким, хотя и резко выступающим носом. Определение ширины носа произведено, правда, приближенно, однако носовой указатель во всяком случае не ниже 58. На черепе № 15 размеры носовой области определить, к сожалению, нельзя, даже приближенно. Носовой указатель остальных черепов безусловно ниже 50.

Намечается, таким образом, наличие двух типов. Первый: низкоорбитный, прогнатный, широконосый. Условно назовем его австралоидным. Второй: высокоорбитный, ортогнатный, узконосый. Он отличается от первого по признакам, имеющим большое значение для классификации рас. Условно назовем его древнесредиземным. Положение черепов № 17 и 14 (рис. 4 в и г), у которых совершенно не сохранились лицевые кости, разумеется, неясно.

Череп первого (австралоидного) типа. Основанием для диагностики этого типа является сочетание прогнатизма с широким носом и низкими орбитами. Находки негроидных черепов в погребениях каменного века Европы были известны и ранее. Волошский череп № 13 очень похож на череп с Маркиной Горы. Однако волошский череп крупнее и массивнее, чем костенковский. По всей вероятности, это индивидуальные отличия. К сожалению, у черепа № 13 совершенно отсутствует затылочная часть. В деталях произведенная Н. И. Ильенко реставрация затылочной области носит совершенно гипотетический характер. Но в правильности общей конфигурации горизонтального сечения мозговой коробки вряд ли можно сомневаться. Черепной указатель следует определить в рамках выраженной долихокрании: от 65 до 71 (рис. 5). У черепа № 15 мозговая коробка сохранилась значительно лучше. Указатель равен 65 — (рис. 5) почти совершенно точно.

Череп второго (древнесредиземного) типа. Они могут быть рассмотрены суммарно, хотя о полной однородности этой группы говорить нельзя. Соотношение лицевого угла и носового указателя находится в пределах величин, характерных для европеоидной расы. Но такие величины этих признаков могут быть встречены и у монголоидов. Разграничение может быть произведено на основании данных о горизонтальной профилировке лица. По этим признакам большинство волошских черепов характеризуется резко выраженными особенностями европеоидного типа. Исключение составляет, однако, череп № 10 (рис. 4 б), лицо которого на уровне назиона совершенно плоское. Ввиду единичности этой особенности ее правильнее пока рассматривать как индивидуальное отклонение, но отмеченный факт следует все же иметь в виду, так как возможность монголоидной примеси не исключена. Так или иначе, в се-

рии в целом европеоидные черты явно преобладают. Второй тип волошских черепов решительно отличается от кроманьонского. Верхний лобной указатель пяти черепов этого типа (рис. 2 а, б, в; рис. 4 а, б) равен в среднем 60,5. Лицо, следовательно, необыкновенно вытянутое в вертикальном направлении — в мировой краниологической литературе не известны такие высокие величины этого указателя (следует, однако, иметь в виду, что волошская серия очень мала). Широко-продольный («черной») указатель этих же пяти черепов 67,5 — величина также совершенно исключительная. Следовательно, соотношение пропорций лицевого скелета и мозговой коробки вполне «гармоническое», в чем волошские черепы резко отличаются от кроманьонских с их длинной мозговой коробкой и широким лицом.

Так как неолитические кроманьонцы Украины, по всей вероятности представляют собой потомков позднепалеолитического населения той территории и так как физический тип более поздних эпох (скифов, славян) может рассматриваться как дальнейшая модификация кроманьонского, то очевидно, что люди Волошского могильника, во-первых, откуда пришли на Украину, во-вторых, не оставили заметного следа в последующем населении.

Где же родина волошских людей или их непосредственных предков? Вряд ли она была в западной Европе. Правда, череп из Комб-капелл отличается от других позднепалеолитических черепов длинным и узким лицом. Но орбиты у этого черепа все же более низкие. Кроме того, возможно, что и комб-капелльский человек является в Европе таким же «жеродцем», как и волошские люди. Сравнительно высоким лицом отличаются черепа из Шанселяд и Пржедмост III. Но лицо этих черепов вместе с тем широкое, а орбиты низкие. Не найдя достаточно близких аналогий на западе, мы не найдем их и на востоке — в Сибири. В западной ее части издавна, повидимому, жили те же кроманьонцы, а далее на востоке — плосколицые монголоиды. Только череп № 10 заставляет вспомнить о восточной Сибири, но он не характерен для серии в целом. Более эффективными оказываются поиски на юге. Мезолитические и неолитические черепа из Кении (восточная Африка)⁷ отличаются «гармоническим» сочетанием черепного и лицевого указателей, орбиты у этих черепов очень высокие (рис. 3 а, б, в). О полном тождестве с волошскими черепами и здесь говорить нельзя, в частности, черепа из Кении отличаются менее высокой в среднем мозговой коробкой. Все же волошские черепы более сходны с древними черепами из восточной Африки, чем с палеолитическими или мезолитическими черепами Европы. Отдаленность Кении от Украины не может служить категорическим возражением против признания родства известной части древнего населения обеих стран. В Африке, например, атапаски расселены от Юкона до Рио-Гранде. К тому же нет необходимости предполагать, что волошские черепа свидетельствуют о переселении из Кении на Украину. Область первоначального распространения древнесредиземного типа находилась, повидимому, где между этими странами. В более поздних погребениях там действительно находят черепа, сходные с волошскими, например, в Грузии в Самтаском могильнике⁸, на Памире (в сакских курганах⁹). Весьма вероятно, что тип этот был распространен в Передней Азии и прилегающих областях также и в более древнюю эпоху. Во всяком случае черепа из могильника у с. Волошского свидетельствуют о том, что при восстановлении древней этнической истории народов Русской равнины необходимо, по отношению к разным эпохам каменного века, учитывать наличие переселений людей с далекого юга — по меньшей мере из передней Азии.

⁷ L. S. B. Leakey, *The stone Age races of Kenya*, London, 1935.

⁸ М. Г. Абдушелишвили, *К палеантропологии Самтаврского могильника*, Тбилиси, 1954.

⁹ В. В. Гинзбург, *Материалы к палеантропологии восточных районов Средней Азии*, «Краткие сообщения Института этнографии», вып. XI, 1950.

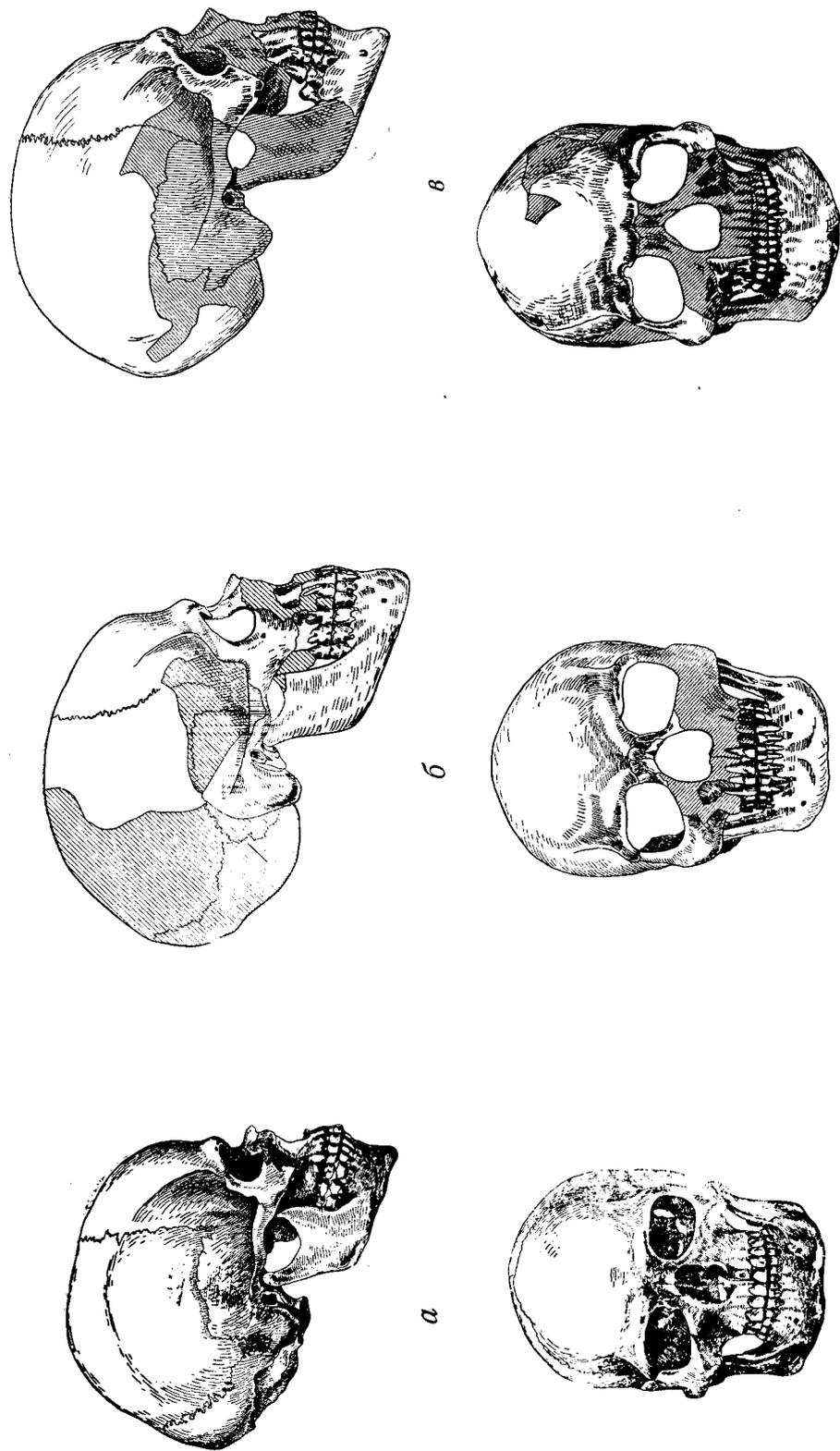
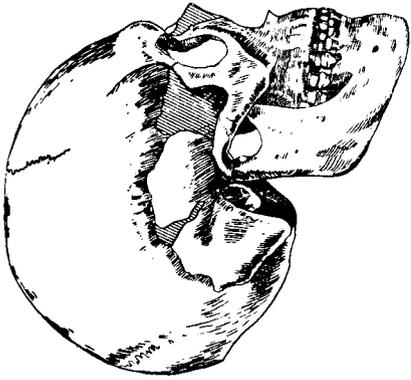
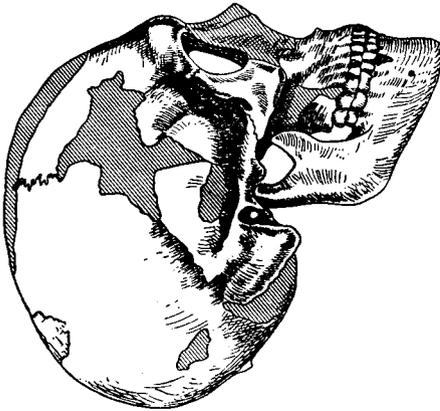
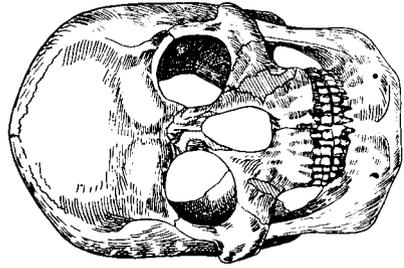

Рис. 1. Череп австралийного типа из Волошского могильника и палеолитический череп из погребения на стоянке Маркина гора: а — череп с Маркиной горы; б — череп из Волошского могильника, погр. № 13; в — череп из Волошского могильника, погр. № 15

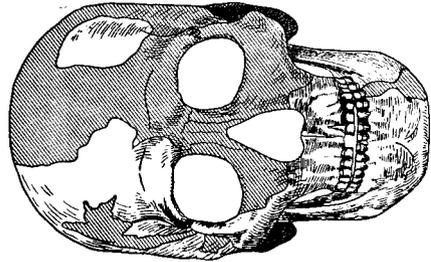
Рис. М. М. Герасимова

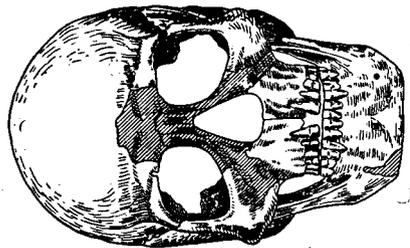
б

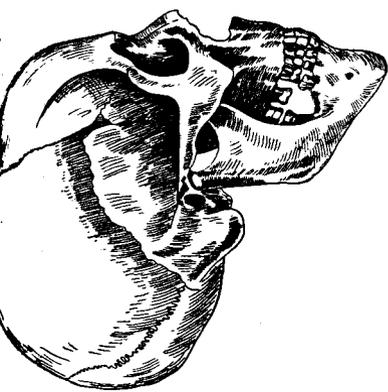

б

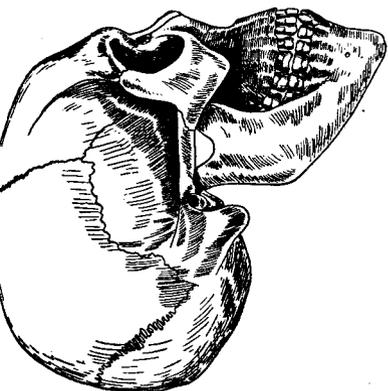
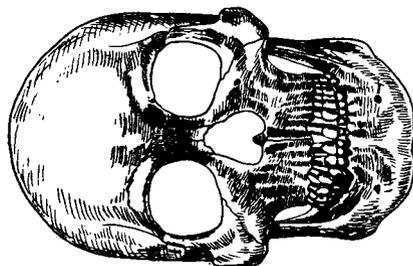

а

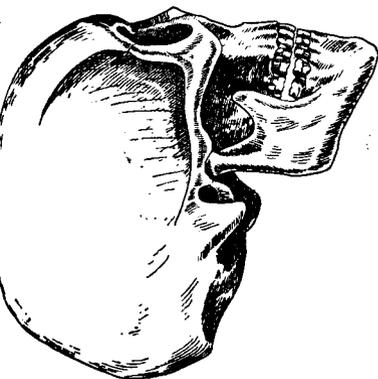
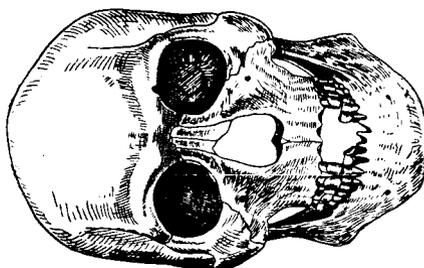

в

б

а

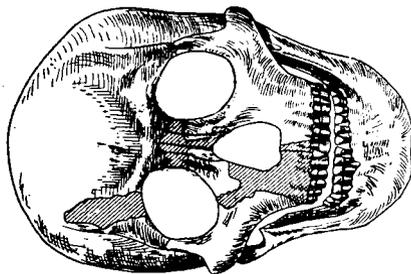
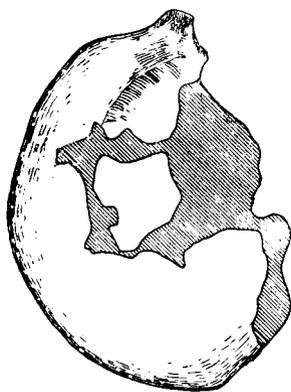
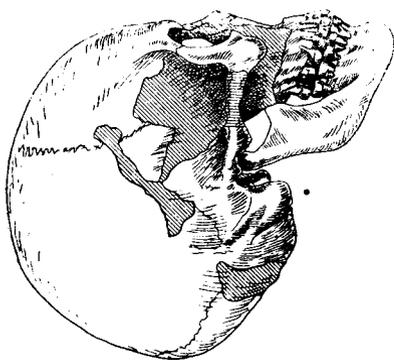
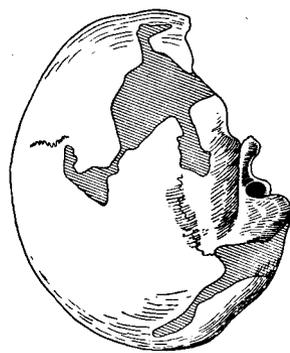

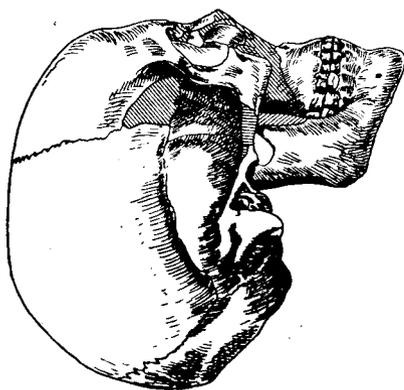
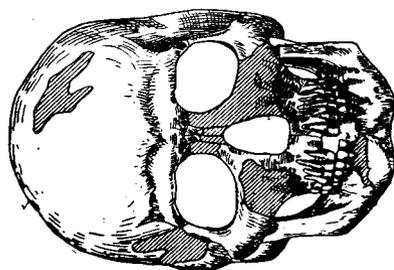
Рис. 3. Череп мезолитического и неолитического времени из Кенни: а — из пещеры Гэмбля № 4; б — «Эльментейга А»; в — «Накуру IX»
Перерисовано М. М. Герасимовым из книги Лики

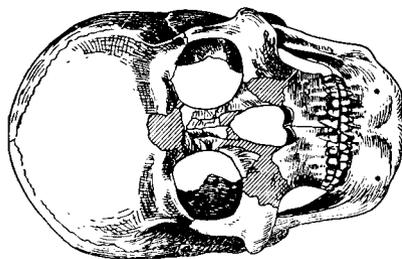
в

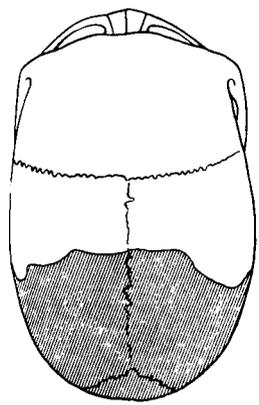

б

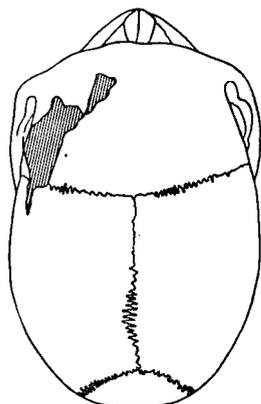

а

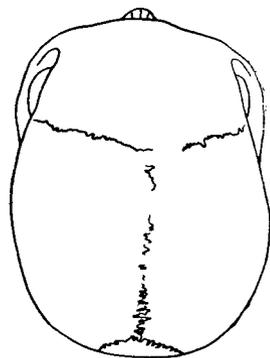

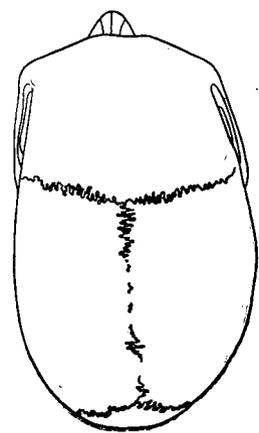
№ 13

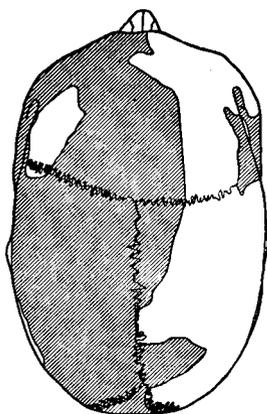
№ 15

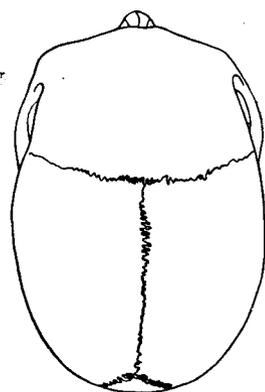
№ 10

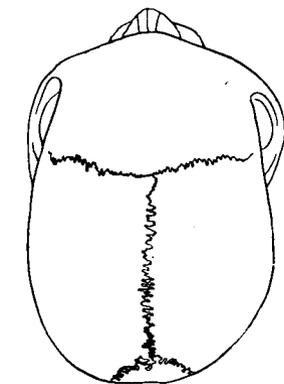
№ 16

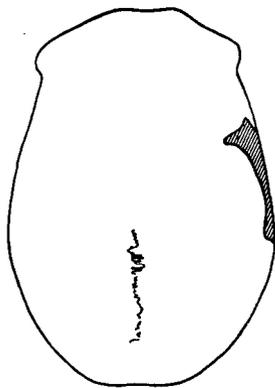
№ 11

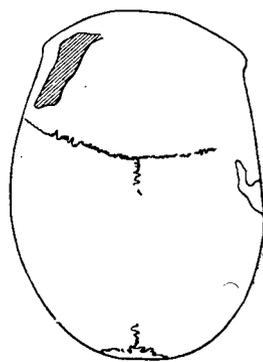
№ 9

№ 5

№ 17

№ 14

Рис. 5. Череп из Волошского могильника в вертикальной норме

Индивидуальные измерения черепов из волошского могильника

	Признаки	Номера погребений													
		№ 13	№ 15	№ 5	№ 11	№ 16	№ 17	№ 9	№ 10	№ 14					
	Пол	М.	М.	М.	М.	М.	М.	М.	М.	М.	М.	Ж.	Ж.	Ж.	Ж.
	Возраст	30—40	35—45	40—50	40—50	40—50	40—50	40—50	40—50	50—60	50—60	35—45	35—45	25—35	50—60
23.	Горизонтальная окружность через глабеллу	—	532	516	550±3	557	548	548	548	548	548	510	510	528	521
23а.	Горизонтальная окружность через офрион	—	522	506	535±3	542	539	539	539	539	539	505	505	523	516
24.	Поперечная дуга между порионами через брегму	307±3	—	—	321±2	319	318±2	318±2	318±2	318±2	318±2	309	309	320	—
25.	Сагиттальная дуга назнон—опистхон	—	389±5	361	400±4	395±2	372	372	372	372	372	378	378	385	372±3
1.	Продольный диаметр глабелла—опистокранион	196±5	197	188	204±2	214±2	201	201	201	201	201	180	180	195	184
1б	Продольный диаметр офрион—опистокранион	191±5	189	183	194±2	204±2	196	196	196	196	196	179	179	192	184
2.	Продольный диаметр глабелла—инион	187±6	189	184	189±2	203±2	201	201	201	201	201	167	167	191	179
8.	Наибольший поперечный диаметр	134±2	128±1	132	130±3	129	139	139	139	139	139	135	135	132	133
11.	Ширина между аурикулярными точками	115±2	—	121	122±3	113	—	—	—	—	—	120	120	128	—
12.	Затылочный диаметр между астерионами	—	103±5	110	109±3	106	105±2	105±2	105±2	105±2	105±2	114	114	108±2	105±3
13.	Ширина между концами соседних отростков	—	—	106	107±3	90	—	—	—	—	—	106	106	105	—
10.	Наибольшая ширина лба между корональными точками	98±5	—	—	107±3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10б	Наибольшая ширина лба между стефанионами	126	113±3	110	118±2	115	114	114	114	114	114	115	115	115	120
9.	Наименьшая ширина лба	118	111±2	110	117±2	114	114	114	114	114	114	115	115	115	120
9(1).	Ширина посторбитального сужения	102	96	95	98±2	91	91	91	91	91	91	87	87	95	100
17.	Высотный диаметр базион—брегма	133±4	134±4	140±3	146±3	145±3	139±4	139±4	139±4	139±4	139±4	137±3	137±3	138±4	131±4
20.	Высотный диаметр порион—брегма (проекции-ный)	116±3	118±3	116	119±3	124	120±2	120±2	120±2	120±2	120±2	118	118	118	121±3
22а.	Высота свода над линией глабелла—инион	97±4	103	95	105	105	97	97	97	97	97	107	107	102	95
—	Высота свода над линией глабелла—опистокранион	78±4	88	78	84	81	81	81	81	81	81	82	82	82	80
—	Положение проекции брегмы на линии глабелла—инион	58±3	61	62	67	73	67	67	67	67	67	62	62	62	65
—	То же на линии глабелла—опистокранион	73±3	74	74	88	92	67	67	67	67	67	71	71	77	78
5.	Длина основания черепа назнон—базион	102±4	106±4	109±3	115±2	127±3	122±5	122±5	122±5	122±5	122±5	111±3	111±3	111±3	94±5
26.	Лобная дуга назнон—брегма	124	125	118	142±3	138±2	130	130	130	130	130	127	127	131	135
29.	Лобная хорда назнон—брегма	109	115	109	125±3	124±2	115	115	115	115	115	113	113	116	119
32.	Угол назнон—метопион с франкфуртской плоскостью	79	75±2	71	79	75±2	71	71	71	71	71	—	—	—	—

(Продолжение)

Признаки	Номера погребений	№ 13	№ 15	№ 5	№ 11	№ 16	№ 17	№ 9	№ 10	№ 14
Угол глабелла — метопион с франкфуртской плоскостью		72	70 ± 2	63	62 ± 3	70 ± 2	—	80	80	—
Угол выпуклость лба — глабелла — иннион		—	80 ± 2	74	76 ± 3	80 ± 2	77	87	94	86
Угол выпуклость лба — глабелла — опистокранион		—	72 ± 2	65	64 ± 3	68 ± 2	77	77	80	77
Угол брегма — глабелла — иннион		—	56 ± 2	54	54 ± 3	53 ± 2	52	56	63	54
Угол брегма — глабелла — опистокранион		—	48 ± 2	45	42 ± 3	41 ± 2	45	46	49	45
Высота выпуклости лба над линией наззион-брегма		25	24	19	—	28	24	27	27	28
Дуга церебральной части лба		98	102	90	—	110	102	104	105	111
Хорда церебральной части лба		91	96	88	—	103	96	98	97	104
Дуга глабеллярной части лба		26	23	28	—	—	28	—	23	24
Хорда глабеллярной части лба		24	21	26,5	—	—	26	—	22	24
Теменная дуга брегма — ламбда		—	122	124	135 ± 3	127	124	134	128	127
Теменная хорда брегма — ламбда		—	110	113	125 ± 3	118	113	117	117	116
Затылочная дуга ламбда — опистион		—	142 ± 5	119	123 ± 3	130	118	120	123	110 ± 3
Затылочная хорда ламбда — опистион		—	113 ± 5	104	109 ± 3	113	100	106	107	95 ± 3
Дуга верхней части затылка ламбда — иннион		—	75	66	72	82	68	62	74	50
Хорда верхней части затылка ламбда — иннион		—	71	64	67	76	66	61	67	47
Дуга верхней части затылка ламбда — опистокранион		—	48	33	25	35	68!	27	25	22
Хорда верхней части затылка ламбда — опистокранион		—	47	33	25	35	66	27	24	22
Угол ламбда — иннион — глабелла		—	74 ± 2	78	93 ± 3	80	71	82	87	87
Угол ламбда — опистокранион — глабелла		—	67 ± 2	74	82 ± 3	74	71	79	78	81
Угол ламбда — иннион с франкфуртской плоскостью		—	82 ± 2	89	106 ± 3	93	—	93	102	—
Угол ламбда — опистокранион с франкфуртской плоскостью		—	66 ± 2	75	83 ± 3	72	—	79	79	—
Дуга нижней части затылка иннион — опистион		—	—	53	51 ± 3	48	50	58	49	60
Хорда нижней части затылка иннион — опистион		—	—	53	50 ± 3	46	49	57	49	59
Дуга нижней части затылка опистокранион — опистион		—	—	86	98 ± 3	95	50	93	98	82
Хорда нижней части затылка опистокранион — опистион		—	—	80	91 ± 3	88	49	85	90	80

(Продолжение)

	Признаки	№ 13	№ 15	№ 5	№ 11	№ 16	№ 17	№ 9	№ 10	№ 14
33(2)	Угол нинион — опистхион с франкфуртской плоскостью	—	35±2	38	36±3	38	—	33	29	—
—	Угол опистокранион — опистхион с франкфуртской плоскостью	—	46±2	51	48±3	53	—	50	47	—
—	Угол глабелла — нинион с франкфуртской плоскостью	—	8	11	12±2	13	—	11	16	—
—	Угол глабелла — опистокранион с франкфуртской плоскостью	—	0	2	0±2	1	—	1	2	—
47.	Полная высота лица	115	118±5	127	127±2	134±2	—	117	110	—
48.	Высота верхней части лица	68	72±4	81	82±2	83±2	—	75	73	—
43.	Верхняя ширина лица fmt — fmt	118	107	106	107±2	107	—	105	100	—
46.	Средняя ширина лица zm — zm	103±2	—	102	87±2	88	—	95	97	—
45.	Наибольшая ширина лица (скуловой диаметр)	125±2	131±3	137	128±2	125	—	132	130	—
100×44(1)	Дуговой назомаларный индекс	110,9	—	114,7	—	—	—	115,2	107,0	—
: 44а	Ширина между фронтоорбитальными точками	111	104	99	101±2	103±2	102	98	96	103
43(1)	Назомаларный угол	146	132	132	127±5	121±3	135±3	134	150	140±3
77.	Зигомаксиларный угол	120	—	123	102±5	122	—	133	128	—
—	Глубина клыковой ямки (мм—левая)	—	—	5,1	—	2,7	—	5,1	8,8	—
—	Высота левой назолатеральной точки над зигомаксиларной линией (по А. Скрайнер)	—	—	23	—	18	—	14	16	—
40.	Длина основания лица базисон — прострион	112±4	117±6	106±3	108±2	114±3	—	92±3	89±3	—
72.	Общий лицевой угол	68±2	75±4	82	87±2	88±2	—	98	85±2	—
73.	Средний лицевой угол	69±3	—	85	—	83±2	—	103	88	—
74.	Альвеолярный лицевой угол	64±3	—	77	—	75±4	—	84	76±4	—
55.	Высота носа	50	—	57	63±2	60±2	—	57	55	—
54.	Ширина носа	30±2	—	24,8	25±1	26±1	—	24±1	22,5±1	—
—	Симметрическая высота	4±0,5	—	4,1	—	—	—	4,5	3±0,5	—
57.	Симметрическая ширина	12±0,5	—	8,5	—	—	—	8,4	6±0,5	—
50.	Максиллофронтальная ширина	27±1	—	20,9	—	—	—	21,1	—	—

Номера погребений		№ 13	№ 15	№ 5	№ 11	№ 16	№ 17	№ 9	№ 10	№ 14
Признаки										
75.	Угол наклона носовых костей	34	—	45	—	—	—	69 ± 2	63 ± 2	—
75(1).	Угол выступания носовых костей	34 ± 2	—	37	—	—	—	29 ± 2	22 ± 2	—
51.	Ширина орбиты от максиллофронтальной точки (правая)	45,8	43 ± 2	45,9	43,2	51 ± 2	—	41,9	42 ± 1	—
51.	То же — левая	45 ± 1	43 ± 2	43,9	—	47 ± 2	—	43,7	40 ± 2	—
52.	Высота орбиты (правая)	34,2	29 ± 2	38,1	36 ± 1	36,3	—	35,8	34,0	—
52.	То же левая	31 ± 1	28 ± 2	37,9	—	37 ± 1	—	37,0	33 ± 2	—
60.	Длина альвеолярной дуги	—	—	—	59 ± 2	—	—	—	—	—
61.	Ширина альвеолярной дуги	66 ± 1	—	63	62	—	—	60	61	—
62.	Длина неба до стафилiona	—	—	49 ± 3	53 ± 2	—	—	—	—	—
63.	Ширина н/сба	44	—	42	39	—	—	41	40	—
Нижняя челюсть и зубы										
68(1).	Длина от мышелков	121	—	114	120	118	—	100	102	—
68.	Длина от углов	96	88 ± 3	84	90	93	—	80	72	—
65.	Ширина между мышелками	106	109 ± 3	123	108	107	—	117	121	—
66.	Ширина между гонионами	86	100 ± 3	110	89	88	—	89	104	—
67.	Передняя ниррина	47	47 ± 1	50	48 ± 2	46	—	45	43	—
—	Подбородочный угол инфрадентале — погоннон с базальной плоскостью	65	74	69	70	65	—	76	65	—
70.	Высота ветви (левой)	65	—	66	62	64	—	62	61	—
71а.	Наименьшая ширина ветви (левой)	33	—	34	31	36	—	33	26	—
69.	Высота симфиза	32	34	34	36	38	—	33	22	—
69(1).	Высота тела челюсти	32	32	35	33	34	—	30	28	—
69(3).	«Толщина» тела челюсти	40	12	41	9	40	—	11	10	—
80.	Длина зубной дуги верхней челюсти	52	—	56	55	—	—	51	49	—
80а.	Ширина зубной дуги верхней челюсти	67	—	67	60	—	—	61	63	—
80(1)	Длина зубной дуги нижней челюсти	53	49	55	54	48	—	50	48	—
80(1)	Ширина зубной дуги нижней челюсти	65	66	64	61	58	—	64	64	—
80(2)	Длина зубного ряда (за клыками) верхней челюсти	41	43	43	42,5	—	—	40	40	—
80(2)	Длина зубного ряда (за клыками) нижней челюсти	43	45	47,5	45	43	—	44	44	—

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

О. НАГОДИЛ

ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ЭТНОГРАФИЯ ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ (1945—1955 гг.)

Десять лет прошло с тех пор, когда почти безоружный чешский род восстал, чтобы сбросить с себя душившее его ярмо фашистской купации. На помощь этому мужественному патриотическому движению пришла героическая Советская Армия, принесящая свободу, мир, а вместе с ним и широчайшие перспективы для до сих пор невиданного развития экономики, общественной и культурной жизни возникшего народно-демократического государства.

Освобождение Чехословакии Советской Армией пробудило огромные творческие силы нашего народа и направило их на героическую борьбу за построение нового, социалистического общества и новой, национальной по форме и социалистической по содержанию культуры.

Народно-демократический строй открыл огромные возможности для успешного развития науки в нашей стране, одновременно поставив перед ней почетные и ответственные задачи.

«Народное государство,— писал первый рабочий президент Клемента Готвальд,— потребует науку и культуру еще богаче, цветущее и многообразнее, чем она была до сих пор. А чтобы наука и культура получили такой размах, само собою разумеется, потребуются свобода исследований, экспериментов, потребуются не связанные руки, а крылья»¹.

За десять лет наука в свободной Чехословакии прошла большой путь развития, добилась значительных результатов. Значительный путь за это время прошла и чехословацкая этнография.

Чешская и словацкая этнография возникла в эпоху возрождения, на рубеже XVIII—XIX вв., как результат, а одновременно и оружие подвига мающего народно-освободительного движения. В условиях решительного наступления на феодализм, в боях за национальную свободу наша этнографическая наука носила прогрессивный характер. Благодаря таким талантливым исследователям, как П. Шафарик, К. Эрбен и другие, она вышла довольно рано на международную научную арену. Период подъема нашей этнографии завершился основанием журнала «Ceský lid» (1892), организацией Чехословацкой этнографической выставки (1893) и открытием Пражского этнографического музея (1896).

На рубеже XIX—XX вв., когда начался новый этап в развитии капитализма и чешская буржуазия утратила свое прогрессивное мировоззрение,

¹ K. Gottwald, O kulturé a úkolech inteligence v budování socialismu, Прага, 1954, стр. 76—77.

ние, гуманитарные науки, в том числе и этнография, были поставлены на службу реакции. В 90-х годах первенствующая роль в деле создания науки, далекой от народных масс, пропитанной духом космополитизма, ориентации на западноевропейский позитивизм, принадлежит Т. Г. Масарику, сознательно боровшемуся против рабочего класса и его марксистской идеологии. Застой, переживаемый в то время общественными науками, захватил и буржуазную этнографию, последними выдающимися представителями которой были Ч. Зибрт, талантливый последователь Шафарика Л. Нидерле и ученый с широчайшим кругозором Е. Коварж.

Почти вся первая половина XX в. в истории чешской и словацкой этнографии (в связи с общим упадком науки в капиталистическом мире) ознаменована глубоким кризисом. Буржуазная этнография периода первой республики, отказавшись от разработки значительных и теоретически важных проблем, от глубоких критических обобщений, сошла с пути, протолеченного ей народными «будителями», отбрасывая прогрессивные патриотические и научные традиции прошлого как «романтический» пережиток.

Буржуазная этнография этого периода тенденциозно замалчивала классовую борьбу в чешской и словацкой деревне, идеализировала имевшиеся в ней отсталые экономические и социальные отношения. Она поддерживала лозунг реакционной аграрной партии о «единой сельской семье» утверждением о существовании так называемой «общей», «коллективной», классово недифференцированной народной культуры, носителем которой в первую очередь был зажиточный крестьянин. Этнография стала заниматься эмпирическим изучением одежды и жилища без учета живых людей, их образа жизни и культуры; занимаясь же изучением пережитков, она искусственно конструировала из них систему народных обычаев, оторванных от экономической, общественной жизни народа и его идеологии, всячески преувеличивала религиозность народа и т. д.

Ряд ошибок буржуазной чехословацкой этнографии был результатом господствовавших в ней националистических тенденций, так называемого чехословакизма, сущность которого заключалась в игнорировании этнической самостоятельности словацкого народа, в изображении Словакии прежде всего как заповедника памятников народной культуры, выделяющейся рядом региональных типов одежды, «идиллией» пастушеской жизни и прочее.

После образования народно-демократического государства этнографическая работа в Чехословакии заметно оживилась. Научно-исследовательская работа развернулась на кафедрах этнографии университетов и в некоторых этнографических музеях. Было возобновлено издание журналов «Český lid» и «Národopisný vestník československý». Однако методологически ведущим направлением оставался позитивизм. Прогрессивные представители науки, в частности молодое поколение этнографов, ощущали неудовлетворительное состояние старой чехословацкой этнографии и искали новых путей, указывающих новые перспективы.

Творческое изучение исторического материализма, знакомство с историческим путем, пройденным советской этнографией, и с основными принципами научной работы советских этнографов открыли широчайшие горизонты для плодотворного развития чешской и словацкой этнографии.

Первая общегосударственная конференция этнографов, состоявшаяся в конце января 1949 г. в Праге, констатировала низкий методологический уровень этнографической работы в тот период и несоответствие его новым, высоким задачам, вставшим перед чехословацкой наукой. Конференция указала, что этнография не может больше оставаться «наукой для науки», с характерным для нее объективистским фактографированием. Как наука о народе, этнография должна прежде всего служить народу, ее исследования должны быть связаны с конкретными потребностями и задачами строительства социализма в нашем государстве.

Этнографическая конференция 1949 г. явилась переломным моментом в истории чешской и словацкой этнографии, знаменующим наступление новой эпохи в развитии нашей этнографической науки. Она послужила началом многих творческих научных дискуссий, в процессе которых чехословацкие этнографы полностью осознали беспомощность, бесперспективность и реакционность буржуазной методологии.

Исторические и историографические труды академика Зденека Нежды обратили внимание этнографов на прогрессивные традиции прошлого, на патриотические труды народных «будителей» и их последователей. Реорганизация этнографического органа «Český lid» (1951) представляла собой значительный шаг вперед в развитии чехословацкой этнографии, переходе ее на новые пути научной работы.

Вторая общегосударственная этнографическая конференция (1952) по существу завершившая период методологических дискуссий, выработала ясный теоретический фундамент дальнейшей работы и четко наметила основные задачи современной этнографии. Результаты претворены в жизнь намеченных задач подтвердили правильность решений широкого коллектива чехословацких этнографов.

В результате открытия в 1949 г. Исследовательского Института этнографии Словацкой академии наук, открытия Этнографического кабинета в составе новой Чехословацкой академии наук (1953), а позднее в ней же Института этнографии и фольклора (1954) с филиалом в городе Брно, были созданы научно-исследовательские учреждения, которые стали центрами этнографической работы Чехословакии.

Имевшие место дискуссии указали на необходимость усиления работы в области теории этнографии. Знакомство широких кругов научных работников с ранее умышленно замалчиваемыми трудами Л. Моргана и классическим трудом Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» позволило выяснить важные вопросы истории первобытного общества. Публикация работ, посвященных значению трудов И. В. Сталина для этнографической науки, способствовала разоблачению влияния так называемого «нового учения о языке» Н. Я. Марра и его последователей, выяснению ряда проблем этнографических исследований, показала необходимость правильного применения в этнографии сравнительно-исторического метода и т. д.

Информационные работы, освещающие состояние советской этнографии и фольклора и их основные теоретические положения, а также публикация в чешском и словацком переводах самих работ советских исследователей оказали нам огромную помощь в поисках новых путей в научно-исследовательской работе. В области теории этнографии необходимо отметить работы по вопросам истории первобытной культуры, в частности по истории первобытной религии и ее происхождению (О. Нагодил), методологические работы по истории чешской народной культуры (Я. Крамаржик, Э. Балаш, В. Шайфлер и др.) и, наконец, материалы по изучению современной кооперированной деревни и промышленных областей (Я. Крамаржик, Я. Мяртан, О. Скалникова, К. Фойтик и др.).

Важнейшим участком работы чехословацких этнографов является разработка собственно этнографии Чехословакии, где необходимо внедрение марксистско-ленинского принципа последовательного историзма. Если ранее этнографы не осознавали необходимости работать над воссозданием истории чешской и словацкой национальной культуры рука об руку с представителями других исторических дисциплин, то в настоящее время чехословацкая этнографическая наука полностью понимает необходимость претворения данной задачи в жизнь.

Разделяя точку зрения этнографов, наши историки и археологи считают, что нельзя полностью осветить процесс исторического развития чехов и словаков без привлечения важнейших результатов этнографических исследований.

В прошлом этнографические исследования в Чехословакии ограничивались тематическим сбором архаических памятников материальной культуры определенной территории и публикацией их без исторического анализа, без хронологической датировки, без объяснения исторического места, занимаемого ими в жизни и культуре народа. Даже в первые годы после освобождения Чехословакии наблюдалось стремление сконцентрировать основное внимание на охране местных памятников старины, на фиксации быстро исчезающих элементов народной культуры. Эти требования были частично оправданы. Действительно, нужно было в первую очередь обратить внимание на быстро исчезающие элементы народной культуры, прежде всего архитектуры, например, исследовать наиболее старые деревянные строения, отметить их особенности, принять меры к сохранению наиболее характерных памятников прошлого, а вместе с тем, естественно, познакомиться и с современным сельским строительством и, таким образом, дать полную картину развития народного жилища не только в прошлом, но и в настоящем, наметив одновременно перспективы на будущее.

Огромная помощь чехословацкого правительства в деле охраны памятников народной архитектуры дала возможность в последние годы развернуть широкую работу по изучению народного зодчества в ряде чешских краев и областей. Большое значение для успеха этой работы имела координация деятельности отдельных институтов по исследованию и охране памятников народной культуры (Институт этнографии и фольклора Чехословацкой академии наук, Чехословацкое этнографическое общество, кафедра истории архитектуры Высшей школы архитектуры и наземного строительства в Праге, Государственное управление по охране памятников старины при Министерстве культуры и т. д.), а также выработка общих методических принципов полевой работы и фиксации материала. Уже несколько лет чехословацкие этнографы совместно с архитекторами и искусствоведами проводят работу по описанию материалов и составлению общих обзоров чешской сельской архитектуры, конечным результатом которой будет исследование специфических народных черт чешской национальной архитектуры.

Несомненно, эта работа имеет большое значение. Однако она далеко не исчерпывает стоящих перед нами задач. Основное внимание этнографы Чехословакии сосредоточили на исследовании современной культуры и быта чешского и словацкого народа, с учетом как исторических процессов прошлого, так и изменений, происходящих в жизни народа в период построения социализма.

При рассмотрении глубоких революционных изменений в современной культуре народов Чехословакии на первое место выступает необходимость этнографических исследований промышленных областей и кооперированной деревни. В данной области уже проведены рекогносцировочные работы в отдельных районах.

Полевая исследовательская работа в рабочих центрах промышленных областей — совершенно новое явление в чехословацкой этнографии. Как известно, при организации Чехословацкой этнографической выставки некоторые из ее организаторов считали необходимым, чтобы на ней были представлены материалы о жизни и культуре чешского пролетариата. Споры, возникшие вокруг этого вопроса, окончились решением не устраивать на выставке экспозиции по быту рабочих. Буржуазные интеллигенты не считали рабочих частью нации, достойными представителями народа. Равным образом чехословацкая буржуазная этнография периода первой республики не проявляла должного интереса к культуре и образу жизни рабочего класса. Понятно, что в данной области было необходимо начать с выработки специфической методики новых форм исследований, уяснив предварительно сущность проблематики этнографического изучения рабочих центров.

Старые традиции в горнодобывающей и металлургической промышленности Чехословакии и революционный характер рабочего движения в шахтерских областях стимулировали изучение образа жизни и культуры рабочего класса в первую очередь именно в областях, заселенных горняками. Широкая исследовательская этнографическая работа развернулась в промышленных центрах Кладненской и Кралупской области (О. Скалникова, Я. Патэра, А. Робек, И. Геролдова и другие), причём в ней одновременно принимали участие историки, специалисты по вопросам рабочего движения (Я. Гавранек и другие) и фольклористы (Я. Ех, Д. Рыхнова, Я. Спилка и другие). В Росицко-Ославанской шахтерской области работают этнографы и фольклористы Брненского отделения Института этнографии и фольклора Чехословацкой академии наук (К. Фойтик, О. Сироватка). Результаты комплексного этнографического фольклорного изучения населения угольных центров в Жакаровцах в Словакии (Я. Мяртан, Я. Подолак, С. Ковачевичова, Б. Филова и другие) и участия венгерского этнографа Б. Гунды) были удостоены премии Словацкой академии наук за 1954 год.

Рекогносцировочные этнографические работы были проведены в пограничных чешско-польских промышленных районах Остравы (А. Робек с коллективом этнографов-студентов Карлова университета) и в районе города Ждяра над Сазавою (О. Скалникова, Я. Станькова и другие), где только в последнее время происходит становление крупных промышленных центров, а в связи с этим наблюдаются процессы создания культуры и быта городского населения.

Эта работа принесла первые благодарные результаты. Этнографы проводят исследования промышленных центров в последовательно историческом аспекте, прослеживая развитие рабочего класса с момента его зарождения, историю рабочего движения, формирование специфических черт культуры и образа жизни рабочего класса в прошлом и в настоящее время. Изучение характерных черт культуры, как общих для рабочего класса и крестьянства, так и отличающих их друг от друга, помогает решению сложных вопросов специфики чешской и словацкой народной культуры. В результате работ этнографов открываются новые черты культуры и образа жизни пролетариата в прошлом и в наши дни: при помощи этнографических исследований, в частности фиксации рассказов старых рабочих, записи рабочих песен и т. д., значительно обогащается история рабочего движения. Лучшие научно-исследовательские работы по изучению культуры и быта рабочих свидетельствуют о правильности выбранного пути и об актуальности этого нового направления в чехословацкой этнографии, получившего положительную оценку широкой общественности.

Другой основной задачей чехословацкой этнографии, опять-таки совершенно новой с тематической и методической стороны, является изучение культуры и образа жизни кооперированного крестьянства. Большую помощь при выработке основных методических принципов в данной области оказала нам дискуссия советских этнографов по вопросам этнографического изучения колхозного крестьянства в СССР. Большое значение имела третья общегосударственная этнографическая конференция (замок Либлице, 1953), в центре внимания которой стояли вопросы методики полевой исследовательской работы по изучению кооперированной деревни.

Полевые исследования кооперированной деревни были начаты в 1952 г., когда появились первые программные работы методического характера. В Чехии были проведены первые пробные работы на территории Горшовскотынской области (под руководством Я. Крамаржика), в Моравии — на территории Валахии (К. Фойтик). Было начато также исследование культуры кооперированного крестьянства в Силезии (работы организованы Х. Подешовой) и в Словакии (под руководством Я. Мяртана).

Ряд работ и сообщений о полевых исследованиях, появившихся в чешских и словацких этнографических журналах, свидетельствует о том, что задача этнографического исследования кооперированного крестьянства не только очень важна, но и очень сложна. Она требует, в частности, дальнейшего углубления методических основ полевой работы, для чего прежде всего необходимо тщательное изучение политической экономии переходного периода от капитализма к социализму. Можно, однако, ожидать, что чехословацкие этнографы с успехом преодолеют стоящие перед ними трудности. Всемирное развитие и совершенствование научно-исследовательской работы по изучению культуры и быта народных масс будет способствовать не только раскрытию огромных перемен, переживаемых всей национальной культурой в связи со строительством социализма в Чехословакии, но и решению сложной проблемы формирования социалистических наций чехов и словаков.

Наряду с указанными выше основными видами этнографических исследований, имевшими место в последние годы, в широких размерах проводились и отдельные региональные исследования, организованные Чехословацкой академией наук, Словацкой академией наук, кафедрами этнографии в университетах, Чехословацким этнографическим обществом, Силезским научным институтом, музейными центрами и другими учреждениями. Для примера можно назвать отдельные этнографические работы на территории Ходской области и в Силезии (Я. Крамаржик), изучение чешской и немецкой народной архитектуры в северной Чехии (И. Счейбал), изучение народной одежды на территории Моравии (Л. Кунц) и Словакии (С. Ковачевичова, Я. Паткова, В. Носалёва, Д. Странска, Я. Станькова и другие), изучение старой техники народного строительства в Словакии (К. Хотек), народного жилища в средней, северо-восточной и восточной Чехии (В. Пражак), изучение славянских промыслов и народных традиций по сплаву леса на Влтаве (В. Шольц) и ряд других работ, отличных друг от друга своей тематикой, продолжительностью и характером исследований, наконец, и ценностью достигнутых результатов.

Кроме этнографических работ среди чешского и словацкого населения, ведутся полевые исследования и среди национальных меньшинств. В первую очередь нужно отметить (как по размерам проводимых исследований, так и по их результатам) работы комплексной экспедиции среди украинского населения (бойки и лемки) Пряшевского края восточной Словакии. Комплексная экспедиция, которая начала свою работу в 1953 г. и продолжала ее в 1954 г., имела в своем составе, наряду с этнографическим отрядом (под руководством О. Нагодила), фольклорный (под руководством Е. Врбцовой) и диалектологический (В. Латта, Я. Моравец, М. Затовканик и другие) отряды. Этнографический отряд проводил работы по исследованию пережиточного бытования патриархальной большой семьи и форм ее распада, собиранию материала по местной терминологии родства и свойства, изучению местных традиционных и современных видов народного костюма и другие.

По инициативе Словацкой академии наук в 1954 г. были начаты с участием венгерских ученых работы по изучению венгерского населения Словакии. Изучение польского населения нашло свое отражение в отдельных исследованиях на территории Силезии.

Необходимо особо подчеркнуть значение этнографических исследований национальных меньшинств на территории Чехословакии. Без этих исследований научная работа в области чешской и словацкой этнографии была бы значительно обеднена, нельзя было бы выявить взаимовлияния отдельных этнических групп, общих и отличных черт в этнографическом облике отдельных народов. Помимо этого, исследовательские работы среди национальных меньшинств служат эффективным средством в борьбе с пережитками буржуазного национализма. В этом аспекте пионерами являются некоторые этнографы (прежде всего Е. Чайнкова),

занимающиеся изучением цыганского населения. В данной области работы были достигнуты ценные научные результаты.

Приведенный краткий обзор теоретических и полевых исследований чехословацких этнографов наглядно иллюстрирует небывалый размах научной работы. Исследования по этнографии чехов и словаков, направленные главным образом на изучение современной народной культуры рассчитаны на длительное время и составят основную задачу будущего.

Очень важным участком деятельности чехословацких этнографов является изучение истории народной культуры чехов и словаков и, в частности, проблемы национальной специфики народной культуры. Как известно, позитивистская наука прошлого, рассматривавшая большинство элементов народной культуры вне исторического аспекта, не смогла решить этой задачи.

Проводимые в настоящее время работы по изучению истории народной культуры охватывают период времени от эпохи национального возрождения до наших дней. Отдельные работы в данной области отличаются друг от друга по своей тематике и по освещаемому отрезку времени. Разрабатывается проблема характера народной культуры в период национального возрождения (Я. Крамаржик), истории сельскохозяйственной техники и сельскохозяйственного хозяйства чешской деревни (И. Геролдова собираются материалы по истории сельской архитектуры (Е. Балаш, Я. Крамаржик и другие), обрабатываются данные по истории ремесел (Я. Шейфлер), наконец, разрабатывается и ряд фольклорных тем.

Разработка истории чешской и словацкой народной культуры является в полном смысле слова патриотическим долгом чехословацких этнографов. Только в настоящее время перед нашей наукой открылись все возможности для работы в данной области, и, без сомнения, чехословацкие этнографы с успехом выполняют поставленную перед ними задачу.

Если чехословацкие этнографы проделали большую работу по изучению чешской и словацкой народной культуры, то они все еще остаются в большом долгу перед славянской этнографией, родиной которой была Чехия, среди создателей и представителей которой были такие известные ученые международного масштаба, как И. Добровский, П. У. Шафарик, К. Иречек, Л. Нидерле, М. Мурко. Несмотря на то, что необходимость расширения работ в данной области для нас совершенно очевидна, область славянской этнографии остается до сих пор одним из самых слабых участков деятельности чехословацких этнографов. Изданы труды Шафарика «Славянская этнография», работы о болгарском жилище в Родопях (Х. Хынкова), краткие статьи об искусстве и одежде лужицки сербов и болгар (Д. Странска), организация выставок болгарского народного творчества, проведение на университетских кафедрах лекций по славянской этнографии далеко не исчерпывают задач на этом важном участке работы.

Довольно неутешительная картина наблюдается в изучении этнографии неславянских народов Европы. Хотя в этой области появились некоторые отдельные работы, как, например, богатые этнографическим материалом исследования о культуре и быте скандинавских лопарей (В. Мзрек), очерк этнического состава населения в Добрудже (И. Сего) и другие, однако этого еще очень мало. Основной причиной слабой работы в данной области является, прежде всего, отсутствие в прошлом подготовленных специалистов по этнографии неславянских народов Европы, а также и то факт, что в настоящее время чехословацкие этнографы заняты разработкой других актуальных проблем. Необходимо в ближайшем будущем начать подготовку специалистов и в данной области, в частности по венгерской, немецкой, румынской и албанской этнографии.

В области этнографии народов других частей света достигнуты более значительные успехи. Если в период буржуазной республики эта область этнографии почти полностью игнорировалась, то после освобождения от

наружилось, что очень слабо привлекались к работе выдающиеся этнографы старшего поколения, располагающие богатыми знаниями как по этнографии, так и по лингвистике Азии, Америки, Австралии. Чехословацкая этнография последних лет, продолжая великие прогрессивные традиции в истории чешской науки, традиции чешских гуманистов — путешественников и исследователей, совместными усилиями представителей старшего и младшего поколения этнографов и востоковедов расширила географические рамки своих исследований рядом ценных работ.

На экспедиционном материале написаны работы по этнографии цейлонских народностей, в частности о старой земледельческой технике и способах обработки металла на Цейлоне (О. Пертольд). Значительны по своему характеру и статьи этно-лингвистического характера, посвященные классификации древних обитателей Америки и их языку (Ч. Лоукотка совместно с французским исследователем П. Риве), а также этнографии отдельных областей Южной Америки, как, например, классификации племен северо-восточной Бразилии и языков группы тупи-гуарани, классификации племен и племенных языков аборигенного населения Австралии и Новой Гвинеи (Ч. Лоукотка) и тунгусо-маньчжурских народностей (С. Нагодил). Сюда же надо отнести и отдельные этнографические очерки культуры и быта доколумбова населения Америки (Ч. Лоукотка, В. Шольц), работы в области южноиндийской, главным образом тамильской этнографии (К. Звелебил), в области этнографии сибирских народностей и их религиозных представителей в прошлом (О. Нагодил) и другие.

Современная чехословацкая наука, как говорилось выше, высоко ценит культурное наследие прошлого, труды прогрессивных деятелей старой науки. Работы в области истории этнографии открывают до сих пор неизвестные или умышленно ранее замалчиваемые результаты ряда научных исследований прошлого и делают их достоянием широкой общественности. В последние годы появился ряд работ с переоценкой значенности трудов старых чешских путешественников и их вклада в этнографическую науку, как, например, Мартина Кабатника, который оставил нам прекрасное и этнографически ценное описание своего путешествия в Палестину и Египет (конец XV в.). Чехословацкая наука большое внимание уделяет известным представителям этнографии и фольклористики эпохи национального возрождения, как, например Божене Немцовой и ее работам о ходах, классику чешской фольклористики К. Эрбену, Ф. Л. Челак-овскому, Л. Штуру и его последователям. При подготовке к изданию чешского перевода трудов Моргана стал известен тот большой вклад в общую этнографию, который был внесен одним из крупнейших представителей чешского рабочего движения Б. Шмералем. Исследования по истории чешской этнографии сочетаются с чрезвычайно кропотливой библиографической работой.

В связи с большим размахом научной работы в области этнографии неевропейских народов на повестку дня встал вопрос о переоценке научного значения наследия чешских и словацких путешественников XIX и XX вв., ибо в трудах некоторых путешественников мы находим не только богатый этнографический материал, но и имеющие большую ценность, прогрессивные для своего времени научные выводы. Так, например, очень ценный материал содержат труды путешественника по южноамериканскому континенту Альберта Войтеха Фрича, который в свое время осудил замалчивание в чешской науке трудов Моргана. Фрич оставил нам собрание материалов о жизни до него не известного, а в настоящее время полностью вымершего племени кукура, о языке и культуре племен ангаите и санапана, раньше почти неизвестного племени пилага, так же как и материалы о жизни и обычаях племени бороро и ряда других племен. В настоящее время заново переиздаются труды Фрича, в которые включаются ранее не публиковавшиеся путевые дневники, заметки методологического характера, словари местных племенных наречий и ряд других

очень интересных материалов. Большое внимание уделяется этнографическому наследию чешского корабельного врача Вацлава Свободы, труда чешского врача Павла Дурдика по этнографии островов Суматры Ниаса. Большую ценность в трудах Дурдика, как обнаружилось в процессе их изучения, представляет описание матриархата у малайского населения средней Суматры, сопровождающееся теоретическими выводами приоритете матриархата над патриархатом.

В последнее время наметилась в изучении истории нашей этнографической и фольклористики новая, очень важная задача обработки этнографического и фольклорного наследия национального героя Юлиуса Фучика который уделял большое внимание изучению культуры советских среднеазиатских народов и лично записал образцы их устного народнопоэтического творчества. Рукописное наследие Ю. Фучика будет в самое ближайшее время обработано, и его материалы станут доступны широким кругам общественности.

Изучение прогрессивных традиций в истории чешской и словацкой этнографии способствует не только обогащению этнографической науки и усилению национальной гордости широких народных масс, с нетерпением ожидающих каждой новой работы в этой области и с любовью ее принимающих. «Культурное наследие, которое мы получили от наших предшествующих поколений, является составной частью нашего национального творческого процесса, а стало быть в прямом смысле слова собственностью всего народа», пишет Президент республики Антон Запотоцкий².

Состояние современной этнографической работы в Чехословакии лучше всего характеризуют периодические публикации, в первую очередь публикации Чехословацкой и Словацкой академий наук. Один из центральных журналов Чехословацкой академии наук «*Československá etnografie*» (основан в 1953 г.) получил среди международной научной общественности признание центрального теоретического журнала в области чехословацкой этнографии и фольклора. Другой журнал Чехословацкой академии наук «*Český lid*» после реорганизации стал крупным научно-популярным органом в области этнографии и фольклора. Развивая прогрессивные традиции своего прошлого, нераздельно связанные с именами Зибрты и Нидерле, журнал «*Český lid*» возобновил работу на основе марксистско-ленинской методологии, опираясь на пример советской этнографической науки. На страницах этого журнала, известного далеко за границами Чехословакии, освещаются проблемы чешской и словацкой этнографии и фольклора, как и некоторые важные проблемы теоретического характера, в первую очередь этнографическое изучение современности. Важный вклад в этнографическую работу вносит журнал Словацкой академии наук «*Slovenský národopis*», который начал выходить в 1953 г. как продолжение ранее нерегулярно выходившего издания «*Národopisný sborník*». Местные журналы «*Radostná zeme*» («Радостная земля»), «*Valašsko*» («Валахия»), а также ряд журналов краеведческого и просветительского характера публикуют на своих страницах богатый этнографический и фольклорный материал.

Большой размах получила подготовка научных кадров в чехословацких университетах. Значительно увеличилось число и вырос уровень лекций по теории этнографии, введены курсы по этнографии народов мира, по истории первобытного общества, по методике полевых исследований, расширились лекционные курсы по славянской этнографии, введен курс лекций по организации этнографической работы в музеях и другие. В связи с реформой высшего образования выросли преподавательские

² Письмо Президенту клуба «*Za starou Prahu*» от 29 сентября 1950 г. Цит. в журнале «*Český lid*», 1951, стр. 221.

кадры на отдельных кафедрах этнографии. Наибольшего успеха в области подготовки этнографических кадров достиг коллектив кафедры этнографии Карлова университета в Праге, руководимый заслуженным ученым проф. Отакаром Пертольдом. В настоящее время отдельные этнографические курсы читаются и на кафедрах смежных специальностей, как например, на кафедрах археологии, географии, архитектуры и других. Организация аспирантуры открыла перед наиболее талантливыми молодыми специалистами возможность стать высококвалифицированными научными работниками в области этнографии.

Успехи новой этнографической науки в значительной мере связаны с работой музейных центров. Больших успехов добился коллектив этнографов Напрсткова музея всеобщей этнографии в Праге (под руководством Ф. Кршняка) как в области организации музейных фондов, так и в области создания целого ряда тематических, актуально важных выставок. Так, например, выставка «Из Чехии на другой конец света» пользуется заслуженным успехом, прежде всего благодаря своему патристическому характеру. Выставка подтверждает на примере многих экспонатов приоритет чешских исследований в далеких странах, популяризирует ряд крупных чешских этнографических открытий. Этнографическое отделение Национального музея (руководитель С. Ф. Свобода) также добилось серьезных успехов, прежде всего благодаря открытию первой части новой этнографической экспозиции. Воссозданы коллекции этнографического отделения Моравского музея в Брно (под руководством Л. Кунца) и в ряде других городов.

Чехословацкие этнографы — музейные работники осваивают новые методы музейной работы и в настоящее время уже достигли первых значительных успехов. Тесное деловое сотрудничество этнографических музеев с исследовательскими академическими центрами и высшими учебными заведениями, как это имеет место в Словакии, является основной гарантией успешного развития этнографической исследовательской работы.

Чехословацкие этнографы с гордостью подводят итоги своей работы за первые десять лет существования народно-демократического государства. Благодаря овладению марксистско-ленинской методологией и примеру советской науки чехословацкая этнография преодолела прежний застой и создала необходимый фундамент для своего развития, для решения важных задач, выдвинутых социалистическим строительством.

Эти задачи будут разрешены совместными усилиями всех творческих работников, и эпоха построения социализма станет временем расцвета чехословацкой этнографической науки.

Б. И. ШАРЕВСКАЯ

СУДЬБА МОЛОДЕЖИ ИЗ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АВСТРАЛИИ

Летом 1950 г. в Лондоне была устроена выставка картин мальчиков-художников, австралийских аборигенов из резервата Кэрролуп. История этих молодых художников из Кэрролупа заслуживает серьезного внимания, так как она показательна для положения австралийской молодежи в настоящее время.

В течение многих десятилетий прошлого и начала нашего века просвещение и обучение коренного населения в Австралии находилось всецело в руках христианских миссий, которые организуют туземные школы со специальной целью воспитать в детях «добрые христианские чувства» и лояльность. Вся программа обучения, продолжающегося три-четыре года, состоит из священной истории, катехизиса, молитв и гимнов¹. Крайне ограниченный запас положительных знаний, которые учащиеся получают в миссионерских школах, забывается сразу после окончания обучения, так как аборигены большей частью занимаются тяжелым физическим трудом в качестве чернорабочих. Они почти поголовно остаются неграмотными. Редкое исключение составляют те немногие, из которых миссионеры готовят священников или учительниц для тех же школ.

В последние полвека все большая часть аборигенов переходит к работе на фермах, на лесоразработках; некоторые работают в городах грузчиками. В особенности возрастает группа рабочих смешанного происхождения. Как правило, это дети аборигенок от случайных брачных связей с «белыми»; отцы большей частью не заботятся о своем потомстве. Многие из них воспитывают в «доме для полукровок». Положение там мало чем отличается от тяжелых условий жизни в «туземном компаунде», куда направляют сирот аборигенов. Хотя обучение в правительственных приютах носит менее ханжеский характер, чем в миссионерских школах, и детей не слишком обременяют молитвами и гимнами, его положительная ценность ничтожна. Достаточно сказать, что детей учат на языке пиджин-инглиш, который ограничивает кругозор, кладет предел дальнейшему образованию².

Проблема воспитания детей смешанного происхождения становится все острее в Австралии, особенно в северной части страны, где в настоящее время насчитывается около 20 тысяч метисов в первом, втором и третьем поколениях. В целом они так же бесправны и так же лишены возможности получить работу по выбору и по своим способностям, как и чистокровные аборигены. Будучи оторваны от основной массы коренного населения, от традиционной среды и культуры, они еще острее ощущают тяготы расового режима.

¹ См. издания миссий и административных комиссий: например, «Teaching the Aborigines from Mount Margaret Mission», 1935 и т. п.

² Пиджин-инглиш — жаргон английского языка с искаженным произношением и примитивизированными грамматическими формами.

Расовый режим в Австралии имеет несколько иные формы, чем в Южно-Африканском Союзе или в США. Так как большинство коренного населения, в особенности на юге континента, было физически истреблено, а оставшиеся загнаны в резерваты, аборигены оказались фактически изъяты из жизни страны. Поэтому в Австралии не существует, например, официального запрета детям аборигенов учиться вместе с белыми. Помимо правительственных приютов и миссий, нет особых «гуземных» школ. Тем не менее на севере страны, где аборигены и метисы сравнительно с югом гораздо более многочисленны, совместное обучение фактически не допускается. Лишь в некоторых районах на юге, где образовались группы аборигенов батраков и чернорабочих, их дети стали посещать общие классы. Но здесь «белые»-расисты протестуют против разрешения детям аборигенов посещать общие школы и чинят им всяческие препятствия. Вот что рассказывает об этом прогрессивная австралийская писательница Мэри Дьюрак Миллер, книга которой посвящена мальчикам-художникам из Кэрролупа:

«Маленькие темнокожие, робая от сознания своей дерзости, старались незаметно проскользнуть на задние парты... Их матери не ленились приносить воду издалека; они старательно отмывали своих детей и стирали их одежду, чтобы отправлять их в школу чистыми и аккуратно одетыми. Некоторые одерживали победу в этой трудной борьбе за право учиться. Но большинство, потеряв надежду и обескураженные, бросали начатое. Условия жизни в бедных хижинах препятствовали детям успешно учиться, и так замыкался порочный круг: нельзя получить образование без улучшения условий существования, нельзя достигнуть улучшения условий существования без образования!»³.

Перехода непосредственно к истории школы в Кэрролупе, Мэри Миллер рисует тяжелую картину жизни небольшой общины чистокровных аборигенов и метисов. Кэрролуп — резерват в 175 милях к югу от столицы штата Западная Австралия Перта, в 20 милях от железной дороги, ведущей в ближайший город. Он был основан в 1930-х годах как своего рода штрафной лагерь, куда ссылали из других резерватов неизлечимо больных, алкоголиков, пойманных беглецов из миссионерских станций и других «неисправимых». В этом лагере, расположенном на краю Большой пустыни Виктории, вдали от взоров «благомыслящих и презрительно относящихся к отбросам общества людей», как пишет автор, аборигены были обречены на почти тюремный режим. В 5 часов вечера заключенных запирали в бараки, грязные помещения, в которых зимой было холодно, а летом нестерпимо жарко и душно. Несчастливым ничего не оставалось, как сбившись толпой, петь заунывные песни. Часто возникали ссоры, нередко драки. Иногда, доведенные до отчаяния, заключенные колотили в дверь, что приводило к жестоким наказаниям.

В таких условиях жили не только взрослые, но и дети. Часть из них приехала сюда с родителями, часть родилась в Кэрролупе. В лагере не могло быть семейной жизни, к тому же многие дети были рождены от случайных брачных связей их темнокожих матерей с «белыми». Лишенные свободы и семьи, дети Кэрролупа с недоброжелательством относились и к школе, которую организовала в резервате администрация.

В 1945 г. в Кэрролуп приехал новый учитель — Ноэль Уайт со своей женой. Уайты — педагоги-энтузиасты — приложили много добросердечных усилий к тому, чтобы изменить атмосферу в кэрролупской школе. Учитель добился, чтобы детей не запирали в 5 часов, а давали бы им возможность играть и гулять. Зимой они проводили вечера в школе. Дружелюбие четы Уайтов и разумные педагогические приемы очень быстро дали хорошие результаты. Дети полюбили школу и занятия. Они научи-

³ Mary Durack Miller, *Child Artists of the Australian Bush*, Sydney, 1952, стр. 29.

лись английскому языку (а не пиджин-инглиш), писали небольшие сочинения. Уайт, сам игравший на флейте, составил хор, ученики пели самые бытвые австралийские мелодии. Исполнялись и танцы, и пантомимы. Австралийские дети очень быстро усвоили основные правила вежливости и опрятности. А между тем последнее было нелегко: за отсутствием водоснабжения в Керролупе ребятам приходилось ходить далеко к колоде или в степь к источнику, подогреть на костре воду в баке из-под керосина и под открытым небом мыться и стирать свою одежду.

Рис. 1. Молодые художники-австралийцы, ученики Керролупской школы — Рейнольд Харт (14 лет) и Парнел Дэмпстер (13 лет)

Уайт предложил детям рисовать. Девочки рисовали большей частью узоры для вышивания и пристрастились к этому рукоделию. Мальчики с увлечением зарисовывали окружающую природу и животный мир. Уайт смотрел на рисование лишь как на полезное занятие, развивавшее в учениках наблюдательность. Но постепенно он и посещавший школу время от времени инспектор Крэбб увидели, что рисунки мальчиков имеют самостоятельную художественную ценность. Крэбб преподавал им некоторые основные правила рисования, например, передачи перспективы. Но манеру изображения и гамму красок мальчики выработали самостоятельно в течение трех с половиной лет занятий. Наибольшие способности проявили Рейнольд Харт, Ревель Купер, Парнел Дэмпстер, Клифф Райдер, которым к этому времени было по 13—14 лет. В 1948 г. произведения юных художников были выставлены в Перте. Газеты подняли шум. Наряду с похвалами высказывались и подозрения в том, что Уайт «натаскивает» своих учеников. Высказаны были даже прямые об-

винения в шарлатанстве. Тогда был устроен проверочный сеанс. Нескольким мальчикам были даны задания на вольные темы, которые они выполнили в зале выставки в присутствии наблюдателей. Скептики были побеждены. В 1949 г. английская общественная деятельница Флоренс Раттер, приехавшая в Перт, узнала о мальчиках-художниках и посетила Кэрролуп. Пораженная искусством этих «детей джунглей», Флоренс Раттер не ограничилась выражением восторгов, но задала вопрос: «Что же будет дальше, что ожидает юных художников?» Уайты были достаточно хорошо знакомы с положением, чтобы не видеть печальной истины: после школы их воспитанники не смогут найти себе применения ни в какой области искусства или вообще интеллектуального труда. Лучшее, что их ждет, — работа на фермах или в городе в качестве слуг. Раттер проявила большой энтузиазм и энергию. Она объехала большие города Австралии, выставляя картины кэрролупских мальчиков, собрала для них значительные средства, краски, кисти и т. п. Наконец, 28 июля 1950 г. была открыта выставка кэрролупских художников в Лондоне.

Департаменту по туземным делам Австралии стало неудобно оставлять дальше штрафной лагерь в местности, где школа привлекала большой интерес со стороны общественности. Были приняты реформы. Лагерь был переведен из Кэрролупа. Девочки также были вывезены и размещены по миссионерским станциям, которые готовят из них домашнюю прислугу. Кэрролуп преобразован в школу-ферму для юношей на коммерческих основах: она должна давать доход. Юношам обещано преподавание технических знаний, но они фактически будут работать на администрацию.

Какова же судьба юных художников, чьими произведениями любовались в Сиднее и Лондоне? Трое из них были устроены на работу в городе в качестве слуг-курьеров (office boy). Им было предложено посещать вечернюю техническую школу. Но лишенная интереса и уютительная служба отнимала слишком много времени, не оставалось сил для занятий, которые требовали большого напряжения. Нельзя забывать, что мальчики занимались систематически всего три с половиной года. Рейнольд Харту только однажды удалось отвести душу: ему разрешили покрыть яркой росписью стены больницы, в которой он служил; но это был единственный случай, когда хоть один из троих смог применить свое умение. Юноши тяготились службой и в конце концов уехали из города. Как и их товарищи, они работают на фермах и лесопильных заводах.

Среди мальчиков из Кэрролупа, очевидно, не оказалось ни одного такого исключительного таланта, как Альберт Наматжира⁴. Но все же они создали свою маленькую художественную школу.

Все мальчики писали акварелью. Больше всего и лучше всего представлены пейзажи и животные на фоне этих пейзажей. Молодым художникам, несомненно, удалось передать особенности австралийской природы, характерные движения кенгуру, опоссумов и других австралийских животных. Хороши также жанровые сцены: охота, пляска корробори. Подбор и сочетание красок у кэрролупских юных художников вызывают сомнения у некоторых критиков. Их называют импрессионистскими и обвиняют учителей Кэрролупа в том, что они увели своих учеников от непосредственного восприятия живой природы. Эта критика игнорирует, однако, тот несомненный факт, что природа Юго-Западной Австралии представляет изумительное по богатству и яркости сочетание тонов, к тому же дети обычно охотно передают самые яркие краски.

Благодаря энергии и настойчивости супругов Уайт, Флоренс Раттер и других доброжелателей, живопись молодых австралийцев получила широкую известность. Большую роль в популяризации их художественного

⁴ См. Н. А. Бутинов, Альберт Наматжира — художник из племени аранда, «Сов. этнография», 1954, № 4.

творчества играет книга Мери Дьюрак Миллер, проникнутая горячей симпатией к коренному австралийскому населению. Опубликованные в этой книге репродукции делают произведения кэрролупских художников достойным прогрессивной общественности далеко за пределами Австралии.

История кэрролупских художников и их живопись поднимают вопрос волнующий сейчас многих прогрессивных деятелей в колониальных странах: какими путями будет развиваться искусство этих народов? Будет ли оно исходить из традиционных форм или пойдет по пути подражания европейским образцам? М. Миллер справедливо указывает, что искусство отражает жизнь, а жизнь не стоит на месте: австралийским аборигенам сейчас чужда тотемическая тематика, составлявшая содержание старинной живописи их предков. Искусство Альберта Наматжиры и других австралийских художников имеет свой самобытный стиль, но в полной мере оно сможет развиваться только тогда, когда народ получит возможность свободно жить и творить.

В конце своей работы М. Миллер набрасывает беглыми штрихами картину нынешней жизни бывших художников Кэрролупа. Разбросанные по фермам и лесопильным заводам, выполняющие тяжелый труд обездичков на скотоводческих станциях или на лесоразработках, они не имеют ни времени, ни реальных возможностей рисовать, писать красками. И главное, что мешает каждому из них, пишет Миллер, — это сознание безысходности своего положения, безнадежность мечты о дальнейшем развитии искусства.

В условиях расового гнета судьба художников и вообще интеллигенции трагична. «Трагедия детей-художников из коренного населения, — пишет Мери Миллер, — в том, что, несмотря на их успехи, дальнейший их путь ведет только в тупик»⁵. Лишь отдельным одиночкам удается пробить себе дорогу. Кроме Наматжиры и его сотрудников — художников из центральной Австралии, аборигенная интеллигенция австралийского континента пополнилась теперь еще некоторыми именами, такими, как певец-тенор Харольд Блейр, спортсмены Рон Ричардс и Дут Никольс. М. Миллер присоединяет сюда и всех тех, кто «в форме австралийского солдата защищал образ жизни родной страны, хотя они сами и лишены возможности поддерживать этот образ жизни — в этом им отказано». Говоря об интеллигенции из аборигенов, М. Миллер справедливо указывает, что «эти люди вовсе не отличаются какими-либо исключительными особенностями от остальной массы своего народа»; до их уровня могут подняться и другие, для этого нужно лишь устранить колониальный гнет.

Трагичность положения молодежи из коренного населения отражена и в австралийской художественной литературе. В трилогии Катарины Сусанны Причард⁶ выведены три поколения аборигенов, женщин одной семьи. Представительница эпохи золотой горячки Калгурла перенесла все ужасы колонизации эпохи золотой горячки. Ее дочь Маритана, попавшая в тиски мошенников-золотопромышленников, потеряла честь и трагически погибла. Наконец, дочь Маританы метиска Мерита и ее младшие сестры и братья после гибели матери попали в приют. Их разместили по разным детским домам под чужими именами, чтобы разобщить их, заставить забыть детство. Мерите с большим трудом удалось получить образование и стать медицинской сестрой в больнице для «белых». Но ни относительно хорошее положение, ни то, что как метиска во втором поколении, она по внешнему виду не отличается от «белых», не могут заставить Мериту забыть мать и свое происхождение от коренных жителей страны. Девушка не хочет ничего забывать, она мечтает найти братьев и сестер и объединить насильственно разлученную семью.

⁵ М. D. Miller, Указ. раб., стр. 7.

⁶ К. С. Причард, Десяностые годы, М., 1949; Золотые мили, М., 1949; Крылатые семена, М., 1954.

Рис. 3. Охота на кенгуру. Рисунок Рейнольда Харга (14 лет)

Проблема молодежи из коренного и смешанного населения стоит в центре романа Ксавье Херберта «Каприкорния» (так называется Австралия к северу от тропика Козерога), получившего премию в честь 150-летнего юбилея колонизации Австралии и десять раз переизданного после 1938 г.⁷ Надо отдать справедливость автору, он достаточно ясно обрисовал тяжелое положение туземной молодежи. Херберт показывает, что даже при самых благоприятных личных условиях коренной житель Австралии или метис при нынешнем расовом режиме не может свободно развить свои способности и стать полноправным членом общества.

В романе выведен метис, сын англо-австралийца и аборигенки. По счастливой случайности мальчик под именем Норман усыновлен своим «белым» дядей. Уехав с мальчиком с севера страны на юг, дядя воспитывает Нормана вместе со своей дочерью, дает ему специальное техническое образование. Чтобы обеспечить племяннику полноправное положение, дядя скрывает истинное происхождение Нормана и объявляет, что его матерью была знатная яванка. На юге страны такая версия не возбуждает пристального внимания. После возвращения семьи на север, в Каприкорнию, Норман сначала продолжает жизнь сына богатого скотопромышленника, но проявляет себя с лучшей стороны. В имении дяди Норман изыскивает средства улучшить условия содержания скота, устраивает водопровод; в его голове роятся и другие технические планы. Автор показывает Нормана деятельным и способным человеком, на голову выше своего отца — безвольного пьяницы.

Но вскоре положение Нормана резко ухудшается из-за расовой дискриминации. В Каприкорнии сохранилось гораздо более многочисленное по сравнению с югом континента коренное население и образовалась большая прослойка метисов. В подавляющей массе это батраки и черно-рабочие, грузчики, матросы, объездчики на скотопромышленных предприятиях. Капиталисты — владельцы скотоводческих имений и консервных заводов, богатые фермеры и представители администрации — натравливают «белых» рабочих на их «цветных» собратьев, обвиняя последних в том, что они «отбивают работу» у англо-австралийцев, что они «аморальны» и что среди них преобладают «преступные элементы». В Каприкорнии особенно сильна расовая дискриминация, гораздо сильнее, чем в южной части страны.

Герой романа — Норман — оказывается «разоблаченным» в происхождении от «чернокожей», он уже не может вращаться в кругу богатой молодежи, где раньше блистал. Он терпит унижения и должен оправдываться в том, что однажды, случайно заблудившись, присоединился к кочующему племени. «Бродить с туземцами» — самая низшая ступень падения даже в глазах любящего Нормана дяди.

Особенно унизительна и беспросветна доля девушек-метисок. Автор вывел трогательные и полные своеобразной прелести образы девушек двух поколений: Констанции и Токи. Констанция заботливо воспитана любящим ее белым отцом — помещиком. Но после его смерти избалованную девушку соблазняет белый опекун — выборный общественный представитель; чтобы «скрыть грех», он выдает ее замуж за заведомо негодяя из деклассированных метисов.

Автор последовательно показывает, что при нынешнем расовом режиме обстановка в Австралии такова, что метиска, попавшая в беду, не в состоянии вернуться к прежней жизни и труду даже при помощи благожелательных «белых». Констанция умирает в госпитале «дома для полукровок». Рожденная ею от белого опекуна дочь, квартеронка⁸. Токи,

⁷ Xavier Herbert, *Capricornia*, Sydney, 1949.

⁸ Квартеронка — метиска или мулатка во втором поколении, рожденная от метиски и «белого», сохранившая лишь $\frac{1}{4}$ «черной» крови.

взятая сначала на воспитание фермером О'Канноном, все же как «цивилизированная» попадает в христианскую миссию. Не в силах перенести униженное положение и ханжеские правила поведения, Токи вместе с несколькими подругами бежит из миссии и в конце концов становится возлюбленной Нормана. Миссия требует возвращения Токи. На суде представитель миссии священник Холловер выступает с обвинением Нормана в соблазнении девушки и возражает против ее брака с ним. Главный довод священника — обвинение Нормана в атеизме. Норман гневно разоблачает ханжество миссионеров. «Вы жиреете, захватив земли коренных жителей в то время как ваша несчастная паства прозябает; не в состоянии прожорливый паек из жидкого супа и кокосовых орехов, люди ведут жалкое существование, бродя в поисках корней и мелких животных, которые с трудом могут найти на территории миссии... Библия и медленная смерть от истощения для аборигенов, для вас же полная праздность и ласковая улыбка — вот что такое жизнь в миссии»⁹.

Это обличительное выступление Нормана переплетается с речами агрессивных людей «белой» Австралии, которых вывел Херберт в своем романе: фермера О'Каннона, отца Констанции — Диффера, протектора Эйнти. В уста последнего автор вкладывает горячую речь в защиту коренных жителей Австралии. Он указывает на достижения их культуры и призывает к уважению ее носителей. Роман заканчивается гибелью Констанции от преследований полиции Токи и ее новорожденного младенца И, хотя главный герой — Норман — остается в благоденствии, собственником поместья, мрачное карканье ворон над трупами Токи и ее ребенка как бы символизирует всю тяжесть участи молодежи из коренных жителей в Австралии. Так роман Херберта в художественной форме показывает тупик, о котором говорит в своей книге Мери Миллер.

Наше сообщение можно закончить словами надписи, сделанной от имени Австралийско-Советского общества на экземпляре книги Миллер, посланном в СССР: «Мы надеемся, что эта книга поможет белым австралийцам возместить нанесенный ущерб и исправить существующую несправедливость, побудит их требовать, чтобы аборигенам были предоставлены полные права гражданства и благоприятные условия существования. Только тогда аборигены будут иметь возможность внести свой уникальный и драгоценный вклад в австралийскую жизнь и культуру».

⁹ Xavier Herbert, Указ раб., стр. 451.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

В. Е. ГУСЕВ

ПРОБЛЕМЫ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ В РУССКИХ ЖУРНАЛАХ 50—60-х ГОДОВ XIX ВЕКА

История русской науки о народной поэзии не может быть правильно понята вне связи с историей революционного движения в России. Только опираясь на ленинское учение о двух национальных культурах в каждой национальной культуре, только исходя из ленинской теории о трех этапах революционной борьбы в России, можно будет построить марксистскую историографию фольклористики, которая предстанет как история борьбы передового, революционного направления против различных направлений и «школ» дворянской и буржуазной фольклористики на каждом из этапов революционного движения.

Особый интерес для советских фольклористов представляет наследие революционных демократов, возглавивших передовой отряд русской науки на втором этапе русского революционного движения. Заслугой советских ученых является восстановление действительной роли великих русских критиков в истории отечественной и мировой фольклористики. Начиная с середины 1930-х годов появилось немало работ, исследующих воззрения на народную поэзию отдельных представителей революционной демократии¹. Однако до сих пор нет еще ни одной печатной работы, в которой воззрения всех революционных демократов были бы обобщены и раскрыты как единая, целостная научная концепция и в которой была бы прослежена борьба единого революционно-демократического фронта против буржуазной фольклористики. Первым и, на наш взгляд, удачным шагом в этом направлении является работа И. М. Колесниченко «Проблемы этнографии и народного творчества в «Современнике» 1850—1860 гг.»². Но, исследуя только материалы «Современника» и не ставя, очевидно, задачи охватить даже все его материалы по народной поэзии, автор не имел возможности сделать больших обобщений о сущности революционно-демократической фольклористики 50—60-х годов в целом и противопоставить ее реакционной и либеральной русской фольклористике.

¹ А. Скафтымов, Добролюбов и фольклор, «Литературный критик», 1936, № 2; его же, Белинский и народное творчество, «Литературный критик», 1936, № 7; М. Азадовский, Добролюбов и русская фольклористика, «Советский фольклор», 1936, № 4—5; его же, Белинский и народная поэзия, «Литературное наследство», № 55, т. I; его же, Чернышевский в истории русской фольклористики, Ученые записки ЛГУ, т. 81, вып. 12, 1941; его же, Русские просветители 40-х гг. и народная поэзия, «Известия Отделения языка и лит-ры АН СССР», т. IX, вып. 6, 1950; Я. Лебедев, Салтыков-Щедрин о народном творчестве и народности литературы, «Литературный Ростов», 1939, № 5; Г. Виноградов, Этнография в кругу научных интересов Чернышевского, «Советская этнография», 1940, № 3; Б. Богомолов, Белинский о народном творчестве, сб. «Наследие Белинского», 1952 и др.

² «Доклады и сообщения филологического института ЛГУ», вып. 3, 1951.

В настоящей работе делается попытка рассмотреть борьбу основных направлений в русской фольклористике 50—60-х годов на самом боевом участке борьбы — в русской журналистике той эпохи. Особенность этого участка борьбы состоит в том, что споры здесь велись не при закрытых дверях, не в узком академическом кругу специалистов, а всенародно. Итоги этой публичной дискуссии подводили не ученые авторитеты (журналы), а сама передовая русская общественность. Трудно поэтому переоценить значение выступлений русских журналов 50—60-х годов для судеб русской фольклористики и для формирования общественного сознания той эпохи. Ставя проблему борьбы по вопросам народной поэзии в русской журналистике 50—60-х годов XIX в., мы ограничиваем себя материалами четырех журналов, представлявших основные направления в русском обществе: «Современника» — главного органа революционной демократии, «Отечественных записок» — главного органа либералов, «Москвитянина» — органа партии официальной народности и славянофилов, «Русской беседы» — основного органа славянофилов. Сопоставление выступлений этих журналов даст возможность выяснить в общих чертах принципиальные проблемы русской фольклористики 50—60-х годов и решение этих проблем основными, борющимися между собой направлениями русской общественной мысли³.

Даже при самом беглом знакомстве с журналами 50—60-х годов XIX в. бросается в глаза обилие этнографических и фольклорных материалов, обилие статей по вопросам народной поэзии. Особенно заметно увеличение числа таких статей в годы революционной ситуации и проведения реформы. Так, в «Современнике» за 1860 г. статьи, посвященные народной поэзии и проблемам ее изучения, опубликованы в 5 номерах; за 1861 г. — в 6 номерах; в «Отечественных записках» за 1860 г. — в 6 номерах, за 1861 г. — в 6 номерах. Такой интерес к народной поэзии в эпоху подъема общественного движения в России после Крымской войны особенно в период революционной ситуации не случаен.

В центре внимания всей русской общественности в эти годы, как известно, стоял вопрос о крепостном праве, о путях развития России, о положении народа и его роли в исторических судьбах родины. В страстных спорах, возникших между журналами в 50—60-х годах и явившихся отражением и выражением классовой борьбы в России, мобилируются философия, социология и история, естественные науки, литература. Особое значение борющиеся партии придавали данным этнографической науке, в частности народной поэзии, которые привлекались и в качестве обоснования их общественно-политических программ. «Современник» писал по этому поводу: «Наша литература только и говорит, что об изучении народа, наполняется множеством этнографических описаний, очерков, рассказов и т. п.»⁴. «Отечественные записки» в программных объявлениях о направлении журнала отмечали важность данных этнографической науки для доказательства своих политических теорий⁵. Органы славянофилов также неоднократно подчеркивали, что свои убеждения они строят на основании изучения народного быта и народной поэзии. Так, например, этот взгляд развивался Хомяковым в предисловии к публикации песен И. Киреевского в «Московском сборнике» за 1852 г.

Но, придавая большое значение этнографии и народной поэзии в решении важнейших общественных проблем, борющиеся партии по-разному понимали сущность и назначение этнографии, по-разному истолковывали ее данные. Если революционные демократы предъявляли этнографии подлинно научные требования и использовали ее данные для всесторон-

³ В дальнейшем, для уточнения картины во всех ее подробностях, потребуются привлечение «Колокола» и «Русского слова», «Библиотеки для чтения» и «Русского вестника», «Времени» и «Эпохи».

⁴ «Современник», 1865, № 2, Совр. обозрение, стр. 173.

⁵ «Отечественные записки», 1860, № 11, стр. 6.

ней, глубокой характеристики народа, его истории, быта и мировоззрения, основывая на этнографическом материале свое революционное понимание действительности и свою борьбу за подлинное освобождение народных масс, то совершенно по-иному, в конечном счете в интересах господствующих классов, с идеалистических, антинаучных позиций подходили к этнографии и народной поэзии идеологи «официальной народности», славянофилы и либералы-западники.

«Современник» метко охарактеризовал позицию представителей официальной народности как «затхлую благонамеренность» и подчеркивал принципиальное сходство и одинаковый реакционный смысл подхода к народной жизни и народной поэзии как теоретиков партии официальной народности, так и славянофилов⁶.

Действительно, идеологи официальной народности и славянофилы, при всех различиях субъективных целей и отдельных положений, в сущности одинаково стремились использовать этнографию и народную поэзию для увековечения самодержавно-крепостнического строя, для реакционной идеализации феодальных порядков, для обоснования своих ложных представлений о русском народе как носителе таких исконных «добродетелей» как религиозность, смирение, преданность престолу.

Уже в названной статье в «Московском сборнике» Хомяков, ссылаясь на русские народные песни, доказывал живучесть в русском народе древних исконных начал, утверждал, будто народная поэзия, которая хранит старые «органические законы», свидетельствует о приверженности русского народа к допетровской старине. В запрещенном втором выпуске «Московского сборника» за 1852 г. имелась статья К. Аксакова «Богатыри времен великого князя Владимира», где автор воспользовался героическим эпосом для идеализации ранних феодальных порядков, имея, правда, в виду и определенную политическую цель — это была критика современного самодержавия, но критика с реакционно-утопических позиций⁷. На страницах славянофильского органа «Русская беседа» была опубликована рецензия Т. И. Филиппова на пьесу А. Н. Островского «Не так живи как хочется», где автор пытался оправдать домостроевские порядки и семейный деспотизм в русской жизни ссылками на русские народные песни, в которых якобы эти порядки освящаются народом и в качестве спасения от страданий проповедуется терпение. Одной песни о замученной мужем женщине, где брат ее обращается к ней: «Потерпи, сестрица, потерпи, родная», было достаточно Т. И. Филиппову, чтобы делать такие произвольные и по существу клеветнические обобщения о русском народном характере⁸. Недаром это вызвало резкую отповедь со стороны Чернышевского и Щедрина⁹. Охотно использовалась народная поэзия славянофилами и для доказательства мысли, будто «народность русская неразрывно соединена с православною верою». В особую заслугу собирателю народных песен, И. Киреевскому ставилось то, что он издал духовные стихи, которые в представлении славянофилов были ярким свидетельством религиозности русского народа¹⁰.

Наиболее полное и последовательное выражение славянофильских взглядов на народную поэзию находим в статье А. Григорьева «Русские народные песни». Сам А. Григорьев впоследствии отмечал, что «статья была выводом из воззрений и жизни целого кружка»¹¹. А. Григорьев дает

⁶ См. «Современник», 1865, № 2, стр. 176.

⁷ См.; Н. П. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XII, 1899, стр. 11—151.

⁸ См. «Русская беседа», 1856, № 1.

⁹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. III, стр. 653. М. Е. Щедрин, Полное собрание сочинений, т. V, ГИХЛ, 1937—1941, стр. 24—25.

¹⁰ См., например, «Москвитянин», 1854, т. 8, кн. I, отд. IV, стр. 94.

¹¹ А. Григорьев, О русских народных песнях, «Отечественные записки», 1860, № 4, стр. 446.

оценку различным сборникам народных песен (Чулкова, Новиков Сахарова, Стаховича, Прача, Кашина, Трутовского и др.) и общую характеристику русской народной поэзии, подробно останавливается на типе певцов, на исполнительском искусстве, высказывает свои соображения принципах, которыми должны руководствоваться собиратели народной поэзии. Основная идея статьи сводится к утверждению, что русская народная поэзия бессознательна, «органична», неизменна в своей сущности. Народная поэзия, доказывает А. Григорьев, выражает «коренной великий русский взгляд», т. е. искони существующее и якобы остающееся в основе своей неизменным религиозное мировоззрение русского народа¹³. В изменениях в народной поэзии, по убеждению А. Григорьева, сводятся порче ее под влиянием «фабричной цивилизации»¹⁴. Задача собирателя народной поэзии заключается в том, чтобы среди различных вариантов найти «коренной тип» произведения, т. е. самый архаический вариант наиболее полно выражающий «старые» или «коренные» взгляды народа. При этом А. Григорьев допускал возможность компиляции различных вариантов с целью реконструкции «коренного типа». Этим антинаучным принципом он оправдывал фальсификацию народной поэзии для доказательства предвзятых представлений о русском народе. Статья, полемическая по своей сути, направлена была против революционных демократов, которым в заключение А. Григорьев демагогически приписывает недостоинство народной поэзии, равнодушие и даже нелюбовь к ней.

Таким образом, выступления славянофилов по вопросам народной поэзии носили откровенно выраженный реакционный характер и преследовали вполне определенную цель — они служили средством в их борьбе против революционной демократии, должны были воспрепятствовать прогрессивному развитию русского общества и распространению в обществе прогрессивных идей и правильных представлений о народе.

Главный орган русских либералов-западников «Отечественные записки» проявил к народной поэзии едва ли не больший интерес, чем даже славянофильские органы. При этом позиция журнала претерпела определенную эволюцию: если в начале 50-х годов «Отечественные записки» стараясь сохранить репутацию передового журнала, выступали против мифологов и славянофилов (ниже будет показана ограниченность и непоследовательность этой критики и эклектический характер научного отдела журнала), если в 1853—1854 гг. в журнале помещались даже статьи Чернышевского (в том числе его рецензия на «Песни разных народов» Берга), то во второй половине 50-х годов в связи с нарастанием революционных настроений в русском обществе «Отечественные записки» становятся самым беспринципным журналом в России, что вынуждена была признать даже сама редакция: «Журнал наш в последние четыре года, — писал А. Краевский в 1860 г., — не имел, может быть, той определенности, которая так нравится многим...»¹⁵. В период революционной ситуации и наиболее острого проявления классовой борьбы журнал открыто порывает с демократией, сбрасывает маску народолюбия, откровенно примыкает к реакционному лагерю и яростно выступает против «Современника». С 1862 г. и до перехода в 1868 г. журнала в руки революционных демократов «Отечественные записки», окончательно разоблаченные к этому времени «Современником», вынуждены отказаться от демагогического использования народной поэзии. Статьи и материалы по народной поэзии почти совершенно исчезают со страниц журнала¹⁶.

¹² См. А. Григорьев, Русские народные песни, «Москвитянин», т. 8, кн. I, 1854, стр. 110. В понятие «органичности» А. Григорьев вкладывал идеалистический смысл — оно означало «стихийный отзвук» извечных «жизненных сил» народа.

¹³ Там же, стр. 107—110.

¹⁴ Там же, стр. 103.

¹⁵ «Отечественные записки», 1860, № 12, стр. 5.

¹⁶ Если только за один 1860 г. в «Отечественных записках» было напечатано

Позорная эволюция во взглядах «Отечественных записок» на народную поэзию может быть особенно ярко обнаружена на следующем примере. В 1854 г. «Отечественные записки» поместили ответ на статью А. Григорьева «Русские народные песни». Хотя критик «Отечественных записок» и называет статью «лучшим произведением» А. Григорьева и многое считает в ней верным, однако рецензия подвергает сомнению основные положения статьи Григорьева — его идеи неизменности народной поэзии и выражения в народной поэзии «коренного великорусского взгляда». «Как все живущее переменяется, так и песня живет с народом», — справедливо утверждает автор ответа¹⁷. Он не разделяет симпатий А. Григорьева к древнейшим вариантам песни и считает, что «с течением времени... варианты делаются чище и лучше, нежели первые»¹⁸. Автор ответа решительно возражает против требования А. Григорьева искать «первообраз» или «коренной тип» песни, ратует за соби́рание возможно большего количества вариантов произведений народной поэзии. Таким образом, хотя и с оговорками, хотя и недостаточно решительно и принципиально, но все же автор рецензии критикует реакционную направленность статьи А. Григорьева. Но вот проходит шесть лет, и на страницах «Отечественных записок» (1860, № 4 и 5) перепечатывается та же статья А. Григорьева. Может быть, А. Григорьев изменил основные положения своей статьи и приспособил ее к требованиям журнала, недавно критиковавшего его? Ничуть не бывало. Сам А. Григорьев признается: «К основным положениям моим я прибавил в сущности немного нового»¹⁹. Еще меньше А. Григорьев убавил — он снял лишь полемический выпад против «петербургских журналов» 40-х — начала 50-х годов, т. е. в том числе и «Отечественных записок», но это объясняется отнюдь не соображениями журналистской этики, а теми изменениями, которые произошли за шесть лет в позиции «Отечественных записок» и которые дали повод Григорьеву писать с нескрываемым торжеством о победе «идеи народности»²⁰. Рисуя идиллическую картину примирения «враждующих направлений», А. Григорьев имел в виду лишь славянофилов и либералов-западников, прекрасно зная, что они объединились как раз для борьбы с общим врагом — революционной демократией. Один уже факт опубликования статьи А. Григорьева на страницах «Отечественных записок» и выразительные комментарии самого А. Григорьева к своей статье красноречиво свидетельствовали о полной солидарности русских либералов с реакционными славянофилами 50—60-х годов, о бесповоротном разрыве русских либералов с демократией, об окончательном предательстве ими народных интересов.

Однако, говоря об эволюции «Отечественных записок» в вопросах народной поэзии, следует подчеркнуть, что эта эволюция была эволюцией либерализма, что с самого начала, заигрывая с демократией и публикуя, например, статьи Чернышевского, «Отечественные записки» одновременно охотно пропагандировали идеи, близкие к идеям славянофилов, с самого начала являлись трибуной русских мифологов. Приверженность «Отечественных записок» к мифологическим изысканиям и псевдонаучный, крохоборческий, оторванный от жизни характер статей, публикуемых на страницах либерального журнала, высмеял Некрасов. Еще в 1851 г. в седьмом номере «Современника» Некрасов опубликовал «Беседу журналиста с подписчиком», в которой от имени читателя заявлял:

7 статей и рецензий по вопросам народной поэзии и специальным приложением к нескольким номерам большое собрание песен П. И. Якушкина, то за 1862—1866 гг. опубликовано всего лишь 4 рецензии.

¹⁷ «Отечественные записки», 1854, № 10, отд. IV, стр. 124.

¹⁸ Там же.

¹⁹ А. Григорьев, О русских народных песнях, «Отечественные записки», 1860, № 4, стр. 447.

²⁰ Там же, стр. 446.

«Науки»

Так пишутся у вас, что просто вон из рук...

Притом, какие вы трактуете предметы?

«Проказы домовых, пословицы, приметы,

О роли петуха в языческом быту,

Значенье кочерги, история ухвата»...

Нет, батюшка, таких статеек нам не надо²¹.

Открываем шестой номер «Отечественных записок» за тот же 1851 и сразу обнаруживаем удивительный эклектизм в научном отделе. В номере опубликована рецензия К. Кавелина на статью Афанасьева «О ведуне и ведьме», где рецензент справедливо критикует известного русского мифолога и высказывает категорическое несогласие с основными принципами его научной методологии²². Можно подумать, что журнал разделяет мнение рецензента. Однако в том же номере редакция публикует большую работу Афанасьева «Религиозно-языческое значение избы славянина», где автор подробно развивает свои излюбленные положения, раскритикованные в рецензии. Отдав необходимую дань читателям, мнение которых огорчил Некрасов, «Отечественные записки» затем со спокойной совестью продолжают публиковать работы мифологов. С позиций мифологической школы народная поэзия исследуется в работах Ф. Буслаева²³, А. Н. Пыпина²⁴ и других сотрудников «Отечественных записок»²⁵. На страницах журнала неизменно очень высоко оцениваются работы братьев Grimm, из русских ученых — работы Афанасьева (рецензия К. Кавелина — единственное критическое выступление за все время) и особенно работ Ф. Буслаева. Уже из этих фактов можно сделать вывод, что «Отечественные записки» являлись оплотом либерально-буржуазной фольклористики на протяжении всей эпохи 50—60-х годов.

Остановимся на некоторых статьях «Отечественных записок», в которых особенно полно развиваются положения мифологической теории.

Ф. Буслаев в работе «Эпическая поэзия» (1851) ставит проблему происхождения народной поэзии и приходит к выводу, что все жанры народной поэзии — сказки, сказания, песни, загадки, пословицы и поговорки, а также обряды — возникли в «эпический период» из мифа²⁶. Создателем народной поэзии является весь народ, который представляется Буслаеву сплошной безличной массой²⁷. Самый процесс создания произведений народной поэзии был, по мысли Буслаева, бессознательным²⁸. Такое абстрактно-идеалистическое понимание процесса создания народного творчества очень характерно для буржуазной науки. Буслаев подобно славянофилам, рассматривает народную поэзию как неизменяющееся искусство, как отражение далекой старины: «Как и содержанием так и по форме всякая народная поэзия, по мере развития жизни самого народа, разрасталась, в сущности оставаясь неизменною»²⁹. Признание

²¹ Н. А. Некрасов, Беседа журналиста с подписчиком, «Современник», 1851, № 7, отдел «Смесь», стр. 13—14.

²² К. Кавелин, О ведуне и ведьме, по поводу статьи г. Афанасьева в альманахе «Комета», «Отечественные записки», 1851, № 6, стр. 56—59, 64.

²³ Ф. Буслаев, Эпическая поэзия, «Отечественные записки», 1851, № 7, 8; Славянские сказки, «Отечественные записки», 1860, № 10.

²⁴ А. Н. Пыпин, О русских народных сказках..., «Отечественные записки», 1856, № 4, 5.

²⁵ Эп. С.-Т. Очерк истории русской поэзии г. Милюкова, «Отечественные записки», 1858, № 4; большая статья без подписи, посвященная сборникам Рыбникова, Киреевского, Шейна и Бессонова в «Отечественных записках», 1861, № 6 и 7, и др.

²⁶ Ф. Буслаев, Эпическая поэзия, «Отечественные записки», 1851, № 7, отд. III, стр. 1—44.

²⁷ «Отечественные записки», 1851, № 8, отд. II, стр. 52.

²⁸ Там же, стр. 54.

²⁹ Там же, стр. 53.

только количественного изменения народной поэзии также типично для метафизической по своему методу буржуазной науки.

А. Н. Пыпин в большой работе «О русских народных сказках» (1856), написанной в связи с выходом в свет «Народных русских сказок» Афанасьева, безоговорочно принимает методологию братьев Гримм; с некоторыми оговорками, касающимися частностей и увлечений Афанасьева, Пыпин признает правильным также метод русского мифолога и считает его книгу первым подлинно научным сборником сказок³⁰. Задачу исследователя народной поэзии Пыпин понимает почти так же, как и А. Григорьев: «Исследователю нужно восстановить, сколько можно, первобытную форму сказания, отделив его позднейшие наросты от коренного мотива»³¹. Сказку Пыпин, в полном соответствии с мифологической теорией, рассматривает как обломок древнейшего народного эпоса³². Не только содержание, но и форма сказки, по утверждению Пыпина, «имела свой мифический смысл»³³. В отличие от Буслаева, Пыпин признает качественные изменения в сказках. Однако характерно, что историю сказки Пыпин рассматривает как разрушение ее мифической основы, как регресс содержания и формы. Пыпин явно отрицательно относится к появлению реалистических, сатирических сказок, считая их продуктом распада сказочного эпоса. Он рассматривает появление сатиры не как результат органического развития сказочного творчества, а как привнесение чуждых природе древнейшего народного эпоса литературных влияний³⁴. Пыпин вынужден признать, что сатирические сказки получили большое распространение в народе, и все-таки он продолжает утверждать, будто сказка «неспособна быть сатирой»³⁵. Такой пренебрежительный взгляд на сатирическую сказку и отрицание связи народной поэзии с действительностью, с современностью очень характерны для буржуазно-либеральной науки и объясняются ее страхом перед обличительной силой реалистического народного творчества. Нельзя не заметить, попутно, что Пыпин подходит к подлинным записям народных сказок с аристократическим, эстетским критерием³⁶. Он считает возможным редактирование сказок в научных изданиях и даже устранение «простонародного тона»³⁷. Взгляды Пыпина свидетельствуют о том, что в 1856 г. он разделял основные положения мифологической школы и стоял далеко позади Чернышевского и Добролюбова, с их резко отрицательным отношением к мифологам уже в то время. Молодой Пыпин находился в лагере либерально-буржуазной науки; лишь с конца 50-х годов на короткое время примкнув к революционной демократии, затем, после закрытия «Современника», Пыпин снова вернулся в либеральный лагерь. Это особенно следует подчеркнуть, так как И. М. Колесницкая умалчивает о сложной эволюции Пыпина и допускает ошибку, безоговорочно отождествляя взгляды Пыпина 50—60-х годов со взглядами Чернышевского и Добролюбова³⁸.

Очень важной для определения позиции «Отечественных записок» является рецензия на «Очерк истории русской народной поэзии» Ми-

³⁰ А. Н. Пыпин, *О русских народных сказках*, «Отечественные записки», 1856, № 4, отд. «Критика», стр. 45.

³¹ Там же, стр. 47.

³² Там же, стр. 51.

³³ Там же, стр. 53.

³⁴ Там же, 1856, стр. 54, 56, 65, 67.

³⁵ «Отечественные записки», 1856, № 5, отд. «Критика», стр. 4; см. там же, № 4, стр. 56—59.

³⁶ «Отечественные записки», 1856, № 4, отд. «Критика», стр. 49. Такой аристократический взгляд на живую, бытующую в народе поэзию высказан на страницах «Отечественных записок» не впервые (см. рецензию на сказку Маслоковца «Три клада» в № 2 за 1854 г., отд. IV, стр. 56—61).

³⁷ Там же, стр. 51.

³⁸ «Доклады и сообщения Филологического института ЛГУ», вып. 3, 1951, стр. 77.

люкова, послуживший, как известно, поводом к написанию Добролюбовым статьи «О степени участия народности в развитии русской литературы». Если Добролюбов критиковал Милюкова за либерально-западническое, нигилистическое отношение к народной поэзии, то автор рецензии критикует Милюкова справа, с позиций реакционной мифологической теории. Главной ошибкой Милюкова, по мнению автора рецензии, является то, что он отрицает мифологическую основу русской народной поэзии. Собственное научное суждение автор рецензии формулирует достаточно четко: «Народная поэзия рождается вместе с верованием и отражает в себе главнейшие его видоизменения. Она сама — мифология, верование; только верование в художественной форме»⁴⁰. С прямо противоположной Добролюбову позиции, смыкаясь со славянофилами, «Отечественные записки» положительно оценивают духовные стихи как якобы подлинно народные произведения⁴¹. Как после этого удивляться сотрудничеству в «Отечественных записках» А. Григорьева!

«Отечественные записки» остались верными мифологической школе в 1861 г.; с последовательностью, достойной лучшего применения, орглибералов твердит: «Пора свыкнуться с той мыслью, что мифология присутствует истории»⁴². Даже в Микуле Селяниновиче «Отечественные записки» усматривают «тип мифического пахаря», а его сошку кленовой кую глубокомысленно объявляют «явлением символическим»⁴³.

Таким образом, с течением времени «Отечественные записки» более последовательно развивают идеалистическую, реакционную концепцию народной поэзии, рассматривая ее в полном отрыве от современности, от насущных нужд народной жизни, отвлекая внимание общества от злободневных проблем общественной жизни.

«Отечественные записки» блюдут авторитет корифеев либерально-буржуазной фольклористики, создают легенду о научной непогрешимости Ф. Буслаева. Так, в седьмой книжке за 1854 г. опубликована рецензия Афанасьева на второй выпуск «Архива» Н. Калачова, почти целиком состоящая из восторженных комментариев к «превосходной статье Буслаева» о пословицах и поговорках. Афанасьев и Пыпин дают также высокую оценку опубликованному Буслаевым сборнику пословиц и поговорок⁴⁴. Ниже будет сказано, какой принципиальной критике подвергли эти работы Буслаева Чернышевский и Добролюбов. «Отечественные записки», вопреки правде, стремились доказать, что у Буслаева «наука не стоит отдельно от жизни, а приводится в тесную связь с нею». Одобрив то, что Буслаев является представителем мифологической школы «Отечественные записки» считают, что тем самым Буслаев оказал русскому науке и литературе «неоцененные услуги»⁴⁶, что работы Буслаева — высшее достижение современной науки⁴⁷. Высокая оценка роли Буслаева истории фольклористики из «Отечественных записок» перейдет в «Историю русской этнографии» А. Н. Пыпина, а затем с его легкой руки в многочисленные историографические обзоры.

Преклоняясь перед либерально-буржуазной наукой и усиленно пропагандируя, отказываясь постепенно от критики славянофильства

³⁹ «Отечественные записки», 1858, № 4, отд. «Критика», стр. 64.

⁴⁰ Там же, стр. 64—65.

⁴¹ Там же, стр. 67.

⁴² Статья — рецензия без подписи на сборники Рыбникова, Киреевского, Шей Бессонова, «Отечественные записки», 1861, № 6, стр. 70.

⁴³ Там же, стр. 78.

⁴⁴ «Отечественные записки», 1854, отд. III, № 7, стр. 35; 1856, № 4, отд. «Критика», стр. 41.

⁴⁵ «Отечественные записки», 1859, № 3, Русская лит-ра, стр. 35.

⁴⁶ «Отечественные записки», 1860, № 11, стр. 88.

⁴⁷ «Отечественные записки», 1861, № 6, стр. 65.

капитулируя перед ним⁴⁸, «Отечественные записки» одновременно и всем содержанием своих статей и прямыми полемическими выпадами боролись против революционно-демократической концепции народной поэзии.

«Отечественные записки» с неудовольствием вынуждены были признать, что «большинство как критиков, так и читателей смотрит на народную поэзию глазами Белинского»⁴⁹. Поэтому орган либералов прилагал все усилия к тому, чтобы исказить и дискредитировать взгляды первого революционного демократа на народную поэзию. «Отечественные записки» клеветнически приписывали Белинскому пренебрежительное отношение к народной поэзии, утверждали, будто Белинский не увидел в русской народной поэзии «ничего, кроме грубости и отсутствия гуманных начал»⁵⁰. Считая взгляды славянофилов и демократов «односторонними» и лицемерно называя себя «спокойными зрителями борьбы»⁵¹, «Отечественные записки» по существу смыкались со славянофилами и, сваливая с большой головы на здоровую, демагогически обвиняли революционных демократов 50—60-х годов в «подначальном западничестве»⁵². Используя науку в своих общественно-политических целях, «Отечественные записки» ханжески, устами Буслаева, упрекали «Современник» в спекулятивном отношении к науке, стремились отстоять «самостоятельность» науки в борьбе различных политических партий, доказать, что наука якобы стоит в стороне от партийной борьбы, что ей якобы «нет места между этими вовсе нелитературными стремлениями»⁵³. Принцип «наука для науки» был одной из форм проявления партийности буржуазной науки, служил щитом, за которым скрывались ее реакционные тенденции. Активное участие ученых типа Буслаева в «Отечественных записках» является лучшим опровержением фальшивой «объективности» академической науки и доказывает, что она служила либеральной буржуазии, помогала ей в борьбе против революционной демократии.

Революционные демократы разоблачили политический смысл объективизма в науке. Чернышевский писал: «Реакционеры называют историка беспристрастным тогда, когда он доказывает, что старинный порядок вещей был хорош»⁵⁴. Это не в бровь, а в глаз било по «Отечественным запискам» с их умилением перед мифологами. Чернышевский подчеркивал общественное значение науки, связь науки с общественно-политической борьбой: «Ученые трактаты служат отголоском исторической борьбы, имеют целью задержать или ускорить ход событий»⁵⁵.

Борясь против всей реакционной науки, против славянофилов и либералов-западников, против всех тех, кто имел целью «задержать» неизбежный ход событий, революционные демократы создавали науку, которая имела целью ускорить освобождение народа от гнета крепостничества и самодержавия.

Еще Герцен ратовал за демократизацию науки: «Наука... не может войти живым элементом в стремительный поток практических сфер, пока она в руках касты ученых: одни люди жизни могут внедрить ее

⁴⁸ См., например, К. Бестужев-Рюмин, Славянофильское учение и его судьба, «Отечественные записки», 1862, № 2, стр. 682.

⁴⁹ «Отечественные записки», 1861, № 6, стр. 63.

⁵⁰ «О народной поэзии в древнерусской литературе». Речь Ф. Буслаева. Эп. С.-с., «Отечественные записки», 1860, № 3, Русская лит.-ра, стр. 32—33.

⁵¹ Там же, стр. 33.

⁵² Ф. Буслаев, Ответ г. Пыпину..., «Отечественные записки», 1861, № 4, отд. «Критика», стр. 61.

⁵³ Там же, стр. 85.

⁵⁴ Н. Г. Чернышевский, Чичерин как публицист, «Современник», 1859, № 5; Избранные философские сочинения, т. II, стр. 640. Все ссылки на произведения, опубликованные в «Современнике» и вошедшие затем в собрания сочинений революционных демократов, будут приводиться по наиболее доступным читателю изданиям.

⁵⁵ Н. Г. Чернышевский, Антропологический принцип в философии, «Современник», 1860, № 4; Избранные философские сочинения, т. III, стр. 163.

в жизнь»⁵⁶. Таковыми «людьми жизни» и были русские революционные демократы. Они «внедряли» науку в жизнь, ставили ее на службу прогрессу и интересам народных масс. Чернышевский имел полное основание сказать о себе и о своих боевых соратниках: «Те передовые люди, деятельностью которых развивается наука, ведут ее к тому, чтобы пошла в жизнь результаты ее жизнь всего народа»⁵⁷.

«Современник» стал высокой кафедрой, с которой по всей стране распространялись передовые научные идеи и звучал грозный обвинительный приговор против буржуазно-дворянской науки. Аудиторией революционных демократов была вся передовая молодежь России, передовые люди разных поколений, разных профессий, разных степеней образования. Это была поистине народная высшая школа в России 50—60-х годов.

«Современник» выступал с резкой, принципиальной критикой господствующих направлений и отдельных представителей академической этнографии и фольклористики, главный удар направляя против «Отечественных записок» и Буслаева. Чернышевский указывал в «Полемических красотах», что «излагаемые г. Буслаевым понятия о народности служат одним из оснований, на которых зиждется критика «Отечественных записок»⁵⁸.

Уже в 1854 г., в рецензии на «Архив» Н. Калачева, в ответ на хвалебную рецензию Афанасьева в «Отечественных записках», Чернышевский писал: «Санскритские сравнения завлекли г. Буслаева слишком далеко. В наших пословицах он хочет видеть остатки древнейшей санскритской мантры... И мы не знаем, принесла ли какую-нибудь пользу эта отдаленная родословная, приисканная ученым автором; нам кажется, что он только набросила фальшивый свет на наши пословицы, придав им как то мифологический характер, который им совершенно чужд»⁵⁹.

Позже «Современник» отмечает у Буслаева еще «больше пристрастие к старине»⁶⁰. В январском номере «Современника» за 1861 г. помещается обширный разбор труда Буслаева «Исторические очерки русской народной словесности и искусства», принадлежащий перу А. Пыпина. Несмотря на то, что критика Буслаева была несколько смягчена Пыпиным (у него, по критическому замечанию Чернышевского, проявилась «слабость специалиста к специалисту»⁶¹), статья в основном хорошо выразила отрицательное отношение к Буслаеву революционной демократии. В № 1 «Свистка», приложенном к этому же номеру «Современника», содержится сатирический выпад Чернышевского против Буслаева, возмущивший ученого-мифолога. Но особенно глубокая и принципиальная критика ложных принципов научной деятельности Буслаева содержится в «Полемических красотах». Чернышевский, обличая идеализм в науке и полемизируя с «Отечественными записками», критиковал Буслаева за его оторванность от жизни, за следование реакционному принципу «наука для науки» и указывал на «староверство» Буслаева, на его «пристрастие к отжившему и нелепому» как на основную причину порочной методологии его работ. Чернышевский указывал на ошибочность направления научной деятельности русского мифолога, осудил несамостоятельный, подражательный по отношению к западноевропейской буржу-

⁵⁶ А. И. Герцен, Полное собрание сочинений под ред. Лемке, т. III, стр. 194.

⁵⁷ Н. Г. Чернышевский, Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований, «Современник», 1860, № 6; Избранные философские сочинения, т. III, стр. 260.

⁵⁸ Н. Г. Чернышевский, Полемические красоты, «Современник», 1861, № 6; Избранные философские сочинения, т. III, стр. 398.

⁵⁹ Н. Г. Чернышевский, Рецензия на «Архив Калачова», «Современник», 1854, № 4; Полное собрание сочинений, т. II, стр. 379.

⁶⁰ Рецензия на «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» г. Буслаева (без подписи), «Современник», 1860, № 12, стр. 264.

⁶¹ Н. Г. Чернышевский, Полемические красоты, «Современник», 1861, № 7; Избранные философские сочинения, т. III, стр. 397.

азной науке характер этой деятельности и дал ей общую отрицательную оценку⁶².

В следующие годы «Современник» не раз возвращается к оценке деятельности Буслаева, отмечая его дальнейшую эволюцию вправо: у Буслаева «все накидное и притворное», т. е. либеральные фразы, «уступает, наконец, место коренному убеждению», т. е. консерватизму, преклонению перед византийским благочестием⁶³. Вскоре, разоблачая неловкие попытки «Отечественных записок» противопоставить Буслаева славянофилам (см., например, рецензию на речь Буслаева «О народной поэзии в древнерусской литературе» в «Отечественных записках» за 1859 г., № 3), «Современник» отмечает сближение Буслаева с представителями официальной народности и реакционными славянофилами 50—60-х годов: «Г. Буслаев в своих последних произведениях заходит едва ли не туда же, куда г. Шевырев и Бессонов»⁶⁴. Все это свидетельствует о том, что «Современник» придавал большое значение борьбе против Буслаева и, по мере обострения общественно-политической борьбы в России и усиления размежевания демократической и либеральной тенденций в этой борьбе, усиливал критику Буслаева как виднейшего представителя либеральной науки, убедительно вскрывая усугубление методологической порочности трудов Буслаева в области искусства.

Большое принципиальное значение имела также рецензия Добролюбова на «Народные русские сказки» Афанасьева, резко отличающаяся от известной уже статьи Пыпина в «Отечественных записках» и от статьи Буслаева, опубликованной в журнале «Русский вестник» № 2 за 1856 г. Эта рецензия наносила удар по всей академической науке (а не только по Афанасьеву), для которой было характерно «совершенное отсутствие жизненного начала»⁶⁵. Рецензия была направлена против «высоко ученых мужей», служителей «чистого искусства», против либерально-буржуазного эстетского, «гастрономического» направления в науке, с его пренебрежительным отношением к народной поэзии⁶⁶. Афанасьев Добролюбов критиковал за то, что тот во многом следовал порочной методологии буржуазных фольклористов, не изучал народную поэзию в связи с насущными нуждами народа. Известно, что резкий отзыв Добролюбова на первые выпуски «Народных русских сказок» благоприятно повлиял на Афанасьева — он помог составителю отойти от объективистской позиции по отношению к народной поэзии и обратиться к сатирическим народным сказкам, которые явились прекрасным «материалом для характеристики народа», как этого требовал Добролюбов, и которые были изданы Герценом в его Вольной типографии.

Программа собирательской деятельности, сформулированная в рецензии Добролюбова и неоднократно комментировавшаяся в работах о Добролюбове, была направлена против схоластических, фальсификаторских требований, излагавшихся славянофилами и «Отечественными записками».

«Современник» проявлял большую принципиальность и в оценках работ фольклористов, принадлежавших к демократическому лагерю, но иногда увлекавшихся мифологической теорией. «Современник», например, указывал Худякову на его ошибочные попытки отыскивать «мифический смысл» в русских загадках; отмечая, в частности, несостоятельность ми-

⁶² См. Н. Г. Чернышевский, Избранные философские сочинения, т. III, стр. 388—392.

⁶³ «Наши новые благодетели». «Современник», 1863, № 6, стр. 280.

⁶⁴ Рецензия на «Историю русской словесности древней и новой» Галахова, «Современник», 1863, № 7, стр. 2—3.

⁶⁵ Н. А. Добролюбов, Рецензия на «Народные русские сказки», «Современник», 1858, № 9; Собрание сочинений, под ред. Лебедева-Полянского, т. I, стр. 431.

⁶⁶ Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений, т. I, стр. 430. Подробнее см. в нашей статье «Добролюбов и проблемы фольклористики», «Советская этнография», 1950, № 4, стр. 191—193.

фологического истолкования загадки «Сивый жеребец на все царств жет» (гром), «Современник» иронически советовал: «Пусть г. Худяк предоставит заботиться об этом жеребце г. Буслаеву»⁶⁷.

Так «Современник» воспитывал своих читателей и некоторых ученых в духе непримиримого отношения к мифологической теории.

«Современник» разоблачал также антинаучный характер славянофильских взглядов на народную поэзию. Славянофилы и мифологи вели между собой споры, но эти споры не могли быть принципиальными, так как они не затрагивали основного исходного положения, общего для тех и других, — признания обусловленности народной поэзии религией. Концепция славянофилов, подменявшая языческую религию христианской была не менее, если не более, реакционной.

«Современник» подвергает резкой критике Бессонова, в частности его сборник «Калики переходяет». Взгляды Бессонова на народную поэзию представляют собой «полное развитие» славянофильской концепции народной поэзии, высказанной ранее К. Хомяковым, К. Аксаковым, бр. Киреевскими⁶⁸. Критикуя мифологов, подчеркивает «Современник» Бессонов проповедует не менее ложные взгляды. Реакционный смысл теории Бессонова заключается в том, что «она вводит в историю народа совершенно ненужный и фальшивый мистицизм», стремится находить в народной поэзии «отвлечение христианства»⁶⁹. «Современник» характеризует взгляды Бессонова как «апокалиптические». «Современник» указывает на сходство славянофильской теории с теорией немецкого реакционно-романтизма и тем самым устанавливает, что принципиальных различий между славянофилами и мифологами нет. Для тех и других в одинаковой мере характерно «пренебрежение к требованиям современности»⁷⁰. По тем же углом зрения «Современник» оценивает и «Картины из русского быта» и «Пословицы русского народа» Даля, упрекая этнографа-собрателя за поверхностный и псевдонародный характер его этнографических очерков и за пренебрежение подлинно научными принципами в бирательной деятельности⁷¹.

В 1860 г. «Современник» критиковал уже тогда входившее в моду в буржуазной науке стремление отыскивать во что бы то ни стало сходство между произведениями народной поэзии, принадлежавшими разным народам, и ратовал за изучение самобытного содержания и своеобразия народной поэзии у разных народов: «Сравнения с легендами других народов, конечно, интересны, но мы так к ним привыкли, что жалели бы, наконец, другого, — например, чтобы нам показали различия легенд по разным народностям»⁷². Дальнейшее разоблачение теории заимствования сюжетов выпадет уже на долю «Отечественных записок» Некрасова и Салтыкова-Щедрина.

Не видя принципиальной разницы между различными направлениями дворянской и буржуазной фольклористики, «Современник» в ряде выступлений разоблачал общие пороки всей враждебной ему фольклористики, не связывая эту критику с какими-то определенными именами. Это особенно заметно в статьях «Современника», посвященных состоянию этнографии в России. Прежде всего здесь обличаются эмпиризм и позитивизм, свойственные буржуазной фольклористике: «Наша этнография

⁶⁷ Рецензия на «Этнографический сборник», «Современник», 1864, № 10, стр. 196—197.

⁶⁸ См. рецензию на сборники Киреевского, Бессонова, Рыбникова, «Современник», 1861, № 5, стр. 362.

⁶⁹ Там же, стр. 365—366.

⁷⁰ Рецензия на «Историю русской словесности...» Галахова, «Современник», 1861, № 7, стр. 3.

⁷¹ «Современник», 1861, № 4, стр. 436; № 5, стр. 346.

⁷² А. Пыпин, «Русские народные легенды» г. Афанасьева, «Современник», 1861, № 1, стр. 98. Любопытно, что эти слова, выражавшие мнение редакции «Современника» сказаны автором «Очерка литературной истории старинных повестей и сказок русских», явившегося первым компаративистским исследованием в русской науке.

находится в довольно странном положении... В самом собирании материалов до сих пор у большинства собирателей и наблюдателей господствует старая рутина... Собиратели записывают песни и сказки, описывают обычаи и поверья, какие попадают под глаза, собирают какие-нибудь особенные слова и т. п., и все это без всякой связи, без всякой мысли, которая придавала бы определенный смысл этим подробностям»⁷³. В своей характеристике «Современник» исходил не из деятельности того или иного ученого, а имел в виду типичное для всей официальной науки состояние. Вот почему «Современник» дает нелестную оценку и деятельности Географического общества в целом, которая «не выходит за пределы обыкновенной рутины»⁷⁴.

Следствием рутинерства и позитивизма буржуазных этнографов является, по мысли «Современника», поверхностный, ненаучный характер их наблюдений и выводов — они неспособны постичь закономерности в развитии народного быта и народной поэзии, неспособны раскрыть «внутреннее содержание» фактов и подробностей⁷⁵.

Но особенно сурово «Современник» оценивает основной методологический принцип академической этнографии — ее отрыв от жизни и современности и уход в «археологию», в древние, доисторические времена (мифологи) или в эпоху раннего христианства (славянофилы). «Современник» показывает несостоятельность взгляда на современный народный быт и на народную поэзию, как на своеобразный «музей древностей»⁷⁶. «Современник» вскрывает реакционный, верноподданнический характер «археологического» направления в этнографии, определяя позицию ученых, убогающих от современности, как «затхлую благонамеренность». «Современник» с презрением отзывался о реакционных ученых и журналистах, которые не умеют «рассуждать об этнографии без хвастливого патриотизма или нелепого идеальничанья»⁷⁷. Так «Современник» устанавливал общественно-политический характер академической этнографии как науки, служащей интересам самодержавно-крепостнического строя.

Таким образом, «Современник» вел последовательную борьбу против всей академической фольклористики, причем эта критика принципиально отличалась от критики, которая исходила от представителей полемизирующих между собой направлений дворянской и буржуазной фольклористики. Борясь за освобождение народа, революционно-демократическая критика требовала обращения науки к современности, к изучению быта и культуры народных масс, угнетенных самодержавием и поднимающихся на борьбу против этого гнета, обращения науки к изучению своеобразия культуры, в том числе и народной поэзии, каждого народа.

Общие принципы революционной демократии в области этнографии особенно отчетливо сформулированы в программных статьях «Современника»: «Этнографический сборник географического общества, выпуск IV» (1864, № 10) и «Как понимать этнографию» (1865, № 2)⁷⁸. «Современник» считает, что задачей этнографии является «изучение бытовых особенностей народа», причем в область этнографии входит прежде всего «современная, общественная и экономическая действительность..., нынеш-

⁷³ «Как понимать этнографию», «Современник», 1865, № 2, стр. 180.

⁷⁴ «Этнографический сборник Географического общества, выпуск IV», «Современник», 1864, № 10, стр. 193. Следует оговорить, что «Современник» не отрицал заслуг отдельных членов и некоторых предприятий Географического общества.

⁷⁵ См. «Современник», 1865, № 2, стр. 180.

⁷⁶ Там же, стр. 182.

⁷⁷ Там же, стр. 176.

⁷⁸ И. М. Колесницкая установила, что обе статьи написаны Пыпиным. Однако значение их состоит в том, что они выражают мнение редакции «Современника», — это подчеркивается отсутствием подписи под ними.

нее содержание народного образа мыслей, то, что ждет своего развития в будущих успехах цивилизации...»⁷⁹. Такой подход к изучению народного быта, культуры и искусства был продиктован революционными стремлениями, что особенно ясно видно в последних, подчеркнутых нами, словах. Выдвигая на первый план требования изучения современного быта и живой народной поэзии в развитии, «Современник» указывал на необходимость всесторонней и критического изучения всей «обширной области» этнографии: «Этнографическое изучение может (и должно) обнимать и объяснять по возможности все стороны народного быта и представлений, и... такое изучение вовсе не обязывает быть голословным и оптовым панегириком»⁸⁰. «Современник» настойчиво проводит мысль, что этнографическое изучение современности не может быть самоцелью, а что оно призвано помочь в практической деятельности, в решении злободневных вопросов, выдвинутых самой жизнью: «Надлежащее изучение народной жизни в состоянии дать множество указаний, имеющих непосредственную важность для современных практических приложений»⁸¹. По-революционному звучит и требование «Современника» «уловить» «народный взгляд на вещи» «во всех его разнообразных вариациях»⁸².

Все эти требования и выполняла «новейшая этнография» — статьи, очерки, материалы по вопросам народного быта и народной поэзии, опубликованные на страницах революционно-демократической периодики и прежде всего в «Современнике». Это была этнография «не ученых цитат и ссылок на индейскую мифологию г. Буслаева, а этнография живых сцен и живых обычаев»⁸³.

Изучение народа велось революционными демократами широко: их интересовал и исторический опыт крестьянских масс, и быт, и нравственность, и народная психология. Отсюда и широкий круг вопросов, поднимаемых «Современником» в связи с изучением народной поэзии: поведение народных масс в эпохи больших исторических испытаний, в эпоху освободительной борьбы народов; современное положение народных масс, изменения в их сознании и противоречия в их мировоззрении; вредное влияние крепостничества и господствующей идеологии, в особенности христианской религии, на народ; отношение народа к власти, церкви, суду и пр.

На страницах «Современника» народная поэзия использовалась прежде всего для доказательства колоссальных творческих сил народных масс, их активного участия в общественной жизни, для доказательства важной роли народа в истории. Чернышевский в рецензии на «Песни разных народов» писал, что народная поэзия является отражением «качеств народа, которому она принадлежит»⁸⁴. Какие же замечательные, типичные черты народной поэзии отмечал Чернышевский? Он показал, что народная поэзия «полна жизни, энергии, простоты, искренности, дышит нравственным здоровьем»⁸⁵. Добролюбов, развивая мысль Чернышевского, справедливо находил в народной поэзии «много доказательств того, что в народе нашем издревле хранилось много сил для дея-

⁷⁹ «Современник», 1864, № 10, «Русская литература», стр. 192.

⁸⁰ «Современник», 1865, № 2, стр. 173.

⁸¹ Там же, стр. 181.

⁸² Там же. Изучение народной поэзии, по мнению «Современника», должно вестись в связи со всей «живой действительностью». «Современник» ратовал за «этнографический» принцип изучения народной поэзии.

⁸³ Там же, стр. 179. В данной статье мы рассматриваем только вопрос о народной поэзии, так как решение других вопросов этнографии в «Современнике» заслуживает специального исследования. Освещение вопросов народной поэзии будет дано по проблемам с целью обобщения материалов «Современника».

⁸⁴ Н. Г. Чернышевский, Рецензия на «Песни разных народов», «Современник», 1854, № 11; Полное собрание сочинений, т. II, стр. 297.

⁸⁵ Там же, стр. 297—298.

тельности обширной и полезной, много было задатков самобытного, живого развития»⁸⁶.

Революционных демократов особенно привлекало в народной поэзии выражение скрытых революционных возможностей народных масс, их вольнолюбивых настроений. Это особенно ярко проявилось в работах Герцена 50—60-х годов, опубликованных в его «вольной прессе». В «Современнике» это не могло быть высказано столь отчетливо по цензурным условиям. Однако и здесь, как и всегда, революционные демократы умели пронести сквозь рогатки царской цензуры идеи крестьянской революции. Добролюбов намекал на революционное содержание народной поэзии в рецензии на «Кобзаря» Шевченко, объясняя, в частности, народность Шевченко, отразившего свободолюбивые настроения крестьянства, тем, что он «близок» к народной поэзии, которая «охватывает весь круг жизненных насущных интересов»⁸⁷. Ясно, какой смысл вкладывал Добролюбов в это определение содержания народной поэзии. Салтыков-Щедрин, продолжая в «Современнике» традиции Чернышевского и Добролюбова, в статье-рецензии на «Повести» Кохановской давал своеобразный революционный комментарий к образу народного песельника Черного — героя повести «После обеда в гостях», видя в нем и его песнях скрытую революционную энергию народа⁸⁸. Показательно также особое внимание революционных демократов к так называемым «разбойничьим песням». Особенно высоко «Современник» оценивает песни о вожде крестьянской войны XVII в. — Степане Разине: «Лучшие песни, которые создал народ в это время, относятся к Степану Разину — из всего московского периода это едва ли не самое живое лицо»⁸⁹. Таким образом, народная поэзия являлась для революционных демократов одним из источников революционной веры в народ.

Считая народ носителем истинных и глубоких патриотических чувств, революционные демократы в народной поэзии ценили отражение активного патриотизма народных масс, их самоотверженной борьбы за независимость и свободу родины. Поэтому Чернышевский выделяет песни народов эпохи национально-освободительных войн⁹⁰. Добролюбов подчеркивает патриотический характер русского героического эпоса «татарской эпохи»⁹¹.

Высоко оценивая отражение в народной поэзии замечательных качеств народа и прежде всего патриотизма и свободолюбия, творческих сил и энергии, революционные демократы одновременно критически относились к проявлению в народной поэзии отрицательных черт, свойственных народным массам крепостнической России, — отсталости, неразвитости, ложных предрассудков, религиозности. Так, в статье о Кольцове Добролюбов отмечает те элементы народной поэзии, которые отражали неопределенность классового сознания забитого и угнетенного русского крестьянства, критикует неясность выраженных в народной поэзии стремлений народа: «Во всем видно желание чего-то, стремление к какой-то лучшей доле, — какой-то порыв, но порыв неопределенный... Много в этих песнях чувства, но... мало разумности, потому что стремления большей частью бессознательны»⁹².

⁸⁶ Н. А. Добролюбов, О степени участия народности в развитии русской литературы, «Современник», 1858, № 2; Полное собрание сочинений, т. I, стр. 215.

⁸⁷ Н. А. Добролюбов, Рецензия на «Кобзаря» Шевченко, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 262; «Современник», 1860, № 3.

⁸⁸ Салтыков-Щедрин, Рецензия на «Повести» Кохановской, т. 5, стр. 322; «Современник», 1863, № 9.

⁸⁹ «По поводу исследований г. Буслаева о русской старине» А. Н. Пыпина, «Современник», 1861, № 1, стр. 31.

⁹⁰ Н. Г. Чернышевский, Рецензия на «Песни разных народов», «Современник», 1854, № 11; Полное собрание сочинений, т. II, стр. 295.

⁹¹ Н. А. Добролюбов, О степени участия народности..., «Современник», 1858, № 2; Полное собрание сочинений, т. I, стр. 216.

⁹² Н. А. Добролюбов, А. В. Кольцов, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 124.

Еще более глубоко Добролюбов вскрыл противоречивый характер народной поэзии и исторические корни ее отрицательных свойств в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы». В этой статье Добролюбов, как известно, давал бой одновременно и реакционной теории славянофилов с ее фальшивой идеализацией консервативных сторон народной жизни, и либералам с их барски-пренебрежительным отношением к народной поэзии, видевшим в народной поэзии «безобразное состояние нашей народности»⁹³. Добролюбов показал, что христианская церковь через книжную литературу пыталась воздействовать на народную поэзию, внести в нее ложные идеи. Так, Добролюбов вскрыл антинародную, реакционную сущность церковной идеологии. Искусственно навязанные, чуждые народу идеи не могли не оказать отрицательного воздействия на характер народной поэзии, но Добролюбов доказывал, что основным в народной поэзии является выражение «жизненных насущных интересов», а реакционная идеология органически не присуща народным массам, она является «наростом», результатом «обстоятельств, пришедших извне», т. е. крепостнического гнета и влияния господствующих классов и церкви⁹⁴. Добролюбов, в противоположность «Отечественным запискам», резко оценивает духовные стихи, считая их чуждыми народу по происхождению, по духу, по форме⁹⁵. Такой взгляд мы встречаем и в других статьях «Современника». В рецензии на «Памятники старинной русской литературы» Н. Костомарова дается четкое противопоставление духовных стихов и легенд народной поэзии: «Легенда с самого начала... явилась поддержкой церковной литературы... Старинное духовенство... стремилось искоренить народную поэзию... Эту поэзию должна была заменить новая поэзия легенды»⁹⁶. О том же писал и Пыпин, отражая мнение революционной демократии: «Народность новой двоеверной поэзии была только относительной — и это очень естественно, потому что, хотя в нее и входили иногда народные мотивы, в сущности она всегда была произведением церковников и монахов, отражала в себе их понятия и их идеалы, а следовательно не могла иметь популярности свободных произведений самого народа»⁹⁷. «Современник» называет духовные стихи «суррогатом истинной русской народности» и подчеркивает ошибочность отнесения духовных стихов к народной поэзии⁹⁸. Следует оговорить, что хотя «Современник» и высказывает неизменно отрицательное отношение к духовным стихам и легендам, однако в некоторых статьях «Современника», особенно в рецензии Пыпина на «Русские народные легенды» Афанасьева, духовные стихи все же относятся к «области народной поэзии»⁹⁹ и признается большое влияние легенды на народную жизнь¹⁰⁰. Редакции «Современника» не удалось добиться проведения до конца последовательного взгляда на духовные стихи, однако совершенно очевидна принципиальная направленность выступлений «Современника» против религиозных мотивов и жанров в народной поэзии.

⁹³ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 215 и ниже (см. подробно в указанных выше работах А. Скафтымова и М. Азадовского).

⁹⁴ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 215—221; «Современник», 1858, № 11.

⁹⁵ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 219.

⁹⁶ «Современник», 1860, № 11, стр. 58.

⁹⁷ А. Н. Пыпин, По поводу исследований г. Буслаева..., «Современник», 1861, № 1, стр. 25.

⁹⁸ Рецензия на «Историю русской словесности... Галахова, «Современник», 1863, № 7, стр. 17.

⁹⁹ А. Н. Пыпин, «Русские народные легенды г. Афанасьева», «Современник», 1860, № 1, стр. 80.

¹⁰⁰ Рецензия на «Памятники русской литературы» Н. Костомарова, «Современник», 1860, № 11, стр. 58—59.

Борясь против нивелирующих принципов буржуазной науки, революционные демократы доказывали самобытный характер русской народной поэзии. Опираясь на материалистическую эстетику, они прежде всего подчеркивали реализм произведений народной поэзии, отражение в народной поэзии обыденной жизни трудящегося человека. Добролюбов писал: «В них верно и без всяких прикрас отражается грубый быт простолюдина»¹⁰¹. Вслед за Белинским и Герценом Добролюбов отмечал своеобразный характер русской народной поэзии, объясняя его тяжелыми условиями жизни крепостного крестьянства¹⁰². Чернышевский в рецензии на «Песни разных народов» подчеркивал важное значение и прекрасные достоинства народной поэзии у всех народов и ратовал за изучение своеобразия народной поэзии каждого народа.

Революционные демократы придавали большое эстетическое значение народной поэзии, обращали внимание на образцовое выражение в ней единства содержания и формы, отмечали своеобразие формы народных произведений. Чернышевский писал: «Каково ее (народной поэзии.— В. Г.) содержание, такова и форма ее: проста, безискусственна, энергична»¹⁰³.

Если буржуазная фольклористика почти исключительно занималась проблемой происхождения народной поэзии, то в богатой проблематике революционно-демократической науки этот вопрос занимал сравнительно скромное место. Революционные демократы 50—60-х годов отрицательно относились к теории религиозного происхождения народной поэзии и связывали возникновение народной поэзии с условиями жизни человека «патриархального», т. е. доклассового общества, когда «вся масса народа составляет однообразное целое, в котором каждый член общества совершенно подобен другим»¹⁰⁴. Чернышевский подчеркивал связь народной поэзии уже на самых ранних стадиях ее существования с жизнью народа, обусловленность народной поэзии состоянием материальной и духовной жизни в доклассовом обществе¹⁰⁵. Добролюбов также указывал на то, что народная поэзия при своем возникновении отражает «патриархальные отношения», «выражает действительно общенародные интересы и воззрения на жизнь»¹⁰⁶.

Историю народной поэзии революционные демократы стремились связать с историей общества, с историей народа. Они различают, хотя и с недостаточной четкостью, народную поэзию первобытно-общинного строя и народную поэзию классового общества. «Народная поэзия,— писал Добролюбов,— должна была изменить свой характер сообразно с новым устройством жизненных отношений»¹⁰⁷. Развитие и расцвет народной поэзии революционные демократы объясняли важнейшими событиями в жизни народа. Чернышевский подчеркивал: «Только там являлась богатая народная поэзия, где масса народа... волновалась сильными и благородными чувствами, где совершались силою народа великие события»¹⁰⁸. Однако следует помнить, что, оставаясь в основном идеалистами во взглядах на историю общества, революционные демократы не смогли дать цельной, строго научной концепции истории народной поэзии, они ошибочно полагали, что с развитием классового общества народная поэ-

¹⁰¹ Н. А. Добролюбов, А. В. Кольцов, Полное собрание сочинений, т. I, стр. 124.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Н. Г. Чернышевский, Рецензия на «Песни разных народов», «Современник», 1854, № 11; Полное собрание сочинений, т. II, стр. 298.

¹⁰⁴ Н. Г. Чернышевский, Рецензия на «Песни разных народов», Полное собрание сочинений, т. II, стр. 296.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Н. А. Добролюбов, О степени участия народности..., «Современник», 1858, № 2; Полное собрание сочинений, т. I, стр. 214.

¹⁰⁷ Там же, стр. 215.

¹⁰⁸ Н. Г. Чернышевский, Рецензия на «Песни разных народов», Полное собрание сочинений, т. II, стр. 295.

зия постепенно отмирает¹⁰⁹. Этот ошибочный взгляд проводился в ряде других статей, опубликованных в «Современнике»¹¹⁰. Хотя в этих утверждениях «Современника» содержался определенный политический подтекст, — они использовались для доказательства неблагоприятного влияния крепостнических отношений на народ и его культуру, однако сами по себе эти положения не могут быть признаны верными, научными. Революционные демократы не учли сложного диалектического процесса развития народной поэзии, не придали должного значения появлению в народной поэзии позднейших эпох жанров и произведений, отразивших обострение классовых противоречий и рост классового сознания народных масс. Ошибкой революционных демократов было также и то, что они односторонне представляли народную поэзию эпохи капитализма не только крестьянскую, не обратили внимания на развивавшуюся в России XVIII—XIX вв. рабочую народную поэзию.

Большое внимание «Современник» уделял народной поэзии в связи с проблемой народности литературы. Революционные демократы, рассматривая народную поэзию как первую ступень в развитии искусства слова, как предшественницу литературы, с огорчением отмечали разрыв между народной поэзией и литературой в классовом обществе. Чернышевский подчеркивал, что до последнего времени народная поэзия «остается единственной поэзией массы народонаселения»¹¹¹. Добролюбов доказывал, что литература в классовом обществе долгое время является выражением интересов господствующих классов или борющихся за господство прогрессивных классов, оставаясь недоступной народу, зачастую и чуждой ему, в то время как народная поэзия «долго держалась своей естественного простого характера, выражая сочувствие к обыденным страданиям и радостям»¹¹². Резкое противопоставление народной поэзии и литературы применительно к средним векам встречаем и у Пыпина «Народная поэзия и церковная письменность существовали тогда рядом как противоположные явления, они исключали друг друга»¹¹³. Такое одностороннее представление о древней русской литературе является конечно, ошибочным, но принципиальное значение имела верная мысль революционных демократов о разрыве литературы господствующих классов с народной поэзией, о том, что подлинно народным искусством в средние века была прежде всего народная поэзия.

Одним из условий народности литературы революционные демократы считали органическое усвоение писателем подлинной народной поэзии, глубокое и правильное ее понимание. При этом революционные демократы решающее значение придавали глубокому изучению писателем народной жизни и выражению в его творчестве интересов народа. Образцом критики неправильного отношения писателя к народной поэзии является рецензия Чернышевского на комедию Островского «Бедность не порок». Народную поэзию молодой драматург использовал в этой ошибочной по идейной направленности комедии для ложной идеализации купечества, для того, чтобы «выставить на вид все поэтические черты» купеческого быта. Это вызывает решительный протест со стороны Чернышевского, так как такое использование народной поэзии не только не вело к народности, но способствовало «приторному приукрашиванию того, что не

¹⁰⁹ См. там же, стр. 297; также Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений т. I, стр. 221.

¹¹⁰ См. «Современник», 1860, № 11, стр. 58; 1860, № 12, стр. 264; 1861, № 1 стр. 17—18.

¹¹¹ Н. Г. Чернышевский, Рецензия на «Песни разных народов», Полное собрание сочинений, т. II, стр. 308.

¹¹² Н. А. Добролюбов, О степени участия народности..., Полное собрание сочинений, т. I, стр. 215.

¹¹³ А. Н. Пыпин, По поводу исследований г. Буслаева..., «Современник», 1861 № 1, стр. 4.

может и не должно быть приукрашиваемо»¹¹⁴, т. е. делало произведение идейно-порочным. Чрезмерное употребление произведений народной поэзии, подсказанное драматургу ложной идеей, нарушало цельность и стройность драматургического произведения, не способствовало, а вредило художественности¹¹⁵. Известно, что эта глубокая, принципиальная критика помогла Островскому отказаться от своих заблуждений, временно усвоенных в кружке славянофилов, и по-иному использовать народную поэзию в своем творчестве. Резкой критике подверг Добролюбов неудачные попытки дворянских поэтов подражать народной поэзии — они не способны были органически усвоить ее, так как «чувства, выражаемые в их песнях, принадлежат не простым людям»¹¹⁶. Правильное, органическое усвоение народной поэзии, способствовавшее проявлению народности творчества, революционные демократы видели у Кольцова и особенно у Шевченко, творчество которых высоко оценивается на страницах «Современника»¹¹⁷. Вместе с тем Добролюбов указывал, что ограниченность мировоззрения Кольцова, при всем знании им народной жизни и органической близости к народной поэзии, привела к некоторой ограниченности его творчества¹¹⁸. Таким образом, революционные демократы установили, что не книжное знакомство с народной поэзией, не усвоение ее форм и не сам по себе факт использования ее, а близость к народу, знание всех нужд народа, передовое мировоззрение и органическое усвоение народной поэзии являются залогом подлинной народности писателя.

Итак, сопоставляя революционно-демократическую концепцию народной поэзии, развивавшуюся на страницах «Современника» 50—60-х годов, с концепциями буржуазной науки, выраженными в органах славянофилов и либералов, можно прийти к следующим выводам.

Идеалистическому взгляду на народную поэзию как на выражение религиозных верований народа «Современник» противопоставил материалистическое понимание народной поэзии как специфической формы отражения действительности и, прежде всего, жизни трудящихся масс.

Реакционно-романтическому интересу буржуазных ученых к далекой мифической старине или эпохе раннего христианства и антинаучным попыткам искать в современной народной поэзии якобы законсервированные навсегда понятия глубокой старины или странствующие от эпохи к эпохе, от народа к народу сюжеты и образы «Современник» противопоставил конкретно-исторический подход к народной поэзии, принцип объяснения народной поэзии специфическими условиями жизни данного народа, понимание народной поэзии как развивающегося искусства и внимание к современному состоянию народной поэзии, к отражению в народной поэзии современного положения и сознания народа.

Расплывчатому, националистическому пониманию народной поэзии классового общества как искусства всей нации «Современник» противопоставил взгляд на народную поэзию как на «простонародную поэзию», как на искусство «массы человечества», «простолюдинов», т. е. угнетенных трудящихся масс в классовом обществе.

Реакционной идеализации народа и народной поэзии мифологами и славянофилами и эстетски-пренебрежительному взгляду либералов на народную поэзию как на «безобразное» искусство «Современник» противопоставил свои всесторонние, объективные оценки, вскрыл сложную.

¹¹⁴ Н. Г. Чернышевский, «Бедность не порок» А. Островского, «Современник», 1854, № 5; Полное собрание сочинений, т. II, стр. 239—240.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Н. А. Добролюбов, А. В. Кольцов, Полное собрание сочинений т. I, стр. 126.
¹¹⁷ См., например, Н. Г. Чернышевский, Очерки соголевского периода... «Современник», 1855, № 12; 1856, № 1, 4, 7; Н. А. Добролюбов, «Кобзарь» Тараса Шевченко «Современник», 1860, № 3.

¹¹⁸ Н. А. Добролюбов, О степени участия народности... Полное собрание сочинений, т. I, стр. 237.

противоречивую природу народной поэзии, видя причину такого характера народной поэзии в противоречивых условиях народной жизни. «Современник» высоко оценил действительно положительные качества народной поэзии и вместе с тем воспитывал критическое отношение к ее отчужденным сторонам.

Схоластическим принципам буржуазной фольклористики, изучавшей народную поэзию в отрыве от жизни и нужд народных масс, «Современник» противопоставил требование собирания и изучения народной поэзии в связи со «всею живою действительностью», с современностью.

Несмотря на наличие отдельных ошибок, объясняющихся в основном идеалистическим пониманием истории общества, революционные деятели превзошли буржуазную науку и создали первую русскую национальную школу в домарксовской фольклористике.

«Современник», самый популярный журнал эпохи 50—60-х годов, пропагандируя на своих страницах взгляды революционной демократии на народную поэзию, сыграл выдающуюся роль в разоблачении господствующих направлений в русской дворянской и буржуазной фольклористике, а также в распространении среди широких кругов передовой интеллигенции правильных взглядов на народную жизнь и народную поэзию. Некоторые частные замечания «Современника» в адрес отдельных ученых (например, Буслаева) были ошибочными, но в целом критика этих ученых, как и всей официальной этнографии, была правильной и принципиальной.

Борьба «Современника» за научное изучение народной жизни и народной поэзии была важнейшей составной частью борьбы революционной демократии против крепостничества и его пережитков, против враждебных народу общественно-политических направлений.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. ЧИЧЕРОВ

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

(К итогам дискуссии)

Вопросы народной поэзии последние три года привлекают к себе пристальное внимание. Неблагополучие в разработке теоретических вопросов массового творчества народа ощущалось давно. Но особенно резко оно ощутилось с выходом в свет книги, написанной коллективом сотрудников Института русской литературы АН СССР (Пушкинского дома) «Очерки русского народно-поэтического творчества Советской эпохи»¹. Появившиеся в связи с этой книгой рецензии и статьи² ясно выразили общую неудовлетворенность попытками решения вопросов современного народного творчества, осудили методологическую слабость некоторых работ и поставили задачу изучения больших теоретических проблем. В течение 1953—1955 гг. вопросы современного народно-поэтического творчества усиленно обсуждались различными специальными организациями, на расширенном заседании кафедры фольклора филологического факультета МГУ, на заседании секции народного творчества в Союзе советских писателей, на Ученом совете Института русской литературы АН СССР. Вопрос о сущности советского фольклора занял значительное место в работе совещания по проблемам русского народного поэтического творчества, созванного литературоведческими институтами АН СССР в Ленинграде в ноябре 1953 г. Отвечая назревшим потребностям науки, журнал «Советская этнография» в 1953—1954 гг. проводил обсуждение некоторых острых вопросов современной фольклористики. На статью В. С. Бахтина «О некоторых проблемах фольклористики»³, открывшую обсуждение этих вопросов, живо откликнулись специалисты, работающие в области народной поэзии. Удивительно лишь то, что по неизвестным причинам авторы книги, послужившей основой для обсуждения вопросов, не выступили в печати (хотя редакция журнала неоднократно приглашала их принять участие в дискуссии).

Обсуждение вопросов народной поэзии обнаружило противоречия в решении многих проблем науки. Можно выделить как основные следующие проблемы, вызывающие наибольшие споры и разногласия.

Во-первых, проблема специфики народного творчества в целом, и в

¹ Изд. АН СССР, Л., 1952.

² См. журналы: «Советская книга», 1953, № 2; «Дружба народов», 1953, № 3; «Новый мир», 1953, № 8; «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. XII, вып. 5, 1953; «Советская этнография», 1953, № 2, 3, 4; 1954, № 1 и 2.

³ «Советская этнография», 1953, № 2.

частности специфики современного народно-поэтического творчества трудящихся масс.

Во-вторых, проблема связи и взаимовлияний советской литературы и народного творчества; с этой проблемой неразрывно связана другая, — о соотношении народного творчества и художественной самодетельности.

В-третьих, проблема идейной и художественной ценности произведений, создаваемых народными массами.

Эти три проблемы стоят в центре обсуждения и вызывают наибольшие споры среди фольклористов. Именно потому, что дискутированы эти вопросы так и не привело к единству мнений, представляется целесообразным суммировать высказывавшиеся взгляды и дополнить их не некоторыми соображениями⁴.

1

Центральной проблемой, несомненно, является проблема специфики народного творчества. От решения ее зависит решение всех других вопросов. В ходе их обсуждения выявилось, что на этот счет имеются разные точки зрения.

Большинство фольклористов считает, что народная поэзия своей особой чертой имеет коллективность творчества и тем отличается от литературы как индивидуально создаваемого искусства. Принимая это основное положение, фольклористы расходятся в трактовке коллективности творчества и в освещении того, как она соотносится с другими особенностями народной поэзии — устностью, анонимностью, традиционностью и т. п. Наибольшие разногласия имеются в оценке соотношения коллективности и устности. Наряду со взглядом на то, что устность — характерная форма существования фольклорного произведения и что творческое развитие художественных образов, являющееся результатом коллективно создаваемого народными массами искусства, может выражаться наряду с устной формой, в форме письменной, — существует взгляд, утверждающий, что устность является основой коллективного творчества и что для советской действительности характерна коллективность передачи произведения, а не коллективность создания его⁵.

Утверждению коллективности творчества как главной особенности фольклора, противостоит утверждение: художественная самодетельность во всех ее видах и формах является народным творчеством. Сторонники такого взгляда, отказываясь от рассмотрения своеобразия коллективной и индивидуального процесса творчества, принимают деление художественных произведений на созданные профессионалами и на созданные любителями, не доросшими до профессионалов⁶. Фактически в этом случае народное творчество рассматривается как первоначальная, ученическая ступень в искусстве.

Наконец, следует указать и на существование прямого отрицания народного творчества, на сведение его к любительским упражнениям письменной или устной речи и на замену его занятиями литкружковцев. Это тот взгляд на народную поэзию, который вызвал наибольшее число

⁴ Автору этой статьи уже пришлось выступить в печати в связи с проблемами советского фольклора и отрицанием народного творчества современности. Публикуемая статья является дополнением и отчасти развитием положений, высказанных в статье, напечатанной в «Литературной газете» (1953, № 136) и в журнале «Новый мир» (1954, № 8).

⁵ См. статью А. Нецаева, Н. Рыбаковой «О некоторых проблемах фольклористики» («Советская этнография», 1953, № 3); их же выступления в «Литературной газете» других печатных органах.

⁶ См., например, статью К. В. Чистова, опубликованную в «Советской этнографии», 1954, № 2.

критических замечаний, протестов против отрицания коллективной творческой деятельности масс в области искусства⁷.

Говоря о том, что точки зрения на своеобразие народного творчества определились в ходе критического обсуждения книги ленинградских «Очерков», надо особо подчеркнуть значение статьи Николая Леонтьева «Волхование и шаманство»⁸, сделавшей специальные вопросы фольклористики достоянием общественности и впервые с должной критической остротой осудившей подделки под народную поэзию. Статья Н. Леонтьева обострила теоретические споры и ясно показала, насколько запутан вопрос о специфике народного творчества. Некоторые критические и позитивные положения Н. Леонтьева потому и прозвучали ложно, что, основываясь на установившихся за последние годы положениях, они полностью игнорировали коллективную природу народного творчества. Игнорирование коллективности творчества народа стало, к сожалению, обычным явлением в фольклористике последних лет. Нам уже пришлось указывать на это обстоятельство и вместе с тем напоминать, что необходимо восстановить марксистское определение народно-поэтического творчества как коллективного творчества трудящихся⁹. Именно такое понимание народного творчества находим в трудах классиков марксизма: оно отражено в руководящих документах, затрагивающих вопросы взаимосвязи народного искусства и искусства ученого; оно четко выражено в работах великого писателя и теоретика литературы А. М. Горького.

Понятие коллективности народного творчества, разумеется, нельзя брать внеисторично, абстрактно. Рассмотрение коллективного творчества, как чего-то неизменного, стабильного, одинакового для всех времен и народов, было бы неверным в самой основе. Формы и характер коллективного творчества первобытно-общинного строя, так выразительно обрисованного А. М. Горьким в «Разрушении личности», не могут быть отождествлены с формами коллективного творчества народных масс классового антагонистического общества. А. М. Горький верно и четко наметил процессы выделения индивидуального творчества и показал его зависимость от творчества народных масс, коллектива. Он опирался на марксистскую характеристику связей и отношений людей, присущих родовому строю. А. М. Горький показывал, что коллективное творчество явилось порождением такого порядка вещей, при котором отдельная личность в своих чувствах, мыслях и поступках оставалась безусловно подчиненной племени, роду и их учреждениям.

С формированием классового общества коллективное творчество приобретает особые черты, обусловленные развитием классовых отношений и борьбой. Творчество народных масс имеет явно классовый характер, выражает идеи народа, его оценку действительности. Вследствие этого и самый тип коллективного поэтического творчества трудового народа предстает как творчество класса, имеющее общественное воспитательное значение и являющееся одним из средств пропаганды и агитации. В классовом антагонистическом обществе коллективное творчество народных масс в известной мере противостоит искусству господствующих классов; это обуславливается характером существующих противоречий, тем, что искусство всегда выражает идеи, целеустремленность определенного класса, защищает его интересы. Сказанное не означает классовой замкнутости искусства в классовом обществе. Различие в социальном положении создателей литературных и фольклорных произведений не вело к разрыву литературы и фольклора; передовые писатели нередко выступали вы-

⁷ Обзор выступлений против такого взгляда см., например, в статье В. Аникина «Обсуждение вопросов народно-поэтического творчества в Московском государственном университете», «Советская этнография», 1954, № 1.

⁸ «Новый мир», 1953, № 8.

⁹ В. Чичеров, О народном творчестве, «Литературная газета», 1953, № 136, стр. 3.

разителями идей и настроений эксплуатируемых трудовых масс. Прогрессивные, лучшие произведения искусства именно потому и являлись вершинами творчества, что так или иначе отвечали нуждам и целям народа. И все же существование различного социального положения творцов художественных ценностей должно приниматься во внимание, так как оно оказывало воздействие, нередко приводя к разнице в форме создаваемых произведений, приемах изображения, способах распространения и т. п.

В своей передовой части искусство господствующего класса развивалось как искусство, создаваемое выдающимися индивидуальностями, опирающееся на коллективное творчество народных масс. Развитие индивидуального творчества приводит к созданию великих художественных ценностей, но при условии твердой опоры искусства, творимой поэтами, художниками, композиторами, на народное коллективное творчество.

С обострением и углублением классовых противоречий в капиталистических условиях противоположение коллективного творчества народа творчеству индивидуального становится отчетливее. В то же время прогрессивное и революционное демократическое искусство развивается под знаком использования и совершенствования сокровищ, созданных народом. Это искусство не забывает о народе, служит ему. М. И. Калинин справедливо говорил о служебной роли прогрессивного искусства по отношению к народу и утверждал: «Народность основной струи художественной мысли состояла в развитии прогрессивных элементов в господствующих классах, что не могло не вести хотя бы отчасти к развитию народа»¹⁰.

Одновременное существование индивидуального и коллективного поэтического творчества ведет к обогащению искусства народа в целом. Следует отметить, что развитие коллективного и индивидуального творчества обуславливает появление и углубление жанрового разнообразия поэзии и прозы. Самый состав жанров на разных этапах развития поэтического искусства народа оказывается различен, причем наблюдаются закономерности появления, расцвета и отмирания отдельных жанров. Более того, при условии одновременного развития у народа литературы и фольклора иногда имеет место существование одних и тех же жанров и в индивидуальном, и в коллективном творчестве, но иногда наблюдаются факты преимущественного развития того или другого жанра (а то и исключительного существования его) только в литературе или только в фольклоре. Так, в древней русской литературе до XVII в. отсутствовали все виды и жанры стихотворного поэтического творчества; они развивались только в фольклоре. Фольклор древней Руси не знал канонической формы жития, послания и ряда других, получивших развитие в древней русской литературе. Пословицы, поговорки и в древности, и в настоящее время нередко органически входят в художественную ткань произведения, но как своеобразный самостоятельный жанр существуют только в фольклоре. В XIX в. формируется частушка как новый жанр народного творчества. Она проникает и в литературу, однако в литературе она не представляет собой особого вида книжной поэзии, в фольклоре же живет, развивая и обогащая свою специфику. Народная драма у русского народа получила вообще слабое развитие; к XX в. она исчезает; вместе с тем с XVIII в. драматургия в России делается достоянием литературы и непрерывно развивается. Уже в XIX в. русские героические былины сохраняются лишь как традиционное наследие; новые стихотворные произведения эпоса создаются в литературе. Так же именно литература, а не фольклор в наше время дает новые большие формы

¹⁰ М. И. Калинин о литературе», Л., 1949, стр. 82—83.

прозаического эпоса — роман, повесть, являющиеся высшими формами эпического творчества народа. Их создает сила индивидуального таланта, рожденного народом. Но это не значит, что коллективное творчество умерло.

Итак, народное поэтическое творчество — коллективно создаваемое искусство трудовых народных масс. Следует сразу же сказать, что коллективность творчества не отрицает некоторых других особенностей народного искусства. Помимо коллективности, народное творчество имеет ряд существенных, весьма значительных признаков, проявляющихся в той или другой мере на разных этапах развития человеческого общества. Таковы — устность, массовость, традиционность, анонимность и некоторые другие. Признаки эти существенны, но ни один из них не является основным, проходящим, подобно коллективности творчества, через все века.

Положение о том, что некоторые признаки народного творчества исторически изменчивы и что они в те или другие периоды развития искусства оказываются общими для народного творчества и для литературы, музыки, изобразительного искусства, — подтверждается многочисленными фактами. Остановимся на некоторых из них.

Ряд исследователей выдвигал анонимность как ведущий признак фольклора. На ранних этапах она действительно была характерна. В народной поэзии она порождалась коллективной природой народного творчества, участием многих людей в создании произведений, которые осознавались как выражение взгляда народных масс, их оценки прошедшего. Значит, анонимность была не основополагающим, а производным признаком, дополняла и углубляла специфику, но не определяла ее.

Известно, что анонимность произведений имела и имеет место и в литературе, хотя характер ее и причины ее возникновения здесь иные. В литературе анонимность появляется в результате стремления автора по тем или иным причинам скрыть свое имя.

Таким же ведущим признаком фольклора считался признак широкой, повсеместной распространенности произведений. Выдвижение этого признака как постоянного и вечного означает внеисторический подход к народному поэтическому творчеству. Произведения народного искусства рождаются, разрабатываются, переживают пору своего расцвета, максимальной известности, но знают и умирание, забвение. Некогда былины были распространены на всей территории русского государства. В конце XIX — начале XX в. они оказались известными в ограниченных очагах; причиной тому были изменившиеся условия жизни, вызвавшие создание новых произведений с иной, чем в старом эпосе, системой образов, с другими приемами и способами изображения современной действительности. В наши дни районы, где помнят и исполняют былины, еще более сузились. И в этом нет ничего удивительного. Народ сам говорит: «Новое время — новые песни». Значит ли это, что былины не относятся к народному творчеству? Разумеется, не значит. Не означает нефольклорности волшебных сказок и факт их забвения массами (их помнят и рассказывают только отдельные любители, мастера сказочного эпоса, и распространяются они преимущественно через книги). То же надо сказать о многих народных песнях, подобных знаменитой «Не шуми ты, мати зеленая дубровушка», которую А. С. Пушкин ввел в «Капитанскую дочку», но которая уже в середине XIX в. была редкостью и почти не встречалась собирателям.

Массовость распространения произведений народного творчества может считаться типичным признаком лишь для одного из периодов жизни отдельных текстов. Ее нельзя отнести даже ко всем произведениям. Она не приложима, например, к импровизациям — одному из значительных видов коллективного творчества народов СССР. Импровизации известны и русскому фольклору. Достаточно напомнить о творчестве

Ирины Федосовой. Ни у кого не вызывает сомнений, что ее приче справедливо включаются исследователями не в литературу, а в народное творчество. Как любые импровизации, плачи Ирины Федосовой говорят о конкретном факте действительности, используя традиционные поэтические, коллективно созданные образы народного творчества. Но массовое распространение и длительной жизни они не имели. Созданные И. А. Федосовой плачи — по старосте, по «упьянливой головушке», по «по отцу духовном», по писаре и другие — действительно стали знаменем молвой о них, рассказами передовой русской интеллигенции, использованным в литературе, изданием в книгах, но они не жили в устной передаче. Таковы же были судьбы многих других произведений народного творчества, возникших как импровизации.

Все это говорит о том, что массовость распространения произведения может приниматься во внимание для характеристики своеобразия и истории отдельных текстов фольклора, но не может рассматриваться и ведущий признак народного творчества. Для современности сказанное должно быть признано тем более справедливым, что благодаря неизменно возросшему культурному уровню советских людей, всеобщей грамотности и многократному увеличению тиражей издания литературных произведений массовость распространения стала типической чертой литературы ничуть не в меньшей мере, чем фольклора.

Признак традиционности, выдвигаемый как особенность, отличающее народное творчество от литературы, также вызывает замечания. В своих очертаниях он свойственен обоим разновидностям поэтического искусства: творческое развитие сложившихся прогрессивных традиций характерно и для литературы, и для народного творчества. Развитие этих традиций происходит одновременно с преодолением вредных пережиточных элементов искусства и не означает ограничения возможностей сотрудничества литературы и фольклора, их движения вперед.

Правда, полного отождествления традиционности литературы и народного творчества допустить нельзя. Традиционные формы, вырабатывающиеся в искусстве, в известной мере зависят от характера творчества индивидуального или коллективного. Широкая обобщенность художественной мысли, характерная для коллективного творчества, ведет к новлению ряда специфических приемов изображения действительно типизирующих явления жизни, выделяющих в окружающем то, что самими трудящимися воспринимается как главное, наиболее существенное. Эта типизация — результат деятельности всего коллектива, целостности своей жизни, борьбе, приобретении и обобщении трудового и социального опыта. Привнесения отдельных индивидуальностей в создаваемую художественную ткань произведений всегда подчинены реализуемому в искусстве коллективным представлениям, дополняют, но не нарушают целостности.

Иной характер имеют традиционные формы в области индивидуального творчества, в частности — литературы. Не порывая с коллективным творчеством народа и используя его художественный опыт, писатели всегда сохраняют свою творческую индивидуальность, присущую им свободную манеру изображения действительности. Традиционность в литературе проявляется как формы общего для искусства данного времени художественного стиля, как обобщенные правила, сформулированные в теории литературы и самостоятельно, по-разному развиваемые писателями.

Создаваемые народом обобщенно-традиционные формы поэтического искусства не остаются неизменными в веках. Изменения в конкретной действительности ведут к формированию в каждую новую эпоху иных сравнений с прежними традиционными форм искусства трудовых народных масс. Принципы обобщения и типизации явлений по-прежнему связываются с коллективностью творчества, но характер их, их проявление су-

ственно меняются. Традицию искусства народных масс рождает сама жизнь.

Глубоко порочным является такое понимание традиционности народного творчества, которое утверждает господство традиционного, веками складывавшегося элемента над современностью. Окаменевшие формы традиции, согласно такой трактовке, цепко держат творчество народа и делают невозможным создание и развитие новых форм искусства, соответствующих новому его содержанию. Мы отбрасываем подобное понимание традиционности и утверждаем, что традиции народного поэтического искусства складываются и обогащаются в процессе изменения реальной действительности и что создаваемые традиции имеют характерные для каждой эпохи особенности. Мы отрицаем существование некоей однажды и навсегда созданной «стабильной» традиции, не меняемой и не обогащаемой. Отрицание ее диктуется фактическим материалом, обнаруживающим глубокие различия в форме и содержании произведений, создававшихся в разные исторические эпохи.

Термин «традиционный фольклор» должен употребляться как обозначение созданного в прошлом трудовыми массами народа поэтического искусства — части нашего культурного художественного наследия.

Среди перечисляемых признаков народного поэтического творчества значительное место занимает признак устности. Он настолько существенен, что именно его нередко объявляли основополагающим. Под видом выступления против идеалистической школы мифологов позитивистская фольклористика периода империализма ввела в научный обиход реакционное утверждение творческого бесплодия трудового народа. Ученые, представители так называемой исторической школы, стремились приписать создание культурных и художественных ценностей господствующим классам и говорили об искажении произведений искусства древности отдельными индивидуальностями из среды народа. Самое представление о коллективном творчестве, т. е. о творчестве народных масс, было объявлено антинаучным. Народу «разрешалось» лишь устно исполнять то, что создавали возвеличиваемые представители господствующего класса. Так на место коллективности творчества историческая школа подставляла устность бытования фольклора. Против искажений истины, допущенных исторической школой в начале XX в., выступил А. М. Горький, но они продолжали сохраняться. В 1936 г. статьи партийной печати, посвященные проблемам русского героического эпоса, раскрыли реакционную сущность теории аристократического происхождения фольклора. Но пережитки утверждений исторической школы сохранялись. В частности, сохранялось принявшее новые формы принижение, а то и отрицание коллективного творчества, с одновременной гипертрофией роли сказителей, сказочников, певцов, подмена понятия коллективности устностью бытования. Напоминая об этом, считаю своим долгом указать, что и мной, в числе других исследователей фольклора, были допущены ошибки в трактовке проблемы коллективного и индивидуального творчества. Укажу, например, на опубликованную в 1946 г. в журнале «Советская этнография» статью «Традиция и авторское начало в фольклоре»¹¹, в которой резко преувеличена роль личности в традиционном фольклоре. Аналогичные ошибки содержатся и в некоторых других моих работах.

Подмена коллективности устностью ошибочна в самой своей основе. Но это не значит, что устность надо сбросить со счетов, когда речь идет о фольклоре. Она имеет существенное значение не только для дореволюционного, но и для послереволюционного поэтического творчества народа. Иронические, презрительные замечания Н. П. Леонтьева в адрес устности, являющиеся одним из основных элементов его статьи «Волхование и шаманство», вызывают возражения. Основания для возражений

¹¹ «Советская этнография», 1946, № 2.

дают наблюдения над устной и письменной жизнью произведений народного искусства.

Устность является признаком народного творчества, сочетающимся с коллективностью и приобретающим значение почти единственной формы бытования произведений в условиях массовой неграмотности народа. В Советском Союзе устная форма не занимает особого, исключительного места в искусстве народа. Но это не значит, что она — мертвая или умирающая форма поэзии. Есть такие формы поэтического и музыкально-поэтического искусства, которые возможны лишь в устном исполнении, и эти формы не умирают, а развиваются. Таковы, например, песенная поэзия, меткое народное слово, сказанная к месту и делу поговорка, поговорка, народный рассказ. Они живут и приобретают смысл «в звучании».

Самую проблему устности творчества надо поставить в связь с важным вопросом культуры устной речи, традициями которой вправе гордиться среди других народов и русский народ. Устная речь, имеющая огромное значение и как средство общения людей, и как образовательное и воспитательное средство, имеет свои особенности построения, свою специфику выразительности и эмоциональности воздействия на собеседника, отличающие ее от речи письменной. Можно напомнить простой пример. Выступление оратора, читающего текст по записи, всегда менее остро воспринимается, чем выступление, являющееся свободной, не связанной написанным заранее текстом речью (мы, разумеется, имеем в виду простую, народную, правильно построенную речь).

При контроле «устного» и «письменного» выступления оратора стенограммой, как правило, становится очевидным гладкий, не требующий правки стиль прочитанного текста и живой, эмоциональный, но во многих отношениях отступающий от правил литературного письма, а потому требующий существенной правки при подготовке к печати текст устной речи. И это при всем том, что именно часть выступления, являющаяся свободной устной импровизацией, воспринимается как наиболее живая.

Народные массы в течение многих столетий оттачивали богатство культуры устной речи и дали ее великолепные образцы в передаваемых из уст в уста художественных произведениях. У советского народа не никаких оснований отказываться от культуры устной речи. Более того советский народ должен овладевать ею, используя большой творческий опыт прошлого, должен далее совершенствовать ее. Игнорировать культуру устной речи и уметь народа создавать в пределах ее и средствами ее художественный образ значит насильственно обеднять творческие возможности трудовых народных масс. Другое дело, что нельзя и не следует в советских условиях форму устного художественного творчества считать основной или даже ведущей формой народного искусства. Народное поэтическое искусство в нашей современности живет и в устной, и в письменной форме. Это закономерно и правильно, так как отражает процесс совершенствования культуры и искусства народных масс. Но это не значит, что литературное творчество должно вобрать в себя и поглотить устную поэзию народа. Народ не сужает возможности и формы своего творчества, а расширяет и обогащает их. И не может никогда прийти такой момент, когда народ вдруг замолчит и начнет изъясняться и творить свои произведения исключительно письменным путем, — так глубоко письменное творчество неизбежно уничтожит некоторые жанры искусства народа, для которых живое и творческое звучание — единственно возможная форма существования произведений, созданных силой коллективного творчества народных масс, так и индивидуальной художественной деятельностью поэтов и писателей.

Коллективное творчество современности создается и устным, и письменным путем. Сочетание этих путей — принципиально новая черта современного массового искусства слова. Особенно часто используется письменная форма в работе над коллективно создаваемым образом:

Устная форма исполнения произведений приобретает в наших условиях новое значение. Если в дореволюционной России, при массовой неграмотности, устность была почти единственной формой поэтического творчества угнетенных масс, то в условиях социализма, при поголовной грамотности советских людей, устность сохраняется как одна из возможных и нужных форм распространения произведений, выявляющая исполнительное мастерство. Устность позволяет сочетать поэтическое и исполнительское творчество народных масс и расширяет возможности выявления талантов. Отрицание устности как одного из моментов, сопутствующих развитию народного творчества, так же неверно, как неверно утверждение, будто устность — признак, определяющий понятие народного творчества.

Итак, изложенные соображения можно суммировать следующим образом. Спецификой народного искусства является коллективность творчества, соединяемая с устностью, традиционностью, анонимностью и некоторыми другими признаками, по-разному и в разной мере проявляющимися в различных исторических условиях. Признаком, отличающим фольклор от литературы как индивидуально создаваемого искусства слова, является в первую очередь коллективность творчества трудящихся масс.

2

Проблема взаимосвязи литературы и массового народного творчества в послеоктябрьское время выдвинулась как одна из наиболее существенных. Это совершенно закономерно. В условиях Советского государства искусство стало принадлежать народу. Следовательно, по-новому встал вопрос о соотношении массового народного и ученого (по выражению А. А. Жданова) поэтического творчества. С полной определенностью надо заявить, что советская действительность стерла многое из того, что резко разделяло фольклор — устно-поэтическое творчество трудовых народных масс, и литературу. Поэтическое и музыкальное народное творчество всегда было почвой, на которой вырастали лучшие произведения классической литературы и музыки; народное творчество всегда питало художественную мысль передовых писателей и композиторов. Но тем не менее в условиях царской России не было и не могло быть подлинного единства этих двух видов искусства.

Советская литература — литература нового качества; советские писатели — плоть от плоти народа. Разъясняя определение задач советской литературы, указанных в Постановлении о журналах «Звезда» и «Ленинград»¹² А. А. Жданов говорил: «Литература призвана не только к тому, чтобы идти на уровне требований народа, но более того, — она обязана развивать вкусы народа, поднимать выше его требования, обогащать его новыми идеями, вести народ вперед»¹³.

В советских условиях и литература, и народное творчество стали едины в выражении мировоззрения, в оценках совершающихся событий и во многом в поэтике; рассматривать литературу и фольклор, следовательно, надо не в противопоставлении, а в органическом единстве их. Оба эти вида искусства не просто реалистически изображают действительность, они свидетельствуют об утверждении в сознании советских людей марксистско-ленинского понимания жизни, имеющего огромное значение для глубины и верности ее художественного отражения. И литература и народное творчество имеют познавательное и идейно-воспитательное значение. Литература и народное творчество — взаимовлияющие и обо-

¹² «О журналах «Звезда» и «Ленинград». «О репертуаре драматических театров...», Госполитиздат, 1950, стр. 6.

¹³ Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», Госполитиздат, 1946, стр. 28.

гажающие друг друга формы индивидуального и коллективного поэтического искусства.

Писатели в общем деле воспитательной работы коммунистической партии играют видную роль. Воспитательная роль советских писателей велика и в отношении создателей и исполнителей произведений народного творчества. В отношении их роль писателей осложняется соединением идейно-воспитательной работы с профессионально-художественной. Для широких масс трудящихся произведения поэтов и писателей являются образцом, на который нередко ориентируются мастера народного искусства.

Значительные успехи литературы, достигнутые со времени опубликования постановлений ЦК нашей партии по идеологическим вопросам, оказали воздействие и на развитие художественного народного творчества. Лучшие произведения писателей воспитывают советских людей, вдохновляют их на новые подвиги, возбуждают с новой силой их творческую мысль. Произведение литературы воспринимается народом как свое, так как оно выражает народное мировоззрение, раскрывает в высокохудожественной форме думы, чувства, переживания советского народа. Поэтому-то литературные произведения получают «хождение» в народ и живут иногда, отрываясь от книжных страниц, иногда растворяя имя автора в коллективе. Такое приятие народом произведений литературы — высокая честь для писателя, свидетельство великой правдивости и народности советской литературы. Судьбы в народных массах произведений Лебедева-Кумача, Исаковского, Твардовского и других поэтов, создававших свои произведения в содружестве с композиторами, свидетельствуют о сближении литературы и народного творчества, о том, что литература в советской стране неразрывна с художественным коллективным творчеством народа, что писатели стали учителями мастеров народного искусства. Поэты и писатели вместе с тем пользуются опытом народа и вносят в свою работу черты коллективности творчества. Вошедшие в практику работы писателя над произведением предварительные обсуждения с колхозниками, рабочими, с интеллигенцией, ставшая обычной после Постановления ЦК о репертуаре драматических театров и мерах по ее улучшению совместная работа драматурга и театра над пьесой и некоторые другие особенности современного литературного творчества вносят в литературу черты коллективности.

В современности стал обычным не имевший места ранее факт творческого разговора (в песнях, стихах, пересказах повестей) писателя с народными певцами, рассказчиками. Этот факт — свидетельство единства форм народного искусства. Достаточно вспомнить «Катюшу» М. Исаковского, вызвавшую огромное количество песен — ответов поэту, продолжающих текст Исаковского и рисующих судьбы героини в годы Великой Отечественной войны на фронте, в тылу, в партизанских отрядах; песню о подвигах парня молодого, вышедшего в степь Донецкую (ср. «С курганы темные»), или о судьбах другого советского парня, о котором впервые рассказал П. Арманд в песне «Тучи над городом встали»; судьбу Василия Теркина, вошедшего в литературу, по признанию А. Твардовского, из полуфольклорной среды; рассказ о восстановлении разорванных войной районов и подвигах в мирном труде демобилизованных друзей-однополчан, о которых поется в песне А. Фатьянова «Где же теперь друзья-однополчане», и т. д. и т. п.

Советский народ вступает в творческое содружество с поэтом и писателем. Оно складывалось постепенно в процессе формирования советской культуры и искусства. Значительную роль в упрочении связей между фольклором и литературой сыграла художественная самодельность, стягивающая широкие народные массы в процесс создания художественных произведений и сочетающая индивидуальное и коллективное творчество трудящихся. Художественная самодельность позволяет не тол-

выявить исполнительские таланты певцов, актеров, декламаторов, таящиеся в народных массах; она вовлекает в литературную и фольклорную творческую деятельность множество одаренных людей, не избирающих своей прямой специальностью поэтическое искусство. В последние годы все чаще и чаще встречается термин «литературная самодеятельность». Он привлекает к себе внимание и требует расшифровки, раскрытия.

Под литературной самодеятельностью народных масс понимается их творческая деятельность в области поэзии и прозы, включаемая в общее понятие художественной самодеятельности. К литературной самодеятельности в полной мере относится то, чем характеризуется самодеятельное искусство в целом, являющееся важным средством художественного и политического воспитания масс. Напомним, что самодеятельное искусство расширяет круг интересов трудящихся, развивает художественные вкусы, выявляет творческие способности и дарования. Художественная самодеятельность вместе с тем во многих случаях является путем перехода от непрофессионального к профессиональному искусству. В отношении фольклора надо заметить, что участники художественной самодеятельности представляют собой передовой отряд в народном творчестве. Они несут в массы созданные поэтами и сложенные коллективно народом новые произведения искусства, пропагандируют их, содействуют их творческому восприятию и широкому распространению среди трудящихся.

Еще в 1950 г. в передовой статье газеты «Правда» (от 5 апреля) было дано четкое определение художественной самодеятельности как народного творчества советских наций и народностей. В ней указывалось: «Художественная самодеятельность в нашей стране — это творчество всего народа. С каждым годом множатся ряды участников художественной самодеятельности... Замечательная особенность нашей художественной самодеятельности масс состоит в том, что она неразрывно связана с трудовой деятельностью, проникнута пафосом борьбы за победу коммунизма».

«Любовно и заботливо растить народные таланты,— писала «Правда»,— почетный долг партийных, советских, профсоюзных, комсомольских организаций. Надо окружить повседневной заботой коллективы художественной самодеятельности, неустанно развивать народное творчество, бороться за дальнейший расцвет нашей передовой социалистической культуры».

Художественная самодеятельность в области поэзии и прозы развивается как индивидуальное и как коллективное творчество; она, следовательно, объединяет и литературу, и фольклор. Работа в литературных кружках нередко переплетается с работой художественных исполнительских коллективов. Разные формы самодеятельного искусства взаимно дополняют и обогащают друг друга. Это приводит к тому, что часто в художественной самодеятельности самые грани между индивидуальным и коллективным творчеством становятся нечеткими. В самодеятельности часто бывает, что произведение, начатое как попытка индивидуального творчества, разрабатывается и оформляется коллективом.

Особый интерес для фольклористики, обращающейся к изучению процессов развития коллективного самодеятельного поэтического творчества масс и выявлению соотношения его с индивидуальным, имеет работа в области народной песни. И это вполне понятно. Именно народное песенное и частушечное творчество — область массового искусства, в которой наиболее активно принимают участие художественные коллективы. Именно в этой области отчетливо и ясно видно коллективное творчество. Хоровые коллективы в настоящее время являются одними из важнейших ячеек, в которых происходит творческий процесс, в которых создаются новые произведения.

Самодеятельное искусство трудящихся масс должно привлечь к себе пристальное внимание. Оно выразительно говорит о массовости поэтиче-

ской деятельности трудящихся Советского Союза и о том, что индивидуальное и коллективное творчество — всего лишь формы, в которых развивается единое поэтическое искусство нашего народа.

3

За последние годы с большой остротой была поставлена проблема художественной ценности произведений народной поэзии. В известной мере это было связано с тем, что фольклористы одно время в сущности отказались от критики художественных особенностей записанного текста. Одни собиратели и исследователи молчаливо обходили вопрос о художественной ценности произведения и с академической бесстрастностью излагали поэтические опыты графоманов и бездарных импровизаторов. Другие же не останавливались на этом и пытались подвести теоретическую базу под нехудожественность некоторых бытующих произведений, выдвигая тезис о существовании двух эстетик — эстетики образованного общества и эстетики народа, якобы имеющего особые вкусы, которыми объясняется низкий художественный уровень распеваемых и рассказываемых текстов. И в том, и в другом со всей очевидностью сказалось не преодоленное воздействие взгляда на трудовой народ как на массу, к которой недоступно ни понимание, ни создание подлинных художественных ценностей. Ошибочность подобных взглядов особенно резко обнаруживается при применении их к советской действительности.

Требования, предъявляемые советским народом к литературе, уже сами по себе являются свидетельством высокой требовательности к настоящему пониманию художественных и идейных достоинств произведения, кем бы оно ни создавалось — профессионалами или любителями, в какой форме — в новой или в традиционной — оно ни слагалось бы. И нет ничего случайного в том, что мертворожденные произведения на советскую тематику, использующие архаические формы фольклора, не воспринимались народом, не получали распространения, не включались в литературный быт, несмотря на активную пропаганду и популяризацию их со стороны отдельных любителей сусальной пошлости. Народ такие произведения не признавал своими, хотя их — без достаточного на то права — и именовали народным творчеством.

Отношение к псевдонародной поэзии как к разновидности народного творчества проскальзывает и в работах крупных ученых, не разобравшихся в сущности рассматриваемого материала и под воздействием либеральной науки отказавшихся от эстетического критерия при оценке произведения. По существу отказываясь от марксистско-ленинского учения об единстве формы и содержания в искусстве, некоторые советские ученые признали основными признаками фольклорности произведения традиционные поэтические формы и непрофессиональность в области искусства. Так начались поиски в рождающемся новом элементе отжившего. Ученые искали во вновь создаваемых произведениях прежде всего следы традиционного фольклора, архаической поэтики, образности, языка. Современное творчество масс трудящихся мерили мерками не просто старой, а окостенелой традиции, пытаясь ее искусственно возродить и доказать вечность и неизбежность форм древнего эпоса и народной лирики. Возрождали умершее — и забывали, что соединение современного социалистического содержания с архаической формой, характерной еще для феодального общества, неизбежно ведет к антихудожественности, обусловленной возникающими противоречиями и естественным в данных случаях разрывом формы и содержания. Отрицая законность эстетических оценок рассматриваемого произведения и объявляя их «вкусовщиной» и «субъективным восприятием», относили к народному творчеству индивидуальные произведения любителей древней словесности, не имеющие никакого отношения к фольклору. Так рассматривали

«былины» и «сказы» образованных подражательниц сказителям, так рассматривали и словесные (устные и письменные) упражнения самих сказителей — например, новые былины П. И. Рябинина-Андреева, новины в былинном стиле М. С. Крюковой и многие другие произведения. Игнорируя понятие коллективности художественного творчества как признака фольклора, сочетающегося с рядом других, исследователи в конце-концов пришли к уничтожению границ фольклора и фольклористики. К народному творчеству стали относить любые стихи литкружковцев, устные выступления на митингах и собраниях, случайные воспоминания о случившемся с рассказчиком и т. д. и т. п. Иногда это мотивировали словами: такой материал — еще не фольклор, но он может стать фольклором, и кто-нибудь его должен изучать. Его и изучали, а фольклором — коллективным художественным творчеством народных масс — он все-таки не становился.

Порочное в своей основе снятие эстетического критерия при рассмотрении произведений народного творчества привело к глубоким ошибкам практического характера — к ориентации мастеров устной поэзии не на то новое, что рождается и характерно для современности, а на отживающие или уже отжившие элементы. Обращение к выработанной в пределах некоторых жанров архаической образности, форме, языку обусловило невозможность создания новых художественных ценностей. В русском фольклоре творческие неудачи последних лет были нередко предопределены использованием для произведений с советской тематикой формы былины, исторических песен XVI—XVIII вв., волшебных сказок, обрядовой поэзии; художественная образность в таких «былинах», «новинах», «сказках» полностью отсутствует: ее заменяет архаизированная речь, вычурно излагающая сведения о работе в колхозах, о собраниях, о культурном строительстве. Что имеют общего с народной поэзией такие стародревние словеса, как например:

На полях пашут на широких,
А не сошками да не вилами,
Тракторами пашут да машинами,
Боронят боронами железными...
Сенокос косим косилками,

Убираем хлебушко жнилками...
Мы пойдем в сельсовет да на собраньице,
В красный уголок мы на читаньице,
Или в клуб на постановочки...¹⁴

В приведенном примере, типичном для произведений подобного рода, — полное отсутствие художественного образа. Он подменен архаизированной эпической речью. Когда же слагатели подобных «поэм», «былин» уснащают их традиционной образностью, получается еще более вопиющее противоречие между формой и содержанием. Достаточно напомнить печально известные былины П. И. Рябинина-Андреева или М. К. Рябинина, механически подтекстовывавших общие места, словесные формулы, традиционные образы к советской тематике¹⁵. «Пулеметики» и «ружьеца», например, в таких случаях оказываются содружающимися с палицей богатырской и стрелочками калеными — ими распоряжается «да наша да могучая да Советская Армия». Такое смешение и смещение всего на свете характерно для подобных текстов. В новых былинах Петра и Михаила Рябинных оно выявляется только яснее, чем в сказах других авторов, но по существу ничем не отличается от них.

¹⁴ «Народное творчество Карело-Финской ССР», Петрозаводск, 1940, стр. 112—113. Сказ А. М. Пашковой «Чем Москва прославилась».

¹⁵ См. об этом в статье А. Нечаева и Н. Рыбаковой «О некоторых проблемах фольклористики (по поводу статьи В. С. Бахтина)», «Советская этнография», 1953, № 3, стр. 136—137; см. также статьи Н. Леонтьева «Затылком к будущему» и «Волхование и шаманство».

Чего стоит, например, сказ-былина «О богатырях Отечественной войны». В нем говорится, как полководец, призывая защищать землю русскую, берет «карту географии — граничную», указывает «места-то фронтовые», а богатыри могучие в ответ «все в совете согласились», «с совещательного зала расходились». Богатыри

Сабли острые брали из чиста серебра,
Наточенные копыя да чиста золота,
Карабинчики брали пятазарядные,
Да гранат брали тех разрывчатых...¹⁶

и идут на Красную площадь, а затем на фронт. Нет нужды далее цитировать это антихудожественное произведение, выдаваемое за фольклор.

Подобные «былины», «исторические песни», «сказы», «новины» и прочее звучат пародией, дискредитирующей творчество народа. Искажение народного творчества нередко имеет место и в прозаическом повествовании, насильственно натягивающих покровы традиционной волшебной сказки на советскую действительность. Так называемая обрядность волшебной сказки, ее система образов, приемы характеристики событий, совершающихся в некотором царстве, некотором государстве за тридевятью морями, не сочетается и не может сочетаться с советской тематикой. В этом убеждают опыты создания советской волшебной сказки, имевшие место в практике таких выдающихся сказочников, как Коргуев, Королькова, Глазков и другие¹⁷. Отдельные, действительно впечатляющие эпизоды, каким является, например, в сказке А. Н. Корольковой «Мудрая мать» эпизод поисков матерью сына среди павших на поле боя воинов, не дают права говорить о возрождении и жизнеспособности волшебной сказки, так как именно эти эпизоды, как правило, не связаны с чудесами и необычайностью волшебных сказочных происшествий. Волшебная сказка в ее традиционных формах, в условиях социалистической действительности сохраняется только как эпос прошедших веков. Она не может по самому своему существу развиваться как жанр, в котором проявляется коллективное народное творчество в современности. Поэтому самое обращение к волшебным сказкам как к жанру, в пределах которого можно ждать рождения новых произведений, — неправомерно. Коллективным народным творчеством новые волшебные сказки создаваться не будут¹⁸. Так же не будут развиваться и другие жанры, характеризующиеся архаической образностью, формой, языком, и тем более жанры, связанные с бытовыми предрассудками и суевериями дореволюционной России, например, обрядовая поэзия. При попытке воскресить такие жанры всегда будет обнаруживаться разрыв содержания и формы.

Вопрос об эстетической ценности вновь создаваемых народными массами произведений требует глубокой теоретической разработки. В данной статье этот вопрос ставится только в общем плане. Такая постановка представляется необходимой также потому, что она ведет не только к дальнейшим теоретическим разысканиям, но и помогает в практике творчества, в художественной деятельности мастеров народного, коллективного и индивидуально создаваемого искусства. Для нас в этом случае не важно, что специально исследуется при решении поставленного вопроса: коллективное или индивидуальное творчество народа. И то, и другое сосуществует и взаимовлияет. И для того, и для другого важно теоретическое осмысление вопросов соотношения и связей формы и содержания.

¹⁶ «Фольклор Советской Карелии», Петрозаводск, 1947, стр. 75—76.

¹⁷ См., например, сказки в сборнике «Фольклор Воронежской области». Сост. В. А. Тонков, Воронеж, 1949.

¹⁸ В новом фольклоре закономерно только используются отдельные фантастические образы сказочного эпоса, и то далеко не все. Невозможность включения в современное нам произведение таких образов, как, например, Баба-яга, Кашей Бессмертный и другие, слишком очевидна и потому не требует разъяснения.

Теоретически осмысляя эти вопросы, советские ученые борются против ложных утверждений и выводов и содействуют развитию современного творчества народа. Дальнейшему развитию его должны содействовать и анализ произведений, входящих в золотой фонд народного искусства, и вдумчивая помощь поэтически одаренным людям, только еще вступающим на путь индивидуального или коллективного творчества в области художественного слова.

* * *

Проведенное в 1953—1955 гг. обсуждение вопросов советского народно-поэтического творчества несомненно положительно скажется на развитии науки. Обсуждение мобилизует фольклористов на преодоление разброда и шатаний в постановке и решении теоретических вопросов. А решение этих вопросов практически необходимо, так как совершающиеся в индивидуальном и коллективном творчестве трудящихся масс процессы не только должны быть осмыслены и поняты в их развитии, но из наблюдений должны быть сделаны и теоретические выводы, чтобы использовать их для создания таких условий, при которых все жизненные виды и формы массового творчества получают наибольшие возможности развития. Различие взглядов и теоретических положений, обозначившееся в процессе обсуждения, свидетельствует, что наука о народном творчестве еще ищет и обосновывает ведущие положения фольклористики. Но даже при существующем различии взглядов и теоретических положений на современном этапе выявилось и то общее, что в настоящее время принимается большинством собирателей и исследователей народно-поэтического творчества. Это общее касается прежде всего основного вопроса — специфики фольклора. Проведенное 17—20 ноября 1953 г. в Ленинграде совещание по вопросам изучения русского народного поэтического творчества¹⁹ констатировало этот факт. Совещание, в котором приняли участие ученые всех союзных республик, отметило достижения фольклористики и специально остановилось на значительных недостатках ее; совещание пришло к заключению о правильности рассмотрения народного творчества как творчества коллективного, имеющего большую идейно-художественную ценность, и тем самым отграничило фольклор от смежных искусств и исключило из понятия народного творчества низкопробные в идейном и художественном отношении произведения, хотя бы они и являлись результатом коллективной поэтической деятельности. Требуя поднятия идейно-теоретического уровня научно-исследовательской работы в области народного творчества на основе глубокого овладения теорией марксизма-ленинизма, совещание выдвинуло основными задачами дальнейшую теоретическую разработку проблемы коллективности на современном этапе, изучение явлений современного народного творчества с учетом общественной и эстетической значимости изучаемых произведений и в тесной связи с развитием советской литературы, литературной самодеятельности и искусства, взаимоотношений литературы и фольклора в современности; было обращено внимание также на необходимость углубления разработки вопросов идейно-художественного содержания произведений народного поэтического творчества²⁰.

Мобилизуя собирателей и исследователей современного творчества трудящихся масс на решение указанных задач, совещание фактически дало программу дальнейших работ по советскому фольклору. Намечаемые работы, конечно, не могут быть выполнены без развития плодотвор-

¹⁹ Совещание было организовано Пушкинским домом и Институтом мировой литературы им. А. М. Горького.

²⁰ См. Резолюцию совещания по вопросам изучения русского народного поэтического творчества. Проведено 17—20 ноября 1953 г. Ин-том русской литературы и Ин-том мировой литературы, Л., 1954, стр. 5.

ных творческих дискуссий. Обмен мнениями и научные споры советских ученых позволят правильно осветить многие теоретические вопросы. Говоря об этом, следует еще раз повторить обращенный ко всем фольклористам призыв совещания «к глубокой конкретной разработке всего комплекса научных проблем в области народного творчества, к изучению живых процессов современного народного творчества, всемерному развитию критики и самокритики в научной работе»²¹.

Разработка актуальных вопросов теории народного творчества отвечает насущным потребностям нашего времени.

²¹ Там же, стр. 7.

НАРОДЫ МИРА

(ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

А. И. ПЕРШИЦ

АРАБЫ САУДОВСКОЙ АРАВИИ

Саудовская Аравия занимает большую часть Аравийского полуострова, свыше 1500 тыс. км². Страна представляет собой плато, с запада окаймленное крутыми, скалистыми горами, отделенными от моря узкой прибрежной полосой — тихамой. Большая часть Саудовской Аравии занята каменистыми или песчаными пустынями; в числе их огромная пустыня Руб-эль-Хали («пустая четверть» мира), по которой проходит юго-восточная граница страны. Рек в Саудовской Аравии нет; лишь в период летних дождей сухие русла временных потоков (вади) наполняются водой. Сухой, жаркий климат (среднегодовая температура + 20° С), отсутствие постоянных речных артерий приводят к тому, что основным средоточием оседлой жизни являются оазисы — Рийад, Хуфuf, Мекка, Медина и другие. Здесь же расположены крупнейшие города страны, носящие то же имя. Население этих городов (исключая Мекку, где около 120 тысяч жителей) не превышает нескольких десятков тысяч человек.

Саудовская Аравия, лежащая на мировых путях с Запада на Восток, имеет важное стратегическое значение. Недра страны содержат мирового значения запасы нефти, месторождения угля, цветных и благородных металлов. Из последних разрабатывается только золото в районе Медины.

Население Саудовской Аравии, по весьма приблизительным оценочным данным, составляет 6 млн. человек. Подавляющее большинство населения — арабы. Лишь на побережье, в городах, имеется небольшое число иммигрантов — персов, индийцев, а также африканцев, которые встречаются и внутри страны в качестве рабов, вольноотпущенников и их потомков. Не менее половины населения Саудовской Аравии составляют кочевые племена, образующие крупные объединения, в зарубежной литературе иногда неправильно называемые «народами». Наиболее значительные из них — кочующие на территории Саудовской Аравии и Сирии аназа (до 300 тыс. человек), кочующие в Саудовской Аравии и Ираке шаммары (200 тыс.), хиджаское объединение харб (50 тыс.), недждские объединения атайба, аль мурра, хахтан и многие другие¹.

Официальное наименование Саудовской Аравии — «Арабское Саудовское королевство». Король имеет неограниченную законодательную, исполнительную и судебную власть, нормируемую лишь мусульманским религиозным правом — шариатом. Вместе с тем король — религиозный глава государства. Из всех областей Саудовской Аравии только один

¹ См. «Arabia», London, 1920; C. R a s w a n, Tribal areas and migration lines of the North Arabian beduins, «Geographical Review», vol. XX, 1930; «Handbook of Arabia», London, 1921; «The Middle East», London, 1955.

Хиджаз имеет конституцию, принятую в 1926 г. Согласно этой конституции, король представлен в Хиджазе своим наместником, при котором действует законосовещательное собрание (меджлис шурай) из 12 ежегодно назначаемых королем из числа сановников, феодалов и богатых купцов. Аналогичные меджлисы установлены конституцией в областных и окружных центрах, городах и у племен Хиджаза. Исполнительная власть принадлежит королю и совету министров во главе с наместником короля. В Неджде и других областях страны власть короля еще более ограничена, хотя и здесь он временами собирает совет из представителей феодальной знати и верхушки ваххабитского духовенства (улемов) для того, чтобы получить поддержку в важнейших вопросах управления².

Саудовская Аравия — «колыбель арабов», древнейшая область расселения арабских племен. Занимавшие первоначально, повидимому, северную или северо-восточную часть Аравии, кочевые объединения арабов уже во II тысячелетии до н. э. распространились по всему полуострову, частично уничтожив, а частично ассимилировав семитские племена западного и досемитское население юга. Древнейшие арабские рабовладельческие государства — Минейское, Сабейское, Сабейско-Химьярское, существовавшие во II—I тысячелетиях до н. э. на юге полуострова, оказали сильное влияние и на лежащие к северу области нынешней Саудовской Аравии, так, древнейшие городские центры Хиджаза — Мекка и Медина — возникли как торговые фактории Сабейского царства. К сожалению, остатки весьма древней цивилизации, обнаруженные археологическими разведками во внутренних областях полуострова, пока еще совершенно не изучены.

В VIII—VI вв. до н. э. в северной Аравии образовалось несколько значительных рабовладельческих государств, крупнейшим из которых была Набатена, превращенная в 106 г. н. э. в римскую провинцию Аравии. В V в. крупнейшей политической силой Аравии стало Киндское объединение племен, распространившее свою власть на весь Неджд, восточную Аравию и Хадрамаут. Разгромленная в 529 г. соседней Хирой Кинды оставила глубокий след как первая попытка объединения кочевых племен внутренней и восточной Аравии. В целом, однако, большинство населения не только внутренней, но и северной Аравии в этот период сохраняло еще первобытно-общинный строй, в VI в. интенсивно разлагавшийся.

С распадом объединения Кинда роль важнейшего политического центра северной Аравии окончательно перешла к древнему торговому и религиозному центру Хиджаза — Мекке. В середине VI в. мекканцы, объединив вокруг себя соседние арабские племена, успешно отразили нашествие абиссинских завоевателей, а на рубеже VI и VII вв. здесь возникла новая монотеистическая религия — ислам, укрепившая классовые отношения и государство арабов. Традиционная дата образования этого государства — халифата — 622 г. Центром его стала соседняя с Меккой Медина, но последовавшее вскоре завоевание арабами Сирии и Месопотамии привело к перенесению столицы халифата в Дамаск, а затем в Багдад. Аравия в результате стала одной из окраинных областей огромной арабской державы, что в дальнейшем обусловило ее отсталость по сравнению с другими арабскими странами. В Аравии медленнее развивались феодальные отношения, в большей степени сохранялся первобытно-общинный уклад. Замедленному развитию средневековой Аравии способствовало сохранявшееся в обширных степях и пустынях полуострова примитивное кочевое скотоводство.

В XVI в., когда арабские страны были завоеваны турками-османами, Хиджаз и некоторые районы северо-восточной Аравии вошли в состав Османской империи и с этого времени до первой мировой войны остались турецким владением, хотя с середины XVIII в. власть ослабевше-

² А. Rihani, *Ibn Sa'ud of Arabia, his people and his land*. London, 1928; В. Луцкий, *Арабские страны*, М., 1947.

Порты нередко была только номинальной. Однако и во времена наибольшего могущества Османской империи турецким захватчикам так и не удалось распространить свое господство на области внутренней Аравии, населенные по преимуществу сильными кочевыми племенами. Здесь, на плоскогории Неджд, в 1750-х годах возникло мощное антитурецкое движение, идеологическим знаменем которого явилось новое религиозное течение — ваххабизм³. Ваххабиты во главе с эмирами из недждского феодального дома Саудидов в конце XVIII в. объединили под своей властью большую часть Аравии. Однако ваххабитам пришлось вести неравную борьбу на два фронта: с турками и одновременно с английскими колонизаторами, стремившимися утвердиться на побережье Персидского залива. В 1811—1818 гг. египетские войска Мухаммеда-Али, призванного на помощь султаном, разгромили ваххабитов. Англичане, воспользовавшись этим, утвердили свой протекторат над рядом феодальных владений у Персидского залива. Однако ни ваххабитское движение, ни независимость областей внутренней Аравии уничтожены не были. После эвакуации египетских войск здесь образовались три фактически независимых феодальных эмирата: Шаммар, Касым и Неджд. К концу XIX в. одни из феодально-раздробленных владений внутренней Аравии находились под гурецким, другие — под английским влиянием.

В начале XX в. усилилась борьба империалистических держав за раздел мира. Вышедший на историческую арену германский империализм добивался подчинения себе арабских стран и вытеснения Англии. В борьбе с германо-турецким влиянием английские империалисты поддерживали восстания арабских племен Хиджаза и Асира, а также помогли ваххабитскому эмиру Ибн-Сауду изгнать из Неджда турецких ставленников Рашидидов и восстановить здесь ваххабитскую власть.

Освободительная борьба арабов против турецкого владычества, с особой силой развернувшаяся в годы первой мировой войны, была использована английским империализмом для усиления своих колониальных позиций в арабских странах Азии. Образовавшемуся в 1916 г. Хиджазскому королевству был навязан английский протекторат; одновременно Англия еще более расширила свои колониальные и полуколониальные владения в восточной Аравии. Английское влияние усилилось и во внутренней Аравии: в 1915 г. в обмен на небольшую ежегодную субсидию Англия добилась от недждского эмира Ибн-Сауда обязательства не «посягать» на английские протектораты в Аравии — фактически не препятствовать английской колонизации.

Послевоенные годы — годы подъема освободительного движения на всем Арабском Востоке — отмечены также и ростом ваххабитского движения, направленного на объединение и независимость Аравии. Несмотря на сопротивление английского империализма, стремившегося сохранить на полуострове ряд мелких, враждующих между собой государств, но жванного развертыванием национально-освободительного движения на Востоке и поражением интервенции в Советской России, Саудида ведут успешную борьбу за объединение Аравии в крупное государство. В 1920 г. они присоединяют Горный Асир, в 1921 г. — Джебель Шаммар, в 1922 г. — Джоф, в 1925 г. — Хиджаз, в 1926 г. — Асир. Советский Союз поддержал молодое Саудовское государство, первым признав его независимость (в 1926 г.) и установив с ним дипломатические отношения.

В период между первой и второй мировыми войнами Арабский Восток приобрел особенно большое значение в качестве одного из важнейших узлов экономических и политических противоречий империализма. С начала 1930-х годов нефтяные богатства и стратегическое положение Аравийского полуострова привлекают к себе пристальное внимание американских монополий. В 1933 г. нефтяная компания «Стандарт», позднее

³ См. стр. 140.

преобразованная в Аравийско-Американскую нефтяную компани (АРАМКО), добилась от Ибн-Сауда 60-летней концессии на разработку нефтяных месторождений на площади, превышающей половину территории страны. В конце 30-х годов в восточной части Аравии (Эль-Ха) началась добыча нефти, позднее — прокладка Трансаравийского нефтяногопровода, законченного в 1950 г. Центр американской нефтедобывающей промышленности в Саудовской Аравии — Дахран — превращен в сильную военно-воздушную базу. Идет строительство глубоководного порта в Даммане на побережье Персидского залива. Из Даммана в столицу страны Рийад проложена железная дорога. Однако попытки империалистов подчинить страну политически оказались бесплодными. Саудовская Аравия, совместно с Сирией и Египтом, решительно выступила против турско-иранского пакта и вмешательства иностранных держав во внутренние дела арабских стран.

* * *

У арабов Саудовской Аравии до настоящего времени имеет место и то, что характерно для глубокой древности и недавно еще чрезвычайно резкое деление на оседлых и кочевых. Оседлые арабы-горожане занимаются ремесленной, промышленной и торговой деятельностью, крестьяне (феллахи) земледелием и садоводством. Кочевники разводят скот, часто совмещают это занятие с более или менее развитым земледелием.

Городское население Саудовской Аравии, несмотря на глубокую древность арабской городской культуры, очень немногочисленно. Особое невелик процент горожан, занятых в промышленности, так как обрабатывающая промышленность представлена всего лишь несколькими мелкими предприятиями по переработке сельскохозяйственного сырья. Значительнее число рабочих, занятых в добывающей промышленности АРАМКО (до 20 тыс.) и на американских строительствах. Большинство городского населения занимается ремесленной деятельностью и мелкой торговлей или же работает слугами, поденщиками, водоносами и т. п.

Сравнительно немногочисленно и вполне оседлое крестьянство Саудовской Аравии. Достаточно сказать, что в Саудовской Аравии возделывается лишь 1/7000 часть всей территории страны. Земледелие здесь, как правило, поливное: необходимым условием его является ирригация, основанная на использовании колодезей, достигающих иногда огромных размеров. Так, например, колодезь эль-Хаддадж, доставляющий воду оазису Тейма в западной Аравии, имеет 16 м в диаметре и такое же расстояние до поверхности воды. Колеса с ведрами, надетые на одну ось, приводятся в движение верблюдами и выливают воду в большой резервуар, откуда вода отводится каналами во вторичную сеть. Водоснабжение страны нормируется⁴.

Наиболее распространенными сельскохозяйственными культурами являются пшеница, просо, ячмень, кукуруза, дурра. Из незерновых культур распространены чечевица, горох, фасоль, тыква. В садоводстве преобладающее значение имеет финиковая пальма, затем следуют виноград, фиги и другие. Из технических культур возделываются эфиромасличные, удельный вес их весьма невелик⁵.

Земледельческая техника слабо развита. Удобрения применяются редко. Распространен деревянный, так называемый «арабский» плуг, в который впрягаются верблюды, ослы, быки (в восточной Аравии зебу). В беднейших крестьянских хозяйствах в плуг иногда впрягают

⁴ «Arabia», стр. 77.

⁵ Там же, стр. 69; «The Middle East», стр. 29.

женщины, а порой землю обрабатывают мотыгой. Для разрыхления земли после вспашки употребляются деревянные грабли, лопаты и заступы. Уборка производится серпами или особого типа кривыми садовыми ножами. Молотят, прогоняя скот по расстеленным на земле снопам, а отвеивают многозубыми деревянными вилами, в ситах, посредством подбрасывания в пальмовых плетенках или на деревянных подносах. Для размола служат главным образом ручные мельницы или даже каменные или деревянные ступки⁶.

Товарно-денежные отношения в крестьянском хозяйстве развиты мало. Хозяйство в значительной степени остается полунатуральным, а отсюда большая сохранность разнообразных домашних ремесел. Большинство необходимых в крестьянском обиходе предметов выделяется в семье крестьянина. Женщины выделяют шерстяные ткани, ткнут ковры, лепят глиняную посуду, изготавливают кожаную обувь и упряжь. Мужчины дубят кожи, изготавливают деревянный сельскохозяйственный инвентарь, выделяют из камня жернова для ручных мельниц. Покупаются преимущественно лишь металлические изделия и ткани. Кузнецы и другие немногочисленные ремесленники в этих сохраняющих натуральный характер хозяйства областях являются обособленной взаимобрачной кастой⁷.

Известное значение имеют морские промыслы, особенно ловля перламутровых раковин и жемчуга, в которой принимает участие большая часть населения Красноморского и восточного побережий Аравии. Промысловый сезон длится с мая до октября и финансируется торговыми компаниями, которые раздают ловцам авансы под предстоящий сбор и диктуют затем свои цены⁸.

Вторую, численно преобладающую группу населения Саудовской Аравии составляют кочевники-верблюдоводы, называемые бедуинами, т. е. «жителями пустыни». Двигаясь по традиционным, строго установленным маршрутам, бедуинские племена пересекают огромные пространства пустыни. Это чрезвычайно ограничивает их в разведении других видов скота, так как овцы и козы не могут обходиться без воды сколько-нибудь значительное время и их поэтому нельзя брать с собой в пустыню. Бедуины, как правило, не имеют рогатого скота; весьма ограничено в бедуинских кочевьях и число лошадей, которые здесь рассматриваются как признак немалого богатства⁹.

Распространенное в Сирии и Ираке полукочевое овцеводство в Саудовской Аравии не получило развития из-за отсутствия травянистых пастбищ и скудости водных ресурсов. Однако и здесь имеется некоторое количество полuosедлых овцеводов (Нежд, Джебель Шаммар) и козоводов (горные долины Хиджаза).

Еще в XIX в., когда страны Аравийского полуострова были частично вовлечены в сферу мирового капиталистического рынка и начали ощущать конкуренцию товарного капиталистического животноводства Австралии, Аргентины, Южной Африки, начался упадок кочевого скотоводства и усилилась тяга кочевников к оседлому земледелию. Разразившийся в 1920-х годах мировой сельскохозяйственный кризис нанес тяжелый удар кочевому скотоводству. После первой мировой войны империалистические колонизаторы Ближнего и Среднего Востока, стремясь наиболее выгодно использовать захваченные рынки сбыта и источники сырья и одновременно подготавливая стратегические линии, начали строительство автомо-

⁶ H. St.-J. Philby, *The Heart of Arabia*, vol. I, London, 1922, стр. 299; Cheesman, *In unknown Arabia*, London, 1926, стр. 24—25.

⁷ A. Musil, *The manners and customs of the Rwala beduins*, New York, 1928, стр. 136; R. Montagne, *Notes sur la vie politique et sociale de l'Arabie du Nord: Les Sammar du Negd*, «Revue des études islamiques», 1932, cah. I, стр. 74.

⁸ «Arabia», стр. 67; A. Käselaу, *Die freien Beduinen Nord-und Zentral-Arabien*, Hamburg, 1927; A. Musil, *Указ. паб.*, стр. 338.

⁹ K. Raswan, *Im Lande der schwarzen Zelten*, Berlin, 1934, стр. 151.

бильных дорог, которые были проведены в Иране, Ираке, Турции, Сир Египте, прошли по многим древним торгово-пелигримским караванным путям внутренней Аравии. В результате бедуины не только лишились возможности сдавать верблюдов в наем и сопровождать караваны, но и столкнулись с огромным понижением спроса и цен на верблюдов.

В этих условиях верблюдоводческое хозяйство бедуинов вступило в период настоящего кризиса, явившегося причиной массового стремления кочевников к оседлому земледелию. Некоторую роль в оседании кочевников сыграла политика Саудовского государства, правительство которого стремившееся централизовать страну и иметь сколько-нибудь значительную казну, должно было заняться организацией расстроенной хозяйственной жизни. На основе колодезной ирригации был создан ряд хиджр (и хабитских земледельческих колоний) в различных бедуинских племенах внутренней Аравии. К середине 1930-х годов, ко времени дальнейшей централизации Саудовского государства, число хиджр достигает 140, общее количество осевших бедуинов — 200 тыс. человек¹⁰.

Таким образом, часть бедуинов Саудовской Аравии была переведена к оседлому земледелию. Однако возможность осесть на землю получдалеко не все, к этому стремившиеся: большое количество бедуинов ввиду недостатка орошенных земель вынуждено попрежнему заниматься кочевым верблюдоводством, в условиях капиталистического рынка совершенно нерентабельным. Часть обедневших кочевников уходит на заработки в промышленные районы страны, где так же, как и отходники в сельском хозяйстве, поступает на предприятия империалистических монополий.

Общественные отношения в Саудовской Аравии характеризуются сложным переплетением феодализма с остатками патриархально-родового быта и ростками капиталистических отношений. Во внутренней Аравии, кроме того, еще совсем недавно сохранялось рабовладение, основанное на ввозе и перепродаже африканцев.

Господствующие в стране отношения — феодальные. Чрезвычайно развито крупное помещичье землевладение. Как правило, хозяйство помещика невелико, и большая часть земель отдается небольшим участками крестьянам-арендаторам и субарендаторам. Распространенной формой эксплуатации является издольщина: крестьяне обрабатывают землю помещика и «делят» с ним урожай. Доля крестьянина зависит от того, кто поставляет семена, сельскохозяйственный инвентарь, рабочую скот, но обычно она не превышает 1/3. Распространены также барщинные повинности: крестьянин обрабатывает в помещичьем хозяйстве, проводит и чистит оросительные каналы, прислуживает в доме помещика¹¹.

Видная фигура в арабской деревне и торговец-ростовщик, роль которого усиливается по мере разложения натурального хозяйства. Проставляя крестьянам ссуды под чрезвычайно высокие проценты, ростовщик заставляет их работать на себя, делиться урожаем и т. п.

Во внутренних частях страны оседлые крестьяне сохраняют значительные пережитки патриархально-родовой организации. Здесь имеются земледельческие роды, населяющие свои деревни, и племена, объединяющие группы деревень. Во главе их стоят наследственные старейшины — шейхи, утверждаемые центральным правительством. По сути дела племенной шейх является феодалом, а его соплеменники — зависимыми крестьянами, работающими захваченную шейхом некогда племенную землю. Используя это положение, шейх взимает с крестьян не только арендную плату за урожай, но и дополнительные поборы.

Феодальный характер носят общественные отношения и в среде кочевников.

¹⁰ A. Rihani, Указ. раб., стр. 191; A. Mac-Kie Frood, Recent economic and social developments in Sa'oudi Arabia, «Géographie», vol. 24, 1939, стр. 164.

¹¹ H. St.-J. Philby, Указ. раб., vol. II, стр. 12, 215.

вых племен, хотя у них в еще большей степени, чем у оседлых, сохраняются пережитки патриархально-родового строя.

У кочевников держится четкая родоплеменная организация. Бедуинские семьи объединены в небольшие родовые группы — патронимии; несколько патронимий составляют поздний патриархальный род. Такой род не похож на классический род матриархальной или раннепатриархальной эпохи: он допускает частную собственность, имущественное и общественное расслоение, эксплуатацию и принудительную власть. Все же и здесь члены рода пережиточно объединены некоторыми хозяйственными, общественными и идеологическими связями. Бедуинский род считается коллективным собственником пастбищ и колодцев, род объединен обязанностью взаимозащиты, каждый род имеет свой «васм» — знак для клеймения скота, свое имя, по преданию восходящее к имени предка-родоначальника. Считая себя родственниками, члены одного рода называют друг друга не иначе, как братьями; при этом старшие именуют младших племянниками, а младшие старших — дядями¹².

Роды объединены в племена, во главе которых стоят племенные шейхи. Должность эта передается по наследству в определенной семье. В настоящее время племенные шейхи утверждаются правительством и непосредственно подчиняются губернатору той области, на территории которой расположены кочевья и земли племени. Важное лицо в племени «ариф» — наследственный судья, хранитель и толкователь обычного права. Юрисдикция племенных судей в сфере внутривременных дел признана правительством, и шариатские нормы поныне мало распространяются на внутреннюю жизнь кочевых племен. К племенной знати принадлежат и семьи «акидов»: до недавнего времени это были военачальники; теперь должность акида практически ликвидирована, но богатство и почетное звание остались¹³.

Родоплеменная организация и другие родовые пережитки представляют по преимуществу форму, облекающую классовые феодальные отношения. Имущественное и общественное расслоение в бедуинских племенах очень значительно. Племенная знать монополично распоряжается пастбищами и колодцами, владеет большими стадами скота, землями в оазисах, рабами. Шейхи, ариффы, акиды под видом «родовой помощи» раздаст скот на выпас за пользование молоком, шерстью, частью приплода и тем самым осуществляют издольную феодальную эксплуатацию кочевой бедноты. Значительное число своих разоренных «сородичей» феодальные шейхи используют в земледельческом хозяйстве, сажая их на свои земли в оазисах, рядом с африканскими рабами, вольноотпущенниками и потомственными крестьянами-издольщиками. Феодальная эксплуатация племенной бедноты усилилась после создания централизованного Саудовского государства, когда родо-племенная знать, потеряв прежние доходы от грабительских набегов на оседлое население оазисов и купеческие караваны, резко усилила нажим на широкие массы кочевников.

Уже в конце 1920-х годов массовое разорение кочевников, совпавшее с усилением феодального и налогового гнета в Саудовском государстве, вызвало ряд восстаний бедуинских племен. Таковы были восстания хиджазского племени харб в 1927 г., хасского племени аджман в 1929 г. антифеодальными в основе были и происшедшие в 1928—1929 гг. восстания неждских бедуинов мутайр и атайба, хотя эти восстания и были спровоцированы Англией, использовавшей «инцидент» для захвата нейтральной территории, пограничной с Ираком. О росте внутривременного классового антагонизма свидетельствует сообщение одного из авторов,

¹² A. Musil, Указ. раб., стр. 48 и др.; R. Montagne, Указ. раб., стр. 71 и др.; I. St.-J. Philby, Указ. раб., vol. I, стр. 160; Bräunlich, Beitrag zur Gesellschaftsordnung der arabischen Stämme «Islamica», Bd. 6, 1933, стр. 217 и сл.

¹³ A. Musil, Указ. раб., стр. 50 и сл., 427; J. van Ess, Meet the arab, New York, 1943, стр. 66; T. E. Lawrence, Seven pillars of wisdom, London, 1935, стр. 179.

побывавших в это время в северной Аравии: «шейхи пока еще властвуют над своими племенами, но только благодаря большому количеству родственников и рабов, которых они вооружают военными автомобилями и даже пулеметами»¹⁴.

Безземелье и феодальная эксплуатация в деревне дополняются отсутствием в стране сколько-нибудь развитой промышленности. Арабский крестьянин готов искать работы в городе, но безработица толкает его назад, заставляя держаться своего хозяйства, обремененного кабальными повинностями, долгами и налогами. Временный, случайный характер заработков в городах и на предприятиях АРАМКО объясняет, почему в Саудовской Аравии основная масса городской бедноты состоит не из потомственного пролетариата, а из полубродячих людей, исполняющих любую работу за любое вознаграждение.

Немногим лучше положение тех крестьян или кочевников, которым удалось оказаться занятыми в промышленности. Так, на предприятиях АРАМКО насчитывается около 20 тыс. рабочих. Все они — почти исключительно чернорабочие. Рабочий день длится не менее 12—14 часов, общее количество праздничных дней в году не превышает 8. В то же время араб зарабатывает на нефтепромыслах в 5—6 раз меньше, чем американский рабочий, хотя и этот последний подвергается эксплуатации. Рабочего законодательства в Саудовской Аравии нет, организация профессиональных союзов запрещена, рабочее движение преследуется. Малейшее проявление недовольства со стороны рабочих подавляется собственной полицией АРАМКО, набираемой из сомалийцев. Для того чтобы задержать культурный рост и политическое развитие рабочих-арабов, администрация АРАМКО всемерно поддерживает патриархально-родовые и религиозные традиции¹⁵.

Патриархально-родовые пережитки, сохраняющиеся в Саудовской Аравии, накладывают заметный отпечаток и на семейную жизнь арабов.

Среди зажиточных слоев оседлого населения Саудовской Аравии еще бытует большая семья. И в большой, и в обычной малой семье патриархальная власть отца является одинаково неограниченной. Отец — неограниченный распорядитель всего семейного имущества. Сын, даже седобородый, не смеет сидеть в присутствии отца, есть с ним из одного блюда. Старый обычай предоставляет отцу право убить непокорного сына или дочь.

Семейное и общественное положение женщины чрезвычайно низко. Неся на себе большую часть хозяйственных обязанностей, она по существу лишена имущественных, наследственных и иных прав. Собственностью женщины является лишь часть мехра (платы за невесту), символизирующая обеспечение на случай развода или смерти мужа. Ни жена, ни дочери обычно не наследуют никакого имущества, ибо шариатская норма, предоставляющая дочерям треть имущества покойного, действует лишь в городах. Дети принадлежат только отцу. Убийство женщины, «опозорившей» свою семью, не только не считается преступлением, но рассматривается как прямой долг главы семейства¹⁶.

Мужчины обычно вступают в брак не ранее 16 лет, женщины — начиная с 12. В городах женят и выдают замуж родители; молодые впервые видятся только на свадьбе. В деревнях и у кочевников юноше предоставляется возможность выбрать девушку, но окончательно вопрос о браке всегда решается отцом. За исключением индивидуальных брачных запретов, касающихся ближайших родственников, арабы не только не знают экзогамии, но, напротив, стремятся ограничить брачные связи возможно

¹⁴ K. R a s w a n, Im Lande der schwarzen Zelten, стр. 151—152; см. также А. Кіселая, Указ. раб., стр. 43.

¹⁵ См. сообщения «American Magazine» (октябрь, 1947) и в New York Times Magazine (январь, 1948).

¹⁶ А. Musil, Указ. раб., стр. 495.

более узким родственным кругом. Наиболее желательными супругами считаются двоюродные брат и сестра с отцовской стороны (ортокузенные браки). Никто не имеет права ответить отказом на сватовство кузена, который может забрать девушку силой¹⁷.

Хотя и обычное, и религиозное право разрешают арабам многоженство, это — явление нечастое. Только богатые люди имеют нескольких жен. Иногда при заключении брачных контрактов оговаривается, что муж должен ограничиться одной женой.

Свадебная обрядность различна в разных районах страны, показывая некоторое единство лишь в самых общих чертах. Сватовство обычно совершается группой женщин из ближайшей родни жениха. Семья жениха платит медр, величина которого зависит от общественного положения и личных качеств девушки. За вдову и разведенную жену платят меньше. За месяц до свадьбы судья составляет брачный контракт (акд). Самая свадьба обычно начинается в понедельник или во вторник, происходит в доме невесты и длится в зависимости от имущественного состояния от 1 до 7 дней. После этого девушка переходит в дом мужа. Свадебные торжества и выкуп за невесту обходятся семье жениха очень дорого; небогатым людям они, как правило, не под силу, и им приходится входить в долги, что нередко ведет к разорению¹⁸.

Роды происходят в обыденной обстановке. Рождение девочки встречается холодно; напротив, появление на свет сына вызывает большую радость. С этого момента родителей начинают называть не по имени, а по сыну: отец или мать такого-то. Ребенка кормят грудью до 2—3 лет. Дети рано начинают работать — помогают по хозяйству, пасут скот, а в городе идут в услужение. Школу посещают преимущественно дети зажиточных людей, в том числе и девочки, но по наступлении половой зрелости девушку немедленно запирают дома. Еще недавно знатные горожане, следуя старинному обычаю, отдавали сыновей на воспитание бедуинским шейхам; во внутренней Аравии эта практика встречается по настоящее время. Значительное участие в воспитании ребенка принимает его дядя с материнской стороны: сохраняя сильные авункулатные представления, арабы считают, что каждый человек наследует треть своих качеств от дяди по матери, а потому последний должен заботиться о племяннике.

Рождение ребенка, первая стрижка волос, одевание первого кафтана сопровождаются особыми празднествами — длительными и пышными у одних, скромными у других. Основной обычай, связанный с жизнью мальчика, — это обрезание. Выбор момента обрезания зависит от материального благосостояния и колеблется от 3 до 7 лет в городе и до 10—12 лет у крестьян и бедуинов. В сельских местностях обрезание иногда производит кузнец. Родители устраивают праздник с угощением, музыкой и плясками. Небезинтересно отметить, что наряду с этим общемусульманским видом обрезания у бедуинов внутренних областей еще недавно сохранялся так называемый «ас-салх» («сдирание» кожи) — мучительная сперация, которую 16—17-летний юноша, переводимый в мужское достоинство, должен был перенести безмолвно. Этот обычай, явственно показывающий связь между обрезанием и древней инициацией, исчез под влиянием вахабитов, яростно борющихся с остатками «язычества». В силу тех же причин исчезла в прошлом распространенная во внутренней Аравии инфибуляция юношей и особенно девушек, имевшая целью воспрепятствовать добрачному половому общению¹⁹.

¹⁷ См. А. И. Першиц, Патронимия у арабов, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XIII, 1951.

¹⁸ A. Jaussen, Coutumes des arabes au pays de Moab, Paris, 1909, стр. 45 и сл.; A. Musil, Указ. раб., стр. 133.

¹⁹ M. von Oppenheim, Von Mittelmeer zum Persischen Golf, Berlin, Bd. II, 1900, стр. 130, 202 и др., Ch. Doughty, Travels in Arabia Deserta, London, 1888, vol. I, стр. 341; H. St.-J. Philby, Указ. раб., vol. I, стр. 97.

Патриархальный уклад семейной жизни разлагается в Саудовской Аравии очень медленно и главным образом в связи с растущей пролетаризацией широких народных масс.

Аграрный строй Саудовской Аравии, почти полное отсутствие здесь промышленности определяют характер городов страны. Аравийский город — это прежде всего административный центр и базар, обслуживающий прилегающие сельскохозяйственные районы. Поэтому даже крупнейшие города страны в значительной мере сохраняют средневековый облик восточного города с его извилистым лабиринтом узких улиц и переулков с крытыми базарами, минаретами, кофейнями и обращенными фасадами внутрь домами.

Зажиточный городской дом представляет собой четырехугольник, обрванный комплексом низких помещений, связанных центральным внутренним двориком. Комнаты, длинные и узкие, между собой не сообщаются. Дом делится на женскую (махарам) и мужскую (маджлис) половинки. Двери и окна выходят во внутренний дворик, откуда проникают свет и воздух. Внутренний дворик нередко окружен портиком, над которым идет крытая галерея. Здесь семья проводит большую часть дня. Поэтому дворик устлан циновками, паласами или коврами, разгорожено занавесками, обычно имеет бассейн или колодец. Богатые городские дома имеют несколько этажей, часто украшены майоликой, навесными балконами и т. п. Своеобразны по своей архитектуре каменные городские дома Асира, имеющие форму усеченной пирамиды.

Весь этот облик так называемого «средиземноморского» дома совершенно не свойственен однокомнатному глинобитному жилищу беднейших слоев населения; для более крупных городов характерны и «бидонвилли» — беспорядочные скопления лачуг, построенных из старых ящиков бидонов из-под керосина и т. п.

В сельских местностях дома снабжены хозяйственными пристройками и обычно имеют не внутренний, а внешний двор, окруженный глинобитной стеной. Дома богатых крестьян имеют несколько комнат и по своему плану напоминают «средиземноморский» дом; внутренний двор соединен с улицей широким коридором, часть его отгорожена для скота, сеновала и т. п.²⁰

Палатка кочевников — «дом из козьей шерсти» — ставится на деревянных кольях, высота и количество которых зависят от состоятельности хозяина. Обычно бедная палатка имеет 2—3 кола, богатая — до 9 тройных рядов кольев. На колья натягивается шерстяное полотнище с вертикально свисающими стенками. Палатку закрепляют привязанными к кольям веревками, другой конец которых прикрепляется к колышкам, вбитым в землю в 3—4 шагах от палатки. У шейхов и богатых кочевников палатка делится свисающими полотнищами на несколько помещений: для гостей, для жен, для припасов²¹.

Одежда в различных группах населения неодинакова. В городах распространены так называемый «мекканский костюм», а в настоящее время также и современный европейский. Мужской мекканский костюм состоит из длинной и широкой белой рубахи, цветной безрукавки, кафтана и высокой круглой шапочки или чалмы. Такой костюм характерен для сохраняющих патриархальные устои жизни зажиточных горожан и деревенских богатеев. Для городской бедноты типична «полуевропейская» одежда: нижняя рубаха поверх дешевых бумажных брюк, безрукавка, зимой — суконная или стеганая ватная куртка.

²⁰ Ch. Huber, Journal d'un voyage en Arabie, Paris, 1891, стр. 123 и сл.; A. Jaussen, Указ. раб., стр. 71—74.

²¹ M. von Oppenheim, Указ. раб., Bd. II, стр. 44; A. Jaussen, Указ. раб. стр. 76; K. Raswan, Im Lande der schwarzen Zelten, стр. 153; R. Montagne, Указ. раб., стр. 69; G. Feilberg, La tente noire, Kopenhagen, 1944.

Рис. 1. Улица и ворота в Джидде

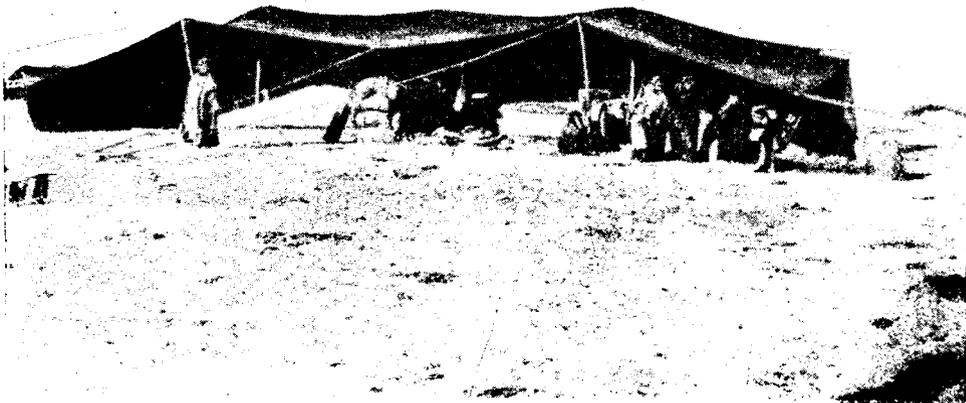

Рис. 2. Шатер бедуинского шейха

Костюм оседлого крестьянина состоит из белой рубахи и широких суживающихся книзу штанов; последние считаются специфически крест-яньским элементом одежды. Зимней одеждой служат овчинная куртка аба — плащ из овечьей, козьей или верблюжьей шерсти, широкое и длинное, разрезанное спереди одеяние с отверстиями для рук или же, реже, короткими рукавами.

В одежде кочевников основными элементами являются белая и синяя рубаха, плащ — аба и головной платок, распространенный в Аравии не только в бедуинской, но и в крестьянской и даже городской среде. Это — квадратный кусок материи, который складывается по диагонали надевается на голову таким образом, что один конец спускается на затылок и шею, а два других спадают на плечи или прикрывают нижнюю часть лица. Платок придерживается шнуром, дважды закрученным вокруг головы. Цвет шнура и самого платка раньше различался не только по областям, но и по племенам.

Обычной обувью служат кожаные сандалии — подошвы, прикрепляемые к ноге маленькой петлей, пропущенной между пальцами ноги. Бедуинские сандалии широко распространены также среди феллахов и горжан.

Женская одежда мало отличается от мужской. Поверх широких, суживающихся книзу штанов, надевается длинная рубаха, подпоясываемая кушаком. Верхней одеждой служат безрукавки, кафтаны и плащи, аналогичные мужским. На голове носят платок, обычно черного цвета, реже синего или красного. Закрывание лица распространено только в городе и в пригородных районах. Для этой цели служит особое черное (в Хиджазе — белое) покрывало, украшенное по краям кисточками, а у богатых горожанок золотыми нитками или кружевом²².

Женщины носят всевозможные украшения из синего и зеленого стекла, рога, перламутра, свинца, серебра, коралла: браслеты и ножные кольца, перстни, носовые украшения. Распространена татуировка: с шестилетнего возраста девочкам татуируют синей или зеленой краской лоб, подбородок, губы, щеки, руки, грудь, ступни ног; наибольшее значение придается татуировке лба и подбородка²³.

Характер питания связан не только с имущественным положением, но и с хозяйственными занятиями населения. В питании крестьян главным место занимают продукты их полей, в питании кочевников — продукты животноводства.

Основная пища оседлого населения — ячменный, реже пшеничный хлеб, выпекаемый в виде пресных лепешек. Распространенным блюдом является «бургуль» — каша из толченой пшеницы или кукурузы, политая кислым молоком, а в торжественных случаях — покрытая кусочками мяса. Большое распространение имеют похлебки из гороха, чечевицы, тыквы. В ряде областей почти такое же значение, как и зерновые, имеют финики. Обычно их превращают в пасту и смешивают с ячменной мукой. Из фиников гонят водку, а из сока финиковой пальмы варят сахар и приготавливают опьяняющий напиток «лагби».

Мясо за столом небогатых людей — редкое, праздничное блюдо, приготавливаемое и съедаемое с большой торжественностью. То же относится и к традиционному напитку арабов — кофе, распространившемуся в северной Аравии в XVI в.

В пище кочевых арабов преобладают молочные продукты, прежде всего молоко в свежем и кислом виде. Зимой и весной, когда животные дают

²² M. von Oppenheim, Указ. раб., Bd. II, стр. 120—124, Ch. Huber, Указ. раб. стр. 129, 744; H. J. Philby, Указ. раб., vol. II, стр. 40; A. Käsela, Указ. раб. стр. 82; G. Gaugu, Arabia phoenix, London, 1947, стр. 80 и сл.

²³ A. Jausse, Указ. раб., стр. 12; A. Käsela, Указ. раб., стр. 84—85.

наилучшее молоко, сбивают и запасают масло. Производство сыра распространено мало. Посредством кипячения изготавливают нечто вроде сухого молока, при употреблении растворяемого в воде. В жаркое время в ходу напиток из кислого, сильно разбавленного водой молока, а также пахта. Второе место в питании кочевников занимают покупные продукты земледелия, в особенности хлеб и финики. Мясо на столе простого кочевника изредка появляется лишь в конце лета, когда иссякает корм и скот перестает доиться²⁴.

Арабы Саудовской Аравии говорят на одном из пяти основных наречий арабского языка — аравийском, которое в свою очередь распадается на диалекты Неджда, Хиджаза, Асира и другие, более мелкие. Кроме того, свои специфические особенности имеет диалект каждого кочевого племени.

Истоки арабской литературы восходят к раннему средневековью. Передаваясь долгое время изустно, образцы древнеарабской поэзии были записаны около середины IX в., в эпоху Багдадского халифата. Наиболее известны из них избранные стихотворения поэтов Имруль-Кайса, Антары, Зухейра и других, а также сборники «Хамаса»; «Диван племени хузейль», и «Книга песен» Абуль-Фараджа Исбахани. Первым письменным образцом прозы явился коран, составленный в первой трети и записанный в середине VII в. В противоположность древнеарабской поэзии, коран, отражающий переход к классовому обществу, сложился не в бедуинской, а в оседлой среде, среди торгово-ремесленного населения Мекки и Медины.

Положив начало развитию арабской классической литературы, литература собственно Аравии в дальнейшем развивалась весьма слабо и главным образом по линии канонических наук, процветавших в священных городах Хиджаза — Мекке и Медине. Известный сдвиг в литературной жизни произошел лишь в XX в. под влиянием общего «возрождения» арабской литературы, начавшегося во второй половине XIX в. в Сирии и Египте. В 1920-х годах в Хиджазе оформилась группа молодых литераторов, испытавших влияние сирийского «литературного возрождения» и противопоставивших себя сторонникам традиционализма, группировавшимся вокруг меккской газеты «Умм-эль-Кура». Поиски новых литературных форм наглядно проявились в сборнике ас-Сибана «Литература Хиджаза» и большой антологии хиджазских поэтов и писателей «Откровение пустыни». В целом, однако, литература Саудовской Аравии поныне отстает от литературы Сирии и даже Ирака. За последние годы заметное развитие получила пресса.

Большим богатством и разнообразием отличается устное, а также музыкальное народное творчество. Наложенный ваххабизмом запрет на музыку, танцы, «мирское» пение в сельских и особенно кочевых районах соблюдается далеко не всегда. Песнями, музыкой и танцами сопровождают народные и семейные празднества, особенно такие, как свадьба, рождение ребенка, обрезание и т. п.

Наибольшее распространение имеют бедуинские песни, носящие любовно-лирический и героический характер. Из героических песен популярна поэма о древнеарабском племени бени хилал. Повсеместно распространены и трудовые песни: песни погонщиков верблюдов, женщин, сбивающих масло, и т. п. Очень популярны короткие рассказы — комические, фантастические, о животных и другие. Распространены, особенно в беду-

²⁴ Ch. D o u g h t y, Указ. раб., vol. I, стр. 262; M. von O p p e n h e i m, Указ. раб., vol. II, стр. 47, 133; A. K ä s e l a c h, Указ. раб., стр. 46—48; H. St.-J. P h i l l y, Указ. раб., vol. I, стр. 281.

²⁵ А. Крымский, Указ. раб.; И. Крачковский, Арабская поэзия, сборн. «Восток», стр. 4, М.—Л., 1924; M. B r o c k e l m a n n, Geschichte der arabischen Literatur. Bd. I—II, Weimar, 1892—1902; «The Middle East».

инской среде, исторические сказания, связанные, как правило, с генеалогией того или иного племени. В песнях, рассказах, сказаниях находит отражение и социальный протест угнетенных масс, выражаются надежды и чаяния простого народа.

Песни поются под аккомпанемент «рабабы» или «эрбабы» (род одно или двуструнной скрипки со смычком из конского волоса). Нередко рабаба делается из обыкновенного ящика, обтянутого козьей кожей: через него продевают палку и натягивают сухожилия — струны. Хоровому пению и танцам сопутствуют звуки большого котлообразного барабана или чаше, «табла» — медных обтянутых кожей литавров. Распространены также флейта, различного рода трещетки и квадратный или круглый бубен²⁶.

Низкая грамотность народных масс, недостаточность народного образования и здравоохранения способствуют сохранению религиозных устоев, ревниво оберегаемых феодальной верхушкой Саудовской Аравии и многочисленным духовенством, особенно влиятельным в среде оседлых арабов.

Как известно, Аравия — родина ислама, возникшего на рубеже VI и VII вв. в среде племени курейш, владевшего Меккой в период оформления в Хиджазе классовых отношений. В средние века в северной и центральной Аравии преобладал суннизм ханбалитского толка. В середине XVIII в. в центральных областях полуострова на основе суннизма сложилась нынешняя религия страны — ваххабизм. Основателем его был Мухаммед Ибн-Абдуль-Ваххаб, сын бедуина из племени бени тамим. Под религиозной формой возвращения к первоначальному исламу, очищенному от идолопоклонства и роскоши (хаджжа в Медину и Кербелу, употребления четок, курения табака, ношения шелковой одежды, музыки, пения и т. п.) ваххабизм содержал требования централизации страны и борьбы с иноземными захватчиками — турецкими, а позднее и английскими. Первое время Ибн-Абдуль-Ваххаб подвергался гонениям, но вскоре нашел сильного покровителя в лице эмира г. Дерайи Мухаммеда Ибн-Сауда, который сделался политическим главой возникшей организации ваххабитов. В дальнейшем распространение ваххабитской идеологии тесно переплеталось с собиранием и централизацией аравийских земель эмирами из дома Саудидов, и в настоящее время ваххабизм является государственной религией Саудовской Аравии.

Современный ваххабизм оформлен как религиозное братство, охватывающее большую часть населения страны и возглавляемое королем и советом улемов. Члены ваххабитских общин называют друг друга братьями (ихван). Жизнь ваххабитов строго регламентирована обязательными правилами, касающимися вопросов религии, морали и быта. Надзор осуществляется низшими священниками — мутава; они же играют роль миссионеров, вовлекающих в братство новых членов. Влияние ваххабизма в Саудовской Аравии продолжает усиливаться; распространение его идет под знаком борьбы с «извращенной» обрядностью традиционного ислама, с одной стороны, и «языческими» пережитками, сохраняющимися преимущественно в бедуинской среде, с другой²⁷.

* * *

Этнографическое изучение Саудовской Аравии показывает, что в результате длительного влияния отсталой Османской империи, господства феодальных отношений и зависимости от иностранных капиталистических

²⁶ M. von Oppenheim, Указ. раб., vol. II, стр. 118, 130 и сл.; A. Musil, Arabia Petraea, Wien, Bd. III, 1908, стр. 227 и сл.

²⁷ Ch. Doughty, Указ. раб., vol. I, стр. 516; vol. II, 259; A. Käselau, Указ. раб., стр. 97, H. St.-J. Philby, Указ. раб., vol. II, стр. 269, A. Rihani, Указ. раб., стр. 194, 223. и др.; В. Б. Луцкий, Арабские страны, стр. 122.

монополий развитие экономики и культуры этой страны было задержано, а ее трудолюбивый народ лишен возможности развернуть свои природные таланты.

За последнее время правительство Саудовской Аравии провело ряд полезных мер, направленных на подъем экономики и культуры страны. Достигнуты некоторые результаты в области развития народного хозяй-

Рис. 3. Странствующий певец

ства, просвещения, печати и т. п. Однако груз прошлого еще слишком тяжел, предстоит сделать еще многое, чтобы Саудовская Аравия была выведена из ряда мало развитых стран. Этому, несомненно, в сильнейшей степени будет способствовать борьба за мир, суверенность и независимость от империалистических монополий, которая в Саудовской Аравии, как и во многих других арабских странах, принимает все более серьезный характер.

Х · Р · О · Н · И · К · А

II СЪЕЗД ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

3—10 февраля 1955 г. в Москве состоялся Второй съезд Географического общества Союза ССР. Съезд подытожил достижения географической науки за семь лет, прошедших со времени Всесоюзного географического съезда 1947 г. В работе съезда принял участие более 2 тысяч человек; было заслушано 106 докладов, из них 25 на пленарных заседаниях и 81 на заседаниях секций. 20 докладов было сделано зарубежными гостями.

На заседаниях обсуждались важные вопросы развития советской географической науки (доклад И. П. Герасимова о состоянии и задачах советской географии на определенном этапе с содокладом В. Ф. Васюткина по вопросам экономической географии С. В. Калесника о деятельности Географического общества СССР за 1947—1954 гг. Н. Н. Баранского о популяризации географических знаний; К. К. Маркова о подготовке географов в университетах); были заслушаны сообщения о многочисленных исследованиях, проводимых советскими географами и учеными смежных областей знания (В. Ф. Бурханова и Я. Я. Ганкеля о новейших географических работах в Советской Арктике; В. Г. Корт и Л. А. Зенкевича о работах в бассейне Тихого океана; Л. А. Дмина, К. А. Салищева и др. о работах по составлению новых географических карт атласов; С. П. Толстова и А. С. Кесь о палеогеографических работах в Средней Азии; Е. П. Павловского о достижениях медицинской географии; П. А. Летунова о природно-хозяйственном районировании территории СССР для целей сельского хозяйства; В. Д. Кислякова о природных условиях целинных и залежных земель и др.).

Съезд утвердил отчет о деятельности Общества, избрал Президента (акад. Е. П. Павловского) и Совет общества, вынес развернутые решения. Работа съезда вызвала значительное оживление в среде географов и работников смежных наук; повышение интереса к деятельности Географического общества сказалось в значительной притоке новых членов.

Кроме пленарных заседаний, работа съезда протекала в 9 секциях: физической географии, геоморфологии, палеогеографии, биогеографии, экономической географии, картографии, учебной географии, этнографии, истории географических знаний и исторической географии. Этнографической секцией было проведено три заседания, на которых были прочитаны и подвергнуты обсуждению шесть докладов по этнографии и три по антропологии.

В работе секции принимало участие примерно 60 ученых, главным образом московских (75—80% присутствовавших) и ленинградских (около 10%). По одному делегату прислали еще девять городов Советского Союза. С докладами выступили только научные сотрудники Института этнографии АН СССР. Между тем из выступлений товарищей, прибывших на съезд из дальних городов — Иркутска, Якутска, Махачкалы и других, видно, что у них имеется большой научный материал, богатый опыт работ, которыми они могли бы поделиться с московскими этнографами. Такой состав докладчиков и вообще участников работ этнографической секции указывает на слабую связь с местными организациями и недостаточное использование ее в процессе подготовки съезда.

Не было уделено также должного внимания установлению тесной связи в работе этнографов и географов. На заседаниях этнографической секции почти не было географов. На пленарных заседаниях не было прослушано ни одного доклада по вопросам этнографии. Неудачна была и организация работ секций: все они заседали одновременно, что приводило к известной разобщенности как между географами различных специальностей, так и в особенности между географами и этнографами.

На заседаниях секции были подняты вопросы, стоящие в центре внимания советских этнографов.

П. Е. Терлецкий выступил с докладом на тему «О новых методах этнического картографирования». Указав на важность составления этнических карт — карт расселения народов, докладчик дал критический анализ различных методов, которыми пользуются этнокартографы. Он отметил, что метод людности, показывающий этнический состав каждого населенного пункта, практически осуществим лишь на картах слабо заселенных территорий. В буржуазном этническом картографировании до сих пор широко распространен антинаучный мажоритарный метод, не показывающий районов смешанного населения. Метод же этнических территорий, показывающий на каждой территории как основной народ, так и национальные меньшинства, не дает представления о численном соотношении народов на разных территориях. Докладчик подробно остановился на новом методе, разрабатываемом в Институте этнографии АН СССР, дающем возможность совмещать на одной карте элементы этнического состава и плотности населения. Этим методом составлен в Институте этнографии ряд региональных карт. Он используется также для составления этнической карты мира в масштабе 1 : 15 000 000. Докладчик продемонстрировал многочисленные карты, выполненные различными методами в секторе этнической статистики и картографии Института этнографии.

Выступившие в прениях Б. В. Андрианов, Е. П. Орлова и Я. Р. Винников отметили ценность нового метода этнического картографирования, но указали на сложность сочетания в достаточно наглядной, удобочитаемой форме показа этнического состава и плотности населения, в особенности в смешанных районах.

П. И. Кушнер в докладе «Опыт этнографического изучения культуры и быта русского колхозного крестьянства» сообщил, что Институтом этнографии АН СССР и другими научными этнографическими центрами с 1949 г. проводится этнографическое изучение культуры и быта колхозного крестьянства. Вышла в свет первая большая монография о культуре и быте колхозников-таджиков, близятся к завершению две другие монографии о быте колхозников (русских и киргизов). Аналогичные работы подготовлены к печати академиями наук Белорусской, Армянской, Узбекской ССР и др.

На примере с. Вирятина Тамбовской области П. И. Кушнер показал, что этнографическое изучение колхоза, затрагивающее материальную культуру населения (жилище, одежду, пищу и пр.), семейный быт, нравы, культурный досуг и другие стороны народной жизни на различных стадиях их исторического развития, позволяет установить генезис изучаемых явлений и причинную зависимость происходящих изменений, объяснить сущность процесса социалистической перестройки быта и сделать понятными факторы, ускоряющие или, наоборот, замедляющие его развитие. Помимо личных наблюдений, опросов, записей истории поколений и бюджетного обследования, в с. Вирятинке был применен новый для этнографов метод полевого исследования — сплошная посемейная перепись, охватившая каждый колхозный двор. В результате такой переписи был получен богатый материал о народном жилище, структуре семьи, профессиях населения, его возрастном и половом составе, уровне образования.

Докладчик отметил, что для дальнейших таких исследований необходим многочисленный этнографический актив. Этого можно достигнуть, только усилив деятельность этнографического отделения Географического общества Советского Союза.

Выступавшие по докладу П. И. Кушнера отмечали, что этнографическое изучение современного колхозного быта имеет первостепенное значение. В этой области советские этнографы вышли из стадии поисков на широкую дорогу научного исследования. Опыт последних лет показывает, — сказал Д. И. Гусев (МГУ), — что общие закономерности в развитии культуры и изменении быта по всему Советскому Союзу имеют важные локальные особенности, требующие тщательного изучения.

П. П. Хороших (Иркутский гос. университет) отметил, что использование в полевых исследованиях опыта Института этнографии АН СССР по изучению современности позволит в более короткий срок накопить значительные этнографические материалы. В Восточно-Сибирском отделении Географического общества более 100 лет работает этнографическая секция. Выходит специальный сборник со статьями по этнографии якутов, эвенков и других. С 1952 г. экспедиция Восточно-Сибирского отделения Географического общества изучает территорию, где пролагали первые пути землепроходцы в XVII в. Собраны уникальные этнографические памятники в области народного зодчества и прикладного искусства (например, ценнейшие образцы вышивки). Обследуемая территория была в прошлом заселена выходцами из б. Вологодской, Пермской и Вятской губерний. Интересно сравнить их культуру с культурой современного населения европейской части СССР. В связи со строительством на Ангаре для истории важно зафиксировать современное положение этих сел.

Я. Р. Винников отметил значительные достижения этнографии в изучении современности и подчеркнул важное значение метода сплошной подворной переписи населения обследуемой территории.

Г. С. Маслова в докладе «Опыт картографирования русской народной одежды» указала, что богатый этнографический материал, накопленный в дореволюционный и советский периоды, позволяет приступить к созданию обобщающих трудов по быту и культуре русского народа. К таким трудам относитсяготавливаемый Институтом этнографии АН СССР русский историко-этнографический атлас. Одним из важнейших разделов его являются карты распространения отдельных явлений материальной куль-

туры. Составление карт распространения русской народной одежды в XIX и нача. XX в. предпринято впервые. Оно поможет обобщить разрозненные данные о русской одежде, выяснит генезис отдельных ее типов, некоторые стороны истории формирования различных групп русского народа, проникнуть нередко в очень ранние периоды этнографической истории и осветить многие вопросы истории формирования материальной культуры русского народа. Как основные источники, использованы этнографические коллекции центральных и местных музеев, архивные материалы, литературные данные и полевые исследования. Собранный этнографический материал характеризует народную одежду двух периодов: второй половины XIX в. и рубежа XIX—XX вв. Карты позволяют проследить те изменения, которые происходили в одежде в период ломки федално-крепостнических отношений и бурного развития капитализма в России.

Л. П. Потапов, выступивший с докладом, посвященным особенностям процесса национальной консолидации у народов Сибири в советскую эпоху, выдвинул следующие положения: нерусское население Сибири представляет собой в настоящее время различные формы общности людей, которые можно определить как мелкие этнографические группы, народности и, наконец, социалистические нации. Докладчик настаивал на необходимости отличать процесс формирования общности языка, территории, экономики и культуры в условиях докапиталистических и капиталистических и в условиях советского государственного строя. Л. П. Потапов утверждает, что в настоящее время процесс национальной консолидации в Сибири приводит к формированию либо социалистических наций (например, якуты, буряты), либо социалистических народностей (алтайцы, ненцы, чукчи и др.). Формирование социалистических наций в Сибири имеет специфические черты, т. к. эти народности в прошлом не успели сложиться в бузубные нации. Важнейшим условием для формирования социалистической нации докладчик считает наличие рабочего класса. Наличие своего рабочего класса является показателем того уровня развития производительных сил, при котором только и возможен процесс сложения людей в нацию. Маленькие этнографические группы и народности Сибири, численность которых колеблется иногда от нескольких сотен до нескольких тысяч человек (кеты, тофалары, ороки, селькупы и др.) этого условия не имеют. По мнению докладчика, они не только не являются в настоящее время социалистическими нациями, но каждая из них, взятая в отдельности, вряд ли сформируется в отдельную социалистическую нацию и в будущем. Их путь формирования в социалистическую нацию лежит через естественное слияние с уже сложившимися нациями (русской, якутской, бурятской).

В заключение докладчик подчеркнул большую теоретическую и практическую важность изучения процессов национальной консолидации в Советском Союзе и необходимость углубленной разработки этих проблем этнографами и историками.

Выступивший в прениях П. Е. Терлецкий не согласился с некоторыми теоретическими положениями Л. П. Потапова. Так, он возражал против резкого разграничения малочисленных групп (менее 5 тыс.) на этнографические группы и народности. В действительности между этими группами нет принципиальной разницы. Неверно также не считать малочисленные этнографические группы Севера историческими общностями: они также прошли длительный исторический путь развития. Деление народностей Севера на две категории — народности, у которых есть предпосылки стать нацией, и народности, которые никогда не станут нациями, нереально и схоластично. Для малых народностей не обязательна ассимиляция, они могут развивать свою национальную культуру даже при смене родного языка. Неправильные, по мнению П. Е. Терлецкого, положения Л. П. Потапова ведут к недооценке развития национальной культуры малых народностей.

Я. Р. Винников отметил, что, попытавшись применить теоретические положения, выдвинутые Л. П. Потаповым, к некоторым группам населения Ферганы (так называемым тюркам, арабам, уйгурам, дунганам и др.), он усомнился в правильности определения докладчиком понятий этнографической группы и народности. Теоретические выводы следовало бы обосновать на более широком этнографическом материале.

По мнению И. С. Гурвича, доклад Л. П. Потапова вносит ясность в исследование проблемы национальной консолидации. Практическая важность изучения этой проблемы несомненна, особенно при решении вопросов школьной и языковой политики. В Якутской АССР процессы национальной консолидации в разных районах протекают по-разному. Якуты уже являются социалистической нацией, сложившейся при советской власти. Что касается отдельных этнических групп и народностей, то одни из них, например, эвенки, постепенно сливаются с якутами, другие, например, колымские чукчи, все более сближаются с местным русским населением.

Х. О. Хашаев, отметив, что доклад Л. П. Потапова проливает свет на многие вопросы, интересующие и дагестанцев, остановился на характеристике процессов национальной консолидации в Дагестане.

Н. Н. Степанов указал, что доклад Л. П. Потапова имеет большое теоретическое значение для исследования вопросов образования национальностей в Сибири. На местах часто допускают ошибки, недооценивая перспективы развития культуры малых народностей или, наоборот, пытаются искусственно задержать реальные процессы национальной консолидации.

В заключительном слове Л. П. Потапов, защищая свои теоретические положения,

отметил, что они основаны на материалах по Сибири и их нельзя механически применять к другим районам, что он не делит население Сибири на этнографические группы и народности на основании их численности, как это приписывает ему П. Е. Терлецкий, а дает для этого четкие признаки. Вопрос о численности населения нельзя считать только предметом статистики, ибо численность населения связана с характеристикой развития производительных сил народности или нации.

Б. О. Долгих в докладе «Опыт составления этнографической карты Сибири XVII века» напомнил, что еще на предыдущем съезде он сделал сообщение о племенном составе населения Сибири. Итогом многолетнего труда докладчика явилась представленная им ныне на съезд карта племен, которых застали русские при своем приходе в Сибирь. В качестве источников для составления карты были использованы находящиеся в архивах Москвы и Ленинграда документы Сибирского приказа и «приказных изб» (воеводских канцелярий) — Якутской, Иркутской, Нерчинской и Баргузинской; рукописные материалы крупнейших исследователей Сибири XVIII в. — С. П. Крашенинникова, Г. Ф. Миллера; описания («росписи») коренного населения Сибири Андрея Палицына (1633) по Лене, Петра Головина (1640) по Ангаре и верховьям Лены, Ивана Москвитина (1641) по бассейну Май и Охотскому побережью и т. д., а также современные этнографические и топонимические данные; учтены и физико-географические условия местности. По этим источникам был установлен список групп населения (племен, иногда родов), подлежащих картографированию, и определена (главным образом на основе данных об уплате ясака) их численность. Выявленные группы населения нанесены на пятимиллионную карту Сибири. Докладчик подробно остановился на методах сочетания и взаимной корректировки данных, получаемых из различного типа источников, привел ряд примеров решения отдельных спорных вопросов. При сопоставлении расселения племенных и родовых групп Сибири в XVII в. с современным расселением их потомков выявилось, что одни группы почти не изменили своего местоположения, другие сильно расширили или, наоборот, сузили свою территорию и, наконец, третьи оказались совершенно в ином месте.

Все выступавшие по докладу Б. О. Долгих подчеркнули, что его работа является первым опытом такого рода и представляет большую научную ценность. Н. Н. Степанов отметил, как недостаток, отсутствие единой даты: племена каждой территории показаны в тех местах, где они были к моменту прихода русских на эту территорию; таким образом, в целом по Сибири охвачен период до 100 лет; между тем за этот период в расселении племен Сибири произошли значительные изменения. И. С. Гурвич, П. П. Хороших и другие в своих выступлениях остановились на работах, связанных с вопросами истории племен Сибири, проводимых в Якутском филиале Академии наук СССР и в Иркутском государственном университете.

М. О. Косвен в докладе «Основные достижения русской этнографии XVIII в.» показал, что XVIII в. был знаменательным в развитии русской этнографии и становлении ее как исторической науки. Крупнейшие для того времени (первая, а затем вторая) географо-этнографические экспедиции Академии наук дали выдающиеся в этнографическом отношении труды С. П. Крашенинникова, Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа, В. Ф. Зуева, И. И. Лепехина, Н. Я. Озерецковского и многих других. Важную роль для собирания этнографических материалов сыграла анкета, разработанная В. Н. Татищевым. В докладе была показана выдающаяся заслуга русской науки в этнографическом изучении Дальнего Востока и Северной Америки. В XVIII в. получила значительное развитие также этнография Украины, Европейского Севера, Поволжья, Кавказа, Сибири и Средней Азии. Итогом широкого развития русской этнографии в XVIII в. является множество разносторонних и глубоких описаний обширного круга народов России, накопление и введение в научный оборот обширного разнообразного этнографического материала, широкое распространение этнографических интересов, выявление местной этнографии и местных этнографов.

П. П. Хороших указал, что М. О. Косвен не отметил роли некоторых русских землепроходцев, в частности Владимира Атласова, не назвал А. Н. Радищева, собравшего в период ссылки в Илеме значительный этнографический материал о русском населении. Обстоятельно следовало бы сказать и о Григории Шелехове. В Иркутске в настоящее время собирается материал, характеризующий встречу А. Н. Радищева и Г. И. Шелехова, во время которой они обсуждали вопрос об изучении народов Азии. Необходимо было использовать сибирские летописи, отметить и роль музеев, например, Сибирского, основанного как раз в XVIII в. и имевшего с самого начала этнографический отдел.

Н. Н. Степанов, отметив интересное освещение докладчиком истории русской этнографии XVIII в., также указал, что деятельность некоторых ученых того времени осталась неосвоенной; вместе с этим не дано обобщающих выводов о том, что представляет собой этнография XVIII в. как наука. Докладчик неправильно считает Ломоносова выразителем экономического направления в этнографии. Ломоносов положил начало прогрессивной линии в русской этнографии, которая идет через Крашенинникова и Зуева до революционных просветителей XIX в.

В заключительном слове М. О. Косвен указал, что его доклад имел обзорный характер, делать обобщения он считает преждевременным, так как разработка темы еще не закончена, сбор и изучение материала еще продолжают. К изучению истории этно-

графин, отметил докладчик, надо привлечь больше научных кадров, в особенности местных, обладающих многими важными материалами.

По антропологической тематике первым был заслушан доклад В. П. Якимов: «К вопросу о прародине человека». Докладчик начал с обзора имеющихся по этому вопросу теорий, разделив их авторов на две большие группы: тех, кто относит процесс антропогенеза к сравнительно ограниченной территории (Вильзер, Дарт, Фогт, Амгино, Сера, Мэтью, Джуффрида-Руджери; Осборн, Сушкин, Абель и др.), и тех, кто расширяет его на все материк, кроме Австралии (как Монтандон, за которым фактически шли в советской литературе последователи Марра и в известной мере В. И. Равдоникас). Промежуточное место занимают различные современные теории (Борисковский, Ефименко, Якимов, Нестурх, Дебед), относящие область антропогенеза к различным более или менее обширным территориям в Юго-Западной Азии, Северной Африке и Южной Европе. Далее докладчик остановился на новых открытиях, сильно расширивших территорию распространения австралопитека в Африке, и предложил рассматривать в качестве прародины человека область, охватывающую Южную, Центральную и Переднюю Азию и северо-восточные области Африки. В. П. Якимов усматривает связи процесса превращения ископаемой высшей обезьяны в человека в узко ограниченном типом скалистого ландшафта.

Выступивший в прениях М. А. Гремячий подверг критическому разбору гипотезы П. П. Сушкина и указал, что ряд биологических признаков современного человека (обезволенность, характер потовых желез и др.) могут быть свидетельством формирования человека в тропической зоне.

В. В. Бунак указал на необходимость включения в сферу рассмотрения более широкого круга многообразных форм предков человека, тогда как докладчик ограничился лишь анализом взаимоотношений древнейших гоминид с дриопитеками.

В. В. Бунак в докладе «О древних антропологических типах и их связи с географической средой» остановился на различных типах связи биологических особенностей древних людей с природной средой и подчеркнул особое значение в процессе расхождения косвенной адаптации по принципу коррелятивной связи между прямыми адаптивными признаками и комплексом дополнительных признаков. Докладчик высказал ряд интересных частных гипотез, например, о воздействии нейрорегуляции в различных климатических условиях на развитие той или иной формы волос.

Я. Я. Рогинский отметил, что положения докладчика заслуживают всестороннего внимания, но убедительность его аргументации несколько снижена ссылками на группы сравнительно недавно заселившие свою нынешнюю территорию (эскимосы, малайцы) а также отсутствием экспериментальных или иных фактических данных по частным биологическим вопросам.

Н. Н. Чебоксаров в докладе «Антропологические типы Советской Прибалтики» сообщил выводы, сделанные им из детального антропологического обследования около 6 тысяч человек, а также значительного количества черепных серий различных эпох во всех трех прибалтийских советских республиках. На основе своих исследований докладчик прослеживает пути и этапы заселения Прибалтики ее тремя основными антропологическими типами и приходит к выводу о давнем антропологическом смешении прибалтийских народов. Данные этнографии, как и данные антропологии, указывают на глубокую историческую общность эстонцев, латышей и литовцев, входящих, несмотря на резкие языковые различия, в состав одной историко-этнографической области.

В заключительной речи на заседании председательствовавший М. Г. Левин указал на необходимость развивать антропологическую науку в рамках Географического общества.

На съезде не стояли особо общие вопросы о взаимоотношениях этнографической и географической науки. Не было также, как уже отмечалось выше, докладов о работе этнографов на местах. Однако эти вопросы нашли отражение в отдельных выступлениях на заседаниях этнографической секции.

М. Г. Левин (Институт этнографии АН СССР), ссылаясь на выступления П. П. Хороших и других, подчеркнул, что на местах проводится значительная этнографическая работа. Широкая связь с местными работниками способствовала бы решению многих задач, стоящих перед Географическим обществом Советского Союза. В период между I и II съездами Общества значительно расширились кадры этнографов, подготовлено много кандидатов и докторов науки. За последний период стало ясно основное направление этнографической работы, более четко выявилась роль этнографа в изучении современности. Институт этнографии имеет свой печатный орган — журнал «Советская этнография». Среди подготовляемых к изданию трудов — большая серия «Народы мира». Первый том этой серии «Народы Африки» недавно вышел в свет. В ближайшее время выйдут томы «Народы Сибири» и «Народы Австралии и Океании». Подготавливаются к печати русский этнографический атлас и среднеазиатский этнографический атлас, печатается этнографический атлас Сибири. Институтом разработан новый метод этнического картографирования.

Наряду с этим М. Г. Левин отметил и значительные пробелы в работе этнографов. Этнография пока не заняла надлежащего места в системе высшего образования. В ряде высших учебных заведений, в том числе и педагогических, отсутствует преподавание этнографии вообще. Съезд должен поднять вопрос о месте этнографии в пре

давании географии. Следует включить в план Географгиза издание работ по этнографии.

Необходимо обратить внимание на тяжелое положение краеведческих музеев. Они плохо обеспечены материально и крайне нуждаются в квалифицированных кадрах. Съезд должен поднять вопрос о развертывании работы краеведческих музеев.

Т.т. Степанов и Уразов в своих выступлениях указывали на игнорирование элементов этнографии при преподавании географии в средней школе и на географических факультетах вузов.

* * *

В резолюции, принятой в завершение работ секции этнографии, отмечены значительные успехи, достигнутые этнографической наукой между I и II съездами Географического общества СССР, и указаны ее существенные недостатки: недостаточность подготовленных этнографических кадров; отсутствие преподавания этнографии на географических факультетах вузов; отставание в публикации этнографических работ; отсутствие этнографической тематики в изданиях Географгиза; неблагоприятное с этнографической работой в краеведческих музеях и отсутствие этнографического музея в Москве — столице нашей многонациональной родины. Особо подчеркнуты недостатки этнографической работы в рамках Географического общества, связанные с ослаблением связи между этнографами и географами. Необходимо усилить работу отделения этнографии Географического общества в Ленинграде и создать такое же отделение в Москве, установить связь с этнографами на местах и создать местные этнографические секции.

Секция этнографии внесла на обсуждение Пленума съезда вопрос о восстановлении преподавания этнографии (с элементами антропологии) на географических факультетах университетов и педагогических институтов и вопрос о включении этнографической тематики в план Географгиза.

В резолюции отмечено, что важнейшими вопросами этнографической работы в рамках Географического общества СССР в ближайшие годы являются:

- 1) изучение социалистической культуры и быта народов Советского Союза;
- 2) изучение этнического и национального состава отдельных территорий Советского Союза; освещение вопросов формирования социалистических наций и народностей; разработка вопросов этнической картографии;
- 3) разработка вопросов этногенеза и этнической истории, а также вопросов антропологии, связанных с географией;
- 4) изучение и использование наследства русской этнографической науки, в частности трудов этнографов РГО в XIX—XX вв.;
- 5) планирование и организация этнографических экспедиций силами местных филиалов и отделов Географического общества, освещение вопросов этнографии на страницах его «Известий»;
- 6) дальнейшее укрепление связей советских этнографов с этнографами стран народной демократии и других зарубежных стран (в частности, путем книгообмена).

В резолюции выражена просьба к съезду поставить перед правительственными организациями вопрос о восстановлении в Москве этнографического музея.

М. Я. Берзина, Я. Р. Винников

СЕССИИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ИТОГАМ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ РАБОТ 1954 г.

21—26 апреля 1955 г. состоялась научная сессия Отделения исторических наук АН СССР, посвященная итогам археологических и этнографических экспедиций Института истории материальной культуры и Института этнографии за 1954 г.

Открывая сессию, М. Н. Тихомиров отметил, что истекший год ознаменовался значительными успехами: археологи и этнографы работали в разных районах страны, добыли и систематизировали обильный материал по истории и современной культуре народов СССР. Остановившись на краткой характеристике собранных материалов, М. Н. Тихомиров в заключение обратился с приветствием к присутствовавшим на сессии гостям из стран народной демократии — проф. В. Генселю (Польская академия наук), проф. Д. Димитрову (Болгарская академия наук), чл.-корр. Румынской академии наук Г. Штефану. Выступивший с ответным словом директор Ин-та истории материальной культуры Польской академии наук проф. В. Генсель передал присутствующим привет от польских археологов и этнографов и выразил уверенность, что уча-

стие в работах сессии ученых из стран народной демократии послужит укреплению взаимных дружеских связей, являющихся важным звеном в общей борьбе за мир.

В своем докладе «Образование древнерусского государства» Б. А. Рыбаков (ИИМК АН СССР), отметив значительные успехи советских историков и археологов в разрешении сложных вопросов истории древней Руси, указал на необходимость подойти к письменным источникам с новой оценкой, учитывающей не только отдельные сведения, но и общую концепцию автора того или иного источника. Тщательный анализ «Повести временных лет», первоначальный текст которой искажен позднейшими редакциями, позволит установить значительно более раннюю датировку описанных в «Повести» явлений, чем это было принято. Большую помощь окажет сопоставление сведений письменных источников с новейшими археологическими материалами, относящимися к IX—X вв., позволяющими конкретизировать и уточнить наши представления о древней Руси.

А. В. Арциховский (ИИМК), выступивший с докладом «Новгород Великий по археологическим данным», рассказал о материалах, добытых новыми раскопками, позволяющими уточнить расположение отдельных улиц древнего Новгорода, планировку зданий, определить занятия хозяев многих домов. Раскопки показали, что Новгород был не только торговым и административным, но и крупным ремесленным центром. Важным историческим источником являются найденные при раскопках грамоты на бересте, освещающие многие вопросы хозяйства, социальных отношений, культуры и т. д. В заключение докладчик высказал предположение, что береста как материал для письма была широко распространена не только на Руси (о чем свидетельствует находка обрывка такой же берестяной грамоты при раскопках в Смоленске), но и в других странах Европы. Другие находки говорят о широких торговых связях древних новгородцев (например, саманидские монеты и др.), о древнерусской школе (деревянная азбука-дощечка рубежа XIII—XIV вв.), древнерусском зодчестве (деревянная модель здания, резьба).

П. И. Кушнер (Ин-т этнографии АН СССР) сделал доклад о работах Русской этнографической экспедиции, основной задачей которой в 1954 г. было собирание полевых материалов для Русского историко-этнографического атласа. Работа велась тремя отрядами. Первый из них обследовал 22 района центрально-черноземной полосы, проделав маршрут около 5000 км; второй отряд объехал 24 района южных областей РСФСР (7000 км); третий отряд обследовал около 90 пунктов на территории 17 бывших уездов Пермской и Вятской губерний (7000 км). Собранные материалы обеспечивают составление карты распространения отдельных явлений материальной культуры русского населения европейской части СССР в XIX — начале XX в. Вместе с тем полученные сведения используются для составления этнографической характеристики изученных районов и помогают найти решение ряда теоретических вопросов, в частности, вопросов формирования этнического состава населения обследованных территорий.

Н. Н. Чебоксаров (Ин-т этнографии) сообщил об основных итогах работ Прибалтийской этнографо-антропологической экспедиции. Докладчик охарактеризовал собранные материалы по антропологии древнего и современного населения Прибалтики анализ которых позволяет выделить основные расовые типы, участвовавшие в формировании этого населения, и связать их с этнической историей края. Собранные экспедицией этнографические материалы также имеют большое значение для разработки нерешенных вопросов этнической истории Прибалтики. Изучение этих материалов показало глубокую хозяйственно-культурную общность народов Прибалтики с соседним славянским населением и вместе с тем позволило выделить здесь три характерные этнографические подобласти — северную, юго-восточную и юго-западную, прослеживающиеся при анализе основных элементов материальной культуры населения.

В своем докладе «Археологические работы на Дальнем Востоке» А. П. Окладников (ИИМК) сообщил о задачах, стоящих перед организованной в 1953 г. Дальневосточной археологической экспедицией — дать возможно более полную картину прошлого народов Дальнего Востока, выявить их взаимные связи и истоки их культуры. В 1954 г. работы велись несколькими отрядами. Первый из них, производивший разведочные работы в бассейне верхнего Амура, собрал обильный материал, позволяющий дать предварительную характеристику древних местных племен в палеолитическую и неолитическую эпоху и их этногенетических связей с племенами Прибалтики, Якутии и отчасти нижнего Амура. Второй отряд вел работы в Приморском крае, третий — изучал древние поселения на юге Сахалина, четвертый — раскапывал открытые А. П. Окладниковым в Посетском районе неолитические поселения. Еще один отряд осуществлял раскопки древних землянок вблизи Анадыря, повидному, при надлежавших предкам чукчей.

Г. Ф. Дебец (Ин-т этнографии) прочел доклад «Новые палеантропологические находки каменного века на территории Русской равнины». До последнего времени, считал докладчик, считалось установленным, что в неолитическое и энеолитическое время на этой территории был широко распространен кроманьонский тип. Предполагалось, что он был характерен и для предшествующих эпох. Однако находка в 1954 г. А. Н. Рогачевым на стоянке Костенки XIV скелета позднепалеолитического времени характеризующегося некоторыми негро-австралоидными чертами, противоречит нашим прежним представлениям. Сходные черты обнаружены в двух из семи черепов, добытых при раскопках В. Н. Даниленко Волошского могильника близ Днепрпетровск

остальные пять черепов находят себе аналогии в типе мезолитических и неолитических черепов из Восточной Африки и в относящемся к более позднему времени краниологическом материале из Закавказья и Средней Азии. Все эти новые находки свидетельствуют о большой сложности антропологического состава древнего населения Русской равнины и об участии в нем элементов южного происхождения.

С. П. Толстов (Ин-т этнографии) в докладе «Новые работы в Хорезме» сообщил собравшимся о полевых исследованиях, проведенных в 1954 г. Хорезмской археолого-этнографической экспедицией. Основным объектом раскопочных работ были развалины крепости Кой-Крылган-кала. Работы 1954 г. дали богатый материал, позволяющий с новых сторон осветить историю памятника, уточнить характер планировки и назначение отдельных помещений, обогатить наши представления об изобразительном искусстве древних хорезмийцев. Большой интерес представляют найденные фрагменты скульптуры, а также многоцветной стеной росписи. «Миниатюрные фрески» Кой-Крылган-калы, предположительно датируемые I в. н. э., являются наиболее древними из известных нам пока образцов хорезмийской античной живописи. На правобережье Аму-Дарьи проводились также рекогносцировочные раскопки на античном памятнике Базар-кала. Продолжалось начатое ранее исследование древней гидрологической сети в дельте Акча-Дарьи и расположенных там памятников. Большой интерес для этнической истории древнего Хорезма представляет открытие могильника бронзового века, содержащего обильный костный и археологический материал. Одновременно с указанными работами отрядом под руководством Е. Е. Неразик велись археологические исследования памятников афригидского времени (VII—VIII вв. н. э.) в районе Кырк-кызского канала; начаты раскопки самого крупного из этих памятников — крепости Беркут-кала.

Этнографический отряд под руководством Т. А. Жданко продолжал начатое ранее изучение культуры и быта колхозников на вновь освоенных землях древнего орошения в районе Кырк-кыза. Узбекский этнографический отряд (руководитель Г. П. Снезарев), работавший в селениях Хивинского оазиса и в окрестностях Куня-Ургенча, собирал материал по пережиткам древних доисламских верований и исследовал вопрос о роли религии в современном быту узбекского крестьянства и о причинах устойчивости некоторых религиозных обрядов и обычаев. Собранные материалы представляют большой интерес для реконструкции религиозных представлений древних хорезмийцев.

На левом берегу Аму-Дарьи велись раскопки городища Кюзели-гыр, давшие много ценного материала по истории этого памятника. В результате раскопок одного из кварталов добыт обильный материал для характеристики гончарного производства античного Хорезма кангюйского и кушанского времени. Одновременно продолжались работы археолого-топографического отряда по инструментальной съемке городища и уточнению карты древней ирригации этого района. Этнографический отряд (руководитель Т. А. Жданко) проводил в Кара-Узянском и Кегейлинском районах изучение водо-земельной общины XIX — начала XX в. и народного орнамента каракалпаков.

По окончании стационарных работ на Кюзели-гыре начали работать три новых рекогносцировочных отряда. Один из них вел исследование древних ирригационных систем на Сарыкамыше, Даудане и Дарьялыке. Большой интерес для истории гидрографической сети представляет открытие крупного античного поселения близ низовьев среднего Даудана и античной ирригации близ Канга-калы. Другой отряд, под руководством Ю. А. Рапопорта, продолжал рекогносцировочные раскопки погребальной башни кангюйского городища Айбугир-кала I. Третий отряд под руководством М. А. Игиной провел маршрут на верблюдах, исследуя отрезок Узбоя между урочищами Куртыш и Янаджа. Добытые материалы показали, что на обследованном участке превалирует неолитическая верхнеузбойская культура, наиболее ранний вариант которой представлен, по видимому, инвентарем Куртышских стоянок. Существенное значение имеет открытие Узбойским отрядом развалин древнего укрепления близ колодцев В. Игды, датируемого IV—V вв. н. э. Открытие этой крепости является еще одним аргументом в пользу предположения о высоком в то время уровне воды в Сарыкамышском озере и о возможном кратковременном прорыве амударьинских вод в Сарыкамыш и Узбой.

Этнографический отряд под руководством Г. П. Васильевой проводил обследование живущей в Чарджоуской области ТССР и в Каракумском районе УзССР группы туркмен, принадлежавших к племени хыдыр-эли. Результаты этого обследования подтверждают предположение о том, что хыдыр-элинцы являются потомками упоминаемого Абульгази племени хызр-или, обитавшего в средние века на Сарыкамыше и Узбое.

* *
*

Вслед за сессией Отделения исторических наук, 23—26 апреля, состоялась сессия Института этнографии и Института истории материальной культуры, посвященные итогам полевых исследований истекшего года (заседания ряда секций обоих Институтів велись совместно). Сессия Института этнографии открылась докладом Г. Ф. Дебеца «Некоторые проблемы происхождения киргизов в свете работ Киргизской археолого-этнографической экспедиции». Охарактеризовав данные, полученные в результате антропологических, этнографических и археологических работ экспедиции, докладчик сообщил, что итоги этих работ приводят к выводу о значительном преобладании цен-

тральноазиатских элементов в процессе образования киргизского народа. Можно предположить, что киргизский народ в основном сложился на территории современной Синьцзяна или Западной Монголии и что переселение киргизов на территорию их временного обитания произошло не ранее конца I тысячелетия н. э.

А. К. Писарчик (Ин-т истории, археологии и этнографии АН ТаджССР) сообщила о работах Гармской этнографической экспедиции В 1954 г. работы велись тремя отрядами. Дарвазским этнографическим отрядом собран большой материал о населении, его занятиях, материальной и духовной культуре. Дарвазским искусствоведческим отрядом собран материал по народному театру, песням, танцам, играм и развлечениям. Джиргитальский этнографический отряд изучал смешанное киргизско-таджикское население района. Установлена двуязычность населения и сильное взаимное влияние культуры обоих народов.

24—25 апреля заседания велись по секциям.

Славяно-русская секция

На заседаниях секции было прослушано 12 докладов об этнографическом изучении русского, украинского и белорусского народов. В работе секции приняли участие сотрудники Института этнографии АН СССР, академий наук Украинской и Белорусской республик, представители Московского государственного университета, Государственного музея этнографии народов СССР, Государственного Исторического музея и других научных учреждений страны. Секция отметила успешную экспедиционную работу по сбору материалов для Русского историко-этнографического атласа, проведенную в 1954 г. Северо-восточным, Орловско-Курским и Южным отрядами Русской экспедиции Института этнографии АН СССР.

Итоги работы Северо-восточного отряда были доложены Г. С. Масловой. Отряд обследовал ряд сел и некоторые заводские поселки Молоотовской, Кировской и Свердловской областей. Анализ собранных материалов позволяет установить распространение на обследованной территории различных форм жилища, одежды, сельскохозяйственных орудий и других явлений материальной культуры и проливает свет на историю формирования русского населения этих областей.

Работа второго отряда Русской экспедиции, обследовавшего ряд районов Орловской, Курской, Белгородской и Липецкой областей, была освещена в докладе О. А. Ганцкой и Н. И. Лебедевой. Материалы Орловско-Курского отряда свидетельствуют о том, что материальная культура населения обследованных областей в целом типично великорусская, с преобладанием южновеликорусской специфики, но отличается в разных районах частными особенностями. Древние реликты, обнаруженные в материальной культуре населения, дали возможность Н. И. Лебедевой высказать предположение, что после татарских набегов южная окраина Московского государства не представляла собой сплошь «дикого поля», так как в ней сохранялись уцелевшие от набегов русские селения со старожильческим населением.

Результаты работы Южного отряда Русской экспедиции были доложены Л. Н. Чижиковой и М. Н. Шмелевой. Маршрут отряда охватил главным образом районы расселения донского казачества, частично были изучены также районы, заселенные кубанскими и терскими казаками. В формировании населения обследованной территории принимали участие различные группы русского народа, а также украинцы и народы причерноморских степей. С определенными этническими традициями, установленными при обследовании, связаны локальные особенности в материальной культуре казаков. Вместе с тем казачество обследованных районов представляет собой своеобразную группу русского народа, имеющую многие черты общности в материальной культуре и быте, что особенно четко прослеживается в одежде и жилище конца XIX — начала XX в.

В прениях по докладам отрядов Русской экспедиции было признано научное значение выполненной работы и высказано пожелание о более тесной связи этнографических исследований русского народа с археологическими и лингвистическими исследованиями.

Большой интерес вызвало сообщение М. Я. Гринблата о Гродненско-Полоцкой экспедиции АН БССР в 1954 г. Экспедиция собрала материалы, имеющие важное значение для решения вопросов этнической истории белорусского народа. По материалам экспедиции можно установить, какие группы ранее иноязычного населения вошли в белорусскую народность в процессе ее формирования. Славяно-русская секция рекомендовала Институту истории, этнографии и народного творчества АН БССР, проводящему в настоящее время этнографические исследования по этногенезу белорусского народа, установить более тесную связь с историко-этнографическими и лингвистическими учреждениями АН Литовской ССР, поскольку выяснилось, что в пограничных зонах Белоруссии в прошлом имелись большие группы балтийских народностей и этническая история белорусского народа связана с судьбами этих групп. Желательно также установление связи с польскими учеными.

Доклады об изучении культуры и быта колхозного крестьянства и рабочего класса на Украине были сделаны научными сотрудниками АН УССР (Киев) и ее филиала (Львов).

Г. Е. Стельмах сообщил о некоторых итогах Вольнской экспедиции (Борки и другие села Вольнской обл.). В своем докладе Г. Е. Стельмах остановился на при-

менении посемейных карточек при сборе этнографических материалов, а также подчеркнул особое внимание, которое уделяли участники экспедиции выяснению истории того или иного явления крестьянского быта.

Одной из задач Волынской экспедиции являлся сбор материалов по домашним промыслам, широко распространенным в дооктябрьское время в быту крестьян села Борки. С докладом о домашних промыслах выступила Л. П. Шевченко.

В докладе И. Ф. Симоненко был рассмотрен опыт использования статистики при изучении быта колхозного крестьянства западных областей Украины, осуществлявшемся сотрудниками Украинского государственного музея этнографии и художественного промысла. При проведении полевой этнографической работы ими было уделено большое внимание заполнению посемейных карточек, на основе которых были составлены статистические данные (о составе колхозных семей, их культурном уровне и т. п.). Однако, как отмечалось в прениях, полученные материалы следовало подвергнуть более полной обработке и не спешить с выводами.

Сообщение А. С. Куницкого было посвящено показу некоторых особенностей современного жилища украинских рабочих. Докладчик использовал материалы, собранные в 1954 — начале 1955 г. в г. Сталино, а также сведения, полученные ранее в Днепропетровске, Днепродзержинске, Львове, Ворошиловграде и других горздах. К сожалению, как указывалось в прениях, А. С. Куницкий, оперировавший интересным материалом, недостаточно учел, что жилище является бытовым комплексом, и поэтому не всегда мог достаточно ясно выявить зависимость развития жилища от изменений, происходящих в быту рабочих семей.

С большим вниманием был прослушан доклад М. Т. Ломовой об изучении культуры и быта рабочих металлургического завода им. Сталина в г. Сталино (б. Юзовский завод). В этой работе сотрудники Украинского государственного музея этнографии и художественного промысла использовали разнообразные методы сбора материалов. М. Т. Ломова провела посемейную перепись среди рабочих г. Сталино, что дало чрезвычайно ценный статистический материал по быту рабочих семей.

Доклады и развернувшиеся по докладам прения показали, что проведение сплошного посемейного обследования для изучения важнейших явлений советской культуры и быта как рабочих, так и крестьян, стало широко применяться украинскими этнографами и дало ценные результаты. Секция отметила успехи украинских этнографов в изучении быта рабочих.

Научные сотрудники Государственного музея этнографии народов СССР сообщили об экспедиционных работах Музея в городах Сормова и Иванова. Доклад Е. Н. Студенецкой содержал интересные данные, характеризующие быт сормовских рабочих, их семейные отношения и материальную культуру в дореволюционном прошлом. Е. Н. Студенецкая указала, в частности, что в городском доме, в отличие от сельского, развитая планировка с тремя и более комнатами ничего сама по себе не говорит о зажиточности или благоприятных жилищных условиях обитателей этого дома в дореволюционном прошлом, так как в таком доме могла жить не одна, а несколько рабочих семей, снимавших зачастую даже не комнаты, а только углы.

Некоторые черты дореволюционного быта рабочих-текстильщиков города Иванова были показаны в докладе С. А. Павлоцкой.

Секция признала, что исследования культуры и быта рабочих Сормова и Иванова, проведенные в 1954 г. Государственным музеем этнографии народов СССР, значительно дополнили имеющиеся этнографические сведения о русском рабочем классе.

Балтийская секция

В отличие от прошлого года в программу Балтийской секции были включены лишь этнографические и антропологические доклады, — археологи Прибалтики отчитывались о своей полевой работе на секциях Института истории материальной культуры. Такую организацию работы секций следует признать неудачной: общность проблем, совместно разрешаемых археологами и этнографами, предполагает их взаимную заинтересованность в ознакомлении с новыми материалами. Состоявшееся еще в 1954 г. решение Бюро Отделения исторических наук АН СССР о реорганизации Балтийской антрополого-этнографической экспедиции в комплексную объединенную экспедицию, включающую и широкие археологические исследования, тем более обуславливает проведение совместных заседаний секций.

Балтийская этнографическая секция провела два заседания, на которых было заслушано 8 докладов и сообщений. Некоторые доклады (Л. Н. Терентьева, В. К. Жилена) носили обзорный характер; другие доклады и сообщения были посвящены изложению материалов по какой-либо одной теме.

Начальник Латвийского отряда экспедиции Л. Н. Терентьева в своем докладе уделила большое внимание вопросам организации и методики полевых работ. В текущем году отряд был значительно полнее по своему составу. Кроме сотрудников и аспирантов Института этнографии АН СССР, в его составе работали два научных сотрудника Института этнографии и фольклора АН ЛатССР, а также сотрудник Бривдабас-музея. Существенную помощь оказали научные сотрудники местных краеведческих музеев, включавшиеся в маршрут отряда в пределах радиуса деятельности данного музея, а также учителя. Отрядом были проведены маршрутные обслед-

дования на территории четырнадцати районов республики, из них особенно полно в девяти районах. Наибольший интерес представляют материалы, собранные в западной части Курземе (Дундагский, Вентспилский, Алеунгский и Лиепайский районы), а также в северо-западной части Видземе (Руйенский и Алойский районы), по которым материалы раньше или совсем отсутствовали (Дундага, Руйене) или были мало удовлетворительными. Как и в предыдущие годы, близ границы с Эстонской ССР (Руйенский район) отряд встретился с Эстонским отрядом и совместно провел некоторые работы вдоль границы обеих республик. Равным образом была осуществлена встреча Латвийского и Литовского отрядов и проведены совместные работы в пограничной полосе этих республик.

Отряд проводил исследования по трем темам: крестьянские поселения и жилища, народная одежда, традиционные сельскохозяйственные орудия. Докладчик специально остановился на результатах работы по первой из этих тем, отметив, что собранные отрядом материалы позволяют с большой точностью картографировать распространение типов крестьянского жилища в западных и северных районах Латвии, а также в известной мере восстановить ход развития этих типов.

О результатах работы Латвийского отряда по сбору материалов о сельскохозяйственных орудиях и одежде рассказали в своих сообщениях аспиранты Института этнографии АН СССР И. А. Лейнесааре и М. К. Слава. Будучи до поступления в аспирантуру научными сотрудниками Института этнографии и фольклора АН ЛатССР и работая там по этим же темам, они не только использовали в своих сообщениях полевые материалы, собранные в истекшем году, но и привлекли для сравнения накопленные ими ранее данные. И. А. Лейнесааре были продемонстрированы составленные ею карты распространения в Латвии типов традиционных сельскохозяйственных орудий. М. К. Слава сосредоточила свое внимание на особенностях традиционной женской одежды в приморских районах ЛатССР.

В. К. Жиленас в своем докладе ознакомил собравшихся с работой Литовского отряда экспедиции. Основные полевые работы проводились в юго-западной части Литвы — в Занеманье и в северо-западной части Жемайтии, преимущественно по побережью Балтийского моря. В этнографическом отношении Занеманье являлось наименее изученной территорией Литвы. Полевые исследования истекшего года показали, что наряду с чертами в материальной культуре, сближающими Занеманье с западными районами Литвы, здесь обнаруживаются и специфические особенности, позволяющие выделить эту территорию в особую этнографическую область. Прослеживая указанные особенности по материалам жилища, В. К. Жиленас пришел к выводу о наличии на территории Литвы не двух, как считалось ранее, а трех типов жилища, называя в качестве третьего типа дом в Занеманье. Местные отличия обнаружены также в покрое некоторых частей женской одежды, в способе ношения платка, пояса и особенно в технике тканья. В Занеманье зафиксирована сложная техника выделки декоративной ткани для передников (так наз. «кайширина»), нигде более в Литве не известная. Ценный материал собран отрядом по средствам сообщения. Из трех этнографических отрядов Балтийской экспедиции Литовский является единственным, систематически осуществляющим сбор материалов по этой теме. Материалы, собранные в Жемайтии, дополняют и уточняют имевшиеся ранее в распоряжении литовских этнографов данные об этой территории. Следует отметить, что отрядом на протяжении всего маршрута осуществлялся сбор материалов по современному строительству в колхозах.

Результатам полевых исследований Эстонского отряда было посвящено четыре доклада: Н. В. Шлыгина и Л. Х. Кивисаар сообщили о работах Института этнографии АН СССР, Т. М. Паэвере и Л. Б. Треес — о работах Тартуского этнографического музея. В соответствии с маршрутом, разработанным Институтом этнографии совместно с эстонскими этнографами, отряд работал в районах, расположенных в западной, северной, центральной и южной Эстонии (на о-ве Сааремаа и на материке, в Козесском, Харьюском, Пыльтсамасском, Пайреском, Лихулаасском и Обьяском районах). Исследования имели рекогносцировочный характер. Н. В. Шлыгина отметила значительную ценность начатых впервые в 1954 г. сборов материала по эстонским крестьянским поселениям, которыми ранее почти никто не занимался. Сообщенные в ее докладе сведения дают представление о формах и типах поселений в обследованных районах. Собранные материалы свидетельствуют, что в Эстонии, подобно Латвии и Литве, наряду с поселениями крестьян-дворохозяев, имелись отдельные поселки батраков. Примерами последних являются, в частности, поселок бывшего имения Ания (Козесский район) и поселок, выделившийся из деревни Умбуси (Пыльтсамасский район).

Собранные материалы уточняют сведения о локальных отличиях старого эстонского жилища — жилой риги и дают возможность полнее осветить процесс его формирования. Они позволяют также проследить развитие новых форм крестьянского жилища, типичных для начала XX в. Большой интерес представляют исследования на о-ве Сааремаа, где в значительно большей степени, чем на всей остальной территории Эстонии, сохранились традиционные черты материальной культуры, в частности, жилища. В западной части Сааремаа, наряду с жилыми ригами, наличествуют дома с «роовом», аналогичным видземским в Латвии. Вопрос о проникновении сюда этого типа построек требует дополнительных изысканий.

Л. Х. Кивисаар познакомила собравшихся с новыми материалами по традицион-

ным сельскохозяйственным орудиям эстонцев. Привлекая архивные материалы Тартуского музея и литературные данные, она, как и И. А. Лейнесааре, продемонстрировала составленные ею карты распространения типов сельскохозяйственных орудий.

Т. М. Паэвере рассказала о работах в юго-восточной Эстонии, являющихся продолжением полевых исследований Тартуского музея в предыдущие годы. Население этих районов по своему национальному составу смешанное: кроме эстонцев, здесь живут сету и русские, а в сельсоветгах, граничащих с Латвийской ССР, также и латыши. Были прослежены специфические отличия в формах поселений, планировке усадеб и типах жилых и хозяйственных построек, в одних сельсоветах обнаруживающие общие черты с поселениями и постройками соседних русских районов, в других сельсоветах — с латышскими. Прделанная работа приводит к выводу о заимствовании местным эстонским населением этих черт культуры от русских и латышей. Значительное внимание в докладе Т. М. Паэвере было уделено современному быту колхозников, в частности, новому строительству в колхозах и внутреннему убранству жилищ.

Л. Б. Трее сообщила о материалах по одежде, собранных в юго-восточных и северо-восточных районах Эстонии. Полевые исследования по одежде в этих районах ведутся уже не первый год и представляют значительную ценность для выяснения вопросов этнической истории и культурных связей эстонцев с соседними славянскими народами.

М. В. Витов сообщил об итогах антропологических работ на территории Прибалтики за 1952—1954 гг. В истекшем году отряд обследовал девять локальных групп (по 100 человек в каждой) в Эстонской, Латвийской и Литовской ССР. Собранный материал значительно пополнил результаты экспедиций прошлых лет, так как наряду с выделенными раньше антропологическими комплексами (северо-западным, северо-восточным и южным) он позволил выявить еще три: западный, юго-западный и восточный. Западный комплекс антропологических признаков обнаруживается у латышского населения, живущего по берегам Балтийского моря; он близок к северо-западному, но по целому ряду признаков отличается от него в сторону приближения к южным, среднеземноморским (в широком понимании этого термина) формам. Возможно, исходной формой для этого комплекса послужила одна из ранних волн северо-понтийского антропологического типа, проникавшая далеко на север. Учитывая локализацию западного типа в районе Вентспилса, где, по данным Ливонской хроники, были расселены венты, докладчик предполагает, что именно эта этническая группа послужила основой для формирования описываемого типа. При сопоставлении исторического, топонимического и антропологического материала возникает мысль о том, что древние венты являются осколком западнославянской (поморской) группы, оказавшейся в латышском и ливском окружении и постепенно в нем растворившейся.

Юго-западный комплекс характеризуется средним ростом, наибольшим в Прибалтике процентом волнистых волос, более темной, чем в остальных областях, пигментацией волос и глаз, брахикефалией, большей грацильностью в строении черепа, незначительным процентом вогнутых спиннок носа и рядом других признаков. Представители этого типа — юго-западные и частично центральные литовцы и курши Клайпедского района. Аналогии юго-западному комплексу находятся среди брахикефальных, сравнительно темных расовых типов центральноевропейской группы. Восточный комплекс намечается у русских Островского района Псковской области и, возможно, у белорусов Сморгони. Будучи близок северо-восточному комплексу (восточнобалтийский тип), он отличается от последнего несколько меньшими размерами тела, головы и лица и отсутствием легкой монголоидной примеси, свойственной восточнобалтийскому типу. Ближайшей аналогией восточному комплексу служит валдайский антропологический тип — переходный между антропологическим типом древних славян (северопонтийским) и светлым брахикефальным типом дославянского населения европейского севера.

В заслушанных секцией сообщениях получили некоторое освещение этнографические и антропологические исследования, начатые в последние годы в Карело-Финской ССР. До недавнего времени в этой республике этнографическая работа из-за отсутствия специалистов почти не проводилась; еще в большей мере это относится к антропологическим работам. Этнографические и антропологические исследования на территории Карело-Финской ССР начаты в 1953 г. специально организованной экспедицией Московского гос. университета (начальник экспедиции М. В. Витов). В 1954 г. в Карелию направлено два молодых специалиста-этнографа: Р. Тароева и В. Пименов. В своем сообщении Р. Тароева кратко ознакомил с планами этнографической работы, намеченной Карело-Финским филиалом АН СССР на ближайшие годы. М. В. Витов рассказал о двухлетней работе Карельской экспедиции МГУ, собравшей значительный этнографический и антропологический материал. В результате этих исследований написаны две дипломные работы на этнографические темы, одна диалектологическая и одна по антропологии. К сожалению, подчеркнул докладчик, собранные антропологические материалы почти не обработаны, так как Университет не выделяет необходимых для этого людей и средств. Между тем карельские антропологические материалы представляют немалый интерес для решения вопроса о физическом типе населения Прибалтики.

Заслушанные доклады вызвали оживленный обмен мнениями. Секция приняла резолюцию, в которой дана оценка проделанной полевой работы и намечены важнейшие очередные задачи, стоящие перед коллективом Балтийской экспедиции и коллективом, работающим в Карело-Финской ССР.

Секция Средней Азии

На четырех заседаниях секции заслушано 27 докладов по этнографии, археологии и антропологии Средней Азии.

В работе секции, помимо представителей таких крупных комплексных экспедиций, как Южнотуркменистанская, Киргизская, Таджикская, Хорезмская, участвовали сотрудники институтов истории и археологии академий наук Таджикистана, Узбекистана, Туркмении, Казахстана, работники ряда среднеазиатских музеев.

Заседания секции начались серией докладов, посвященных работам археологов Узбекистана. Краткий обзор этих работ был дан В. А. Шишкиным в доклад «Работы Узбекстанской археологической экспедиции АН УзССР в 1954 г.». В составе экспедиции работали четыре отряда: Бухарский, Сурхандарьинский, Кашкадарьинский и Чустский. Бухарский отряд продолжал исследование городища Варахша. В окрестностях городища Пайкент проведено обследование «наусов», содержащих оссуарные захоронения VI—VII вв. н. э. Проведено также обследование двух вновь открытых мазаров (комплекс Шабурган-ата), датируемых XII и XV вв. Кашкадарьинский отряд провел археологические наблюдения на строительстве Иски-Анхорского канала и в зоне проектируемого Чимкурганского водохранилища на р. Кашка-Дары. В районе Чимкурганского водохранилища зафиксировано 16 тепе, датируемых первыми веками — X—XII вв. н. э. В работах экспедиции, помимо АН УзССР, участвовали Узбекский государственный университет (Самарканд), продолжавший исследование верхнепалеолитической пещеры Аман-Кутан, работники Ферганского областного музея, обследовавшие ряд тепе (рубжа н. э.—VI—VIII вв. н. э.) и могильники (V—III вв. до н. э. и первые века н. э.), а также Отдел охраны памятников Управления по делам архитектуры УзССР, проводивший обследование ряда памятников Бухары и Самарканда.

Раскопкам 1954 г. на Чустском поселении был посвящен доклад В. И. Сприщенко. На поселении вскрыты новые полужемлянки; обнаружены остатки наземных жилых построек, видимо, имевших овальную форму и конусовидное перекрытие. О занятии жителей поселения земледелием свидетельствуют находки зерен пшеницы, ячменя и проса, а также каменных серпов, костяных мотыжек. Здесь же обнаружены части ткацкого станка, каменные литейные формы и шлаки, что указывает на местное производство бронзовых орудий. Наибольшее число находок составляет керамика, подавляющим большинством — нерасписанная посуда. Интересно, что в 1954 г. обнаружены фрагменты сосудов, изготовленных на гончарном круге. Сравнивая материалы Чустского поселения с находками из Анау, Хорезма и Ферганы, докладчик предварительно датировал его серединой или концом II тыс. до н. э.

В докладе Б. С. Гамбург и Н. Г. Горбуновой «Раскопки могильников Ферганской области в 1953—1954 гг.» дан обзор археологических работ, проведенных сотрудниками Ферганского краеведческого музея в восточной части области. Большую часть зафиксированных памятников составляют могильники, расположенные в основном по линии предгорий. Хронологически они делятся на три периода. Ко II тыс. до н. э. относится Вадильский могильник, представленный захоронениями в каменных ящиках, отмеченных на поверхности выкладками. Ко второму периоду (V—III вв. до н. э.) относится Актамский могильник, где раскопаны захоронения в грунтовых ямах под округлыми и вытянутыми «длинными» невысокими насыпями и галечника. Судя по инвентарю и ритуалу, этот могильник можно считать памятником племени сако-усунского происхождения. Третий период представлен погребениями катакомбных и подбойных камерах и грунтовых ямах. Для их погребального инвентаря характерны преобладание железных изделий над бронзовыми и керамика, изготовленная на гончарном круге. Эти погребения находят себе аналогии в могильника Ширин-сай, Варух и Боркорбаз и датируются I—IV вв. н. э.

Значительный интерес представляют работы Сурхандарьинского отряда Узбекской археологической экспедиции, о которых сообщил Л. И. Альбаум в докладе «Некоторые результаты археологического изучения Ангорской группы памятников в 1953—1954 гг. и росписи Балалык-тепе». Отрядом проведены раскопки двух городищ III—II вв. до н. э.—VII в. н. э.—Зар-тепе и Хайрабад-тепе, расположенных в 26—30 км к северо-западу от Термеза. Особое внимание привлекает поселение Балалык-тепе где раскопано 14 комнат. Стены одного из западных помещений покрыты росписями несколько более ранними, чем варахшинские. Открытие росписей на территории Северной Бактрии является новым вкладом в изучение художественной культуры народов Средней Азии и должно помочь выявлению культурных связей между Синьцзяном Средней Азией и сасанидским Ираном. В результате работ отряда создана предварительная периодизация археологических памятников Ангорского района, охватывающая время от III в. до н. э. по XII в. н. э.

Затем был прослушан доклад Б. Х. Кармышевой «Некоторые новые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана», посвященный анализу происхождения некоторых групп населения Сурхан-Дарьинской и Кашка-Дарьинской областей. Б. Х. Кармышева выделила здесь: 1) группу узбеков Байсунских и Куштанских гор и Каршинской степи, отличающихся от соседнего населения рядом культурно-бытовых особенностей; название «узбек» употребляется здесь в узком смысле — так, как его понимали в XVI—XVII вв., обозначая дештыкпчакских полукочевых узбеков; 2) единую в культурно-бытовом отношении группу, называемую тад-

жиками, хотя многие ее представители говорят только по-узбекски; «таджиками» имеют здесь исконное оседлое земледельческое население, так же как в Сурхан-Дарьинской области его называют «чагатаями» — в применении как к тюркоязычному, так и к ираноязычному населению; 3) группу, объединяющую тех, кто не считается ни настоящими таджиками, ни настоящими узбеками; часто их называют еще по имени рода (тюрк, карлук) или термином «аймак» (Кайсанский район Кашка-Дарьинской обл.). Это, вероятно, потомки тех тюркоязычных народов и племен, которые поселились в местах нынешнего обитания раньше, чем дештикыпчакские узбеки. Последняя группа особенно сложна по своему происхождению и культуре.

Итогом полевых работ Таджикской археологической экспедиции в 1954 г. был посвящен доклад А. М. Беленицкого. В составе экспедиции работали пять отрядов: Пенджикентский, Хуттальский, Ворухский, Ходжентский и Каратегинский. Первый из них продолжал раскопки городища древнего Пенджикента, причем работы были ограничены территорией шахристана. Создается впечатление, сказал докладчик, что город делился по социальному признаку на две части: восточную, где жили представители трудовых слоев населения, и западную.

Каратегинским отрядом начато планомерное археологическое обследование Гармской области.

Б. А. Литвинский доложил о работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (Хуттальский и Ворухский отряды Таджикской экспедиции). Хуттальский отряд продолжал раскопки городища Кухна-кала (III в. до н. э.), расположенного близ г. Ворошиловабада Сталинабадской области, и начал раскопки на городище Кум-тепе (I в. до н. э.—I в. н. э.), находившемся неподалеку от первого. Раскопки обоих памятников дали обильные находки керамики, бронзовых изделий, украшений и т. д. Удалось сделать много наблюдений в области строительного дела и особенно древней фортификации. Ворухский отряд производил раскопки курганного могильника у сел. Ворух, где работы велись еще в 1952 г. Вскрытие 33 курганов дало обильный и разносторонний материал, характеризующий культуру кочевого населения северного Таджикистана в первые века н. э. Полностью выяснены устройство могильного сооружения и весь обряд захоронения. Получен антропологический материал хорошей сохранности. Предварительный анализ добытого археологического материала свидетельствует о тесных взаимоотношениях кочевников с местным оседлым населением, а также о связях их с кочевыми племенами таких отдаленных областей, как Поволжье и Южная Сибирь.

Об археологических работах в Ленинабаде (Ходженте) в 1954 г. сообщил Н. Негматов. Шурф внутри Ходжентского цитадели дал двухметровый культурный слой, содержащий керамику первых веков до н. э., что позволяет поставить вопрос о существовании здесь античного поселения, которое, вероятно, может быть идентифицировано с Александрией Дальней письменных источников. Ряд шурфов в центре города и на цитадели дал материал, позволяющий проследить жизнь города с конца VIII по XIX вв. Для восстановления истории города в XVII—XIX вв. помимо археологических были проведены этнографические работы. Отряд провел также археологическое обследование в Ленинабадском районе, зафиксировав ряд античных и средневековых памятников.

О находках монет в Таджикистане в 1953—1954 гг. сообщила Е. А. Давидович. Подчеркнув, что обширный нумизматический материал разных эпох, собранный не только в Таджикистане, но и на территории Средней Азии в целом, может служить одним из важнейших исторических источников, докладчик призвал институты республиканских академий ежегодно проводить регистрацию монетных находок и публикацию их списков.

В докладе О. И. Смирновой о новых находках монет в Пенджикенте дан анализ большой коллекции монет, подтверждающий, с одной стороны, наличие здесь местного чекана, с другой, дающий возможность уточнить хронологические периоды жизни города, выделяемые по археологическим материалам. В частности, монетные находки дают возможность предположить, что Пенджикент был основан на месте позднеантичного поселения.

Серию докладов, посвященных работам прошедшего года в южной Туркмении, открыл В. М. Массон, сообщивший о работах XIV отряда ЮТАКЭ. Отрядом велось исследование древнемаргианских памятников, расположенных в дельте Мургаба, в северной части мервских земель древнего орошения, вне пределов современного оазиса. Обследовано 16 памятников, давших материал эпохи Анау IV, и проведены раскопки на поселениях Тахирбай 3 и Яз-тепе. Раскопки на Яз-тепе дополнили работы Б. А. Куфтина по стратиграфии памятников прикопетдагской полосы в эпоху неолита и развитой бронзы. С другой стороны, они дают возможность подойти к проблеме становления на этих территориях классового общества.

Доклад Г. А. Пугаченковой «Маргианская богиня» был посвящен анализу терракот древнего Мерва, добытых во время работ ЮТАКЭ. Мервские терракоты показывают, что в эпоху развитых рабовладельческих отношений в Парфянском царстве наряду с официально принятым зороастризмом в местной народной среде стойко держался культ Великой маргианской богини.

С. А. Ершов сделал доклад о раскопках Байрамалийского могильника, представляющего собой три огромных науса, каждый из которых содержит множество

оссуарных захоронений. Раскопки одного из наусов дали обильный антропологический материал и выявили некоторые новые черты зороастрийского погребального обряда. По монетным и керамическим находкам могильник может быть датирован V—VI вв. н. э.

В докладе А. Х. Маргулана были подведены некоторые итоги изучения новых памятников эпохи бронзы в центральном Казахстане. Докладчик дал периодизацию памятников этого времени по этапам, основываясь на материалах погребения Доандроновский этап, датруемый II тысячелетием до н. э., характеризуется преобладанием микролитических орудий и лишь появлением орудий из меди или бронзы. Керамическое тесто содержит примесь толченых раковин. Андроновская культура (XVIII—XII вв. до н. э.) делится на два этапа. Ранний ее этап (XVIII—XV вв. до н. э.) характерен скорченными погребениями в прямоугольных грунтовых ямах, отмеченных на поверхности каменным кольцом. Встречается трупосожжение. Сосуды баночного типа, орнамент нанесен гладким штампом. Очень много бронзовых бляшек. Завершающий этап андроновской культуры (XV—XII вв. до н. э.) характеризуется прежде всего наличием крупных могильников (от 70 до 500 погребений в каждом). Многообразны формы наземных сооружений, среди которых есть многокамерные усыпальницы большой патриархальной семьи. Встречаются двухэтажные камеры облицованные гранитными плитами. Инвентарь погребений представлен керамикой, орудиями из бронзы, украшениями из золота, цветного камня и т. д. В это время происходит выделение и образование территориальных племенных групп, что способствовало дифференциации андроновской культуры и появлению новой культуры — Дандыбай-Бегазы. Последняя делится на Аксу-Аюлинский этап (XII—XI вв. до н. э.), Дандыбаевский (XI—X вв. до н. э.) и Бегазинский (IX—VIII вв. до н. э.).

Работам Восточноказахстанской экспедиции 1954 г. был посвящен доклад С. С. Черникова. Экспедиция вела работы тремя отрядами в зоне затопления Буларминской ГЭС. У дер. Пещеры закончены раскопки кратковременного стоянща и неолитических охотников. Сделанные находки позволяют отнести его к кругу памятников сибирского палеолита. В культурном слое неолитического поселения Усть-Нары найдено множество кремневых орудий и керамика с линейным орнаментом, целиком покрывающим тулово сосуда. Инвентарь такого типа до сих пор в Казахстане не встречался. Найденные наконечники стрел находят себе аналогию в верхних слоях Дабельской пещеры (Туркмения). Поселение датируется второй половиной III тысячелетия до н. э. Были также раскопаны два андроновских поселения: одно близ аула Кан, другое у дер. Трушниково. Раскопанные курганы относятся к разным хронологическим этапам — два из них к майэмрскому этапу (VII—V вв. до н. э.), большинство же к кулажуринской культуре (III в. до н. э.—I—II вв. н. э.). Наиболее ранние курганы у дер. Славянка — характеризуются погребениями в каменных ящиках. Иногда в ящиках встречаются захоронения коня. Более поздние курганы, у пос. Пчела, без ящика. Для тюркских курганов VIII—X вв. н. э. характерны погребения с конем под камной насыпью. Погребальный инвентарь состоит из оружия, украшений, конского снаряжения. Особенно богатым оказался курган № 4, у пос. Юпитер. Здесь в подбое рядом лошадию лежал скелет мужчины европеоидного (андроновского) типа; в ногах найдены остатки одежды из китайского шелка. По предположению С. С. Черника это курганы кимаков, населявших Восточный Казахстан в VIII—X вв. н. э.

Ряд докладов был посвящен работам Киргизской комплексной экспедиции. Тяньшанский археологический отряд, как сообщил А. К. Кибиров, продолжал раскопки курганов древних кочевников и параллельно вел археологическое обследование правобережья р. Нарын и течения р. Каракол. В результате обнаружены археологические памятники, датруемые III в. до н. э.—XII в. н. э. Наиболее многочисленным широко распространенными оказались курганы усуней, живших в центральном Тяньшане с III в. до н. э. по VI в. н. э. Вторую группу вскрытых курганов составляют катакомбно-подбойные погребения первой половины I тысячелетия до н. э. К третьей группе относятся курганы тюркского времени (VI—IX вв.) и, наконец, к четвертой погребения в камерах из сырцового кирпича, датруемые IX—XI вв.

По сообщению Ю. А. Заднепровского, Южнокиргизский отряд экспедиции вел раскопки Дальверзинского селища, где была обнаружена расписная керамика чирчикского типа. Наиболее вероятная дата этой культуры — рубеж II—I тысячелетия до н. э. Чуст и Дальверзин — наиболее древние поселения оседлоземледельческого населения Ферганской долины, очевидно, связанные с кругом культур анауского типа. Работами на территории средневекового Узгена установлено, что наиболее ранней является центральное городище; в основе средневекового города лежит, вероятно, большое античное поселение, о чем свидетельствуют находки кушанской керамики. Наиболее ранние слои средневекового Узгена датируются XI — началом XIII в. Это заставляет пересмотреть вопрос об отождествлении Узгена с древним городом Ютайских хроник.

Доклад Ю. Д. Баруздина был посвящен производившимся Ошским краеведческим музеем раскопкам Карабулакского могильника, датруемого первой половиной I тысячелетия н. э.

С. М. Абрамзон сообщил о предварительных итогах полевых этнографических исследований в Тяньшанской, Фрунзенской и Таласской областях Киргизии. Отряд сетил в 1954 г. 22 района, протяженность маршрута составила около 6 тыс. км. В результате историко-этнографического обследования названных областей, а также

сык-Кульской области, посещенной в 1953 г., составлена схематическая карта расселения этнографических групп киргизского населения северных областей республики. Собранные отрядом материалы характеризуют этническую историю обследованных групп, тесно связанную с историей соседних племен и народностей (казахов, узбеков, западно-монгольских племен и других). Выявлена значительная сложность этнического состава некоторых крупных групп киргизского населения, складывавшихся на протяжении многих столетий из весьма разнородных по своему происхождению этнических элементов. Впервые установлена новая линия исторических и этнических связей некоторых киргизских племен — связей, ведущих на запад и северо-запад. Анализ имеющихся материалов позволяет предварительно наметить этнографические группы, которые могли составлять первоначальное этническое ядро киргизской народности.

Итогам двухлетней работы по сбору данных для этнографической карты южной Киргизии было посвящено выступление Я. Р. Винникова. В результате проведенных исследований составлены (по методу этнических территорий) карта расселения родоплеменных групп киргизов до революции и карта современного расселения народов и этнографических групп в селениях Джалал-Абадской и Ошской областей Киргизской ССР. Попутно собирались генеалогические предания об отдельных родовых группах киргизов, что позволило составить 22 таблицы структуры крупных родовых групп.

Ряд докладов был посвящен работам Хорезмской экспедиции. О работах ее Узбойского отряда сообщила М. А. Итина. Отряд продолжил начатое в предыдущие годы археологическое обследование русла Узбой. В 1954 г. был пройден участок русла от Куртыш-баба до оврага Кара-чай. Наиболее ранние из обнаруженных памятников датируются эпохой неолита. На участке Куртыш — Ак-яйла, на левом берегу, вдоль границы песков найдено скопление неолитических стоянок, время существования которых связано, вероятно, с первоначальным этапом существования Узбой, когда в этом месте было большое озеровидное расширение. Кремневый инвентарь стоянок представлял типичными верхнеузбойскими комплексами. В районе кол. Яныджа обнаружены стоянки, где наряду с преобладающими орудиями верхнеузбойского типа встречаются и нижнеузбойские. В районе кол. Яныджа найдены две стоянки с лепной «варварской» керамикой. Одна из этих стоянок располагалась на низкой, затопляемой части берега: видимо, в начале I тысячелетия до н. э. терраса эта уже не затоплялась и Узбой представлял собой цепь остаточных озер. Большой интерес представляет открытие древнего укрепления близ урочища В. Игды, которое предварительно датируется С. П. Толстовым IV в. н. э.

Доклад о гончарном производстве античного Хорезма сделала М. Г. Воробьева. Собран материал с 14 гончарных печей, расположенных на памятниках: Кюзели-гыр, Базар-кала, Калалы-гыр, на городищах, уже заброшенных в период постройки печей. Работы по изучению гончарных печей античного Хорезма позволили выяснить ряд моментов, характерных для ремесленного керамического производства того времени.

Отдельным вопросом, связанным с архитектурной реконструкцией памятника кангуйского времени — крепости Кой-Крылган-кала, был посвящен доклад М. С. Лапирова - Скобло.

Т. А. Трофимова выступила с докладом о предварительных результатах антропологического изучения краниологического материала, добытого Хорезмской экспедицией при раскопках могильника Кокча 3. Черепа данной серии могут быть охарактеризованы как европеоидные с мезогнатным строением лица; их можно сопоставить с древними формами средиземноморского типа с территории Передней Азии, относящимися к эпохе бронзы. Из отдельных находок, сделанных в Средней Азии, можно сопоставить с данной серией два черепа бронзовой эпохи (из Туп-хопа и с оз. Заман-баба) и два черепа из пещеры Хоту (мазандеранская культура). Для окончательного решения вопроса о происхождении населения, похороненного в могильнике Кокча 3, необходим более широкий сравнительный материал по эпохе бронзы из других среднеазиатских могильников и пополнение материала из Кокча 3.

Секция заслушала ряд сообщений о работе этнографических отрядов Хорезмской экспедиции. Т. А. Жданко в своем докладе об изучении народного орнамента каракалпаков обобщила некоторые итоги исследования многочисленных образцов прикладного декоративного искусства, собранных в течение ряда лет Каракалпакским этнографическим отрядом. В докладе были охарактеризованы основные особенности каракалпакских ковровых изделий, узорчатых кошм, резьбы и росписи по дереву, разнообразных вышивок, демонстрировались таблицы основных типов орнамента, характерных для каждого из этих видов прикладного искусства. Особо было подчеркнуто в докладе значение каракалпакского орнамента как исторического источника. С одной стороны, анализ каракалпакского орнамента при сопоставлении его с орнаментом других народов Средней Азии свидетельствует о тесных историко-культурных связях каракалпаков с туркменами, казахами и частично узбеками — народами, близкими каракалпакам по своему происхождению. С другой стороны, сопоставление орнамента с археологическим материалом дает возможность проследить более глубокие историко-культурные и этнические связи как с древними и средневековыми полукочевыми народами присырдарьинских степей, так и с населением древнего Хорезма, оказывавшим значительное влияние на культуру кочевых и полукочевых племен своей степной периферии.

О работе туркменского этнографического отряда в Чарджоуской области ТССР и Бухарской области УзССР сообщила Г. П. Васильева. Отряд обследовал группы туркмен хыдыр-эли, живущих в поселенных районах. Обследование подтвердило правильность предположения С. П. Толстова о том, что эту группу составляют потомки туркменского земледельческого племени хызр-или, жившего в XV—XVI вв. в район оз. Сарыкамыш и создавшего сложную ирригационную систему по его берегам. Со бранные отрядом предания хыдыр-эли о происхождении их, о приходе из Хорезма районы оз. Каракуль (Бухарская обл.), а затем на берега Аму-Дарьи, их занятия прошлым (земледелие, гончарное производство, рыболовство и т. д.), несомненно, сви детельствуют, что нынешние хыдыр-эли — потомки хызр-или, о которых писал хивин ский историк Абульгази. В настоящее время хыдыр-эли Бухарской и Чарджоуской о ластей по своей культуре не отличаются от окружающего их туркменского и узбекского населения.

Установлено, что между туркменами, живущими в Чарджоуской и Бухарской обл ястях, сохраняются родственные связи, население еще помнит былые родоплеменные о тношения; вместе с тем различные группы населения Чарджоуской области, независимо о их прошлой племенной или этнической принадлежности, осознают себя туркменами, живущие в Бухарской области группы, прежде считавшие себя туркменами, консоли дируются с узбеками.

Г. П. Снесарев сделал сообщение о работе этнографического отряда по изуче нию религиозных и других пережитков в быту узбекского сельского населения Хорезм ского оазиса. Отметив, что социалистическое переустройство быта и культуры узбек ского кишлака резко изменило отношение населения к вопросам религии, что основна я масса населения отошла от религиозной обрядности, докладчик констатировал вместе с тем наличие ряда вредных пережитков, еще сохраняющихся в быту. К ним относятся прежде всего пережитки в области семейного быта и семейных отношений, сохранение в отдельных случаях феодально-байского отношения к женщине, сохранение религиоз ного обряда бракосочетания «никах», а также скрытых форм калыма, браков несовер шеннолетних и т. п. В быту сельского населения повсеместно сохраняется обряд обре зания («суннат-килиш»), зачастую используемый людьми, стремящимися выделить му сульман в некую культурную общность. Изучались также пережитки домусульмански х верований и обрядов: культ мазаров, шаманство (сохраняющееся главным образом сре ди населения Куня-Ургенского района) и др. Обнаружен пережиток, связанный с дре вней религией хорезмийцев — зороастризмом: презрительное отношение к ряду профес сий, считавшихся низкими («паст») и объединявшихся словом «бам» (этимология не выяснена). К числу «бам» относились обмыльщики трупов, мясники, каючники, истоп ники бань, парикмахеры, массажисты и ювелиры. В прежние время представители эти х профессий селились отдельно и не входили в общение с соседним населением. Докла дчик указал на необходимость дальнейшего изучения религиозных пережитков, котор ые может дать много ценного для восстановления исторического прошлого народов Хо резма. Собранные факты указывают также на настоятельную необходимость значи тельно усилить и расширить научно-атеистическую и другие виды пропагандистской работы в колхозах, более решительно и последовательно бороться за окончательное изживание еще бытующих пережитков.

Прослушанные доклады вызвали оживленный обмен мнениями по отдельным во просам, поднятым докладчиками.

Подводя итоги работы секции, председательствующий С. П. Толстов отмети л ее плодотворность, непосредственно обусловленную научной ценностью исследований, проведенных в истекшем году. Многие ранее отставившие участки археологической и этнографической работы в значительной степени перестали быть таковыми. Отрица тельной стороной археологических работ 1954 г. является то, что исследования закан чиваются периодом между ранним и классическим средневековьем; позднее средневе ковье совершенно забыто. Призыв Ташкентского совещания 1954 г. не получил в этом отношении отклика. Лишь два отряда работали по изучению памятников этого времени (Н. Негматов в Ходженте и Хорезмская экспедиция в районе Сарыкамыша). Особенно обидно, что эту эпоху оставила без внимания Киргизская экспедиция: для того чтобы разобраться в вопросах этногенеза киргизского народа, сведения по этому историческому периоду совершенно необходимы. Вообще из-за нашего отставания в изучении средне вековья этнографический материал до сих пор оторван от археологиче ского.

Характеризуя итоги этнографических работ, С. П. Толстов отметил, что этнографы забросили вопросы, связанные с изучением религии как с точки зрения историко-куль турной, так и с точки зрения антирелигиозной борьбы. Доклад Г. П. Снесарева являет ся одним из первых конкретных ответов на призыв ЦК КПСС о развертывании научно атеистической пропаганды. Нужно как можно шире поставить эту проблему, обрати ть на нее внимание и этнографов и археологов.

Секция Кавказа

Работа секции протекала на совместных заседаниях этнографов и археологов. Было заслушано свыше 15 докладов и сообщений археологов, проводивших раскопки на территории Армении, Грузии, Азербайджана, Северной Осетии, Кабарды, Черкессии, Ставропольского и Краснодарского краев. Обсуждение показало, что новые данные,

добытые археологами, явятся ценным вкладом в разработку древнего периода истории народов Кавказа.

Значительный интерес вызвали также доклады кавказоведов-этнографов. Х. А. Хашаев, выступивший с докладом «Некоторые вопросы социальной организации народов Дагестана по материалам экспедиционных исследований последних лет», отметил, что дореволюционная историография рассматривала Дагестан как страну, где господствовали первобытно-общинные отношения. Отдельные советские историки, некритически относясь к этой литературе, также не видели классового деления в горах Дагестана в XIX в. За эту концепцию ухватились буржуазно-националистические элементы, отрицавшие наличие кулачества в Дагестане. Анализ форм земельной собственности и изучение производства в XIX в. дали возможность по-новому осветить эти вопросы, в частности, вопрос о господстве в горах раннефеодальных отношений, переплетавшихся со значительными пережитками родового быта, в то время как на равнине господствовали отношения развитого феодализма. Изучение народного хозяйства горного Дагестана дало возможность внести коррективы в оценку удельного веса его отдельных отраслей; основная масса населения горного Дагестана была занята земледелием, а не животноводством. Значительное место в своем докладе Х. А. Хашаев отвел вопросу о присоединении Дагестана к России, явившемуся важным прогрессивным фактором в развитии производительных сил и производственных отношений у народов Северного Кавказа.

В докладе Б. А. Калоева «К вопросу о национальной консолидации лезгин» рассматривался вопрос о своеобразных условиях консолидации народов и этнографических групп Южного Дагестана (собственно лезгин, табасаранов, агулов, рутульцев, цахуров и других). Исследование показало, что агулы и северные табасараны, издавна находящиеся в тесных экономических и культурных связях с собственно лезгинами, почти в совершенстве владеют языком этого народа, имеют с ним много общего в материальной и духовной культуре. Иная картина наблюдается у рутульцев и цахуров, издавна тяготевших к Азербайджану: здесь знают азербайджанский язык, распространены элементы материальной и духовной культуры азербайджанцев.

В докладе Г. А. Чачашивили «Единая этнографическая выставка Грузии 1954 года» было показано научное и политическое значение этой выставки, явившейся одной из первых подобного рода выставок в стране. Показывая специфику грузинской культуры, ее национальные особенности, выставка в то же время построена на сопоставлении старой и новой культур. Отдельные культурные комплексы даны в их динамике, в историческом разрезе.

В сообщении о полевых работах этнографической группы Института истории АН АрмССР Э. Т. Карапетян отметила, что экспедиция 1954 г. является первой в Армении после 20-летнего перерыва. Все это время сбор этнографического материала не носил систематического характера, материал собирался по отдельным темам во время эпизодических командировок. Естественно, что при этом многие стороны быта армянского крестьянства выпадали из поля зрения этнографов.

Работа экспедиции, состоявшей из двух отрядов (армянского и курдского), протекала в основном в Степанаванском, Талинском и Апаранском районах, различных в этнографическом отношении. Собранный материал дал возможность проследить различия в быту крестьян этих районов, борьбу нового со старым, выявить, какие стороны жизни старого села оказались более живучими, как сохраняются положительные традиции прошлого. Собран значительный материал по семье и семейному быту, жилищу, одежде и другим сторонам культуры и быта колхозного крестьянства Армении. Установлено, что в трех обследованных селах Степанаванского района традиционный крестьянский дом (глахатун) полностью уступил место домам городского типа, причем обычный городской дом претерпел некоторые изменения, вызванные условиями сельской жизни. Коренным образом изменились внутреннее убранство жилищ и утварь, хотя в ряде мест бытует и традиционная утварь. В костюме крестьян этих районов наблюдаются заметные различия. В Апаранском районе еще бытует традиционный национальный костюм, тогда как в других районах из этого костюма сохранился лишь головной убор у отдельных представителей старшего поколения.

* *
*

После окончания работы секций возобновились пленарные заседания Ученого совета. В докладе «Некоторые итоги Дагестанской экспедиции» М. О. Косвен подробно остановился на работе экспедиции, продолжавшейся с 1946 по 1954 г. Докладчик разделил эту работу на два периода. Задача, стоявшая в первом периоде, заключалась в том, чтобы дать общее представление о 32 народностях и этнографических группах Дагестана. К сожалению, эта работа была выполнена недостаточно: не все народы были описаны, многие этнографические группы остались совершенно не изученными, мало материала было собрано и по тем народам, которые изучались. Участниками экспедиции были выпущены из поля зрения такие актуальнейшие вопросы, как процесс национальной консолидации народов Дагестана, изменения в их быту и культуре за годы советской власти и колхозного строя. В результате всего этого пришлось перейти к другому плану экспедиционной работы, основной задачей которого явилось углублен-

ное изучение народов, объединяющих вокруг себя мелкие этнические подразделения Дагестана. В центре внимания было поставлено изучение современного советского быта и культуры народов. Большую помощь экспедиции оказали партийные и общественные организации республики и Дагестанский филиал АН СССР. В Институт этнографии были направлены молодые дагестанские этнографы, которые после окончания аспирантуры включились в работу экспедиции. Таким образом создан большой материал, занимающийся в течение ряда лет обстоятельным изучением народов Дагестана. В результате работ Дагестанской экспедиции напечатан ряд статей в журнале «Советская этнография» и в «Кратких сообщениях Института этнографии», написаны диссертации на дагестанские темы, подготовлен сборник «Народы Дагестана», составлена этническая карта Дагестана. Результаты работы экспедиции нашли отражение в подготовляемых к печати коллективных трудах «Социалистическая культура и быт народов Дагестана» и «Народы Кавказа».

Г. С. Читая в докладе «Некоторые итоги полевых работ 1954 г. по этнографии Грузии» отметил, что объем и направленность этих работ были определены, с одной стороны, координируемыми темами по изучению нового быта (семья и семейный быт, народное жилище), с другой, — такими темами, как полеводство, виноградарство, виноделие, металлургия, а также рядом тем для вузовских учебников по этнографии истории Грузии. Одним из важных результатов экспедиционной работы явился сбор этнографических коллекций, обогативших фонды Государственного музея Грузии и Джанашиа, кабинет этнографии Тбилисского государственного университета и некоторых краеведческих музеев республики. Докладчик остановился также на работе разведочной экспедиции Института истории АН ГрузССР, собиравшей на территории Закавказья и некоторых районов Северного Кавказа материалы по отдельным элементам материальной культуры.

Выступивший в прениях Я. Р. Винников отметил, что некоторые крупные народы (аварцы, даргинцы), которыми занималась Дагестанская экспедиция, были изучены недостаточно. Многие аварские группы совершенно не были обследованы, без чего нельзя говорить о национальной консолидации этого народа.

Е. Н. Кушева отметила, что вопрос о феодализме в Дагестане разработан пока недостаточно. В работе Х. А. Хашаева привлечен богатый материал по XIX в., но что бы решить данный вопрос с большей полнотой, следует привлечь материалы XVI—XVII вв. Источники для этого имеются — это акты, кодексы, сборники адатов, арабские надписи на камнях и т. д., представляющие большой научный интерес и заслуживающие публикации.

Х. А. Хашаев сказал, что Институт этнографии провел в Дагестане значительную работу, дав обстоятельное исследование по ряду народов республики. Однако экспедиция не смогла с достаточной полнотой изучить все дагестанские народы (лезгин, аварцев и других), в том числе и частично живущих на территории АзССР. В дальнейшем необходимо заняться разработкой вопроса об общих чертах культуры народов Кавказа.

Л. И. Лавров отметил, что хотя работа экспедиции протекала в трудных условиях, она собрала ценный материал по народам Дагестана, подняла ряд новых вопросов (о двуязычных группах и т. п.), исследовала этнические особенности отдельных народов республики, накопила большой материал по вопросу о социалистическом переустройстве их хозяйства, культуры и быта. Экспедиция собрала более 100 этнографических памятников IX—XIX вв. на арабском языке.

М. Г. Левин говорил о необходимости подготовки Кавказского историко-этнографического атласа, который мог бы дать картину этнографии Кавказа в целом. Он отметил также, что в музеях заглохла этнографическая работа, и высказал пожелание о возобновлении кавказских региональных сессий.

Г. С. Читая указал, что недостатком работы Дагестанской экспедиции является то обстоятельство, что она не занималась сбором этнографических коллекций. Не занимается этим и Дагестанский краеведческий музей, в фондах которого этнографические коллекции представлены одной единственной сохой. Остановившись на вопросе о создании Кавказского историко-этнографического атласа, Г. С. Читая сказал, что существенную помощь в этом деле может оказать сессия по кавказской этнографии, созыв которой нужно ускорить.

В своем заключительном слове М. О. Косвен также подчеркнул важность создания Кавказского историко-этнографического атласа. Задачу эту нужно решать силами всех этнографов, работающих в области кавказоведения. Осуществление этой задачи в значительной мере зависит от организации коллективной работы, в частности систематического проведения кавказских этнографических сессий. Такую сессию следует провести в ближайшее же время.

Н. И. Воробьев (Казанский филиал АН СССР) выступил с докладом «Этнографические исследования народов Среднего Поволжья». В 1954 г. проводились полевые исследования по русскому и мордовскому населению указанной территории, обработка и частично собрание материалов по чувашам и казанским татарам. Как отметил докладчик, русское население, составляющее около 50% населения Среднего Поволжья, до последних лет серьезному этнографическому изучению не подвергалось. Считалось, что русские, обитающие на этой территории, это те же великоросы, что и живущие в центральных областях Европейской России, и ничем от них не отличаются.

Начиная с 1947 г. изучением быта русского населения Поволжья стал заниматься Е. П. Бусыгин (кафедра географии Казанского университета), исследования которого показали, что русские этого края, вследствие своеобразной истории их переселения сюда и тесного культурного сближения с местными народностями, представляют особую группу — так называемых поволжских великоросов, несколько отличных от центральных великоросов.

С 1952 г. начала свои работы Мордовская этнографическая экспедиция (руководитель В. Н. Белицер), организованная Мордовским научно-исследовательским институтом в тесном контакте с Институтом этнографии АН СССР. Перед экспедицией поставлена задача изучения быта и культуры обеих групп мордовского народа (эрзи и мокши), а также его этногенеза. На основе собранных материалов написаны и защищены две кандидатские диссертации (В. П. Ежовой «Мордва-эрзя Теньгушевского района» и И. П. Макушевым «Жилище мордвы-эрзи на территории Мордовской АССР»). В. Н. Белицер собрала большой материал по мордовской одежде, обуви и головным уборам.

Чувашским научно-исследовательским институтом совместно с Казанским филиалом АН СССР и Чувашским музеем организована Чувашская этнографическая экспедиция (руководитель Н. И. Воробьев), основной задачей которой было изучение современного быта чувашского колхозного крестьянства. Кроме того, проводилось изучение быта чувашского народа в прошлом и сбор материалов для выяснения его этногенеза. В результате работ экспедиции написана под руководством Н. И. Воробьева большая монография, посвященная материальной культуре чуваш. Аспирантом Казанского филиала П. В. Денисовым защищена кандидатская диссертация на тему «Современный быт колхозников-чуваш юго-западного района Чувашской АССР». Что касается изучения казанских татар, то за последние годы эта работа была несколько ослаблена, — историки и этнографы Казани заняты в основном составлением «Истории Татарии». Собирается материал по татарскому народному празднику Дженин; ведется изучение быта рабочих Бондюжского химического завода, где издавна сложился своеобразный рабочий коллектив, состоящий из русских и татар, тесно взаимодействующих в культурно-бытовом отношении. По марийцам же и удмуртам этнографической работы почти не ведется.

Как на серьезный недостаток в этнографической работе по изучению народов Поволжья Н. И. Воробьев указал на отсутствие координирующего центра, который направлял бы всю эту работу. Казанский филиал, отметил докладчик, таким центром еще не стал. Необходима помощь со стороны Института этнографии АН СССР как в организационном отношении, так и научными силами и опытом. Очень важно было бы созвать в Казани совещание этнографов, археологов, лингвистов для решения насущных вопросов изучения народов Поволжья.

И. С. Гурвич (Институт истории, языка и литературы Якутского филиала АН СССР) в докладе «Новые данные по этнографии Якутии» сообщил об итогах сплошного этнографического обследования северных районов Якутской АССР. В результате работы удалось уточнить этническую статистику и этнографическую карту обследованных районов, выявить ареалы расселения отдельных этнических групп, процессы их национальной консолидации, собрать материалы для характеристики этих групп, изучить процессы весьма интенсивно протекающей перестройки хозяйства, быта и культуры населения. Хотя большинство северных колхозов ведет комплексное промысловое хозяйство, основанное на развитии традиционных отраслей (оленоводство, охота, рыболовство), но соотношение этих отраслей и техника ведения хозяйства резко изменились; делаются попытки ввести новые отрасли (звероводство, коневодство, свиноводство); распыленное в прошлом население стягивается к крупным поселкам с домами нового типа. Однако в связи с необходимостью для охотников и оленеводов вести подвижной образ жизни продолжает бывать переносное жилище — чум. Для большинства северных районов Якутии вообще характерно сочетание новых и старых форм материальной культуры — в жилище, транспорте, одежде. О росте культуры свидетельствует широкое распространение грамотности, значительная сеть школ, больниц, фельдшерских пунктов, культурно-просветительных учреждений, создание национальной интеллигенции.

* * *

Закрывая сессию Института этнографии, С. П. Толстов отметил, что работы ее показали значительный рост советской этнографической науки. Ставится и разрешается ряд важных историко-этнографических проблем. Большое значение имеют сплошные этнографические обследования отдельных областей нашей страны, которые стали широко применяться рядом научно-исследовательских учреждений. Важным мероприятием является также предпринимаемая подготовка историко-этнографических атласов. На очереди стоит задача углубления работы по изучению быта рабочего класса различных народов СССР. Такие исследования проводятся в ряде республик, однако правильный путь этих исследований еще не найден. С. П. Толстов подчеркнул желательность созыва специального совещания по методике изучения быта рабочих, а также — организации дискуссии по этому вопросу на страницах журнала «Советская этнография».

В принятой участниками сессии резолюции отмечены успехи советской этнографии,

достигнутые за последние годы и нашедшие свое отражение в заслушанных докладах, и указаны имеющиеся еще существенные недостатки в полевой работе этнографов: недостаточно согласуются программы полевых исследований по близким темам; большинством экспедиций не проводится сбор этнографических коллекций; не осуществляется проведение региональных совещаний, посвященных этнографии Кавказа, Поволжья, славянских народов СССР. В резолюции намечены следующие мероприятия, направленные к дальнейшему развитию этнографической работы:

«1. Усилить координацию полевых работ различных этнографических учреждений страны, для чего: а) просить все учреждения до начала полевого сезона 1955 г. направить в Институт этнографии АН СССР планы экспедиционных исследований текущего года и имеющиеся программы полевых сборов для взаимного согласования; б) всемерно развивать организацию совместных экспедиций, проводимых академиями союзных республик и другими научными учреждениями; в) провести осенью текущего года совещание по координируемым темам.

2. Отмечая важность работ по составлению историко-этнографических атласов, рекомендовать этнографическим учреждениям республиканских академий, где эта работа пока еще не планируется, рассмотреть вопрос о возможностях и планах составления атласов.

3. Придавая большое значение изучению быта колхозного крестьянства и рабочих, просить Институт этнографии весной 1956 г. созвать совещание для обсуждения программ и плана исследований по быту рабочих.

4. Обратит внимание всех учреждений и научных работников, ведущих археологические раскопки, на необходимость полного и тщательного сохранения всего краниологического и скелетного материала, что весьма важно для изучения вопросов этногенеза. Признать необходимой организацию раскопок поздних могильников для составления краниологического собрания по разным народам СССР.

5. Обратит внимание этнографов, работающих в республиканских академиях и филиалах АН СССР, на значение работы по написанию многотомного издания «Народы мира», которое является коллективным трудом советских этнографов.

6. В целях ликвидации недостатков в собирании и экспозиции этнографических материалов в ряде музеев страны просить Институт этнографии АН СССР созвать в начале 1956 г. совещание, посвященное этим вопросам.

7. Считать желательным возобновление региональных совещаний этнографов Кавказа.

8. Отмечая необходимость усиления работ в области изучения народов Среднего Поволжья, просить Президиум АН СССР созвать в 1956 г. в Казани совещание по вопросам этнографии и археологии народов Поволжья с участием Казанского филиала АН СССР, Института этнографии и Института истории материальной культуры АН СССР, научно-исследовательских институтов и музеев республик Поволжья.

9. Просить Институт антропологии МГУ ускорить работу по реставрации палеоантропологических материалов из мезолитического могильника у с. Васильевки, учитывая их огромное научное значение».

ОБСУЖДЕНИЕ МОНОГРАФИИ «КУЛЬТУРА И БЫТ ТАДЖИКСКОГО КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА» В АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

12 апреля 1955 г. на заседании Отдела этнографии Ин-та истории и археологии АН УзССР состоялось обсуждение книги «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства», написанной коллективом авторов — Н. Н. Ершовым, Н. А. Кисляковым, Е. М. Пещеровой и С. П. Русаякиной по материалам одного из передовых колхозов Таджикистана¹. В обсуждении кроме этнографов приняли участие сотрудники Отдела истории советского общества Ин-та истории и археологии и Отдела сельского хозяйства Ин-та экономики АН УзССР. Это придало обсуждению более широкий характер.

Все выступавшие отметили важность и своевременность появления в свет данной монографии. Авторы ее являются пионерами в научной разработке вопросов культуры и быта нового, социалистического крестьянства, освобожденного от оков патриархальщины и классового угнетения. В ней сделана попытка раскрыть живую картину трудовой деятельности колхозников, их общественной и семейной жизни, культурно-бытовые условия. В отдельных главах авторы в основном удачно разрешили поставленные задачи. Однако, как видно из высказываний участников обсуждения, в книге имеются серьезные ошибки.

В своем выступлении Н. И. Чуманова (Ин-т экономики), отметив несомненные достоинства книги, указала, что в разделе о хозяйственной деятельности колхоза нашло место недопустимые ошибки и извращения. Совершенно не показана та мощная сельскохозяйственная техника, благодаря которой колхозы нашей страны достигли и достигают невиданных производственных успехов. Наоборот, автор этого раздела

¹ Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XXIV, М.—Л., 1954.

Н. Н. Ершов основное внимание уделил архаическим, отжившим способам обработки почвы при помощи омача и тягла, имеющим весьма незначительное применение в колхозном хозяйстве. На стр. 51 он, видимо, сам того не замечая, пропагандирует вредные антимеханизаторские идеи. Описывая обработку земельных участков с высоким уровнем стояния грунтовых вод, подверженных заболачиванию и засолению, автор делает вывод, что на этих почвах омач является незаменимым, а механизация здесь исключается, так как, по его мнению, тракторы разрушили бы валики, которыми окружены земельные участки, поливающиеся путем затопления. Если встать на эту точку зрения, то немисливо было бы осваивать огромные площади земельных массивов центральной Ферганы, Голодной степи и др., где нередко встречаются почвы, неблагоприятные в мелiorативном отношении. Между тем, автору должно быть известно, что благодаря передовой сельскохозяйственной технике эти земли успешно осваиваются. В разделе недостаточно освещена роль МТС как индустриальной базы колхозов. В разделе о хлопководстве не освещены такие важные вопросы, как посев хлопчатника суженными междурядьями. Несмотря на то, что в исследуемом районе уже более 10 лет существует этот способ посева, обеспечивающий высокие урожаи, в работе фигурирует более отсталый способ сева хлопчатника — широкими междурядьями. Автор показал свою неосведомленность и в вопросах о севообороте, искрал показатели урожайности люцерны: приводимая им цифра 19 ц с га (стр. 54 и 55) относится, повидимому, к одному укосу, а не к трем; в целом за весь сезон урожайность люцерны составляет не менее 60 ц с га. Подобного рода ошибки, показывающих далеко не полные знания автора в вопросах колхозного производства или же недостаточно глубокое их изучение, встречается в разделе немало. Весьма серьезным упущением коллектива авторов монографии является небрежное, неряшливое отношение к фотоиллюстрациям. В книге демонстрируются старые методы производства, ручной труд, старинная техника, тогда как на деле все основные работы в колхозах механизированы.

В целом книга нуждается в серьезной переработке.

М. А. Стеценко (Ин-т экономики) отметила, что ряд имеющихся в книге ошибок явился результатом отсутствия у ее авторов определенной целеустремленности и недостаточного уяснения стоящей перед ними задачи. Ярким примером этого является глава, посвященная экономике колхоза. По мнению М. А. Стеценко, в книге совершенно недостаточно показано положение женщины в общественной жизни, труде и быту.

Ш. И. Иногамов (Отдел этнографии), присоединяясь к замечаниям Н. И. Чумановой, сказал, что иллюстрации, показывающие старый быт, нужно было давать обязательно в сопоставлении с новыми явлениями колхозного строя. Он обратил внимание участников обсуждения на погрешности в цифровом материале. На конкретных примерах из книги Ш. И. Иногамов показал расхождение цифровых данных о численности населения Чкаловска и неправильный подход к вопросу о ценах. На стр. 12, в историческом разделе, Н. А. Кисляков определяет общую численность населения исследуемого района по переписи 1939 г. в 10 953 чел. Однако указываемое им число рабочих, колхозников и служащих в сумме не дает этой цифры. Приводимый на стр. 21 рассказ информатора о ценах на продовольственные товары не соответствует данным, имеющимся в солидных литературных источниках (например, у Н. Ханькова и А. П. Шишова), что говорит о некритическом подходе автора к сообщениям информаторов.

Ш. И. Иногамов отметил, что заглавие книги не соответствует ее содержанию. Нельзя на материалах одного колхоза дать картину быта и культуры всего таджикского крестьянства, которое разделяется на горное и равнинное, различающиеся как по типу хозяйства, так и по культуре. При сборе материалов и написании раздела о хозяйственной деятельности колхоза необходимо было привлечь к работе специалистов-экономистов.

А. Ю. Ибрагимова (Отдел истории советского общества) остановилась на исторической части работы. Она указала, что дореволюционной истории селения уделено больше внимания, чем советской эпохе; не нашел достаточного отражения период земельно-водной реформы, неудовлетворительно показан облик современного колхозного крестьянства, не освещены те большие изменения, которые произошли в колхозах в послевоенные годы, неполно показана деятельность партийной организации колхоза.

Р. Аминова (Отдел истории советского общества) сказала, что она с удовольствием ознакомилась с монографией. Однако она согласна с тем, что историческая часть слаба: написана сухо, бедна фактами, что в ней не чувствуется глубокого научного подхода к изучению вопроса. Очень упрощенно показано установление советской власти. Более пристального внимания требует к себе проблема ирригации — одна из важнейших проблем в изучении современного кишлака. Не отражены классовые отношения в водоснабжении дореволюционного кишлака, решение вопроса о воде после революции, классовая борьба в период земельно-водной реформы и роль союза «Кошчи» в проведении этого важного мероприятия. Совершенно недостаточно говорится в труде об МТС как опорных пунктах союза рабочего класса и крестьянства. Историческую часть необходимо было расширить за счет более основательного освещения советского периода.

М. А. Бижанова (Отдел этнографии) отметила, что в целом хорошее впечатление от монографии несколько снижается ее неправильной композицией. Главу «Общественная жизнь и культурное строительство» следовало бы дать после первых двух, ибо она тесно с ними связана. М. А. Бижанова сосредоточила свое выступление на разборе третьей главы («Домашняя и семейная жизнь»). Отметив удачное описание домашней и семейной жизни колхозников, она перечислила отдельные погрешности, допущенные

автором. Главу следовало начинать не с материальной культуры, а с характеристики семьи, ее бюджета и дохода, ибо именно материальным благосостоянием колхоза определяется их домашний быт. Автор раздела почему-то начал описание современной семьи не с положительных, а с отрицательных моментов — сохранения пережитков старых традиций и возрений, феодально-байского отношения к женщине и т. д. Конечно, нельзя умалчивать, но ведь не это главное в современной семье. На многие важные вопросы нет ответа: остается неизвестным, какой путь прошла современная семья, какую семью застала советская власть в Кыстакозе, какая форма семьи типична в настоящее время. Автор главы совершенно правильно остановился на религиозных пережитках, но, к сожалению, описал лишь погребальные обряды. Следовало бы упомянуть о вредном обычае обрезания, пока еще бытующем в народе.

Касаясь последней главы книги, М. А. Бикжанова отметила, что в ней имеются вторжения, неудовлетворительно описана работа клуба и другие массово-просветительные мероприятия.

Р. Якубова (Музей истории народов Узбекистана) указала на то, что в отношении хозяйственной деятельности колхоза мало внимания уделяется такой важной отрасли сельского хозяйства, как животноводство. В этой главе отсутствуют выводы, неудачные сравнения старого и нового. Неясно, откуда взяты в исторической части цифры, данные, которые даются в извращенном виде. Совершенно неправильно утверждение авторов о том, что харадж до Худояр-хана взимался в размере $\frac{1}{10}$ урожая, а Худояр-хан увеличил его до $\frac{1}{5}$. Во-первых, харадж в размере $\frac{1}{5}$ существовал до Худояр-хана, во-вторых, это утверждение автора, видимо, вызвано недоразумением, потому что харадж в размере $\frac{1}{10}$ части урожая взимался с неполивных земель, а в размере $\frac{1}{5}$ — с поливных. В последней главе не показана борьба нового со старым; авторы ограничили сухим описанием фактов, не сделав соответствующих научных выводов.

Заведующая Отделом этнографии О. А. Сухарева в подвела итоги обсуждения. Все выступавшие, сказала она, признали большое значение выпуска монографии и достоинства, но вместе с тем отметили ряд имеющихся в книге недостатков.

1. Раздел о хозяйстве колхоза показывает его в искаженном виде, фиксируя внимание не на передовых, а на отсталых его элементах.

2. Иллюстрации также в значительной части отражают старые формы быта и хозяйства, а не то, что типично для современного колхоза.

3. Раздел, посвященный истории селения до и после революции, отличается сухостью и поверхностностью, а для дореволюционного времени не содержит материалов о важнейшем для понимания периода вопросе — социальных отношениях; в нем не вскрыт характер земельной собственности и налогов в Кокандском ханстве; история селения в советское время освещена бегло, схематично, события тракуются упрощенно; классовая борьба, история роста колхоза не обрисованы в должной мере. Не оценены вопросы ирригации до и после революции.

4. В разделе, посвященном семье, не вскрыты формы семьи ни до, ни после революции; вопрос об изживании большесемейного уклада и превращении малой семьи в основную форму не поставлен и не решен.

5. Последняя глава («Общественная жизнь и культурное строительство»), как первая, отличается поверхностностью, декларативностью (например, утверждение, что в колхозе полностью соблюдается демократизм — без раскрытия конкретного его содержания, без анализа нарушений). Эту главу было бы правильнее поместить под названием о хозяйстве, с которой она более связана, чем с домашней и семейной жизнью, рассмотрением которой было бы логичнее закончить книгу.

6. В композиции всего труда заметна недоработанность, выражающаяся, в частности, в повторениях (вопрос о положении женщины трактуется трижды и т. п.).

7. Заглавие монографии не соответствует содержанию: нельзя наблюдения, сделанные в одном колхозе, распространять на все таджикское колхозное крестьянство.

И. Джаббар

ОБСУЖДЕНИЕ ТОМА «НАРОДЫ АФРИКИ»¹

19 апреля 1955 г. состоялось заседание Ученого совета Института этнографии АН СССР, посвященное обсуждению вышедшего в декабре 1954 г. тома «Народы Африки» написанного и подготовленного к изданию коллективом сотрудников сектора Африки. Книга привлекла внимание широких кругов советских ученых, и в обсуждении ее, помимо этнографов, приняли участие историки, экономисты, языковеды.

Открывая заседание, директор Ин-та этнографии С. П. Толстов отметил важность обсуждения данного тома (первого из серии «Народы мира») для коллектива Института, которому предстоит учесть все положительные и отрицательные стороны

¹ Академия наук СССР. Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Народы Африки. Под редакцией Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехина. М., 1954.

этого труда при работе над остальными томами. Необходимо также, сказал он, дать оценку этой первой советской книге, посвященной истории и этнографии народов Африки.

Д. А. Ольдерогге в своем вступительном слове остановился на вопросе о задачах, которые поставил себе авторский коллектив тома. Он подчеркнул, что книга рассчитана не на узкий круг специалистов-этнографов, а на широкие круги советских читателей, живо интересующихся событиями в Африке, жизнью, бытом и историей народов, населяющих этот огромный материк. Коллектив авторов считал необходимым показать, что народы Африки имеют свою богатую событиями историю, свою высокую культуру, и рассеять не изжитое до сих пор представление об этих народах, как о дикарях и канибалах. Д. А. Ольдерогге охарактеризовал трудности, которые стояли перед авторским коллективом: отсутствие предшественников, на труды которых можно было бы опереться (аналогичные издания за рубежом устарели и зачастую написаны с неверных позиций, искажающих историческое прошлое и настоящее народов Африки); неизученность ряда проблем; отсутствие точных статистических данных; отсутствие этнических карт по ряду районов Африки; неизученность многих языков континента, что заставило авторов отказаться от включения в том лингвистической карты; наконец, — ограниченность сил сравнительно небольшого коллектива, который попытался дать разностороннюю характеристику африканских народов. Это привело к некоторой неравноценности отдельных глав книги. Вместе с тем, авторский коллектив сознательно пожертвовал некоторыми сторонами этнографического описания (отдельных черт быта, обрядов, уходящих в прошлое, и т. п.), чтобы подробнее охарактеризовать историю, современное положение, материальную культуру народов, а особенно — историю национально-освободительного движения. Разделы, посвященные освободительной борьбе народов Африки, по мнению Д. А. Ольдерогге, принадлежат к числу лучших в книге; они ясно показывают, что привело эти народы на конференцию в Бандунге.

Первым в прениях выступил С. А. Токарев (Ин-т этнографии). Выход в свет тома «Народы Африки», сказал он, является большим событием не только в советской этнографической науке, но и в международной научной литературе вообще. Характеризуя положительные стороны книги, С. А. Токарев отметил ее большое познавательное значение, содержательность, оригинализм, сочетание правильной научной трактовки предмета с общественно-политической целеустремленностью. Изложение конкретного материала подчинено основной идее о том, что народы Африки — создатели самобытной культуры, — имеют право на самостоятельное существование. Отметив хорошее качество научно-вспомогательного аппарата, С. А. Токарев остановился на некоторых отдельных статьях, особо выделив достоинства главы «Языки и письменность народов Африки», написанной Д. А. Ольдерогге.

Слабой стороной книги, по мнению С. А. Токарева, является то, что она недостаточно этнографична. Авторами не поставлен и не решен на конкретном содержащемся в книге материале ряд больших принципиальных проблем этнографической науки. Лишь некоторые из таких проблем поставлены и правильно решены: вопрос об отсталости народов Африки, о формировании новых типов этнических общностей в условиях колониального режима и др. К числу проблем, не поставленных в книге, С. А. Токарев относит вопросы о происхождении земледелия и скотоводства, о разложении родового строя, пережиточных формах матриархата и их роли в общественной жизни народов, о мужских союзах и их роли в становлении классового общества. Не получил должной разработки и вопрос о путях развития классового общества в процессе разложения первобытно-общинного строя, иными словами, вопрос об общественном строе ранних государств Судана, Конго, Центральной Африки. Большим упущением является почти полное отсутствие материалов по религиям африканских народов. С. А. Токарев подверг критике постановку в теме проблемы заселения Африки; глава, посвященная этой проблеме, по его мнению, самая слабая в книге. Не удовлетворяет С. А. Токарева критика некоторых буржуазных концепций, которая кажется ему местами поверхностной, недостаточно аргументированной.

Б. И. Шаревская (Ин-т этнографии) отметила, что сотрудники Института, работающие над другими томами серии «Народы мира», особенно хорошо понимают те трудности, которые преодолели авторы тома «Народы Африки». По ее мнению, африканистам удалось осуществить широкий охват материала. Впервые в мировой литературе в такой обобщенной форме охарактеризованы современные народы Африки, дана общественно-экономическая характеристика, анализ классовых отношений. Важно подчеркнуть, как большое достоинство, доступность и живость изложения, позволяющие читать книгу и усваивать материал неспециалисту.

Отмечая недостатки книги, Б. И. Шаревская, вопреки С. А. Токареву, полагает, что проблема отсталости разных народов Африки к моменту колонизации поставлена авторами неудачно. Не сделано попытки вскрыть причины неравномерного развития народов Африки в древности и в середине века; недостаточно охарактеризованы производительные силы у этих народов до европейской колонизации. Присоединившись к критическим замечаниям С. А. Токарева об одностороннем освещении деятельности тайных союзов и о проблеме формирования общественного строя африканских государств. Б. И. Шаревская уделила внимание критике научного аппарата книги, особенно — громоздкого и в то же время неполного указателя.

П. С. Кузнецов (Ин-т языкознания АН СССР), присоединившись к высказанному выступавшими мнению о значении выхода в свет первого в советской литературе

труда, посвященного народам Африки, обратил внимание присутствующих на ряд отдельных пробелов и недочетов в статье «Языки и письменность народов Африки», в неточности в тексте и пр. В книге, сказал он, следовало дать более развернутую и характеристику отдельных языков и языковых групп Африки.

Г. Ф. Дебец (Ин-т этнографии), отметив, что положительные стороны книги достаточно полно охарактеризованы в предыдущих выступлениях, подробно остановился на ее недостатках. По его мнению, авторы обиделись в научном отношении содержанием, пожертвовав многими, чисто этнографическими материалами и проблемами (классификация типов жилища и одежды, сопоставление разных элементов материальной культуры и т. д.). Наиболее серьезным дефектом книги Г. Ф. Дебец считает отсутствие лингвистической карты, которая сперва была запланирована, но осталась не выполненной. Ему представляются неубедительными ссылки Д. А. Ольдерогге на недостаточную изученность и неразработанность классификации языков Африки, тем более, что в действительности мало изучен лишь один, сравнительно ограниченный район центрального Судана. По мнению Г. Ф. Дебца, такая карта дала бы возможность серьезнее поставить вопрос о языках Африки с точки зрения общественно-исторической, наметить контуры крупных языковых образований.

А. С. Ерусалимский (Ин-т истории АН СССР) подчеркнул, что он подходит к оценке тома «Народы Африки» не с точки зрения ученого-специалиста, а как представитель широкого круга читателей, на который, по его мнению, книга и рассчитана. А. С. Ерусалимский характеризует все издание в том виде, в каком оно задумано и осуществлено в первом вышедшем томе, как чрезвычайно интересное и нужное. Первое достоинство книги заключается в том, что она, концентрируя и обобщая материал по истории и этнографии народов Африки, позволяет историкам учесть в ходе исторического процесса ряд факторов огромной важности, которые они ранее не учитывали. Вторая положительная сторона работы — огромный фактический материал, ярко изложенный и тесно увязанный с историческими и политическими выводами. Работа написана очень хорошим, энергичным русским языком. Наконец, обращает на себя внимание большое политическое значение этого тома, выпущенного в свет накануне открытия конференции в Бандунге, где народы Африки впервые вышли на широкую международную арену. Вместе с тем, по мнению А. С. Ерусалимского, в книге недостаточно проведены принципы историзма. Почти не освещена история буров и их роль в политических событиях XIX в. В статье о Южной Африке пропущено столетие, отделяющего английскую буржуазную войну от событий современности.

А. Ю. Шпирт (Минск), дав общую высокую оценку книги, выступил с рядом критических замечаний. В книге, сказал он, отсутствуют обобщающая характеристика и анализ событий второй мировой войны, без чего нельзя понять послевоенное развитие Африки, хотя конкретный материал в отдельных главах собран. Недостаточно освещен вопрос о борьбе между империалистическими державами как о факторе, содействующем развертыванию национально-освободительного движения. Не обобщена в сводных данных роль Африки в современной экономике и политике. В книге явно недостает суммарных цифр, вскрывающих, например, рост рабочего класса, снижение численности сельскохозяйственного населения и т. д.

П. Е. Терлецкий (Ин-т этнографии), присоединяясь к общей высокой оценке книги, отметил, что имеющиеся в ней недостатки тем более досадны, что том «Народы Африки» рассчитан на широкие круги читателей. Книга могла быть гораздо лучше оформлена картографическим материалом, пополненным новыми, оригинальными картами, которые можно было разработать в стенах Института этнографии: картой национально-освободительного движения, картой древних государств Африки, картой оазисов и караванных путей и другими. П. Е. Терлецкий, а также аспирант Института этнографии В. И. Козлов высказали ряд замечаний относительно некоторых демографических данных, приведенных в книге.

И. П. Ястребова (Ин-т экономики АН СССР) отметила, что выход в свет о суждаемого тома — большое событие для тех, кто занимается изучением Африки, и для тех, кто вообще работает по зарубежной тематике. У нас такая книга выходит впервые, сказала она. И по характеру выступлений, и по тому, как быстро книга расходуется, и даже по отзывам в частных беседах, можно судить о том, что книга читается не только специалистами, но и широкой публикой. Именно поэтому И. П. Ястребова предлагает при подготовке нового издания учесть законные требования, предъявляемые к книге представителями разных специальностей — историками, этнографами, лингвистами, экономистами. По мнению И. П. Ястребовой, большим достоинством книги является то, что в ней исследуются происходящие в колониях глубокие внутренние процессы, а жажда в основе кризиса колониальной системы, в частности освещены аграрные отношения — вопрос сложный и малоизученный, на африканском материале поставленный впервые. Особенно широко этот вопрос разбирается в главе об Египте, где на современном материале воссоздана очень интересная картина аграрных отношений. Подобно многим из выступавших И. П. Ястребова говорила о живом, образном языке книги, собранном в ней большом фактическом материале. Остановившись на вопросах, не получивших достаточного освещения в томе, И. П. Ястребова отметила, что авторами не сделано попытки выявить общие особенности колониальной эксплуатации на втором этапе общего кризиса капитализма, обойден вопрос о действии основного закона современного капитализма в колониях. Большой экономический материал, собранный в книге, недостаточно проанализирован, не обобщен, цифровые данные местами

устарели. Отмечая, с точки зрения специалиста-экономиста, некоторые конкретные недочеты, И. П. Ястребова подчеркнула, что в разделах о национально-освободительном движении она хотела бы видеть более полную и обобщенную характеристику расстановки классовых сил, характеристику отдельных общественных групп.

Г. Г. Стратанович (Ин-т этнографии) отметил несомненный успех авторского коллектива обсуждаемого тома. В книге удалось впервые показать народы Африки комплексно, как большие народы, связанные в единое целое борьбой за независимость. Отмечая ряд конкретных погрешностей и неудачных формулировок, он особо остановился на критике научного аппарата и иллюстративного материала книги.

Б. В. Андрианов (Ин-т этнографии) считает выход тома серьезным достижением советской этнографической науки. Заслугу авторов он видит в том, что они на первый план поставили политически актуальные вопросы современной жизни трудовых масс, ярко и правдиво, хотя местами, может быть, чересчур лаконично, знакомят советского читателя с повседневной жизнью и правами африканских народов. Не менее важной заслугой он считает критику воззрений тех буржуазных этнографов, которые намеренно преувеличивают этническую дробность населения Африки. Авторами вскрыт процесс формирования крупных новых этнических общностей. Однако не везде в томе выводы такого рода получили солидное обоснование, что связано, прежде всего, с недостатком материала. Касаясь главы о языках, Б. В. Андрианов высказал мнение, что классификация африканских языков, данная Д. А. Ольдерогге, изложена несколько догматически и что следовало бы познакомить читателей с другими существующими в науке системами классификации этих языков.

И. И. Потехин в качестве одного из редакторов и авторов тома посвятил свое выступление ответам на критические замечания. С некоторыми из них он не согласился. В частности, по мнению И. И. Потехина, нельзя признать обоснованным упрек А. С. Ерусалимского в нарушении авторами принципов историзма. А. С. Ерусалимский, сказал он, ссылается при этом, прежде всего, на южно-африканскую главу. Но посмотрим, как построена эта глава. Она делится на три раздела. В первом дается характеристика социально-экономического строя, уровня развития культуры и быта коренного населения Южной Африки до начала европейской колонизации, а затем подробно, насколько позволяет объем книги, излагается история колонизации и героической борьбы народов банту против колонизаторов. Этот раздел заканчивается англо-бурской войной и образованием в 1910 г. Южно-Африканского Союза. Во втором разделе — главном и основном — дается всесторонняя характеристика современных условий жизни, современной культуры и быта банту, мулатов, индийцев и англо-африкандеров. И этот раздел построен исторически: в нем рассматриваются отдельные, последовательные этапы развития. Наконец, в третьем разделе дается обобщенная характеристика основных этапов национально-освободительного движения, начиная с организации Африканского национального конгресса в 1912 г. Таким образом, никакого разрыва в столетия нет. Так построены все главы книги. Этот принцип построения И. И. Потехин считает правильным; если товарищи предложат другую схему, ее можно будет обсудить.

Замечание И. П. Ястребовой о том, что в книге не выявлено в полной мере действие основного экономического закона современного капитализма в условиях африканских колоний, И. И. Потехин считает справедливым, но гораздо больше относящимся к самим экономистам, до сих пор не показавшим действия этого закона в условиях колониального режима. Принимая ряд других справедливых замечаний, высказанных выступавшими, И. И. Потехин указал на то, что ограниченный объем тома заставил авторский коллектив пожертвовать освещением некоторых вопросов.

Ответам на критические замечания было посвящено и заключительное слово Д. А. Ольдерогге. Он подчеркнул, что значительная доля этих замечаний высказана специалистами по различным областям знания, которые хотели бы видеть в томе более полно изложенной интересующую их как специалистов сторону вопроса. Однако авторский коллектив тома считал своей задачей равномерное освещение всех важнейших проблем. Д. А. Ольдерогге не согласился с замечаниями С. А. Токарева о неразработанности в томе проблемы происхождения скотоводства и определения пути развития общественного строя ранних государств Африки. Он считает, что в книге не только собраны материалы по этим вопросам, но и сделаны необходимые выводы. Что касается вопросов о пережитках матриархата и о роли тайных союзов в процессе становления классового общества, то авторы обошли их сознательно, так как эти вопросы теоретически не разработаны.

Д. А. Ольдерогге принял упрек Г. Ф. Дебеца относительно лингвистической карты и классификации типов одежды, жилища и пр., а также ряд критических замечаний других участников обсуждения.

Подводя итоги обсуждения тома «Народы Африки», С. П. Толстов отметил, что работа коллектива африканистов получила в целом положительную оценку. При всех указанных выступавшими недостатках тома, коллектив африканистов шел правильным путем и создал интересную и хорошую книгу. Однако критика, которой этот том был подвергнут, должна быть учтена не только его авторами, но и всем коллективом Института, готовящим остальные тома серии «Народы мира». Специфика издания, рассчитанного на широкого читателя, требует, чтобы в нем были учтены пожелания историков, экономистов, лингвистов и этнографов. С. П. Толстов согласился с замечаниями, выска-

занными по поводу языковых и этнографических карт, и указал, что карту языков Африки необходимо издать отдельно, в виде дополнения к тому. Далее С. П. Толстов остановился на некоторой догматичности изложения материала в книге. Авторы, особенно при освещении вопросов древнего расселения народов Африки и проблем археологии, были обязаны показать дискуссионность ряда проблем и охарактеризовать другие точки зрения, существующие в советской и буржуазной науке.

Дирекция Института, сказал в заключение С. П. Толстов, тщательно проанализирует результаты обсуждения тома, рассмотрит все конкретные и общие замечания с тем чтобы сделать соответствующие выводы и использовать их для дальнейшей работы как по истории и этнографии Африки, так и при подготовке других томов серии «Народы мира».

А. Орлова

РОБЕРТ АНДРЕЕВИЧ ПЕЛЬШЕ

(1880—1955)

19 июня 1955 г. в Риге, в результате несчастного случая, трагически погиб действительный член Академии наук Латвийской ССР Роберт Андреевич Пельше.

Р. А. Пельше — один из крупных ученых Латвийской ССР. Им опубликовано свыше 60 научно-исследовательских работ и более 250 литературно-критических статей, а также несколько монографий по истории мировоззрения и искусства. Вышедшая в 1951 г. на латышском языке книга Р. А. Пельше «Связи латышской и русской культуры» представляет собой основанное на большом и оригинальном материале первое марксистское исследование об исторических связях латышского и русского народов в области литературы, искусства, народного творчества. Незадолго до того им были опубликованы работы: «Идеология современных людоедов» (к вопросу о социально-экономических условиях появления идеологии немецкого фашизма), «Влияние русской культуры на латышскую культуру», «Введение в историю искусства» и др. Из-за внезапной смерти Р. А. Пельше остались незаконченными две его большие монографии: «Проблема периодизации и классификации латышского фольклора» и «Классовая борьба в Латвии по материалам латышского фольклора».

Р. А. Пельше руководил рядом научных работ в Институте этнографии и фольклора Академии наук Латвийской ССР, директором которого он являлся в последние годы. Наиболее крупными из этих работ были подготовляемые совместно с Институтом этнографии АН СССР исследования по проблемам этногенеза народов Советской Прибалтики.

Р. А. Пельше был виднейшим деятелем советской науки и культуры. Он заведывал кафедрой и являлся профессором филологического факультета Латвийского государственного университета, был одним из деканов этого факультета и до последних дней жизни руководил кафедрой журналистики. За выдающиеся заслуги в развитии латышской советской культуры ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля культуры Латвийской ССР.

Р. А. Пельше родился в 1880 г. в Латвии, в крестьянской семье. С детства начал трудовую деятельность, он с юношеских лет включился в революционное движение. Р. А. Пельше — член КПСС с 1898 г., он вступил в партию 18-летним юношей и с тех пор, более полувека, являлся активным и преданным борцом за коммунизм. С 1900 г. по 1917 г. Р. А. Пельше вел жизнь профессионального революционера, был одним из активнейших участников революции 1905—1907 гг. в Латвии, членом городских комитетов в Елгаве, Лиепайе и Риге, членом редакционной коллегии центрального органа партии «Цинья». Он был членом Центрального Комитета социал-демократии Латышского края и в 1907 г. участвовал в V съезде РСДРП в Лондоне. В 1908 г. Р. А. Пельше был вынужден эмигрировать за границу, но и в эмиграции продолжал революционную работу. В 1915 г. он нелегально вернулся в Россию. В период Великой Октябрьской революции Р. А. Пельше являлся членом военно-революционного комитета Лефортовского района в Москве.

После Октябрьской революции Р. А. Пельше принимал видное участие в политико-просветительной работе; в 1922—1924 гг. заведывал отделом искусства Народного Комиссариата Просвещения Украинской ССР. Затем вплоть до Великой Отечественной войны он жил и работал в Москве: занимался исследовательской работой, читал лекции, редактировал журналы «Советское искусство», «Репертуарный бюллетень», «Древенский театр», был членом Президиума Академии художественных наук, заместителем директора Третьяковской государственной картинной галереи, членом Президиума Всесоюзного театрального общества и консультантом Союза советских писателей.

После окончания Великой Отечественной войны Р. А. Пельше возвратился в Ригу и жил до дня кончины. Он проделал здесь большую работу по подготовке кадров советских филологов, фольклористов, этнографов, критиков, журналистов. Он многое сделал и сделал бы еще многое, если бы несчастный случай не оборвал его жизнь и работу.

Все, кому приходилось работать с Р. А. Пельше или встречаться с ним, близко сближались с этим обаятельным и скромным человеком. Его жизненный путь ученика революционного поколения и никогда не терявшего связи с массами, придававшего огромное значение пропаганде идей коммунизма и бывшего прекрасным организатором, послужит примером молодым поколениям советских ученых.

П. Кушнер, Л. Терентьев

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КЮНЕР

5 апреля 1955 г. после непродолжительной болезни скончался известный советский ученый-востоковед, старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР профессор Николай Васильевич Кюнер.

Николай Васильевич Кюнер родился 26 сентября 1877 г. Окончив в 1896 г. гимназию, он поступил на факультет восточных языков Петербургского университета. Еще в школьные годы он проявлял живой интерес к странам Восточной Азии, и с поступлением на китайско-маньчжурско-монгольский цикл восточного факультета его научные интересы определились на всю жизнь. Научные исследования Н. В. Кюнера начались уже со второго курса университета; в эти же годы он овладевает рядом восточных языков: китайским, тибетским, маньчжурским, корейским, монгольским, японским.

В 1900 г. Н. В. Кюнер окончил с золотой медалью Университет и получил двухгодичную командировку в Китай, Корею и Японию с целью подготовки к профессорской деятельности. Позже, в 1915 г., он побывал в этих странах вторично. По возвращении на родину Н. В. Кюнер получил назначение на должность профессора Восточного института (позднее преобразованного в Государственный Дальневосточный университет) в г. Владивостоке, а в 1925 г. возвратился в Ленинград, где до последних дней жизни работал профессором университета. Одновременно он вел преподавание в Ленинградском Восточном институте. Николай Васильевич читал курсы по географии и истории стран Дальнего Востока, вел занятия по этнографии этих стран. С 1932 г. Н. В. Кюнер являлся старшим научным сотрудником и значительное время заведующим сектором Восточной и Юго-Восточной Азии Института этнографии АН СССР. В своей научной работе Николай Васильевич был постоянно связан с Институтом востоковедения АН СССР.

Перу Н. В. Кюнера принадлежит свыше 300 научных работ. Его первая крупная работа «Географический очерк Японии» была опубликована в 1903 г., а его магистерская диссертация (четырёхтомный труд «Описание Тибета», Владивосток, 1907—1909) явилась крупным вкладом в отечественное востоковедение и доныне сохранила значение одной из основных работ в области истории, географии и этнографии Тибета.

Особенно широко развернулась научная деятельность Н. В. Кюнера после Октябрьской революции. Одним из первых среди русских китаеведов Николай Васильевич начал разработку новой истории Китая, которой посвящен его труд «Очерки новейшей политической истории Китая». Результатом его более чем пятидесятилетней библиографической работы явились объемистые рукописи «Библиография Тибета» (около 50 а. л.), «Библиография Монголии», «Библиография Кореи», а также материалы по Корее, Китаю, Японии и другим странам зарубежной Азии. Будучи крупнейшим знатоком классической и современной исторической литературы стран Восточной Азии (особенно Китая и Японии), последние годы жизни Н. В. Кюнер посвятил подготовке крупного (свыше 50 а. л.) труда «Китайские известия о народах Сибири, Амура и Дальнего Востока»; этим определилось и его активное участие в переиздании «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» Н. Я. Бичурина. Капитальный труд Н. В. Кюнера «Китайские известия» не только расширяет сведения о народах нашей родины, приведенные в упомянутой работе Н. Я. Бичурина, но и значительно расширяет круг китайских источников, позволяя по-новому ставить и решать ряд крупных проблем.

До последних дней своей жизни Николай Васильевич сохранил целеустремленность, редкое трудолюбие и творческий энтузиазм. За плодотворную работу он был награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Николай Васильевич был советским ученым во всем высоком значении этих

слов. Когда над маленькой Кореей вспыхнуло пламя войны, он поднял голос в защиту героического корейского народа и его многовековой культуры. В 1952 г. он писал «Нельзя уничтожить культуру народа, который так мужественно и решительно борется за честь, свободу и независимость родины, как корейский народ».

Научное наследие Н. В. Кюнера долго будет служить ценнейшим источником для востоковедов разных специальностей.

*Коллектив сотрудников сектора Восточной и Юго-Восточной Азии
Института этнографии АН СССР*

Список важнейших научных трудов Н. В. Кюнера

1. Печатные труды

Главы по истории Кореи и истории путешествий по Корее в книге: «Описание Кореи». Часть 1, Изд. Мин-ва финансов, СПб., 1900.

Взгляд на современное состояние европейской литературы, в частности географической, о Дальнем Востоке, «Изв. Восточного ин-та», Владивосток, 1903.

Современная летопись Дальнего Востока за 1902 г., Приложение к «Изв. Восточного ин-та», Владивосток, 1903.

Экономическая география Китая, Владивосток, 1903.

Географический очерк Японии, Владивосток, 1903.

География Китая, Владивосток, 1904.

Описание Тибета (4 тома; магистерская диссертация), Владивосток, 1907—1909

Лекции по коммерческой географии стран Дальнего Востока, читанные в Восточном ин-те в 1908—1909 акад. году, Выпуск 1. Коммерческая география Китая, Литограф. изд., Владивосток, 1909, изд. Восточного ин-та.

Исторический очерк развития китайской материальной и духовной культуры (Обзор источников), Владивосток, 1909.

Статистико-географический и экономический очерк Кореи (2 тома), Владивосток, 1911—1912.

Новейшая история стран Дальнего Востока (5 выпусков), Владивосток, 1912.

Современное состояние японской исторической науки, «Историч. известия», изд. Исторического об-ва при Московском университете, 1917, № 1, 2.

Современный Китай и современная Япония в истории нашего времени, М., 1917

Лекции по истории развития китайской материальной и духовной культуры, Владивосток, 1912.

Лев Толстой в японской литературе, «Вестник Азии», Харбин, 1920.

География Японии (физическая и политическая), М., 1927.

Очерки новейшей политической истории Китая, Владивосток, 1927.

География Китая, Стеклограф. изд., Ин-т востоковедения, М., 1926.

Переиздание труда Н. Я. Бичурина (Иакинфа) «Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена», М.—Л., 1953. Вводная статья, фонетическая таблица, перевод китайских карт, комментарии выполнены Н. В. Кюннером.

Китайские исторические данные о народах Севера, «Ученые записки Лен. гос. ун-та», 1949.

Китайские историки-летописцы о хакасах (Библиографический обзор), «Зап. Хакасского научно-исследовательского ин-та языка, литературы и истории», Абакан, 1954.

2. Из рукописного наследия

Историко-географический очерк Японии, 1899 (Удостоена золотой медали факультетом восточных языков).

Феодальная культура Кореи.

Очерк экономической географии Китая, 1929.

Корея во второй половине XVIII века, 1938.

Маньчжуры, Этнографическая монография.

Библиография Тибета.

Библиография китайской литературы о народах Севера, Амура, Сибири, Монголии и Средней Азии.

Библиография китайской литературы по истории киргизов.

Китайские известия о народах Сибири.

Китайские известия о народах Амура и Дальнего Востока.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАРОДЫ СССР

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО НАРОДОВ СЕВЕРА

Возникновение художественной литературы у народов Севера¹, еще четверть века назад не имевших своей письменности, свидетельствует о выдающихся успехах национальной политики Коммунистической партии. Отражая громадный духовный подъем создающих ее народов, эта литература, формирующаяся в условиях социалистического общества, отличается большой оригинальностью и своеобразной художественной прелестью. Она начала складываться с конца 1920-х годов, когда впервые у этих народностей стала формироваться своя интеллигенция. Зачинателями ее были учащиеся национальных техникумов и студенты северных факультетов высших учебных заведений Москвы и Ленинграда. В школьных газетах, журналах, альманахах учащиеся испытывали свои силы в различных литературных жанрах. Создавая свои произведения на родном языке, они, не имея еще своей письменности, обычно пользовались для записи их латинским или русским алфавитом. От этих первых лет сохранились интересные памятники, наглядно показывающие истоки, пути и формы развития литературы.

В 1927 г. студенты Северного факультета Ленинградского восточного института приступили к созданию книги для чтения, предназначенной для учащихся местных национальных школ, не знающих русского языка. В результате двух лет работы получилось обширное собрание рассказов и очерков, которые можно считать первыми письменными произведениями народов Севера². Многие из этих произведений были написаны по собственной инициативе молодежи, другие представляли собой сочинения на заданные темы. Эта книга вышла в 1929 г. под названием «О нашей жизни». Она состояла из трех частей: старый и новый быт; промыслы; фольклор. В это же время вышла аналогичная книга для нанайцев и ульчей, содержащая бытовые рассказы, сказки, предания и переводы русских общественно-политических произведений³. Близким по типу издания были сборники «Тайга и тундра»⁴, но, в отличие от книг для чтения, в них преобладала современная тематика. Содержание их строилось по отделам: советское строительство и просвещение; старый и новый быт. Много очерков было посвящено жизни студенчества. Произведения начинающих авторов публиковались и в студенческой газете «Инсомолец».

В этих изданиях, вышедших в Ленинграде, участвовали авторы, принадлежавшие к пятнадцати северным народностям: чукчи, коряки, камчадалы, юкагиры, чуванцы, эвенки, долганы, эвены, негидальцы, нанайцы, ульчи, нивхи, ненцы, ханты, манси. Среди этих первых литераторов были и женщины (хантыйка Хабарова, ненка Талеева, эвенкийка Афанасьева, камчадалка Машихина).

С 1932 г., когда для народов Севера была создана письменность на родных языках, в местных учебных заведениях возникли кружки национального творчества, работавшие под руководством русских преподавателей. В этих кружках занимались начинающие писатели, переводчики, фольклористы, художники. В корякской нацио-

¹ Речь идет о тех народах Крайнего Севера, которые были выделены правительством в особую группу «малых народностей Севера», пользующуюся до настоящего времени особенным вниманием и помощью Советского государства.

² «О нашей жизни», Сборник рассказов, написанных студентами Северного фак. Ленингр. вост. ин-та и обработанных преподават. А. К. Подгорской, вып. 1. Север; вып. II. Восток. Л., 1929.

³ Nanaу Vichonі, Гольдско-ульчская книга для чтения. Т. Петрова, изд. Северного фак. Ленингр. вост. ин-та, Л., 1929.

⁴ «Тайга и тундра», № 1—5, Северный кружок при Северном фак. Ленингр. вост. ин-та, Краеведческий кружок ин-та народов Севера, Л., 1928—1933.

нальной советско-партийной школе выходил журнал⁵, в котором печатались первые произведения на корякском языке (очерки, рассказы, исторические предания). Кружок Ханты-Мансийского педагогического училища выпускал альманах с большим литературным отделом⁶. Оживленно работал и возникший в 1932 г. кружок Ямальского национального педагогического училища. Участники его собирали фольклор, переводили произведения Пушкина, писали стихи, рассказы и пьесы на ненецком языке. Этот кружок также имел свой журнал⁷.

Первый литературный призыв дал известных впоследствии писателей и поэтов ставших основоположниками национальной литературы. Таковы хант Л. Вайветкин, ненцы И. Ного и Н. Былка, эвенки В. Пежемский, А. Салаткин-Лонтогир, Н. Сахаров и др.

Тематика первых произведений характерна для начального этапа формирования литературы. Впервые соприкоснувшись в школе и кружках с русской художественной литературой и делая попытки создать собственные произведения в письменной форме творчески одаренная молодежь черпала темы и сюжеты из жизни своего народа, воспоминаний детства и устного народного творчества. Поэтому их произведения насыщены этнографическими сведениями. В очерках и рассказах отражена прежняя жизнь ненцев, хантов, мансов, эвенков, нанайцев, нивхов и других народов. Авторы описывают родную природу, тайгу и тундру, смену времен года и особенно любовно изображают наступление весны, несущей тепло и свет, появление рыбы и птицы. Едва ли не главное место занимают рассказы об исконных промыслах и прежде всего об охоте. Эти рассказы богаты интересными деталями, характеризующими разнообразие приема добычи зверей, в них занимательно описаны различные происшествия, случившиеся охотниками. В одних рассказах нашел отражение быт оседлых рыболовов, в других описывается жизнь кочевых оленеводов, тяжелый труд пастуха, постоянные кочевки и пр. Много очерков и рассказов посвящено семейной жизни, в них обрисовано угнетенное положение женщины, тяжелая доля сирот, изображены свадебные обряды, сватовство, калым. Они дают представление о народных верованиях и роли шамана. Встречаются описания праздников, любимых развлечений и т. п.

В произведениях на современные темы рассказывается о гражданской войне, красных партизанах, первых национальных советах и школах, пионерских отрядах и комсомольских организациях, о начинавшейся индустриализации и организации колхозов, сопротивлении кулаков и шаманов. Таковы, например, содержательные очерки коряк П. Гуторова⁸ и эвенка Д. Диодорова⁹. Интересны рассказы студентов о первых путешествиях, совершенных с Камчатки, Сахалина и других далеких окраин в крупные центры страны. Молодежь делится впечатлениями, которые на нее произвели каменные громадины-дома, площади и улицы, городской шум и движение, общенародные праздники и демонстрации. Яркое представление об этих своеобразных впечатлениях дают очерки коряка Н. Ноянова¹⁰, нанайца Я. Самара¹¹, анонимных авторов долганов, камчадалов и других¹² («Город Ленинград», «Как я попал на Севфак», «Поезда в Москву») и появившееся позже автобиографическое стихотворение «Ленинград» эвенка Г. Чинкова.

Значительное место в этих первых сборниках занимает фольклор: былины о богатырях и межплеменных войнах, различные предания, сказки, бывальщины. Многие из этих текстов содержали не известные ранее сюжеты или новые варианты. Ненец А. Хатанзейский опубликовал записанные им на Мурмане тексты под названием «Самская старина и сказки»¹³. Эвенк Ачкин записал баргузинскую «Легенду о Ермаке»¹⁴ в которой подвиги героя перенесены в Забайкалье. Г. Орлов опубликовал бывальщину «Сирота Талка»¹⁵. Особенно богато представлены излюбленные северными народами сказки о животных (эвенкийские, ульчские, нивхские, хантыйские и др.). Некоторые из опубликованных фольклорных произведений представляют собой лишь запись устных повествований, другие носят явные следы литературной обработки.

Эти первые произведения литературы народов Севера далеки еще от подлинно художественного творчества. Тем не менее все они представляют большой интерес как зачаточные формы развития литературы. Некоторые из них напоминают отрывки из дневников, другие — маленькие рассказы или стихотворения в прозе, иные близки к очерку либо статье. Язык отличается своеобразием словаря. Своеобразна и конструкция речи: преобладают существительные, мало прилагательных; очень редко встреча-

⁵ «К новой жизни», Журн. курсантов Корякской нац. советско-партийной школы № 1—2, Корякская культбаза Комитета Севера, 1933.

⁶ «Советский Север», Фольклорно-этнографич. и литературно-искусствоведческий альманах, № 1—4, Кружок нац. творчества Ханты-Мансийского педагогич. училища Ханты-Мансийск, 1937.

⁷ «Искра Ямала», Литературно-производств. журн., Комитет ВЛКСМ и профком Нац. пед. училище, Салехард, 1937—1945, №№ 1—4; 1948—1954, №№ 1—5.

⁸ П. Гуторов, Шаманская организация в селе Карага, «Тайга и тундра», № 1 (4), 1932.

⁹ Д. Диодоров, Советская тайга не для кулака, «Тайга и тундра», № 3, 1931.

¹⁰ Н. Ноянов, С Камчатки в Ленинград, «Тайга и тундра», № 1 (4), 1932.

¹¹ Я. Самара, Впечатления от демонстрации, «Тайга и тундра», № 1 (4), 1932.

¹² «О нашей жизни», вып. 1, Л., 1929.

¹³ «Тайга и тундра», № 2 (5), 1933.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

ются сложные, особенно придаточные предложения, почти совсем отсутствуют деепричастные обороты. Заметно стремление пользоваться прямой речью, местоименными формами, однокоренными словами¹⁶. Наряду с этим можно отметить попытки обогащения языка новыми словообразованиями, заимствованными из русской речи (последние относятся главным образом к отвлеченным понятиям и не известным ранее явлениям материальной культуры).

Под непосредственным воздействием русской литературы авторы вводят, преимущественно в поэзии, прием сравнений, довольно редкий или совсем не известный в фольклоре некоторых народностей. Образы для сопоставлений они черпают из родной природы или привычной бытовой обстановки. Эти сравнения нередко поражают русского читателя своей неожиданностью. Так, изображая городскую жизнь, коряк Ноянов, эвенк Чинков и другие авторы сравнивают большие здания с горами, узкие улицы — с ушьельями, трамвай — с бегущими домами или железными нартами. Люди лютуют по городу, словно вода, без остановки; толпа кипит, как море, или напоминает муравейник и тучи комаров в тайге. Автомобили вызывают представление о медведях с круглыми ногами и необыкновенно большими ледяными глазами.

Участники творческих кружков благодаря постоянным занятиям литературой приобрели опыт работы над языком, у них постепенно формировалась литературная речь. Хотя отсутствие в те годы национальной письменности замедляло эти процессы, некоторые хорошо овладели языком и создали настоящие художественные произведения. Можно вспомнить рассказ эвенка Никулина «Моя первая охота на сохатого»¹⁷, стихотворение его соплеменника В. Пежемского «Тунгусу ИНС»¹⁸, призывавшее молодежь «занести луч ленинского знания» на родину, талантливую прозу и поэзию на немецком языке И. Лестмина («Шаман разоблачен», «Тундровик Сталину»)¹⁹ и другие. Особенно удачны в художественном отношении сказки, литературно обработанные эвенками, а также некоторые произведения корякской молодежи.

Произведения зарождавшейся литературы народов Севера носили черты реализма. Созданные на материале личных воспоминаний и рассказов стариков, зарисовки прежнего быта правдиво отражали тяжелую жизнь среди суровой природы, постоянные опасности и лишения, «замечательные качества трудового люда — честность и мужество». Авторы ярко оттеняли контрасты между прошлым и настоящим. Уже в самые начальные годы советского строительства произошли огромные перемены в сознании полупривычных охотников, еще накануне находившихся в плену патриархально-родовой идеологии и анимистических представлений, всяческих запретов и других предрассудков. С каждым днем мир для них все более расширялся, раздвигались тесные стены чума, мысль и воображение вырывались далеко за пределы привычного стойбища. Выразителями нового мировоззрения, только еще возникавшего в гуще трудового люда, стали передовые его представители — первые коммунисты, комсомольцы, молодежь, воспитанная советской школой и особенно сближавшаяся с русскими. Произведения вышедших из ее среды первых литераторов были результатом обогащения сознания и творческой потребности запечатлеть в художественной форме явления социалистической действительности, поделиться со своим народом новыми мыслями.

Вспоминая тот уже далекий начальный этап развития литературы народов Севера, надо воздать должное русским деятелям, воспитавшим первые писательские кадры. Русские учителя, этнографы и лингвисты создавали кружки национальной самодеятельности, любовно выращивали творчески одаренную молодежь. Помимо школьного обучения, они занимались с ними в кружках русским и родным языком и русской литературой, учили собирать и записывать фольклор, руководили сочинениями на заданные темы и переводами, помогали издавать журналы, сборники и т. д. Так, книга для чтения «О нашей жизни» была создана трудами педагога А. К. Подгорской, организаторами сборников «Тайга и тундра» были этнографы В. Г. Богораз и Н. К. Каргер, а журнала «Искра Ямала» — учитель П. Е. Чемагин. С. П. Стебницкий вырастил талантливую группу учеников-коряков, основавших свой журнал; этнографы и лингвисты В. В. Сенкевич и И. С. Гудков создали кружок национальной самодеятельности и альманах «Советский Север», откуда вышли первые хантыйские и мансийские писатели.

Дальнейший путь литературы народов Севера связан с небывалым развитием края в годы первых пятилеток. Индустриализация сопровождалась экономическим и культурным подъемом отсталых окраин, приливом туда русского населения, ростом и укреплением организаций Коммунистической партии. С образованием национальных округов и районов ускорился процесс реконструкции хозяйства, началась перестройка быта коренных народностей, приобщение их к новой культуре. Создание национальной письменности явилось началом подлинной культурной революции: массового просвещения, быстрого формирования национальных кадров и собственной интеллигенции, развития национальной печати.

Новые явления ежечасно вторгались в застоявшийся веками быт, обогащали родную речь новыми словами, рождали новые мысли, способствовали развитию социали-

¹⁶ Эта характеристика относится главным образом к первым произведениям, вошедшим в сб. «О нашей жизни» (вып. 1, Л., 1929).

¹⁷ «Тайга и тундра», № 2 (5), 1933.

¹⁸ Там же.

¹⁹ «Искра Ямала», 1937, № 1.

стического сознания. Именно в ту пору возникло у народов Севера понятие «род ны» — не как своего маленького уголка, а как необъятного и могучего социалистического отечества; «труда» — не как работы на себя, а как общего дела единого советского коллектива; «дружбы народов» — как близкой, неразрывной связи разнонациональных людей в совместном строительстве новой жизни. Все это вместе взятое послужило плодотворной почвой для развития национальной литературы.

Крупную роль в росте литературы и всего национального искусства играла и продолжает играть широко распространившаяся среди советских народов художественная самодеятельность. Известное значение в развитии северной национальной литературы имели также созданные в национальных районах отделения Комитета нового алфавита. Они объединяли местные литературные силы, оказывали им необходимую помощь, издавали их произведения.

В первой половине 1930-х годов, вслед за созданием письменности на родных языках, в литературу начали вступать один за другим представители народов Севера. Их произведения появляются в журналах «Звезда», «Литературный современник», «На рубеже», «Резец», «Сибирские огни», «Советская Арктика» и других, в общих²⁰ и северных национальных сборниках²¹, в местной национальной печати. Выходили и отдельные книги северных авторов — прозаиков и поэтов на родном языке и в русском переводе часто с параллельными текстами. Ко времени Великой Отечественной войны много национальной советской литература пополнилась произведениями мансов, хантов, нецев, эвенков, эвенов, нанайцев, удэгейцев, чукчей и коряков.

Завершение послевоенного плана восстановления и развития народного хозяйства СССР сопровождалось дальнейшим подъемом культуры народов Севера. Увеличилась сеть национальных школ, открылись новые национальные учебные заведения, возрос ряды национальной интеллигенции, возобновилось издание учебной, политической, художественной литературы на северных языках, вышли новые сборники произведений²² появились первые общие обзоры литературы народов Севера²³. Усилилось стремление молодежи к литературному творчеству. Повсюду, вплоть до далекой Чукотки, возникли кружки начинающих писателей.

В литературу вступило новое поколение прозаиков и поэтов, рожденных и воспитанных уже в советское время. Многие из них были участниками Великой Отечественной войны. Росту литературных сил, совершенствованию их мастерства способствовали творческие кружки и группы, созданные при национальных газетах и педагогических училищах (в Ханты-Мансийске, Салехарде, Хабаровске, Анадыре и др.), а также Северном отделении Ленинградского педагогического института им. Герцена.

Зачинателем мансийской литературы был кондинский колхозник Пантелеймо Еврин (Чайматов). В его повести «Два охотника»²⁴ отчетливо прозвучали новые мотивы, рожденные действительностью. Автор показал дружбу старика манса с русским колхозником, исчезновение недоверия к русским, освобождение сознания от предрассудков и ложных представлений. Художественные достоинства произведения заключаются в правдивом изображении внутреннего мира героя и живом описании тайги и охоты.

Уроженка Конды мансийская писательница Матрена Вахрушева начала с поэтической обработки мансийского фольклора, затем перешла к стихам на современной теме²⁵, а позже стала и прозаиком. В автобиографической повести «На берегу Малой Юконды»²⁶ Вахрушева вспоминает свое детство в глухой кондинской тайге, школу русских учителей, дальнейшее ученье в Институте народов Севера и в Ленинградском университете, возвращение на Конду для просвещения своего народа. Эта высокопоэтическая повесть от начала до конца проникнута любовью к родному краю, его людям и природе.

В послевоенное время в мансийскую литературу вступил прозаик М. Казанцев написавший «Рассказ о себе»²⁷, где повествуется о замечательном и вместе с тем та

²⁰ «О Ленине», Сб., ч. I—II, ГИХЛ, М., 1939.

²¹ «Север поет», Стихи поэтов народов Севера, ГИХЛ, Л., 1939; «Не верю шаманам». Рассказы и сказки, разоблачающие обманы шаманов, Изд. Главсевморпути. Л. 1939; «Хантыйская и мансийская поэзия». Пер. и вступ. статья И. С. Гудкова и В. В. Сенкевич, Омск, 1940.

²² «Мы — люди Севера», Рассказы, повести, стихи и песни писателей и поэтов народов Севера, «Молодая гвардия», Л., 1949; «Пламенное слово», Стихи, рассказы, повести, Новосибирск, 1950; «Солнце над чумом», Сказки, песни и стихи народов Севера Детгиз, Л., 1948; «Творчество народов Севера», проза и поэзия, Л., 1954.

²³ М. А. Сергеев, Литература народов Севера, «Сибирские огни», 1952, № 5; его же, Литература народов Севера, «Камчатская правда», 1951, № 145; его же, Литература народов Дальнего Востока, «Дальний Восток», 1954, № 4.

²⁴ П. Еврин (Чайматов), Два охотника. С пер. на рус. яз. и предисл. В. Наумовой, Учпедгиз, Л., 1940.

²⁵ Стихи М. Вахрушевой печатались в сборниках «Север поет», «Солнце над чумом», «Пламенное слово», «Мы — люди Севера», «Творчество народов Севера».

²⁶ М. Вахрушева, На берегу Малой Юконды. Авториз. пер. Г. Гора, В сб. «Творчество народов Севера», Л., 1954.

²⁷ М. Казанцев, Рассказ о себе, В сб. «Мы — люди Севера», Л., 1949.

ком обычном в советское время жизненном пути от мальчика из семьи бедняка-охотника до капитана Советской Армии и юриста с высшим образованием.

Недавно стал испытывать свои силы в рассказах на промысловые темы студент Института им. Герцена манс Николай Содомин.

Первым хантыйским поэтом был Г. Лазарев, питомец Ханты-Мансийского педагогического училища. Начав с литературной обработки народных героических былин и лирических песен, он стал затем писать стихи на современные темы²⁸. Его перу принадлежит перевод на родной язык «Интернационала». Он переводил также стихотворения Некрасова и других русских поэтов.

Затем появились поэты Д. Тебетев, Г. и Л. Вайветкины и П. Хатанзеев, ненец по происхождению, пишущий на хантыйском языке, автор первой хантыйской книги для чтения. В последние годы начали выступать молодые прозаики и поэты Я. Неткин, Г. Трифонов, Н. Шульгин.

Быстро растет ненецкая литература. В первом выпуске сборника «Заполярье», изданном в Нарьян-Маре в 1935 г. по случаю пятилетнего юбилея Ненецкого национального округа, участвовали два ненца — С. Ного и Е. Талеев. Год спустя, в следующем выпуске сборника выступили уже пять ненецких писателей, среди них — С. Ардева, И. Ноготысый, Е. Соболев и другие²⁹. В то же время начали свою литературную деятельность поэт и собиратель фольклора Тыко Вылка³⁰ и его племянник писатель Николай Вылка, известный также как художник-график и скульптор.

Заметную роль в развитии ненецкой литературы и создании журнала «Искра Ямала» сыграл уроженец Ямало-Ненецкого национального округа, автор нескольких рассказов и первый ненецкий драматург Иван Ного. В том же журнале впервые выступил разносторонне одаренный прозаик, поэт и драматург И. Г. Истомин. Коми по происхождению, он пишет на русском, ненецком и родном языках. Его оригинальные произведения и переводы постоянно печатаются в центральных и сибирских журналах и альманахах. Недавно вышли в свет два сборника его произведений — стихи и проза³¹. Проза представлена большой повестью «Последняя кочевка» (об оседании кочевых ненцев Ямала) и циклом рассказов из современной жизни рыбаков, охотников и оленеводов Ямала.

Большую роль в воспитании первых ненецких литераторов сыграли крупный исследователь ненцев Г. Д. Вербов и выдающийся деятель культуры ненецкого народа А. П. Пырерка — первый ненец научный работник, составитель словарей, книг для чтения, фольклорных сборников и автор рассказов³².

В послевоенные годы развитию ненецкой литературы много способствовал литературный кружок Ямальской окружной газеты «Нарьяна Нгэрм» («Красный Север»), которым руководит И. Г. Истомин. В кружке выросла целая плеяда даровитых поэтов, прозаиков и драматургов: ненцы — Ламбай, Леонид Лапуцуй, Елена Сусой, Иван Юганпелик, Нина и Елена Ядне, ханты — Я. Неткин, С. Рябчиков, Л. Шульгин, селькул К. Тамелькин, коми — Ф. Конев. Все они активно сотрудничают в газете, собирают и публикуют национальный фольклор, пишут пьесы, переводят на ненецкий, хантыйский и коми языки русские песни.

В последнее время в тюменской печати появились произведения нового ненецкого поэта А. Талигина.

К лучшим образцам ненецкой прозы принадлежит цикл рассказов Николая Вылка о прошлом ненцев Малоземельской тундры и Новой Земли: «Марья»³³, «Вылка на острове»³⁴, «Рассказ ненца»³⁵. Близкие по замыслу и сюжету, первые два произведения рисуют жизнь безолодной ненецкой бедноты, бежавшей от нужды и эксплуатации на Печорский север и Новую Землю. В ярких реалистических картинах писатель изобразил гнетущую зависимость людей от промысла, вечную неуверенность в завтрашнем дне, постоянный страх перед голодом и всевозможными бедами, постигавшими их на каж-

²⁸ Цикл стихотворений Г. Лазарева помещен в кн. «Хантыйская и мансийская поэзия», Омск, 1940.

²⁹ «Заполярье», Сб. I и II, Изд. газ. «Нарьян-Вындер», Нарьян-Мар, 1935 и 1936.

³⁰ И. К. Вылка (Тыко Вылка), единственный из всех представителей народов Севера до Октябрьской революции, получил художественное образование в Москве благодаря содействию художника Переплетчикова. После Октябрьской революции И. К. Вылка — бессменный председатель Новоземельского островного Совета депутатов трудящихся. Деятельный исследователь Арктики, И. К. Вылко избран членом Всесоюзного географического общества.

³¹ И. Истомин, Наш Север, Стихи (с русским текстом), Учпедгиз, Л., 1953; его же, Обновленная тундра, Рассказы и повести, Тюмень, 1954.

³² А. Пырерка, Сын старушки, Гос. изд-во худ. литер., Л., 1939; его же, Ненецкие сказки, Рис. Н. Вылка, Детиздат, Л., 1935.

³³ Н. Вылка, Марья, Пер. на рус. яз. Г. Вербова. Рис. автора, ГИХЛ, Л., 1938.

³⁴ Н. Вылка, Вылка на острове. Пер. с ненец. и рис. автора, Журн. «Наша страна», 1937, № 5—6; его же, «На острове». Пер. на рус. яз. Г. Вербова. Рис. автора, ГИХЛ, Л., 1938; его же, Как мы жили при царе. Пер. с ненец. автора, Журн. «Советская Арктика», 1937, № 11.

³⁵ Н. Вылка, Рассказ ненца, В сб. «Не верю шаманам», Л., 1939.

дом шагу. Только благодаря дружбе и величайшей трудовой сплоченности охотникам удавалось спастись от гибели. А когда они несколько оправились и стали на ноги, на остров нагрянули зарубежные хищники и совершенно их обобрали. Заканчивается второе произведение вестями о Ленине и начале новой жизни на Большой земле. «Расказ ненца» посвящен разоблачению шамана.

Художественные произведения Вылки представляют большой этнографический интерес. Автор дает подробные описания различных явлений материальной и духовной культуры ненцев, характеризует их социальные отношения, тонко передает живой народный язык. В литературном отношении особенно интересны повести «Марья» и «Вылка на острове», после появления которых Вылка был принят в Союз советских писателей. Они известны русскому читателю в превосходных переводах самого автора и крупного знатока ненецкого языка и культуры Г. Д. Вербова. Переводы полностью сохранили своеобразие строя речи, художественных приемов и вообще всего национального стиля. Повествование чрезвычайно сжато и вместе с тем выразительно и насыщено действием. На нескольких десятках страниц развернута целая эпопея. Рассказы написаны короткими фразами, преимущественно простыми предложениями. Характеристики персонажей скупые, но точные. Каждый обрисован всего лишь несколькими чертами, умело раскрыт в диалоге, и все они — живые и разные. Так же лаконичен писатель в изображении пейзажа. Иногда он нарисован одним-двумя штрихами, однако его легко себе представить. Оригинальны и вместе с тем характерны сравнения, подчеркнутые из близкой, повседневной обстановки: «отец сидел молчаливый, как сопка» «чумы виднелись, как гусиные шеи»; волны похожи на запыхавшихся оленей, а мелькающая в море лодка — на утку-морянку и т. д. Нельзя не отметить художественной выразительности таких, например, противопоставлений и сравнений: «он пел песни а меня украл сон»; «старики живут так дружно, что между ними даже вода не пройдет», и т. д. Не менее характерен и такой, идущий от фольклора прием, как введение в прозаический текст стихотворных стрóf (песен-импровизаций), заменяющих иногда целые диалоги. Очень гибка интонация писателя. Тексты о борьбе людей с полярной природой, о выпадавших на их долю бедах звучат сурово и предельно лаконично, а страницы о дружбе и взаимопомощи охотников, заботе о стариках согреты подлинно человеческим теплом.

Первое оригинальное произведение на эвенкийском языке появилось в 1935 г. Это — эпическая поэма «Гегдаллукон и Ульгэриkkэн», написанная А. Салаткиным-Лонтогиром³⁶, учителем из Катангского национального района. Спустя два года в конкурсе Издательства художественной литературы участвовало уже семь эвенков и один из них получил премию. Вместе с А. Салаткиным зачинателями эвенкийской поэзии были молодые поэты А. Платонов, Г. Чинков и Н. Сахаров, опубликовавшие в журналах и сборниках много песен и стихотворений, посвященных родной природе, промыслам и современным общественно-политическим темам. А. Платонов³⁷ и Г. Чинков³⁸ выпустили несколько отдельных сборников своих произведений. Позднее выступили поэты А. Кириллов, С. Пикунов, А. Солтураева, Бираулев, Хукачар и другие³⁹. После Отечественной войны стала известна поэтесса О. Салаткина-Вакуагир.

Ранняя эвенкийская проза представлена небольшими рассказами Г. Маркова, Наумова, С. Пикунова и повестями Н. Сахарова. После Отечественной войны появились новые прозаики — Н. Ламатканов и П. Савин.

В своем первом произведении «Детство Никиты» Н. Сахаров описал жизнь сироты в дореволюционное время⁴⁰. В повести «Красный суглан»⁴¹ рассказывается о жизни Тунгиро-Олекминского национального района в 1929 г. В ту пору быстро пробивались ростки новой жизни, укреплялся национальный Совет, увеличивались ряды комсомольцев, люди потянулись в колхоз. Усилилось и сопротивление кулаков и шаманов. Эти события и посвящена повесть.

П. Савин написал автобиографическую повесть «Второе рождение»⁴². Автор рассказывает жизнь юноши из семьи оседлых бирских эвенков, испытывавших в свое время сильное влияние русской культуры, и его последующую судьбу. Наиболее интересны описания школы и промыслов.

³⁶ А. Салаткин-Лонтогир, Гегдаллукон и Ульгэриkkэн. Пер. В. Наумов Изд. Главсевморпути, Л., 1940. Другая книга стихотворений А. Салаткина «Аги — эврэн» («Тайга играет») вышла только на эвенкийском языке.

³⁷ А. Платонов, Песни эвенка, Гослитиздат, Л., 1938; его же, Избранные стихотворения и песни. Прилож. А. Платонов, Моя жизнь, Учпедгиз, Л., 1940 (смертная).

³⁸ Г. Чинков-Эдьян, С. Сахалина, Родная земля. Стихи, Гослитиздат, Л., 1940; его же, Стихи, Изд. Главсевморпути, Л., 1939; его же, Гарпаниндя, Сказка — сказание, Изд. Главсевморпути, Л., 1939; его же, Сулакичан, Детгиз, Л., 1940.

³⁹ Произведения эвенкийских поэтов опубликованы, помимо книг, упомянутых выше (прим. 22), в следующих изданиях: «Детям. Сборник стихов и песен эвенкийских поэтов, Учпедгиз, Л., 1940; А. Олхон, Северное сияние, Иркутск, 1947.

⁴⁰ Отрывки из этой повести опубликованы под названием «Хуокун Никити («Маленький Никити») в эвенкийском альманахе «Учэлэ Тыкин», вып. 1, Л., 1938.

⁴¹ Н. Сахаров, Красный суглан. Пер. И. Кратта, В кн. «Творчество народ Севера», Л., 1955.

⁴² П. Савин, Второе рождение. Пер. Г. Гора, Там же.

В поэтическом рассказе Н. Ламатканова «Качона»⁴³ описывается работа молодого учителя среди витимских эвенков. Хорошо передано стремление эвенков к просвещению. Даже старшее поколение поняло необходимость учения.

Начало эвенской литературы положил талантливый поэт и прозаик Н. С. Тарабукин. После окончания Института народов Севера он уехал в родные места, на далекую Индигирку, и посвятил всю жизнь просвещению своего народа. Он написал много стихотворений, поэм, песен и повесть «Мое детство»⁴⁴, завоевавшую большой успех у советского читателя. Автор дает яркие картины прошлого быта таежных охотников, описывает исконные промыслы, обычаи и верования, беспросветную нужду бедняков. Живописно изображает он родную природу — суровый пейзаж гор и лесов, смену времен года: наступление осени, опечаленнейшей тополи и лиственницы; зимы, покрывшей все белым заячьим одеялом, и — особенно любовно — приход долгожданной весны. На этом фоне развивается автобиографическое повествование о детстве сироты, прошедшего тяжелый искус батрачества у богатей, а после революции ставшего «сыном исполкома» и попавшего в советскую школу. Увлекающее своей искренностью, глубоко поэтическое произведение Тарабукина как бы положило начало тому своеобразному жанру литературно-художественной автобиографии, которому отдали дань едва ли не все молодые прозаики Севера (Вахрушева, Казанцев, Сахаров, Савин и др.), а впоследствии известный писатель Джанси Кимонко.

Повесть «Мое детство» выделяется большой непосредственностью, простотой изобразительных средств и высоким лиризмом. В ней ярко выражены характерные особенности, присущие литературе народов Севера. Вся она состоит из маленьких глав — отдельных эпизодов. Написана она короткими предложениями, в тексте много диалогов, иногда составляющих целые главы. В той или иной мере переработанные отдельные главы «Моего детства» («Я пасу оленей», «Дед из ружья промахнулся» и др.) давно уже вошли в учебные пособия для северных национальных школ и, кроме того, печатались в сборниках произведений писателей народов Севера.

Из других эвенских поэтов назовем уроженца Быстринских хребтов (на Камчатке) А. Черканова, выступившего с книгой стихов о родной природе⁴⁵, вошедших в хрестоматию для национальных школ. Много песен на современные темы написал ольский эвен И. Бабцев. Большая заслуга в развитии национальной литературы принадлежит охотскому эвену А. Кочерову, журналисту и редактору местных журналов и сборников, собирателю фольклора, руководителю олимпиад художественной самодеятельности.

Недавно появилось произведение нового эвенского прозаика Г. Семенова «Снайпер»⁴⁶ — горячий патристический рассказ о трудовых подвигах эвен в годы Отечественной войны. Круглыми сутками, в любую погоду колхозники ловили рыбу в ковальных охотских водах, старики не отставали от молодежи. Охотники проявляли много изобретательности, стремясь добыть больше пушнины на оборону. Герой рассказа попадает на фронт и становится замечательным снайпером. Тема другого рассказа того же автора («Медведь и капуста») — успехи мичуринской агрономии на суровой охотской земле.

Первыми произведениями нанайской литературы были маленькие рассказы на бытовые темы, написанные Л. и А. Бельды в 1932—1933 гг. в содружестве с их учителем, ныне ученым-лингвистом В. Аврориным⁴⁸. В 1930-х годах начал литературную деятельность уроженец Кондома Аким Самар. Он написал в ту пору много стихов и несколько рассказов («Летний отдых», «Товарищи» и др.). Увлекался он и нанайским фольклором, усердно записывая образцы от стариков. Поступив затем в Институт народов Севера, Самар близко познакомился с русской поэзией. После выхода в свет двух сборников его стихотворений⁴⁹ он был принят в Союз советских писателей. Самар воспевает в своих стихах Родину, новую жизнь нанайцев, природу Амурского края. Одаренность писателя сказалась и в его крупном прозаическом произведении «Сын бедняка»⁵⁰, повествующем о пути героя от прошлого к настоящему, пройденном им вместе со своим народом. Живо и правдиво автор показал, как тяжело пришлось раньше нанайцам, которых обирали и спаивали хищники-торговцы, как измученные нуждой охотники и рыбаки ждали «власть бедных людей» и как оправдались эти надежды⁵¹.

⁴³ Н. Ламатканов, Качона, Пер. Г. Гора, Творчество народов Севера, Л., 1955.

⁴⁴ Н. Тарабукин, Индигирские стихи. Рисунки автора, Гослитиздат, Л., 1936; его же, Полет золотой девушки, Стихи, Гослитиздат, Л., 1937; его же, Мое детство, Повесть, Пер. Г. Гора. В кн. «Творчество народов Севера», Л., 1955.

⁴⁵ А. Черканов, Горячие ключи, Сборник песен, Гослитиздат, Л., 1939.

⁴⁶ Г. Семенов, Снайпер, Рассказ, Пер. Г. Гора, В кн. «Творчество народов Севера», Л., 1955.

⁴⁷ Г. Семенов, Медведь и капуста, Пер. В. Шефнера, В кн. «Пламенное слово», Новосибирск, 1950.

⁴⁸ В. А. Аврорин, Л. Бельды, Бедняк Гара, Учпедгиз, Л., 1932; В. А. Аврорин, А. Бельды, Как Бага пошел учиться, Учпедгиз, Л., 1933.

⁴⁹ Аким Самар, Песни нанайца. Пер. А. П. Путинцевой, Гослитиздат, Л., 1938; его же, Стихи, Ред., пер. и предисл. А. Путинцевой, Учпедгиз, Л., 1940; его же, Песни нанайца, Сб. стихов, Учпедгиз, Л., 1946 (посмертное издание).

⁵⁰ А. Самар, Сын бедняка, Пер. Г. Гора, В кн. «Мы — люди Севера», Л., 1949.

⁵¹ О жизни и творчестве А. Самара см.: А. Базанов и Н. Казанский, Школа на Крайнем Севере, Учпедгиз, Л., 1939; М. Каплан, Творчество первого нанайского

В конце 1930-х годов появились стихи на публицистические темы и небольшие рассказы К. Гейкера, тоже воспитанника Института народов Севера. В последнее время нанайская литература пополнилась произведениями поэта А. Пассара и прозаика Г. Ходжера. Стихи Пассара посвящены природе Амура, чудесному преобразованию родной земли, школе, дружбе нанайцев с русскими⁵². В рассказах Ходжера описывается жизнь амурских рыбаков и рост молодой национальной интеллигенции⁵³.

В 1951 г. выступили в печати литераторы ульчи. Педагоги И. Вальдю и И. Боявса издали книжку об опыте передовых охотников⁵⁴. Вальдю опубликовал серию старых и современных сказок ульчей⁵⁵. Испытывает свои силы в прозе студент Ленинградского института им. Герцена Б. Ван.

Основателем литературы удэге является выдающийся деятель удэгейской культуры Джанси Кимонко. Все его детство прошло в непрерывных скитаниях по уссурийской тайге, в поисках зверя и рыбы. Беспросветная нужда была постоянным спутником его народа. В суровые годы интервенции и гражданской войны темные охотники удэге не могли осознать значения происходивших событий. «Зарево над лесами вызывало тревогу. Старики говорили, что это русские воюют, гибнут люди, что кровь их поднимается высоко и стонет в небе»,—в таких словах вспоминал то время Джанси в беседах с писательницей Ю. Шестаковой⁵⁶. Но сам Кимонко уже тогда устремился к новому и ушел к красным партизанам.

Кимонко стал вожаком соплеменников в трудную пору коренной перестройки их жизни. Он первым среди удэгейцев вступил в Коммунистическую партию и первым из них отправился учиться. Кимонко создал первый удэгейский колхоз и руководил им. Он же является и зачинателем национальной удэгейской литературы. В 1936 г. по явился его первый рассказ «Бага», свидетельствующий о большой одаренности автора. Тогда же он принялся слагать стихи, ставшие вскоре подлинно народными песнями⁵⁷. В полной мере талант Кимонко развернулся в послевоенное время. В творческом содружестве с писательницей Ю. Шестаковой он написал несколько автобиографических произведений⁵⁸, вошедших позже в широко известную и неоднократно переиздававшуюся повесть «Там, где бежит Сукпай»⁵⁹. Эта повесть — наиболее значительное интересное и своеобразное явление в литературе народов Севера. Она написана в широком плане и представляет собой семейную хронику. В жизненном пути семьи Джанси Кимонко раскрыта судьба всего удэгейского народа.

Мастерски раскрыт духовный мир полупервобытных охотников: накопленные веками замечательные реальные знания и сочетавшиеся с ними наивные верования и образы, своеобразное восприятие явлений природы и общества. Хорошо показано, как становление новой жизни отражалось в сознании удэгейцев, как рождались у них новые мысли, возникали противоречия между новыми и прежними представлениями как люди росли духовно.

На повести сказалось влияние русской литературы, но вместе с тем в ней ярко отразилось и все своеобразие национального художественного творчества. Сильно сказались воздействие фольклора. Явно от фольклора идут неоднократно встречающиеся в повести эпические обращения к родной земле, вторгающийся местами, особенно в начале глав, былинный слог, обилие стихотворных вставок, в частности, распространённых у удэгейцев песен-импровизаций, о которых так хорошо сказал сам автор: «Идешь по тайге... и в душу просится песня». Показательны и такие художественные приемы, как повторы, сравнения, эпитеты и пр. Все эти изобразительные средства в сочетании с подлинно народным языком и отмеченной выше этнографической тканью повествования создают ярко выраженный национальный стиль произведения.

Первые художественные произведения коряков, как указывалось выше, были напечатаны в журнале «К новой жизни», выходившем в национальной советско-партийной школе. В 1933 г. в двух номерах этого журнала были опубликованы 33 произведения (бытовые очерки, рассказы и предания) на корякском языке, иллюстрированные самими авторами. Из литературного кружка школы, а также из среды студентов Института народов Севера вышло много талантливых молодых литераторов-коряков: Аюнымына, П. Беляков, Вачакалэн, Енагыт, С. Заев, Трифон Кавав, Кававгынына

поэта Акима Самара, «Советская этнография», 1949, № 4, а также в сборниках его произведений.

⁵² Пассар, Буэ Сиумэ Кэсипу. Стихсэл. Приложение. А. Пассар, Солнечный свет (русский текст), Хабаровск, 1952.

⁵³ Г. Ходжер, Письмо от сына, Рассказ. Журн. «Дальний Восток», 1953, № 6; его же, Соперники, Рассказ, «Дальний восток», 1953, № 5.

⁵⁴ И. Вальдю, И. Боявса, У следов лисицы, Хабаровск, 1951.

⁵⁵ Алексей Вальдю, У костра, Журн. «Дальний Восток», 1953, № 2.

⁵⁶ Ю. Шестакова, Первый из Удэге, Газ. «Тихоокеанская Звезда», 1947, № 291.

⁵⁷ Несколько песен Д. Кимонко опубликовано в кн. «Творчество народов Севера», Л., 1954.

⁵⁸ Д. Кимонко, Зарево над лесами. Пер. Ю. Шестаковой, Журн. «Дальний Восток», 1948, № 1; его же, Красное Знамя. Пер. Ю. Шестаковой, «Дальний Восток», 1950, № 1.

⁵⁹ Джанси Кимонко, Там, где бежит Сукпай. Пер. и литер. обраб. Ю. Шестаковой. «Молодая Гвардия», М., 1951.

«Иван Кавав), Како, Кэчгын-айнавын, Д. Лазуков, Тавитын, Эвкыто, Энагыт и другие. Все они были в свое время первыми комсомольцами и колхозниками, а затем учились в национальных учебных заведениях. Вернувшись на родину, они работали учителями, инструкторами Комитета нового алфавита, руководителями национальных советов и колхозов⁶⁰. После опубликования первых литературных опытов в своей газете⁶¹ и журнале они выступили с многочисленными произведениями в книгах для чтения, предназначенных для корякской национальной школы⁶². Большинство этих маленьких очерков и рассказов построено на фактах личной жизни. Эти произведения интересны еще и тем, что авторы их являются представителями едва ли не всех различных по формам культуры групп корякского народа: кочевых оленеводов (чавчученов и алюторцев), оседлых морских охотников (каменцев, апукинцев) и рыболовов (карагинцев, тигильцев). Просто и вместе с тем ярко и содержательно рассказывают авторы о прежней жизни корякской бедноты, о появлении на Камчатке белогвардейцев и борьбе с ними партизан, о возникновении советов и школ, о своем личном пути от старого к новому. Очень живы и интересны многочисленные рассказы об охоте, морском и рыболовном промысле, пастушестве, а также о путешествиях авторов в большие города. Многие из начинающих литераторов коряков усиленно занимались фольклором и сделали ценный вклад в историю своего народа, собрав совершенно неизвестные ранее «предания из жизни предков».

Наиболее значительны в художественном отношении повести коряков Кецай Кеккетына и Льва Жукова. Л. Жуков написал историческую повесть «Нотаймэ»⁶³, отрывки из которой вошли в школьные книги для чтения. Первое большое произведение Кеккетына «Эвныто-батрак» написано в студенческие годы. О том, как оно возникло, автор говорит следующее: «Когда мы учились на своем языке, чуть не на каждом уроке спорили, как правильно писать слова. Одни из нас гогорили на диалекте оседлых, а я и Микуйль Ноянов — на диалекте кочующих. Я начал думать и решил: напишу какую-нибудь большую записку, чтобы туда вошли все наши слова. Так летом 1934 г. у меня сложился рассказ о том, как жили раньше батраки... Думаю, вот тут собраны все слова кочевые...». Часть повести была напечатана в газете «Инсовец», а затем она вышла отдельной книгой в двух изданиях — на корякском и русском языках⁶⁴. Кеккетын написал еще две повести «Последняя битва» и «Хоялхот»⁶⁵, а также цикл маленьких рассказов на разные темы из местной жизни («Во время гражданской войны», «Беспечный», «Молодые пастухи», «Орел», «Соболь», «Кино» и др.). Яркие по содержанию и живо написанные, почти все они вошли в учебные пособия для национальной школы. Кроме того, Кеккетын составил «Книгу для чтения», предназначенную для школьников, и перевел на родной язык некоторые произведения Пушкина («Метель», «Станционный смотритель») и Чехова («Беглец», «Спать хочется»).

В повести «Хоялхот» изображена жизнь коряков-олленеводов накануне революции. Как бы продолжением ее является рассказ «Эвныто-батрак», о котором автор говорит: «Здесь я пишу о том, как наши богачи обращались с бедняками при царе. Здесь я пишу о том, как Эвныто был угнетен при старом законе богачом. И как потом избрали его председателем при новом законе, и он начал учиться в Тигиле, чтобы хорошо новую жизнь строить». В рассказе использованы факты из биографии отца писателя, прошедшего путь от голодного, забитого в прошлом батрака до строителя новой культуры корякского народа.

В произведениях Кеккетына впервые в литературе подробно изображена жизнь наиболее отсталой в прошлом и мало изученной части корякского народа — оленеводов чавчученов. Автор показал тяжелый труд пастуха, горячую пору рыбного промысла, охоту на пушных и других зверей, домашний быт в убогой яранге, дружбу и взаимопомощь бедноты, любимые развлечения молодежи, состязания в силе и ловкости, оленьи бега, коллективные угощения на праздниках. Большой интерес, в частности, представляет описание господствовавших в прошлом у чавчученов форм эксплуатации, а также характеристика семейных отношений, описание брачных обычаев и обрядов.

Автор отразил пробуждение классового самосознания бедняков чавчученов. В относящейся к более раннему времени повести «Хоялхот» нотки протеста против соци-

⁶⁰ Автобиографии нымыланов, Перев. с нымыланского С. В. Стебницкого, Сб. «Советская этнография», I, Л., 1938; Отрывки из автобиографий алюторцев курсантов Окружной советской партийной школы Корякск. нац. округа см. в ст. С. Н. Стебницкого «Нымыланы-алюторцы», тот же сборник; см. также предисловие С. Н. Стебницкого в издании «Наша книга», Учпедгиз, Л., 1935.

⁶¹ «Нымыланские известия» Стенная газета нымыланов (коряков) — учеников Института народов Севера, Л., 1931—1933.

⁶² «Наша книга». Предисл. и пер. с нымыланского яз. С. Н. Стебницкого, Учпедгиз, Л., 1935; «Книга для чтения», ч. 2. Пер. с корякского (нымыланского) яз. С. Н. Стебницкого, Учпедгиз, Л., 1940. В этих двух изданиях опубликовано свыше 40 произведений 14 авторов-коряков.

⁶³ Л. Жуков (Из села Кахтань), Нотаймэ, Рассказ. Пер. с корякского (нымыланского) языка С. Н. Стебницкого, Детгиз, Л., 1938.

⁶⁴ Кецай Кеккетын, Эвныто-батрак, Пер. С. Н. Стебницкого, Детгиз, Л., 1936.

⁶⁵ Кецай Кеккетын, Последняя битва, Рассказ. Пер. С. Н. Стебницкого, ГИХЛ, Л., 1936; е го же, Хоялхот, Рассказ. Пер. С. Н. Стебницкого, Изд. Главсевморлуты, Л., 1939; также в кн. «Творчество народов Севера», Л., 1954.

альной несправедливости звучат еще редко и робко, выражаются только в издевках над жадностью, скупостью и самомнением богачей. В рассказе «Эвныто-батрак» беднота и богачи уже резко противопоставлены друг другу. Чувство презрения сменяется ненавистью. Разгорается классовая борьба. Хорошо переданы другие изменения в сознании бедноты: постепенное отмирание старых представлений о духах — хозяевах природы, падение авторитета шамана, возникновение первых ростков нового мировоззрения. В рассказе описано становление Советской власти у чавчуменов: проникновение в тундру вестей о «новом законе»⁶⁶, появление русских и помощь их корякам, возникновение национальных советов и воспитание первых национальных кадров, упорное сопротивление и разгром кулачества. В живых, исторически правдивых эпизодах автор раскрывает те своеобразные формы, в которых осуществлялась национальная политика Коммунистической партии в соответствии с особенностями быта и культуры народа.

Переводы С. Н. Стебницкого дают отчетливое представление о национально-художественном стиле произведений Кеккетына. В них сохранены свежесть и наивность только еще возникшего в ту пору литературного языка, передан своеобразный строй речи, ее лаконичность, обилие междометий, отражены новые, рожденные советской действительностью словообразования («острошапочники» — красноармейцы, «старо» — «новозаконные» — приверженцы старого и нового строя). Живописный этнографический фон усиливает национальный колорит произведений.

К совершенно иному жанру относятся повести «Последняя битва» Кеккетына и «Нотаймэ» Жукова, имеющие много общего и по содержанию и по форме. Они построены на фольклорной основе, главным образом на материале исторических преданий отчасти сказаний о жизни предков, мифов, сказок о животных. Писатели творчески переработали этот материал, ввели новые, вымышленные эпизоды, изменили и развили старые, связали все единой сюжетной линией и создали в результате оригинальные исторические повести. Тема их — прекращение вражды между чавчуменами и чукчами с одной стороны, и между отдельными группами коряков, с другой; превращение разрозненных локальных групп в единый корякский народ. Как переводовые представители своего народа, осознавшие задачи национального строительства, авторы в этих своих исторических произведениях утверждают идеи равноправия и дружбы народов.

В неопубликованной статье о повестях «Последняя битва» и «Нотаймэ» С. Н. Стебницкий⁶⁷ тонко подметил стремление молодых писателей к реалистическому претворению образов старого фольклора и сильное влияние на них русской литературы. Это сказалось и в образах героев, превратившихся из сказочных богатырей в реальных людей и в трактовке фольклорных эпизодов, освободившихся от элементов чудесного, фантастического, и т. д. Произошли значительные изменения в языке да и во всем стиле произведений. Появились, в частности, такие, не известные устному творчеству коряков новшества, как монологи, сравнения, пейзаж и пр.

Первые оригинальные произведения на чукотском языке были созданы Вукволом Тынэтэгыном и Кааквыргыном. Художник — резчик по кости — Вуквол написал несколько рассказов и легенду о Ленине, послужившую сюжетом для его известной гравюры на моржовом клыке⁶⁸. Тынэтэгын — автор стихотворений и сборника чукотских сказок о животных⁶⁹. Кааквыргыну принадлежит несколько небольших рассказов стихов на местные темы.

После Великой Отечественной войны выступил новый чукотский поэт и прозаик студент Ленинградского университета Рытхэу. Его первые стихотворения о природе людей Чукотки помещены в хрестоматию для национальных школ⁷⁰. Литературный успех он завоевал талантливыми рассказами из современной жизни приморских чукчей⁷¹. Живо и правдиво повествует молодой писатель о трудовых делах колхозников зверобоев, о борьбе передовых людей за новый культурный быт, о противоречиях сознания и о победе нового над старым, о стремлении народа к просвещению, и о росте

⁶⁶ «Новым законом» или «Красным законом» народы Севера именовали в первые годы Советскую власть.

⁶⁷ С. Н. Стебницкий, *Корякский фольклор и зарождающаяся корякская литература*. Рукопись, 1940. Фонды Института этнографии АН СССР. Автор сделал попытку вскрыть истоки возникающей корякской литературы, показать пути ее развития и качественные отличия от старого народного творчества, определить формы влияния русской художественной литературы и пр. По характеру поднятых общих вопросов эта работа представляет несомненный интерес с точки зрения проблемы формирования литературы у младописьменных народностей.

⁶⁸ Вуквол, *Чукотская легенда о Ленине*, Журнал «Народное творчество», 1931 № 1; см. также С. В. Иванов, *Чукотско-эскимосская гравюра на кости*, «Советская этнография», 1949, № 4.

⁶⁹ Тынэтэгын (Ф. Тинетев), *Сказки чаучу*. Ред. и пер. Г. Мельников: Учпедгиз, Л., 1940.

⁷⁰ «Родное слово». Пер. книги для чтения, составленной П. Я. Скориком Ю. С. Рытхэу, Учпедгиз, Л., 1950; также Г. Л. Семенов, *Плечом к плечу*, «Молодая гвардия», 1952 (раздел «Полярное сияние. Из поэтов Крайнего Севера»).

⁷¹ Рытхэу, *Люди с того берега*, «Молодой Ленинград», Сб. 3, «Молодая гвардия» Л., 1951; его же, *Друзья-товарищи*, Библиотека «Огонек», № 9, М., 1953; его же *Люди нашего берега*, Рассказы. Авториз. пер. А. Смоляна, «Молодая гвардия», Л., 1953.

национальной интеллигенции. Один из рассказов Рытхэу опубликован в Париже на французском языке⁷², новая повесть его вышла в украинском переводе⁷³. Рытхэу принадлежит переводы на чукотский язык сказок Пушкина, повести С. Семушкина «Чукотка» и других произведений.

Многие северные писатели были одновременно и художниками-иллюстраторами. Первые сборники и журналы начинающих литераторов («О нашей жизни», «Тайга и тундра», «К новой жизни» и др.) иллюстрированы звенками С. Лонтогир и В. Пежемским, нанайцами Кого-Самар, Росугбу, Б. Ходжер, нивхом Н. Воксиним, коряком Н. Нояновым. Еще интереснее рисунки в отдельном изданных произведениях северян. Н. Вылка иллюстрировал свои повести и книгу сказок А. Пырерка, Наумов — свой рассказ об охоте, Вуквол — «Легенду о Ленине» и т. д. Не имея возможности остановиться на своеобразных художественных достоинствах этой книжной графики, сошлюсь на сведения о ней, приведенные в специальном труде С. В. Иванова⁷⁴.

* * *

Поэзия народов Севера представлена различными жанрами, от сравнительно крупных произведений типа былин и поэм («Гегдаллукои и Ульгэриkkэн» А. Салаткина, «Гарпаниндя» Г. Чинкова, «Два старика» и другие сказки в стихах А. Самара и т. д.) до небольших лирических стихотворений. Очень разнообразно и содержание произведений.

Излюбленной поэтической формой осталась песня, сильно распространенная и раньше. Широко бытует попрежнему песня-импровизация, связанная с родной природой или с думами о каждодневном привычном труде. Охотник поет о любимой тайге, о звере, который попадется ему. Жена, провожая охотника, поет о том, что ждет его возвращения с богатой добычей. Житель тундры поет о своих быстроногих оленях и белых снегах. Старые песни-импровизации, отражавшие тяжелую жизнь забитых людей, уже давно исчезли. Не горюет теперь девушка о печальной доле в замужестве, не поет и зверолов о вечном горе и безысходной нужде.

У некоторых народов только в наше время возникла женская песня. Древний нанайский обычай запрещал женщине петь (за исключением «плачей»). Этим объясняется, между прочим, деление нанайских сказок на мужские — с пением (слов героя) и женские — без него. А в 1930-х годах женское пение завоевало у нанайцев всеобщее признание и стало неотъемлемой частью художественной самостоятельности. Самый факт публичного исполнения песен показателен для нового положения нанайской женщины в обществе.

Современные песни созданы богатой, разнообразной действительностью, неустанно питающей творчество поэтов новыми темами и мотивами. Все они высоко оптимистичны, жизнерадостны. Новые чувства хорошо выразила талантливая ненейская сказительница, 72-летняя Елена Кокина: «Песня у меня в крови. Раньше пела об обидах и унижениях, а сейчас пою о радости»⁷⁵. О том же сказал и поэт Н. Сахаров в стихотворении «Женщина»: «Появились у эвенков песни нового звучания. Пусть их слышат все народы!»⁷⁶. А в повести «Красный суглан» того же писателя читаем: «Хорошо и весело стало жить Мангану и его родственникам. Перестал он петь старые песни о тяжелой жизни. Скучные были песни, невеселые. Вся жизнь невеселая была. И народ был темный, неграмотный. А теперь Манган поет новые песни. «Ленин глаза нам развязал» — говорит он и радуется. Не один Манган так говорит и поет новые песни. Все люди, кто трудился всю жизнь, так говорят и поют в новых песнях про школу, больницу, красную юрту, про новую счастливую жизнь»⁷⁷.

Поэты вспоминают мрачное прошлое лишь для сравнения с настоящим. На таком контрасте построены, например, стихотворения А. Самара о городе, сменившем убогое нанайское стойбище («Город юности»), и «Письмо родине», где говорится о новой счастливой жизни измученного в прошлом народа.

Неиссякаемым источником вдохновения поэтов служит развитое у них, как и у всех северян, чувство природы. В ярких художественных образах они воспевают любимый пейзаж, многоводные реки, бескрайние просторы тундры и тайги, бурную смену времен года, борьбу стихий. Бездумные прежде песни-импровизации приобрели постепенно более высокую поэтическую форму и идейную значимость. Сначала в них слышались чув-

⁷² «Les lettres françaises», № 489. Semaine du 5 au 12 Novembre 1953. Numéro spécial sur la littérature, l'art et la science soviétiques pour 36-e Octobre. Rytkheou, La fenêtre.

⁷³ Юрий Рытхэу, Имя людини (Имя человека), Повесть с предисловием автора. Переклад с чукотских. Журн. «Дніпро», Киев, 1954, № 4.

⁷⁴ С. В. Иванов, Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—XX в. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Нов. серия, т. XXII, Л., 1954, стр. 773 и сл.

⁷⁵ В. В о р ы г и в, Искусство ненейского народа. Корреспонденция из Архангельска, «Правда», 1937, № 212.

⁷⁶ Н. С а х а р о в, Женщина. Пер. с эвенкийского А. Чивилихина, Журн. «Сибирские огни», 1951, № 3.

⁷⁷ Н. С а х а р о в, Красный суглан. В кн. «Мы — люди Севера», Л., 1950, стр. 150.

ства грусти от разлуки с родным краем или радости от встречи с ним, а потом зазвучали мысли о современном человеке — создателе новой природы.

Темам природы отдали дань все поэты народов Севера. Хант Г. Лазарев вспоминает молчаливые леса и голубые просторы Коңды. Эвенк А. Салаткин прислушивается к журчанию воды, перекличке птиц и шелесту листьев. Его соплеменник А. Платонов рисует пробуждение весны, когда «по дороге торопливо время теплое идет». Родному Амуру посвятили много стихов нанайцы А. Пассар и А. Самар, Сахалину — эвенк Г. Чинков. Воспевают родную природу эвен А. Черканов, удэгеец Д. Кимонко, чукча Ю. Рытхэу и другие.

Волнуют поэтов и интимные чувства. А. Кириллов воспеваает юность и любовь, а другой эвенк С. Пикунов — печаль девушки по своему милому. Подлинным лиризмом, задушевностью проникнут цикл стихов А. Самара, обращенный к любимой подруге. Пленяют своей высокой поэтической формой стихи Н. Тарабукина о любви юноши эвена к русской девушке.

Громко звучат темы социалистической действительности, обогатившей поэтов новыми мыслями и чувствами. А. Платонов говорит о железной воле могучей партии, с корнем вырвавшей рабство и преобразившей страну. Тема одного из стихотворений А. Салаткина — появление первого коммуниста в тайге. Величие и славу Родины, братство народов, славную Советскую Армию воспевают Г. Лазарев, И. Истомин, А. Самар, М. Вахрушева, Д. Кимонко и другие.

Часто вспоминают поэты свое детство, школу, Институт народов Севера, где встречались как друзья и вместе приобщались к новой культуре разноязычные люди Севера. Из школы вынесли они и любовь к великим поэтам. Свое обращение к «Пушкину» А. Платонов начинает строфой:

Я твой «Памятник» читаю
И как будто голос слышу:
— Пушкин песни ваши знает,
Пушкин вместе с вами дышит...

и заканчивает:

Люди с песней здесь и там
Жизнь прекрасную возводят,—
То твоя, твоя мечта
Солнцем радостным восходит!⁷⁸

Широко представлена в современной поэзии Севера колхозная тема. Поэты воспевают радостный труд на обновленной земле, славят знатных колхозников, показывают как новая жизнь вошла в каждый дом, в каждую семью.

Неузнаваем стал прежде мертвый Север. Всюду выросли города, заводы, совхозы. Трактор поднимает вековую целину, зеленеют поля, цветут сады. Пароходы и самолет разбудили безмолвные просторы. Тема великого преобразования родной земли все сильнее звучит в творчестве И. Истомина, А. Платонова, Н. Сахарова и других. Эта же тема отражена в стихотворении «Новая тайга» Г. Чинкова, воспевшего ранее девственную природу родного края («Сахалинская тайга»)⁷⁹. Теперь в дикой чаще звенят топоры и строятся деревни. Пашни и огороды потеснили леса. Законной гордостью звучат слова поэта:

Это нашей рукой
Школы открываются,
Это нашей рукой
Почва поднимается.

Новая тайга любя поэту больше старой:

Хороша моя тайга,
Тайга дорогая,
Соболиная тайга —
Каждый день другая⁸⁰.

Произведения поэтов Севера привлекают своей безискусственностью и большой простотой художественных приемов. Им чужды формально-поэтические приемы, нарочитость, изощренность. Усиливающие образность сравнения черпаются из близкой, кажущейся повседневной действительности. В стихах А. Самара письмо несется «словно птица», а на род возрождается, как «растение в цвету» («Письмо Родине»). Н. Тарабукину дом кажутся с высоты «рассыпанным бисером», а поля — «пестрыми одеяльцами» («Поле

⁷⁸ «Север поет», Л., 1939, стр. 29.

⁷⁹ Г. Чинков - Э д я н, Стихи, Л., 1939, стр. 124.

⁸⁰ Г. Чинков, Новая тайга, Журн. «Сибирские огни», 1951, № 3

на планере»). Естественность и непосредственность вместе с ясным прозрачным языком и оригинальной ритмичностью придают стихам своеобразную прелесть. Характерная черта, частая и в прозе,— лаконичность, предельная скупость поэтической речи, усиливающая ее выразительность.

Художественная форма поэтических произведений заметно совершенствуется. В начале молодые поэты пользовались только унаследованными от фольклора исконными приемами стихосложения и традиционными изобразительными средствами: аллитерацией (по первому и по ударному слогу), синтаксическими параллелизмами, гармонией гласных, устойчивыми эпитетами и метафорами, особыми формами слов, присущими лишь поэтической речи. Под непосредственным влиянием русской поэзии наряду со старыми приемами все чаще стал появляться силлаботонический, рифмованный стих.

* * *

Зачатки драматургии в литературе народов Севера возникли непосредственно из художественной самодеятельности. Первые постановки являлись обычно инсценировками, импровизациями на темы борьбы с шаманами и кулаками. Кто-либо из участников коллектива давал тему и писал текст, похожий на сценарий («обозначение действий, как тогда говорили), а актеры сами сочиняли свои роли. Процесс создания первых пьес хорошо показан писателями: С. Бытовым у тумнинских ороков⁸¹, В. Важдаемым — у сахалинских нивхов⁸². Так возникли, например, чукотские пьесы «Поражение шамана», задуманная курсантом пропагандистом Тумгекаем, и «Шаман», созданная председателем Лоринского колхоза Енюком. Так же была создана нивхская пьеса «Кулак», принадлежащая колхознику П. Байгуну, и другие.

Затем стали выступать писатели. Так, И. Ного написал пьесы «Шаман»⁸³ и «Вавле Ненянг» (о национальном герое ненецкого народа), исполняемые и в настоящее время в Салехарде, эвенский поэт И. Бабцев выступил с драмой «Без огня».

Сильнее всего развилось театральное искусство у нанайцев. Коллектив созданного в 1933 г. нанайской молодежью театра состоял из нескольких групп (драматической, хоровой, музыкальной и др.), в репертуар которых входили переводные русские и оригинальные нанайские пьесы. Последние, сильно насыщенные фольклором, отражали прошлую и современную жизнь народа. Конфликты строились обычно на борьбе старого и нового, на разоблачении чуждых современности явлений (пьеса «Лжестахановец» и др.). Театр выступал в Хабаровске, в колхозах Нанайского района и всей Амурской области, он завоевал успех в Москве и Ленинграде. Самодеятельный театр удэ (сел. Бира) ставил устные и импровизированные пьесы, показывая сцены из прошлого и борьбу за новую колхозную жизнь. В настоящее время успешно работает ненецкий драматический кружок в Салехарде. Он ставит в Доме культуры народов Севера русские пьесы на родном языке и произведения ненецких драматургов — И. Истомина и И. Юганпелика.

Весьма существенную часть северного театра составляет богатый этнографический фон: национальный быт, орнамент, танцы, музыкальные и фольклорные мотивы.

* * *

В итоге обзора литературы народов Севера характеристику ее можно свести к следующему.

Основным источником, питающим эту литературу, является социалистическая действительность, новая, советская жизнь. Именно она обогатила творчество прозаиков и поэтов новыми темами, идеями, а в связи с этим и новыми художественными приемами, усилила элементы реализма. Нетрудно убедиться, что с поступательным движением социализма на Севере росла и его национальная литература, обогащалось ее содержание, становилась разнообразнее форма произведений. От первых робких опытов в институтских сборниках «О нашей жизни» или «Тайга и тундра» до поэзии и прозы А. Самара, Н. Тарабукина, Д. Кимонко литература всего за несколько лет прошла огромный путь.

Отличительная черта молодой литературы народов Севера — явное преобладание поэзии, вообще характерное для начальных этапов формирования и развития литературы младописменных народностей. Не появилось еще крупных эпических форм: почти нет поэм, отсутствует роман. Наиболее распространены песня, стихи, рассказ, небольшая повесть. Ограничена и тематика произведений, отражающих пока лишь отдельные черты нашей действительности.

Очень велико в развитии литературы народов Севера значение биографического материала и устного народного творчества. Личная биография писателя, отражающая судьбу целого народа, помогает ему вскрыть типические черты эпохи, насытить произведение богатými и правдивыми картинами старой и новой жизни, сочетать современные мотивы с судьбой героя. Жанр этот создан нашими писателями вполне самостоятельно и весьма характерен для литературы не только малых народов Севера, но и для других,

⁸¹ С. Бытовой, На счастливой реке, Л., 1954.

⁸² В. Важдаев, По стойбищам народа Нихах, «Молодая гвардия», М., 1934.

⁸³ Иван Ного, Шаман, Пьеса в 3 актах под ред. и с пер. на русский язык Г. Д. Вербова, Комитет нового алфавита, Салехард, 1937.

опять-таки младописьменных народов Сибири (алтайцев, тувинцев, якутов)⁸⁴. Исток его, надо полагать, лежит в тех, очень своеобразных автобиографиях, которые относятся ко времени пребывания молодежи в национальных техникумах и являются по своему содержанию и форме как бы зачатками литературных произведений. Яркие образцы таких жизнеописаний, принадлежащие эвенку А. Платонову, нанайцу А. Самару, корякам Вачакалэну, Енагыту, Како, Кэчгын-айнавину, Кецаю, Кеккетыну и другим, дошли до нас во всей их неприкосновенности и были в свое время опубликованы⁸⁵. Они весьма далеки от обычных автобиографий, сухих комментариев к анкетам. Выразительные, живые написанные, я бы даже сказал, сюжетные, биографии эти превратились впоследствии под более опытным пером тех же авторов, в первые рассказы и повести. Это видно например, при сопоставлении автобиографий Како и Кецаю с их рассказами⁸⁶.

Фольклор играет, само собой разумеется, огромную роль в литературе бесписьменных в прошлом народов, знавших только устное выражение художественного мышления. Однако степень влияния фольклора на литературу народов Севера различна в разных этапах ее развития. В первое время молодежь ограничивалась простым письменным пересказом знакомых ей образцов народного творчества. Таковы фольклорные произведения Хатанзейского, Ачкина и других в сборниках и журналах конца 1920 начала 1930-х годов. Затем начинающие писатели стали воспроизводить фольклор литературно обработанной форме. Примером служат ненецкие сказки Пырерка, коряцкие Баранникова и Нутэвийна, чукотские Тынэтэгына, старинные нанайские песни С. мара («Гость-жених», «Расписная оморочка») или, наконец, эвенкийские «Песни-пляски Платонова, Сахарова и Трофимова. Одновременно начали появляться созданные на основе устного творчества новые, вполне оригинальные произведения в близких к фольклору формах. Сюда относятся: поэтические произведения на сюжеты народных сказ Салаткиной-Вакувагир («Интылгучан»), Самара («Два старика», «Лиса и медведь») Чинкова («Сулакичан», «Мэнгункэн»), эпические сказания Салаткина-Лонтогир («Гелаллукон и Ульгэригкэн») и того же Чинкова («Гарпаниндя»). Все эти произведения далеки от простого подражания устному творчеству, но в них широко использовано его богатое наследие: сюжеты, язык, образы, художественные приемы. Сохранены и преемственность творческие традиции, воплощающие в образах мотив борьбы добра и зла, заветные думы и надежды народа. Вместе с тем на них лежит явный отпечаток новых взглядов писателей как передовых представителей своего народа. Это сказывается в стремлении к реализму, отказе от фольклорной фантастики и в новых идеях, насыщающих эти произведения.

Помимо такой прозы и поэзии, возникшей непосредственно из народного творчества, воздействие фольклора испытывают в той или иной мере и другие произведения. В них постоянно встречаются разные жанры фольклора (песни, сказки, предания, песни, и словницы) и его художественные приемы (традиционные метафоры, сравнения, эпитет аллитерация, повторы и др.). В прозу Вылка, Еврина, Кимонко, Кеккетына, Сахарова и других писателей влетают поэтические строфы, превращающиеся иногда в целые диалоги персонажей. В стихотворениях Самара, Платонова, Солтураевой и прочих поэтов стойко сохраняется перешедший из фольклора песенный припев, зачастую и переводимое восклицание или звукоподражание.

Характерно, что наиболее сильное и разностороннее влияние фольклора наблюдается на самом раннем этапе развития литературы народов Севера. С ростом культуры традиционные формы перестали удовлетворять писателей, которые не могли уже при помощи старых изобразительных средств передать новые явления и вызванные их переживания. Это особенно ясно видно в творчестве таких прозаиков и поэтов, как Савина, Казанцев, Семенов, Самар, Чинков, Платонов. В произведениях на современные темы они хотя и сохраняют некоторые традиционные приемы, но избегают несозвучия нашим дням архаизмов. Новаторство пришло в их творчество под прямым воздействием русской литературы.

Влияние русской литературы, обогащающей творчество северных писателей новыми идеями и художественными средствами, чрезвычайно велико и плодотворно. Вопрос влияния русской культуры на развитие национальных культур народов Советского Союза — тема особого исследования. Отметим лишь, что от классической и советской русской литературы писатели народов Севера воспринимают замечательный реалистический опыт, простоту речи, идеи глубокого гуманизма и народности. Лучшие произведения современной советской литературы помогают им приобретать к методу социалистического реализма. В связи с этим нельзя не вспомнить о многолетней творческой дружбе

⁸⁴ Сошлемся хотя бы на творчество известных писателей — алтайца Павла Кучия, тувинца Солчак Тока, якута Эрилик Эристина.

⁸⁵ «Автобиографии эвенков», «Автобиографии коряков», «Отрывки из автобиографий аллюторцев — курсантов Окружной советско-партийной школы Коряцкого нац. округа «Советская этнография», сб. I, Л., 1938; А. В. Б а з а н о в и Н. Г. К а з а н с к и й, Школа на Крайнем Севере, Л., 1939; «Моя жизнь» в кн. А. Платонова «Избранные стихотворения и песни», Л., 1939; «Моя жизнь» в кн. К. Кеккетына «Эвныты батрак», Л., 1936.

⁸⁶ С. Н. С т е б н и ц к и й, Наша книга, ч. 2. Пер. с нымыланского (коряцкого) языка, Л., 1935; Книга для чтения, ч. 2, Пер. с коряцкого (нымыланского) языка, Л., 1940.

бе, связывающей молодых северян с русскими писателями — их неизменными переводчиками, редакторами и наставниками.

Ранее всего влияние русской литературы проявилось в стихосложении. Присущее северянам чувство ритма сказалось особенно сильно в тех впечатлениях, которые производила на них музыка русской поэзии. Не зная еще хорошо русского языка, начинающие поэты запоминали много русских стихотворений и образно сравнивали их с журчанием ручейка, дыханием ветра и другими привычными звуками многоголосой природы. Из таких глубоких и незабываемых впечатлений родилось стремление к гармонии, рифме, образности.

Не менее благоприятно воздействовала русская литература на северную национальную прозу. Непосредственно под этим влиянием эпически спокойный язык фольклора стал гораздо более живым и выразительным. Начала исчезать характерная для фольклора многих народов краткость речи, а вместе с ней и скудость на детали. Появились такие художественные средства, как описание пейзажа, прием сравнений, психологическая мотивировка поступков действующих лиц. Улучшилась композиция произведений. Надо подчеркнуть, однако, что заимствуются именно только приемы, а самые образы, вполне самобытные и оригинальные, создаются на своем национальном материале.

Черты реализма, присущие северной литературе с самого ее возникновения, в дальнейшем усилились. Вызвано это творческим ростом писателей и преобладанием в литературе новой, почерпнутой из действительности тематики. Названные выше произведения Еврина, Вахрушевой, Вылка, Савина и других авторов глубоко реалистичны. Жизненно типичны богатые картины быта и различные эпизоды со всеми конкретными деталями, правдивы и образы людей, трактуемые совершенно иначе, чем в фольклоре. Современные персонажи унаследовали от прежних героев такие традиционные черты, как силу, мужество, честность, преданность своему народу. Но вместе с тем они вполне реалистичны, освобождены от сверхъестественных свойств, которыми наделяла их в старых сказках и былинах фантазия народа. Исчезло вмешательство потусторонних, добрых и злых сил в судьбу героев. Удачей они обязаны не помощи духов, а собственным, совершенно реальным качествам: смелivosti, храбрости, великодушию и т. д. Мало того, современные герои сами ломают устаревшие традиции, борются с отживающими обычаями и именно благодаря этому одерживают победу.

Национальная форма художественной литературы народов Севера находит свое выражение, прежде всего, в живом образном языке, вскрывающем богатства народной мудрости и речи. В сочетании со всей системой художественных средств (образов, сравнений и эпитетов, параллелизмов, прямых повторов и пр.) язык создает национальный стиль произведений. Национальный колорит находит свое выражение также в широком отображении многообразных явлений материальной и духовной жизни народа, его исторического прошлого, трудового опыта и домашнего быта, вкусов и воззрений, традиций и обычаев, — словом, того, что Н. Г. Чернышевский называл «национальным характером»⁸⁷.

Развивающаяся проза и поэзия вместе с национальной печатью, учебными и другими изданиями играет громадную роль в создании литературного языка народов Севера. Литературный язык уже в настоящее время несравненно богаче старого, фольклорного: он непрерывно обогащается новыми словами, заимствуемыми в большинстве случаев из русского языка. Так появились, между прочим, не только новые самостоятельные, но и служебные слова — союзы и предлоги, отсутствовавшие прежде во многих северных языках. Развитие литературного языка служит могучим средством приобщения широких народных масс к социалистической культуре в близкой им национальной форме.

Появившаяся лишь в советскую эпоху литература народов Севера могла возникнуть и сформироваться только как подлинно народная литература. Отражая в художественной форме жизнь народа, воплощая его лучшие традиции и современные прогрессивные устремления, литература эта действительно близка и понятна народу. Она развивается как органическая часть единой многонациональной советской литературы. Создавая социалистические по содержанию и вместе с тем самобытные по форме произведения, народы Севера вносят свою долю в советскую культуру. Глубоко идейные произведения литературы служат мощным орудием воздействия на жизнь, воспитания нового человека, борьбы с исчезающими, чуждыми современности пережитками.

М. А. Сергеев

П. П. Иванов. *Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв.* М.—Л., 1954.

Рецензируемая книга состоит из трех частей: первая — исследование П. П. Иванова, вторая — переводы документов из архива шейхов Джуйбари и третья — приложение в виде отрывков арабского текста. Книга снабжена указателями (составлены О. К. Ивановой) личных имен, географических названий и терминов.

⁸⁷ Н. Г. Чернышевский, О различиях между народами по национальному характеру. В статье: Очерк научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории; Избранные философские сочинения, Соцэкгиз, М., 1938, стр. 245 и сл.

Исследование П. П. Иванова, посвященное истории феодального землевладения в Средней Азии XVI—XVII вв., разбито на разделы, каждый из которых освещает определенную группу вопросов. В «Предварительных замечаниях» характеризуется хозяйство крупнейшего духовного феодала XV в. ходжи Ахрара, устанавливаются размеры его владений и т. д. Во втором разделе рассматриваются источники для изучения вознившего в середине XVI в. хозяйства джуйбарских шейхов — семьи бухарских духовных феодалов¹. В третьем разделе («К истории аграрных отношений в Бухаре XVI в.» анализируются главным образом социальный состав землевладельцев, категории земельной собственности, налоговая терминология², формы феодальной земельной ренты. В остальных трех разделах рассматриваются сложение феодального хозяйства джуйбарских шейхов, источники накопления и размер их земельных и прочих владений, тип организации хозяйства на землях джуйбарских ходжей, характер и аппарат управления в их владениях и др.

Не останавливаясь на всех очень серьезных и убедительных положениях и выводах П. П. Иванова, а также на частных недочетах его работы, позволим себе сосредоточить внимание на четырех вопросах, поставленных П. П. Ивановым или подсказанных его работой.

1. О мульковых (мильковых) землях. П. П. Иванов обстоятельно на основании источников того времени проанализировал сущность таких категорий феодального землевладения XVI в., как «мемлеке-и падшахи» («мемлеке-и султани» или просто «мемлеке»); «мульк-и хурр» («мульк-и халис») и земли, в источниках XVI в. обозначенные просто словом «мульк» (в дальнейшем «мульковые земли»). Определению первых двух категорий не вызывает сомнений. Собственником земель «мемлеке-и падшахи» является государство, так как феодальная рента-налог с них поступала именно государству. Собственниками земель «мульк-и хурр» или «мульк-и халис» (в дальнейшем «обельные земли») являются частные лица, так как рента с этих земель поступала именно их частным владельцам. Следовательно, земли первой категории — действительно государственные, а земли второй категории — действительно частнособственнические. Третью категорию, т. е. мульковые земли, П. П. Иванов также определяет как частнособственнические на основании того, что владение мульковыми землями не обусловлено службой, а сами земли могут быть проданы или переданы по наследству. Правильно ли это определение и охватывает ли оно всю совокупность признаков, характеризующих эту категорию землевладения?

Сравнивая правовое положение государственных и мульковых земель, П. П. Иванов закономерно поднимает вопрос о том, «подвергались ли мульковые земли налоговому обложению со стороны государства» (стр. 45), отвечает на этот вопрос положительно и на основании одного документа заключает, что «...доля государства может доходить до $\frac{3}{4}$ общей стоимости земли, а следовательно, и приносимого ею урожая» (стр. 45). Однако никаких дальнейших выводов из этого факта он не делает, продолжая называть их частнособственническими. Интересный материал по этому вопросу дают многочисленные документы XVII в. и последующего времени, в том числе изданные О. Д. Чехович. Во всех случаях они фиксируют «обеление» от государственных налогов одной третью мульковой земли за счет передачи двух третей этой земли в фонд государственных земель («мемлеке»). Иначе говоря, государство, имеющее право на $\frac{2}{3}$ феодальной ренты, получает соответственно $\frac{2}{3}$ всей земли с правом всю ренту с этих двух третей земли взимать в свою пользу; а частное лицо, имевшее право на $\frac{1}{3}$ феодальной ренты, получает третью часть той же земли, но с аналогичным правом ренту с этой третьей части целиком взимать в свою пользу⁴. При этом вся земля, до раздела принадлежавшая категории «мульк», как бы «распадается» на два неравных участка, из которых один переходит в категорию «обельных» частнособственнических земель, а другой — в категорию земель государственных.

Как известно, основой производственных отношений феодального общества являлась собственность феодала на землю и неполная собственность на непосредственно

¹ Кроме использованных П. П. Ивановым актовых источников, следует упомянуть еще ряд вакуфных грамот, могущих пополнить и уточнить сведения о хозяйстве джуйбарских шейхов. В качестве примера назовем вакуфную грамоту 1018 (1609) г. Абу-ар-Рахима-ходжи, сына ходжи Са'да, составленную в пользу потомков (хранится в Государственной библиотеке Таджикистана им. Фердоуси); вакуфную грамоту 1082 (1671/72) г. его дочери Ай-Падша-биби в пользу медресе Чар-Бакр и мазара ходжи Са'да (ЦИИ. УзССР, фонд 323, № 96) и др.

² К списку налогов и повинностей XVI в., приведенному П. П. Ивановым (стр. 35 и сл.) и пополненному Р. Г. Мукминовой («Вопросы истории», 1954, № 11, стр. 136), следует добавить налоги «такаббули», «тафавут» и «тавфири» (см. В. А. Шишкин. Надписи на портале большой мечети в Бухаре, «Бюллетень АН УзССР», 1938, № 8, стр. 25—26).

³ Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве, вып. I. Акт феодальной собственности на землю XVII—XIX вв. Подбор документов, перевод, введение и прим. О. Д. Чехович, Ташкент, 1954, док. № 2—5, 10—12, 18—21, 25, 40.

⁴ В указе 1702—1711 гг. (док. № 20 из числа изданных О. Д. Чехович) мульковые земли такого рода очень удачно названы «милк-и сулс ва сулсон», т. е. «имение третьих и двух третей». Другие виды (например, земли «ушр») в настоящей рецензии не рассматриваются, поскольку П. П. Иванов специально их не анализирует.

производителя; на этой основе и взималась феодальная рента. Феодальная земельная рента с мульковых земель поступала частично феодальному государству, частично — частному лицу (обычно из представителей разных сословий господствующего класса). При этом на долю государства приходилась большая часть ренты (например, $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$), а на долю частного лица — меньшая часть (например, $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$). Следовательно, в качестве феодальных собственников мульковых земель выступают не просто и не только частные лица, а одновременно (и как бы «на паях») и государство и частное лицо.

Из всего этого следует, что «обеление» части мульковых земель нельзя рассматривать как «... акт, по существу фиксирующий одновременную уплату собственником мульты всех причитающихся с него в пользу государства налогов и ренты вперед на все будущее время...» (стр. 45). Такая квалификация повторяет трактовку юристов того времени⁵ и характеризует только одну сторону явления. Следовало бы тогда добавить, что и государство в свою очередь как бы уплачивает частному лицу вперед на все время часть ренты, принадлежавшей этому частному лицу, с той части земель, которая полностью отошла к государству. Иначе говоря, следовало бы тогда подчеркнуть обоюдный характер единовременной расплаты за долю каждого из двух собственников. Но дело не только в этом, ибо такая трактовка не затрагивает существа — самой земли и прав собственности на эту землю. На самом деле в такого рода соглашениях между государством и частным лицом выступает двусторонний акт раздела совместной земельной собственности. Каждый из двух собственников при этом получал такую часть земли, которая соответствовала его доле в общей феодальной ренте с общей земельной собственностью до ее раздела⁶. Есть основания думать, что оба фактических собственника мульковых земель могли самостоятельно и независимо друг от друга собирать с непосредственного производителя свою долю феодальной ренты⁷. Это должно было создавать многие взаимные неудобства, не говоря о двойном злоупотреблении, и могло быть одной из причин интенсификации процесса «распадения» мульковых земель, о котором свидетельствуют документы, когда часть их превращалась в земли государственные, а другая — в категорию подлинно частнособственных земель, т. е. в обоих случаях получала вместо двух одного феодального собственника: или государство, или частное лицо⁸.

Другая сторона вопроса — это юридическое определение мульковых земель. С точки зрения правовой нормы того времени, мульковые земли, разрешенные к продаже и передаче по наследству, выступают как частнособственные. Такое определение обусловлено и подсказано тем, что часть каждого мулькового земельного владения действительно была собственностью частного лица. Так как фактически мульковые земли были нераздельной собственностью двух владельцев, такая правовая норма отражала только часть действительного положения, формально перенося часть на целое. Государство как собственник части нераздельных мульковых земель ничего не теряло при смене своих совладельцев — частных лиц. Поэтому юридическая норма, акцентирующая внимание на правах лишь одного владельца, удовлетворяла практическим нуждам, не вступала в резкое противоречие с практикой и поэтому не менялась. Зафиксированные документами факты раздела мульковых земель между двумя их совладельцами лучше всего показывают недостаточность их юридического определения и форму приспособления односторонней и обуженной юридической нормы к тем случаям, когда практика целиком не укладывалась в ее рамки.

Мулльковые земли определялись исследователями различно. Две основные точки зрения сводятся к тому, что одни исследователи, подобно П. П. Иванову, считают их частнособственными (по существу, повторяя этим юридическую формулу того времени, неполно и не совсем точно отразившую реальную экономическую картину), а

⁵ Не случайно в некоторых документах мульковые земли называются также хараджными землями — «мульк-и хараджи». В этом определении право на ренту внешне как бы оторвано от прав собственности на землю.

⁶ В Азербайджане и Армении существовала совершенно аналогичная категория мулькового землевладения, когда частное лицо и государство делили ренту своего совместного нераздельного владения. Дореволюционные исследователи-кавказоведы различно определяли такой «мульк». И. П. Петрушевский (Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в., Л., 1949, стр. 222 сл.) на основе большого фактического материала разобрал ошибочность этих определений и четко выявил признаки мульковой категории землевладения. Но сам он «мульк» определил как частную поземельную собственность, лишь «в теории» ограниченную государством (там же, стр. 229). Можно ли называть «теоретическим» право на значительную часть каждого мулькового владения, выраженную в праве получать с него часть ренты и в праве (как это показывает среднеазиатский материал) раздела и выделения своей части мульковой земли?

⁷ Документ № 5 из числа изданных О. Д. Чехович.

⁸ Мы отнюдь не рассматриваем все источники образования «обельных» частнособственных земель. Но в данной связи следует отметить, что при покупке или дарении государственных земель это оформлялось как двойной акт: покупка за деньги или подставной предмет (например, коран) якобы превращала государственные земли в мульк «на паях»; затем, путем раздела, треть этого мулька (т. е. фактически купленная земля) объявлялась «обельным» владением, а $\frac{2}{3}$ мулька (юридическая фикция) якобы возвращались в категорию государственных земель. Это свидетельствует о том, что категория мульковых земель и их раздел были прочной нормой.

другие, наоборот, — государственными. Факт появления и сосуществования двух диаметрально противоположных и в обоих случаях аргументированных точек зрения сам по себе свидетельствует о сложности и нерешенности этого вопроса. Приведенные выше соображения и факты позволяют выдвинуть в порядке обсуждения еще одну точку зрения. Актовый материал XVI в. в следующих столетиях дает основание заключить, что в это время мульковые земли были нераздельной феодальной собственностью двух совладельцев — частного лица и государства, которые делили между собой общую феодальную ренту с таких земель, но могли разделить и самую землю пропорционально долям ренты. При таких разделах мульковой земли одна ее часть переходила в полную «обельную» собственность частного лица, а другая — в полную собственность государства, т. е. мульковая земля «распадалась» на землю «мульк-и хурр» и «мемлеке-и падашахи». В рамках рецензии предлагаемые соображения, естественно, носят предварительный характер. Вопрос о мульковых землях требует специального углубленного исследования на базе всей совокупности среднеазиатских материалов, конкретно для каждого хронологического периода. Только такое исследование может подтвердить другие стороны этого вопроса, не затронутые в данной рецензии.

2. Об определении действительных размеров упоминаемых в источниках земельных площадей и доходств. Для изучения истории аграрных отношений большое значение имеет метрология, так как в нарративных и актовых источниках постоянно упоминаются разные метрические единицы, в том числе единицы веса. Некоторые исследователи, приводя такого рода весовые свидетельства, оставляли их без перевода на современные международные единицы веса, другие (в том числе и П. П. Иванов) переводили весовые единицы (в частности, батманы или ману) XVI—XVII вв., исходя из батманов XIX в. В первом случае интересные данные о размерах налогов, накоплений, жалованья разных лиц и пр. не получали реального смысла. Во втором случае получалась совершенно искаженная картина: использование восьмипудового батмана XIX в. в приложении к батманам XVI—XVII вв. резко меняло действительные цифры, так как, по всем данным, различные (в зависимости от места) батманы XVI—XVII вв. не равнялись среднеазиатским батманам XIX в.

В частности, в XV—XVII вв. большой самаркандский батман равнялся не 8 пудам, а всего 19,2 кг. Заключение это основывается на свидетельстве вакуфной грамоты первой четверти XVI в. в пользу самаркандского медресе Шейбани-хана. В этой грамоте прямо сказано, что большой самаркандский батман равен четырем тысячам мискалей. Среднеазиатский торгово-денежный мискаль XV—XVII вв. равнялся 4,8 г. Следовательно, батман = $4,8 \times 4000 = 19,2$ кг. П. П. Иванов в рецензируемой работе использовал названную вакуфную грамоту (стр. 24); близкий к действительному размер мискаля также был ему известен (стр. 49—4,6 г). Неясно, почему такой внимательный исследователь, как П. П. Иванов, прошел мимо столь примечательных сведений, которые помогли бы ему установить истинные размеры разных весовых упоминаний и во многом уточнить реальную картину роста и размеров феодального хозяйства ходжи Ахрара и джуйбарских ходжей.

Приведем два примера. По свидетельству источников, ходжа Ахрар с самаркандских земель вносил «ушр» в размере 80 000 самаркандских манов. П. П. Иванов приравнивает их к 640 000 пудов, на основании чего высчитывает валовой сбор урожая (640 000 пудов) и размер земельных владений (200 000 танапов) (стр. 11—13 и прим. 4 на стр. 11). Но если исходить не из восьмипудового батмана XIX в., а из мана XV—XVII вв., получаются совсем другие цифры: «ушр» примерно 90 000 пудов, валовой сбор — примерно 900 000 пудов, а размер земельных владений этой категории — около 30 000 танапов, т. е. почти в семь раз меньше!

В работе П. П. Иванова фигурирует и бухарский большой батман, оставленный в отличие от самаркандского без перевода в пуды или килограммы. Сопоставление некоторых известий XVII—XVIII вв. показывает, что бухарский большой батман был близок в то время полутора пудам (скорее всего, точно равнялся 26,5 кг). Отсюда, например, общий доход с полей Тадж-ад-Дина, определяемый источниками в 50 000 тенге и 150 000 манов зерна большого бухарского веса (стр. 73), в части зерна равняется 3 875 000 или свыше 242 000 пудов зерна. Это в четыре раза меньше, чем валовой сбор зерна с одних только самаркандских земель ходжи Ахрара. Следует оговорить, что изучение среднеазиатской метрологии для времени до XIX в. находится еще в зачаточном состоянии. Можно назвать всего несколько статей, посвященных частным вопросам. Обобщающих работ нет, и это не случайно: для них еще не накоплен материал. Приведенные примеры показывают, что назрела необходимость уделить вопросам метрологии больше внимания, чем это имело место раньше. Большое значение здесь могут получить этнографические материалы.

3. О месте среднеазиатского города XVI в. в системе феодализма. Один из важнейших вопросов истории средневековой Средней Азии — вопрос о роли и месте города в системе среднеазиатского феодализма на разных отрезках времени. Во всем объеме и на конкретном среднеазиатском материале этот вопрос, особенно для позднего средневековья, исследователями не ставился. Почему среднеазиатский город не стал тем, чем стали некоторые русские или западноевропейские города, хотя товарное производство, дробность специализации ремесла, внутренняя и внешняя торговля, денежное обращение и пр. в определенные периоды достигали в Средней Азии значительного развития? Для хулагидского государства этот вопрос обстоятельно иссле-

дован И. П. Петрушевским⁹, который одну из важнейших причин этого видит в том, что «землевладельческая знать и городская служилая знать составляли одну и ту же социальную группу, одну из прослоек класса феодалов...». Эту же особенность И. П. Петрушевский отмечает и для более позднего времени по материалам, например, Азербайджана и Армении¹⁰.

Для конкретного изучения среднеазиатского города XVI в. очень существенными следует признать приведенные П. П. Ивановым аналогичные факты сосредоточения в одних руках и крупной земельной собственности и многочисленных городских торговых предприятий. На основании этих фактов сам П. П. Иванов делает два очень существенных вывода: о том, что «нередко в состав торгового оборота в качестве товаров входил преимущественно прибавочный продукт, поступавший в распоряжение господствующей феодальной верхушки от непосредственного производителя», и о том, что... «при таком состоянии торговли последняя не могла оказывать революционизирующего действия на местное производство, являясь одним из факторов (конечно, не единственным) его застойного характера» (стр. 42—43).

Эти же факты говорят о том, что для среднеазиатских городов XVI в. нельзя говорить о противопоставлении интересов феодалов-землевладельцев и городской торговой верхушки. Очень интересно, что этот вывод подтверждается фактами совсем другого рода — особенностями денежного обращения в Средней Азии XVI в., содержанием и целенаправленностью трех денежных реформ, выявленных и изученных для этого столетия. Государственная власть в XVI в. извлекала значительные доходы из чекана и обращения монет; в периоды усиления феодальной раздробленности и феодальных войн интенсивная эксплуатация монетной регалии как государством (в лице хаканов), так и крупными феодалами — удельными владельцами приводила к расстройству денежно-го обращения. Но каждый раз делались попытки (подчас очень удачные) урегулировать денежное обращение в общегосударственном масштабе, а извлечение фискальных доходов от чекана и обращения построить на совершенно определенных основаниях, ограничивающих производ и избавляющих монетный чекан и денежное обращение в течение довольно длительных отрезков времени от всяких неожиданностей. Более того, история денежного обращения в XVI в. свидетельствует о попытке (денежная реформа Шейбани-хана)¹¹ прибегнуть к скрытой, замаскированной форме эксплуатации монетной регалии, что вообще для феодализма не типично. В другом случае (денежная реформа Абдулла-хана II)¹² государственная власть ради ликвидации кризиса денежного обращения в числе прочих мероприятий отказалась от принятой за предшествующее время формы эксплуатации серебряной регалии и ограничила доходы казны только нормализованными отчислениями при чекане монет. Примеры эти можно было бы умножить и развить. Государственная власть не проявляла бы таких «забот» в части упорядочения денежного чекана и обращения, если бы в этом не были заинтересованы те слои господствующего класса, которые составляли опору феодального государства, выразителем и защитником чьих интересов само государство являлось. Именно то обстоятельство, что землевладельческая и городская верхушка в XVI в. сливалась в лице одних и тех же светских и духовных феодалов, определяло финансовую политику государства в части организации чекана и обращения монет¹³.

Здесь история денег и денежного обращения (по данным, главным образом, нумизматики) выступает как источник, дополняющий и расширяющий возможности конкретно-исторической характеристики среднеазиатского города XVI в. и его места в системе феодализма этого времени. А так как письменные источники по Средней Азии не изобилуют такого рода указаниями и фактами, привлечение косвенных показателей и любых других вспомогательных источников приобретает большое значение для специального и углубленного изучения проблемы среднеазиатского средневекового города.

4. О предметно-терминологическом указателе и о переводе. Публикация переводов актов джуйбарского архива (выполненных в 1937 г. коллективом научных сотрудников Института востоковедения АН СССР, заново просмотренных и подготовленных к изданию Ю. П. Верховским), несомненно, имеет большое значение. Для историков и экономистов, не владеющих восточными языками, переводы откроют возможность широкого использования этого ценнейшего источника; востоковедам переводы облегчат работу. В связи с этим хотелось бы сделать некоторые замечания о качестве переводов.

⁹ И. П. Петрушевский, *Городская знать в государстве хулагинов, «Советское востоковедение», V, М.—Л., 1948.*

¹⁰ И. П. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 78.

¹¹ Е. А. Давидович, *Денежная реформа Шейбани-хана, Труды АН Таджикской ССР, т. XII, Сталинабад, 1954, стр. 85—108.*

¹² Е. А. Давидович, *Две денежные реформы в государстве Шейбанидов, Труды САГУ, новая серия, вып. XXIII. Гуманитарные науки, кн. 4, Ташкент, 1952.*

¹³ П. П. Иванов опорой Абдулла-хана II в его борьбе за централизацию государства Шейбанидов считает джуйбарских шейхов и наиболее видную часть узбекской «феодально-племенной» знати (стр. 68). Вся финансовая политика Абдулла-хана, его мероприятия по налаживанию дорог и многое другое свидетельствуют о том, что большую ставку он должен был делать на ту торгово-феодальную верхушку, которая была прямо заинтересована в централизации государственной власти.

Среди разнообразных вопросов, для решения которых акты джуйбарского архива дают интересный материал, важное место занимает вопрос о ремесленном производстве и внутригородской торговле в XVI в. При изучении ремесла и торговли, удельного веса отдельных ремесленных производств, места разных товаров во внутригородской торговле и т. д. большое значение имеет статистический подсчет, а также изучение топографии местоположения в городе лавок, мастерских и базаров по видам ремесла и торговли. Однако подбор материала в таком аспекте по переводам актов джуйбарского архива чрезвычайно затруднителен и может даже привести к некоторому искажению картины. Даже при беглом ознакомлении с переводами бросается в глаза отсутствие унификации и единого принципа в переводе терминов, обозначений объектов и пр. Иногда в этих случаях искажается смысл¹⁴. Например, одна и та же фраза в док. № 41 переведена как «... и некоторого количества фулусов, причитающихся натурой неопределенного достоинства и веса...»; в док. № 116 как «...и некоторое количество фулусов, определенных на глаз, не известных по количеству и весу...», в док. № 380 как «...и определенное на глаз некоторого количества фулусов, не известных по достоинству и весу...». Следовательно, в данном случае один и тот же отрывок фразы переводится то как «причитающихся натурой», то как «определенного на глаз»; одно и то же слово переводится то как «количество», то как «достоинство».

Особенно много примеров неунифицированности перевода представляют названия улиц, базаров, городских ворот и пр. Названия объектов такого рода иногда переданы транскрипцией, в других случаях они переведены на русский язык и лишь иногда наличествуют и транскрипция и перевод. Вот несколько примеров. Наименование «Базар-тукумдузан» (тадж. «Бозори тукумдузон») в разных документах передано как «базар Тукумдузан» (док. № 16), «базар Тукумдузан (седельников)» (док. № 39) и просто «базар седельщиков» (док. № 43, 57). Название «Тим-и джамэфурушан» (тадж. «Тими джомэфурушон») в переводах разных документов дает следующие варианты: 1) «тим Джамэфурушан» (док. № 20); 2) «тим Джамэфурушан (продавцов одежды)» (док. № 14); 3) «тим продавцов одежды» (док. № 46); 4) «тим продавцов платья» (док. № 31, 34); «базар продавцов одежды (тим-и джамэфурушан)» (док. 7). Название «дуккан-и ошпази» (тадж. «дукони ошпази») в одних случаях передано как «дуккан-харчевня» (док. № 49 и др.), в других как «столовая» (док. № 308), в третьих как «лавка-харчевня» (док. № 4). Название «дуккан-и нанваи» в одних случаях передано как «хлебопекарный дуккан» (док. № 308), в других как «хлебопекарня» (док. № 6). Название «Тим-и такиэдузан» (тадж. «Тими токидузон») в одних случаях передано как «тим ермолочников (такнэдузан)» (док. № 5), в других как «тим тубетечников» (док. № 36). Примеры такого рода многочисленны.

В основу перевода следовало, конечно, положить какой-то единый принцип и во всех случаях последовательно его придерживаться. Первые последствия отсутствия унификации можно видеть на указателях рецензируемого труда. Так, в предметно-терминологический указатель внесены слова «хлебопекарный дуккан», «дуккан-харчевня» и «тим ермолочников», но зато «хлебопекарня», «столовая», «лавка-харчевня» и «тим тубетечников» ни под этими словами, ни самостоятельно не учтены. Вышеупомянутое название «Тим-и джамэфурушан» фигурирует в указателе дважды, как два самостоятельных слова: в первом случае «тим-и джамэфурушан (базар продавцов одежды)», во втором — «тим торговцев платьем», в полном соответствии с неунифицированным переводом. «Тим ермолочников и продавцов платья» в указателе как самостоятельное слово отсутствует, страница же в одном случае отнесена к «тиму ермолочников», в другом — просто к «тиму».

Что касается предметно-терминологического указателя в целом, то принцип подбора слов и их внутреннего распределения совсем не ясен. Почему, например, в указателе фигурируют различные «тимы», а «базары» (названия которых обычно определены их местоположением или торговой специализацией) отсутствуют? Между тем среди названий базаров есть очень интересные с точки зрения характеристики торговли, например, «базар прядильщиков»¹⁵ (док. № 40), «железный базар» (док. № 43, 55), «базар поваров» (док. № 49-г), «щыновочный базар» (док. № 52), «веревочный базар» (док. № 52), «базар шьющих вьючные седла» (док. № 16, 39 и др.) и т. д. В указателе фигурируют разнообразные лавки — «дукканы» (правда, с пропусками: нет, например «фуражного дуккана» и др.). Однако их расположение внутри указателя также не подчинено единому принципу. Одни фигурируют под словом «дуккан» (например, «дуккан медничный», «дуккан по продаже ножей» и пр.), другие под своим специализированным названием (например, «москательный дуккан», «шашлычный дуккан» и пр.). Следовало бы принять одну из двух этих форм или ввести перекрестные ссылки.

Е. А. Давидович

¹⁴ Нельзя не упомянуть также о пропусках в переводах, например, в док. № 300 (стр. 286, строки 28—30) пропущены описание части продаваемого имущества и указание на местоположение.

¹⁵ Кстати, слова «дуккан-и лаввафи» и «базар-и лаввафан» на стр. 116 неверно переведены как лавка «по выделке веревок» и как базар «мастеров веревок» вместо «прядильный» и «прядильщиков».

НОВЫЕ РАБОТЫ О ТУРКМЕНАХ

Появление в Трудах Института этнографии АН СССР «Среднеазиатского этнографического сборника»¹ представляет значительный интерес, так как число публикаций по истории и этнографии народов Средней Азии в целом невелико и немало актуальных проблем еще ждет своего исследователя. Каждая новая серьезная работа в этом направлении является существенным вкладом в науку.

«Среднеазиатский этнографический сборник» состоит из пяти работ: «Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области ТССР» Я. Р. Винникова, «Туркмены нохурли» Г. П. Васильевой, «Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX—XX вв.» А. К. Писарчик, «Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии» О. А. Сухаревой и «Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным» В. В. Гинзбурга. Так как разобрать в одной рецензии столь различные по характеру и содержанию статьи, касающиеся вопросов социалистического переустройства быта, пережитков древней материальной культуры, антропологии и т. д., не представляется целесообразным, мы остановимся на работах Г. П. Васильевой и Я. Р. Винникова, посвященных этнографии туркмен.

Работы эти по своим задачам различны: если Г. П. Васильева описывает материальную и духовную культуру нохурцев преимущественно в дореволюционное время, попутно затрагивая вопросы, связанные с их этногенезом, историей и общественным строем, то Я. Р. Винников стремится показать социалистические преобразования в экономике, общественном строе и культуре марыйских текинцев.

Статья Г. П. Васильевой представляет собой монографическое описание небольшой, но очень интересной группы туркмен-нохурцев Бахарденского района ТССР. Во «Введении» автором указывается, что одной из основных задач работы является выяснение того, «насколько нохурли, при наличии отмеченных рядом авторов особенностей в хозяйстве, материальной культуре и быту, близки к другим группам туркмен». Особое внимание автор уделяет также исследованию одной из особенностей хозяйства нохурцев — преобладанию в нем с давних пор оседлого земледелия. Следует отметить, что в целом работа автору удалась и читатель получает достаточно полное представление об истории и этнографии нохурцев. Разделы «К вопросу о расселении и происхождении нохурли», «Сведения о хозяйстве нохурцев», «Материальная культура», «Материалы для характеристики социальной организации и быта нохурцев во второй половине XIX и начале XX в.» — охватывают важнейшие стороны быта исследуемой группы. Работа снабжена тщательно подобранным иллюстративным материалом.

Вместе с тем некоторые отдельные положения автора представляются нам нечеткими или спорными, и на них целесообразно остановиться подробно.

Во «Введении» автор правильно предостерегает от смешения термина «племя», которым он обозначает туркменские группы, подобные нохурли, с племенами первобытно-общинной формации. Верно и утверждение о существовании у многих туркменских групп, в том числе и у нохурцев, вплоть до начала XX в. «родоплеменной» структуры. Однако, говоря в данном случае о «родовой» структуре, следовало яснее показать ее роль и причины ее бытования. Г. П. Васильева пишет: «Следует отметить, что у нохурли еще в XIX в. наблюдалась простейшая (?) родовая структура, характерная для племен эпохи расцвета родового строя, целый ряд весьма древних родовых пережитков в хозяйстве и быту» (стр. 83). Таким образом, правильно отметив недопустимость отнесения туркменского общества в XIX в. к родовому строю, Г. П. Васильева причислила одну из важных черт их общественной организации — своеобразную структуру общества — к первобытно-общинным явлениям. Автор не показал четко, что «родоплеменная» структура с ее традиционной генеалогией была жизненно связана с хозяйственными нуждами кочевников и полукочевников и их военной организацией, что генеалогическое «родство», особенно в крупных подразделениях, чаще всего не было реальным, так как подразделения состояли из различных по происхождению групп.

В первой главе работы Г. П. Васильева останавливается на вопросах, связанных с расселением и происхождением нохурцев. Приводятся подробные сведения об основных местах их обитания, численности и составе подразделений, генеалогические схемы. Однако в очень интересном по своим задачам разделе «К вопросу о происхождении нохурли» многое представляется неясным. Прежде всего, говоря о переселении туркмен в XVI—XVIII вв., автор не указывает важнейших причин, вызвавших эти переселения. Следовало отметить хотя бы два важнейших фактора — изменение в этот период водного режима Сарыкамышы и Дарьялька и образование в XVI в. централизованных узбекских ханств, что во многом определило пути движения туркмен. В связи с этим остается неясным и то, чем же было вызвано передвижение текинцев в XVIII в. Согласиться с автором в том, что оно было только следствием походов Надир-шаха, нельзя, так как передвижения текинцев начались еще до этих походов. Далее, хотя общая установка автора о формировании нохурцев из различных туркменских и нетуркменских групп представляется вполне правильной, решение отдельных вопросов, затронутых в этом разделе, вызывает сомнения. Так, едва ли было целесообразно включать в работу без критической оценки записанный в свое время Г. И. Карповым рассказ информатора

¹ Изд-во АН СССР, М., 1954.

об оседании в Нохуре в VII в. (!) подразделения Ходжа. В другом месте без необходимого примечания приводится рассказ того же информатора Г. И. Карпова — Метли Молла — о поселении рода Кушхана в Нохуре в III в. до н. э. (!). Удивляет, почему автор не воспользовался хотя бы примечанием, содержащимся в использованной им работе А. П. Поцелуевского «Племя нохурли» («Туркменоведение», 1931, № 5—6), где указывается на достоверный характер этих сообщений Метли Молла (последний признался, что рассказ этот он слышал от Н. Н. Иомудского, тот же в свою очередь откуда-то вычитал и т. д.). Приведенный случай не единичен. Автору следовало бы более критично подходить к рассказам информаторов.

Не совсем убедительны данные относительно четырех подразделений нохурцев: Денджик, Эрвап, Мелик и Сыгыр, причисляемых автором к числу древнейших. Г. П. Васильева указывает, что «...у этих оседлых земледельческих групп к моменту появления огузов на территории Южной Туркмении было уже развитое имущественное неравенство» (стр. 100). Не доказано, что Денджик и другие перечисленные подразделения являлись потомками местного иранского земледельческого населения; непонятно, откуда автору известно, что у этих групп было «развитое имущественное неравенство». Наконец, следовало бы уточнить вопрос об огузах — относительно их пребывания в Нохур по существу, ничего не известно.

Вызывает возражения трактовка Г. П. Васильевой происхождения группы нохурцев джагыл-джогул. Г. П. Васильева высказывает предположение (стр. 102), что предка джагыл-джогулцев были хорезмийцы-иуданцы, бежавшие в свое время от преследований арабов. Однако эта догадка имеет весьма шаткое основание: чисто формальное созвучие со словом «Хорезм» одного из старинных наименований Нохура — «Кава Земин», слышанное автором, по его словам, от некой старой женщины. Хотелось бы предостеречь Г. П. Васильеву от сомнительных попыток формально-лингвистического анализа, основанного только на отдаленном созвучии. Такой анализ встречается у нас не только в рассматриваемой работе. Так, в статье «Итоги работы туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г.»² Г. П. Васильева вслед за Г. И. Карповым считает возможным возводить туркменское подразделение ата к древнейшим обитателям Средней Азии, основываясь только на созвучии имен ата — аттасии, астабены.

Значительную часть работы занимает описание хозяйства нохурцев, их поселения жилища, пищи, одежды и украшений. Все эти разделы построены на собрании Г. П. Васильевой полевым материалом и дают ясное представление о предмете. Раздел о ремеслах, домашних промыслах и материальной культуре являются заметным вкладом в дело этнографического изучения туркмен. Хотелось бы, правда, увидеть больше сравнительного материала, тем более, что автор владеет им по многим туркменским подразделениям. По указанным разделам можно сделать лишь незначительные замечания. Так, например, на стр. 133 автор хочет обосновать древнее местное происхождение нохурцев, сопоставляя бытующую у них капиталь колонны с архитектурными конструкциями в Новой Нисе. Трудно назвать это «веским этнографическим доказательством» так как автору рецензии приходилось наблюдать точно такие же капитали и у туркмен ата на правом берегу Аму-Дарьи, между тем атинцев трудно сблизить с древними обитателями прилегающих к Нохуру территорий. Несколько поспешным выводом представляется мнение автора, что прототипом современного нохурского дома являлась землянка (стр. 136).

Кое в чем спорной представляется IV глава работы, посвященная характеристике социальной организации нохурцев во второй половине XIX и начале XX в. С самого начала главы автор, употребляя термины «род», «племя», не берет их в кавычки. Иногда может создаться впечатление, что «род» понимается в его классическом значении. Например, автор пишет: «Наряду с родом у туркмен в рассматриваемый период (т. е. в XIX в. — Г. М.) существовала и развивалась водо-земельная община, уже носившая характер соседской, что сильно осложняло картину социально-экономических отношений» (стр. 177). Автор забывает, что «род» — это здесь всего лишь форма, которая на рассматриваемом этапе не противостояла соседской общине. Г. П. Васильева определяет переоценивает значение у туркмен родовых отношений и недооценивает своеобразия соседско-общинных отношений.

Интересны данные автора по свадьбе, религиозным верованиям и обрядам нохурцев. В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что в целом работа Г. П. Васильева является полезным исследованием, появление которого следует приветствовать.

Я. Р. Винников избрал для своего исследования нелегкую тему. Основная ее трудность — обширность и многоплановость. В работе разбираются такие различные вопросы, как историческое прошлое туркмен Марыйской области более чем за 50 лет (12 стр.), социалистическое строительство в туркменском ауле (14 стр.), развитие колхозного производства (11 стр.), материальная культура (20 стр.), положение женщины, брак семья (12 стр.), культурный рост колхозного крестьянства (4 стр.). Учитывая, что имеется очень мало научных работ, на которые можно было бы опереться в освещении ряда вопросов туркменской истории, этнографии, экономики и т. д., можно сразу же высказать опасение, что на протяжении немногих страниц едва ли можно достаточно образом проанализировать такие вопросы, как социалистическое строительство в ауле за все годы Советской власти или развитие колхозного производства.

В первом разделе работы Я. Р. Винникова вначале дается короткий, но содержащий

² «Труды Хорезмской экспедиции», т. I, М. 1952, стр. 428.

тельный очерк, где автор касается истории текинцев в середине XIX в., их расселения, численности и распределения земли между отдельными текинскими подразделениями. Далее автор переходит к туркменской водо-земельной общине, родоплеменной организации и развитию частного землевладения. Нельзя не отметить очень интересную карту, приводимую автором для иллюстрации схемы орошения у текинцев, дающую представление и о расселении текинских подразделений. Большой интерес вызывает вопрос о характере туркменской водо-земельной общины. В работе приводятся конкретные данные по этому вопросу, делается попытка показать особенности туркменской соседской общины. В литературе вопрос этот почти не освещен, поэтому Я. Р. Винников поступает верно, стремясь хотя бы в кратких чертах восполнить данный пробел.

Как справедливо отмечает автор, одним из существенных отличий туркменской водо-земельной общины XIX—XX вв. от первобытно-родовой было имущественное неравенство, существовавшее внутри нее классовое расслоение. Однако, как уже говорилось выше, «родоплеменные» подразделения в XIX—XX вв. не только этим отличались от родовых групп первобытности. В работе Я. Р. Винникова лишь на основании косвенных данных можно понять, что «родоплеменная» форма организации туркмен была одной из особенностей их водо-земельной общины, которую автор, несомненно, считает соседской, хотя прямо об этом нигде не говорит: так, например, на стр. 11 говорится о «формах пользования землей и водой внутри родовых подразделений (водо-земельных общин) мургабских текинцев». Нечетко освещен и вопрос о времени возникновения соседской общины — автор пишет об этом в такой форме: «Неуклонно шел процесс изменения состава родовых подразделений и сущности господствовавших некогда внутри них отношений. В конце концов они превратились в новую социальную организацию — создалась водо-земельная община» (стр. 12).

Я. Р. Винников затрагивает вопрос об интересном обычае — праве «никах», согласно которому орошаемые участки получали только женатые мужчины. По словам автора, право это возникло к концу XX в., придя на смену другому порядку, когда надел земли и воды давался общиной каждому мужчине, способному носить оружие. На одной и той же странице 11 происхождения права «никах» даются два объяснения: 1) этот порядок возник «под влиянием родовой знати, байства и духовенства, с развитием и видоизменением санашиковой формы землепользования» и 2) «Причиной возникновения права «никах» был быстро прогрессирующий распад «родового строя» туркмен, который уже издавна скрывал в себе антагонистические феодальные отношения. Утверждению новых порядков способствовало также повышение цен на хлопок». Первое объяснение вообще неясно. Следовало бы внести большую ясность и во второе объяснение, указав, какие — феодальные или капиталистические отношения (развитие хлопкового хозяйства) были в начале XX в. ведущими и определяющими в развитии туркменского общества. Не выяснив этого, автор иногда допускает противоречия даже в одной фразе. Так, например, говоря об аульных старшинах, он пишет: «Их деятельность была направлена на сохранение старых производственных отношений, их интересы были неразрывно связаны с интересами торговцев, ростовщиков, крупных землевладельцев, богатых скотоводов, духовенства и других представителей эксплуататорской верхушки местного населения» (стр. 16). Вообще едва ли будет верным не разграничивать интересы различных слоев правящей верхушки туркмен. В XX в. в Мургабском оазисе развивалось хлопководство, капиталистические отношения проникали в сельское хозяйство. Интересы торговцев, крупных землевладельцев и т. д. были уже в значительной мере связаны с развитием новых, капиталистических отношений. Что же автор понимает под «старыми» производственными отношениями и кто являлся их носителем?

Будучи ограничен размерами статьи, автор принужден был лишь бегло описывать туркменское хозяйство в прошлом. Даются сведения о низкой технике земледелия, отсталом характере скотоводства, что резко контрастирует с картиной развития сельскохозяйственного производства в советское время. К сожалению, весьма важные замечания автора о частной собственности баев на колодцы, их праве распоряжаться колодцами, принадлежавшими различным подразделениям (стр. 16), не подкрепляются фактическими материалами. Имеются неясности или же неудачные формулировки: так, если «большинство колодцев находилось в частном владении баев или родовых подразделений (тире)...» (стр. 16), то кому же тогда принадлежали остальные колодцы?

В разделе «Социалистическое строительство в туркменском ауле» автор характеризует соответствующие декреты Советской власти и описывает важнейшие преобразования, происходившие в Туркмении после Октябрьской революции (земельно-водная реформа, национально-государственное размежевание, коллективизация). Большой интерес представляют здесь разносторонние архивные материалы, публикуемые впервые.

В разделе приводятся конкретные факты, показывающие борьбу байства и духовенства против проведения советских реформ, организации колхозов, использование ими в своих целях патриархальных традиций. Полевой материал хорошо показывает увеличение доходов колхозников в ходе развития социалистического сельского хозяйства (стр. 29). Хотелось бы, однако, чтобы в этнографической работе было значительно больше конкретного материала, наглядно показывающего, как в процессе социалистического строительства шло изживание старых и складывание новых форм быта, какие традиции вытеснялись, какую роль играют в наше время пережитки старого быта и т. п. Я. Р. Винников, работавший в Туркмении свыше 16 лет, несомненно, должен располагать такими данными.

Следующий раздел работы «Развитие колхозного производства» имеет главным образом экономический характер и требует оценки со стороны специалистов.

Думается, что автором неплохо изложена история двух туркменских колхозов. Интересны приводимые им сведения о новом землеустройстве, в корне подорвавшем экономическую базу деления населения на «родоплеменные» группы и уничтожившем предпосылки для «родоплеменной» вражды; несомненный интерес представляют данные о колхозном животноводстве. К недостаткам раздела следует отнести обилие цитат, излишне подробное изложение указов и постановлений и в то же время явный недостаток конкретного материала, который мог бы показать влияние постановлений Партии и Правительства на быт дайхан.

Раздел о материальной культуре содержит собранный автором новый этнографический материал. Описываются поселения и жилища колхозников, их пища и одежда. Из-за недостаточности этнографических данных о туркменах-теке Я. Р. Винников вынужден был вначале охарактеризовать их материальную культуру в прошлом, а так как на протяжении нескольких страниц сделать это было очень трудно, то получилась неполная, зачастую поверхностная картина. Так, например, подробно описывается юрта, бывшая наиболее распространенным видом жилища текинцев до революции, и ничего не сказано о старых жилищах оседлого типа; между тем туркмены никогда не были чистыми кочевниками, и им уже издавна были известны различные типы оседлых жилищ. От юрты автор сразу переходит к современным постройкам оседлого типа, которые описываются весьма подробно. Довольно полное представление читатель получает и от описания новых благоустроенных колхозных поселков. Однако было бы интересно узнать, как в новых поселках разместились бывшие «родовые» подразделения туркмен, как изживалось разделение туркмен на «родовые» группы и складывались новые взаимоотношения. Раздел об одежде сильно выиграл бы (равно как и другие разделы о материальной культуре) от привлечения сравнительного материала по другим туркменским группам.

Некоторые замечания вызывает раздел «Положение женщины. Брак. Семья». Одно сторонним кажется, например, объяснение древнего обычая левирата «нежелание терять купленный товар», даваемое посредством цитаты из работы Д. Г. Иомудской Буруновой (стр. 64). Наряду с этим надо отметить хорошее описание свадебного обряда текинцев. Единственное возражение здесь касается трактовки автором туркменского обычая «кайтарма» — временного возвращения молодой вскоре после свадьбы в дом родителей. Автор пытается связать этот обычай с условиями выплаты калыма (стр. 73) в действительности эти условия были привнесены позднее, а в основе «кайтарма» лежат традиции, восходящие к эпохе матриархата.

Чувство неудовлетворенности оставляет раздел «Культурный рост колхозного дайханства», где на протяжении четырех страниц даются только самые общие сведения.

В целом работа Я. Р. Винникова заставляет задуматься над вопросом: не следовало ли прежде чем публиковать результаты изучения столь сложной и ответственно обобщающей темы, полнее и глубже разработать ее отдельные узловы вопросы?

Г. Е. Марко

Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков, Е. М. Пещерева, С. П. Русяйкина. *Культура и быт таджикского колхозного крестьянства (По материалам колхоза им. Маленкова Ленинабадского района Ленинабадской области Таджикской ССР)*. Под общей редакцией Н. А. Кислякова. Ответ. редактор Л. П. Потапов. Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXIV, М.—Л., 1954.

Одной из актуальных задач советской этнографической науки является изучение социалистической культуры и быта народов нашей многонациональной страны. Над решением этой задачи в течение ряда лет работает большой коллектив этнографов как в Институте этнографии АН СССР, так и в академиях наук союзных республик.

Сотрудники сектора Средней Азии Института этнографии АН СССР и Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР в 1954 г. выпустили в свет книгу о культуре и быте таджикского колхозного крестьянства, посвятив ее двадцатипятилетию со дня образования Таджикской ССР. Как видно из предисловия, авторы «поставили своей целью на материалах одного из колхозов показать социалистическое переустройство жизни таджикского колхозного крестьянства, культуры и быта таджиков-колхозников по сравнению с дореволюционным состоянием, выяснить роль и значение старых форм национальной культуры и, наконец, отметить некоторые тормозящие моменты в социалистическом переустройстве жизни таджикских крестьян» (стр. 5). Объектом изучения был избран таджикский хлопководческий колхоз, объединяющий в настоящее время все сельское население кишлака Чкаловск (бывший кишлак Кыстакоз) Ленинабадского района Таджикской ССР. Выбор объекта можно считать удачным. Таджики Чкаловска являются наследниками земледельческого опыта многих поколений и носителями многовековых культурных традиций. В то же время специальная этнографическая литература по ферганским таджикам не существует, и рассматриваемая книга в значительной мере должна заполнить этот пробел в этнографическом изучении таджикского народа.

Книга, написанная в основном по материалам, собранным авторами на месте, по-

стоит из предисловия, четырех глав и заключения. В первой главе («История селения и колхоза», автор — Н. А. Кисляков) дается краткая характеристика селения Чкаловск, его географического положения, общие сведения о населении и краткая история селения и колхоза. История колхоза прослеживается со времени образования первых мелких товариществ по совместной обработке земли и артелей до создания мощного колхоза миллионера со многоотраслевым культурным хозяйством, каким он является в настоящее время. Вторая глава («Хозяйственная деятельность колхоза», автор — Н. Н. Ершов) состоит из ряда разделов. Первый из них посвящен общей характеристике хозяйства колхоза, второй — организации труда, затем следует описание основных отраслей колхозного хозяйства (хлопководства, садоводства, животноводства, шелководства) и в заключение говорится о перспективах развития этих отраслей. В третьей главе («Домашняя и семейная жизнь», автор — Е. М. Пещерева) прежде всего обстоятельно рассматривается жилище, одежда и пища. Характеристике современной таджикской колхозной семьи предпослано краткое описание семьи кыстакозских таджиков в прошлом. Далее показано, как глубокие преобразования в производственных отношениях, происшедшие за годы советской власти, привели к таким же глубоким изменениям в семейных отношениях; автор показывает, что важнейшими факторами в преобразовании семьи явились общественный труд в колхозе и участие женщин в этом труде. Три последних раздела этой главы посвящены браку, рождению и воспитанию детей, а также обычаям и обрядам, связанным со смертью и похоронами. В четвертой главе («Общественная жизнь и культурное строительство», авторы — Н. А. Кисляков и С. П. Русаякина) дается описание работы местных сельского и поселкового советов, деятельность правления колхоза, показаны руководящая и направляющая роль партийной организации, работа женсовета и агитаторов и т. д. В конце главы прослеживается история создания советской школы в Чкаловске и дается подробная характеристика существующих в селении школ, культурно-просветительных учреждений и органов здравоохранения.

Монография завершается показом тех сдвигов, которые произошли в Чкаловске в результате проведения в жизнь мероприятий, предусмотренных сентябрьским Пленумом ЦК КПСС и последующими решениями Партии и Правительства.

Авторы монографии, на наш взгляд, в основном справились с поставленной задачей. На конкретных примерах наглядно и убедительно показано, как на основе построения социализма в нашей стране за сравнительно короткий срок, благодаря заботам Партии и Правительства, изменились культура и быт таджикского колхозного крестьянства. Во всех разделах ярко отражена огромная преобразующая роль общественного труда в жизни колхозников, особенно в жизни колхозницы-таджички. Имея в виду эту общую положительную оценку книги, остановимся на ее основных достоинствах и недостатках.

В первой главе, где, пожалуй, впервые в литературе делается попытка написать историю таджикского кишлака вообще, хорошо показано, что прекращение бесконечных феодальных войн после присоединения края к России дало возможность жителям Кыстакоза выйти за пределы стены, окружавшей укрепленное селение, и свободно расселиться среди полей и садов по оросительным каналам. В результате этого сложилось громадное селение с делением на четыре части (джуйбора), в соответствии с четырьмя основными оросительными каналами. Автор, к сожалению, не сделал попытки объяснить происхождение названий этих джуйборов; между тем, анализ топонимики мог бы дать дополнительные сведения о прошлом селения и района.

Наряду с освещением истории сложения селения, а затем колхоза, в задачу автора данной главы, несомненно, входил показ старых социальных отношений, изменений в этих отношениях, которые произошли после присоединения края к России, и, наконец, коренного преобразования в социальных отношениях уже в советское время. Однако автор, уделив относительно большое место описанию налогообложения и административного управления, существовавших в дореволюционное время, не раскрыл с достаточной полнотой и на конкретном материале всю глубину социального расслоения кишлака в прошлом и не дал характеристики каждой социальной прослойки. Автор указывает количество земли у отдельных наиболее крупных баев, даже приводит их имена, но не дает сведений о том, сколько земли и какой минимум орудий производства должна была иметь семья крестьянина, чтобы прокормиться; какой процент (хотя бы примерно) к общему числу хозяйств Кыстакоза составляли хозяйства, имеющие прожиточный минимум, и каков был процент безземельных. Без этих сведений невозможно дать правильную оценку социальных отношений. При описании форм эксплуатации автор также приводит мало конкретного материала, поэтому описание это имеет общий и несколько поверхностный характер. Нет сомнения, что представители старшего поколения кыстакозцев могли бы привести множество примеров из своей жизни и жизни своих отцов. Автором, к сожалению, совершенно не привлечены архивы и периодическая печать, которые дали бы большой материал как для освещения дореволюционных социальных отношений, так и для освещения истории советского и колхозного строительства в селении.

Перед автором главы о хозяйственной деятельности колхоза стояла очень трудная задача: дать на основании этнографических материалов характеристику сложного многоотраслевого хозяйства огромного колхоза, показать, как сочетаются в современном таджикском колхозе высокая техника и достижения советской агроботанической науки с многовековым опытом исконных земледельцев-таджиков. Эту задачу автор разрешил далеко не полностью. В главе чрезвычайно подробно показаны народные поселения Ферганской долины в области разведения различных культур, в частности вино-

градарства и садоводства. Приводимые автором данные приобретают особый интерес в связи с разработкой вопросов истории земледелия в нашей стране, и приходится только пожалеть, что в работе совершенно не использован сравнительный материал по другим районам Средней Азии, даже по той же Ферганской долине. Вместе с тем автор, видимо, увлекшись описанием народного сельскохозяйственного опыта, уделит недостаточное внимание новейшим методам ведения сельского хозяйства, и в частности хлопководства — ведущей отрасли в данном колхозе; в главе обойдены молчанием такие важнейшие факты, как широкая механизация сельскохозяйственных процессов, внедрение новейшей агротехники и т. д., в результате чего получилась несколько архаизированная картина состояния сельскохозяйственного производства в описываемом колхозе.

Следующая глава книги является первой в советской этнографической литературе работой, специально посвященной домашнему быту и семейной жизни равнинных таджиков. Эта глава насыщена интереснейшим новым фактическим материалом. Другим ее достоинством является то, что материал в ней подается в историческом плане; каждый изучаемый объект как материальной, так и духовной культуры рассматривается в его развитии. Кроме того, автором привлекается некоторый сравнительный материал по другим районам Таджикистана и Средней Азии, хотя не в той мере, как этого можно было ожидать от такого крупного знатока среднеазиатской этнографии, каким является автор.

Глава эта выгодно отличается от прочих глав своим изложением: написанная живым и выразительным языком, она читается с неослабевающим интересом. Постоянно чувствуется отношение автора ко всему описываемому, его уважение и любовь к тем людям, чей семейный быт описывается. Имена этих людей редко называются, на отдельных личностях автор почти не останавливается, но постоянно ощущается присутствие живых людей. Автор сумел найти особый подход и для такой темы, как пища, при описании которой легко можно было скатиться к простому перечню блюд и уподобить изложение кулинарной книге. Следует особо отметить, что в главах второй и третьей приведен большой, точно записанный и хорошо разъясненный терминологический материал, что имеет самостоятельную ценность. Однако и эта глава не лишена недостатков. Автору следовало бы попытаться дать анализ некоторых явлений, которые невольно вызывают у читателя недоумение. Почему, например, местное население не употребляет куриного мяса? Почему при выпечке хлеба непременно готовят несколько маленьких лепешек (кульча) для детей, которые отдают чужим детям, если нет своих? Если для выяснения происхождения этих явлений требуются специальные исследования, то нужно было оговориться.

Менее всего удалась последняя глава книги. Изложение собранных авторами сведений оставляет желать много лучшего, в результате чего большой фактический материал не доходит до читателя. Материал подан в чисто описательном плане, без попытки анализа описываемых явлений.

Отметим еще некоторые частные недостатки. На стр. 30 указывается, что в Туркестане в 1918 г. национализируются земля, вода и т. д. Между тем, еще нельзя говорить о национализации земли в это время, так как частная собственность на землю была отменена в Туркестане в 1920 г. на девятом Всетуркестанском съезде Советов. Встречаются весьма досадные опечатки. Что это, например, за «открытые партийные семейные собрания?» (стр. 207). Имеются противоречия. На стр. 190 утверждается, что антирелигиозная пропаганда в колхозе почти полностью отсутствовала, а на стр. 201 говорится, что агитаторы проводили беседы о сущности религиозных празднеств, в частности мусульманского поста. В книге много иллюстраций: 87 фото и рисунков. Но, к сожалению, большинство фото плохо выполнены. Следует сказать, что и подбор их в ряде случаев неудачен (см., например, рис. 75). Некоторые фото повторяются (рис. 8 и 80, 9 и 81).

Рецензируемая монография о таджикском колхозе представляет собой первый опыт этнографического описания культуры и быта современного колхозного крестьянства. Этим в известной мере можно объяснить ряд имеющихся в ней недостатков. Нужно рассчитывать, что за этой монографией последуют многие другие, посвященные культуре и быту других народов нашей родины, и что авторы их, уния достоинства и недостатки первой монографии, дадут более совершенные результаты своих исследований. Однако и эта первая монография — большой коллективный труд этнографов о таджиках-колхозниках — несомненно вызовет немалый интерес не только у специалистов, но и среди самых широких кругов советских читателей, особенно в Таджикистане.

Б. Кармышева.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ОБ ОДНОЙ НЕСООБРАЗНОСТИ В УЧЕБНОМ ПЛАНЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ

Пять лет назад по решению Министерства высшего образования курс «Истории первобытного общества», читавшийся в течение первых двух месяцев первого семестра, был объединен с курсом второго семестра «Основы этнографии» в один годовой курс «История первобытного общества и основы этнографии». Чем было вызвано такое объединение? Думается, что вразумительный ответ на этот вопрос получить трудно.

Не случайно вот уже пятый год один курс читается по двум разным программам, большей частью двумя преподавателями, и все объединение сводится лишь к тому, что студенты сдают один экзамен вместо двух. То обстоятельство, что в 1952 г. Министерство издало две различные программы по одному курсу, совершенно закономерно. Не затрагивая здесь вопроса о качестве программ курсов «История первобытного общества» и «Основы этнографии», я хочу лишь подчеркнуть, что это два разных курса, имеющих различные задачи.

В курсе «История первобытного общества» изучаются основные закономерности и конкретная история давно прошедшего этапа в развитии человеческого общества — первобытно-общинного строя. Совершенно правильно, с моей точки зрения, курс «История первобытного общества» ранее предшествовал курсу истории народов Древнего Востока.

Иначе обстоит дело с задачами курса «Основы этнографии». Объяснительная записка к программе 1952 г. требует, чтобы в курсе были освещены «проблемы древней и средневековой истории ряда стран мира (доколумбова Америка, Центральная и Южная Африка, Австралия и Океания, Северная Азия)». К этому надо прибавить, что в курсе должны быть представлены и народы Европы с описанием их прошлого и настоящего, а также народы СССР. Совершенно естественно, что, описывая этнографические черты того или иного народа, нельзя не учитывать его прошлого, но в то же время в 40—50-часовом курсе невозможно дать хотя бы краткую историю всех народов и их этнографических особенностей. Думаю, что в программе недостаточно точно определены задачи курса, что и приводит к ее перегрузке, но в данном случае я хочу подчеркнуть другое. Так как основное внимание в курсе этнографии сосредоточивается сейчас на изучении современного быта и культуры народов мира, объединение истории первобытного общества и основ этнографии в один курс является чисто механическим, неправильным.

В свое время раздавались голоса о том, чтобы курс истории первобытного общества объединить с курсом «Основы археологии». Это также неправильно. Археология является у нас самостоятельной исторической дисциплиной, разрешающей важнейшие проблемы истории не только первобытно-общинного строя, но и рабовладельческого и феодального общества, и объединить ее с курсом «История первобытного общества» значит сужать задачи курса «Основы археологии».

Мне представляется, что нужно вернуться к прежнему положению, когда курс истории первобытного общества предшествовал курсу истории рабовладельческого общества. Что же касается курса «Основы этнографии», то давно настало время специалистам-этнографам серьезно подумать о его действительном месте в учебном плане исторических факультетов университетов.

Историко-филологический факультет Воронежского университета ставил перед Главным управлением университетов вопрос о ненормальности с преподаванием истории первобытного общества и основ этнографии. Никакого ответа по существу нами получено не было. В новый учебный план 1955 г. ожидаемых изменений внесено не было. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на совершенно неприемлемую практику Главного управления университетов, когда каждый год от преподавателей на местах требуют замечаний на действующие планы и программы, после чего судьба этих замечаний остается неизвестной ни их авторам, ни кафедрам, представляющим замечания.

Главному управлению университетов пора, наконец, выработать более действенные формы связи с местными работниками, обеспечить реализацию предложений, направленных на улучшение преподавания того или иного предмета.

Доцент Воронежского государственного университета А. Н. Москаленко

Содержание

Вопросы этногенеза и исторической этнографии

- Р. Яблонские-Римантене (Каунас). О древнейших культурных областях на территории Литвы 3

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

- Т. А. Жданко (Москва). Историко-этнографический атлас Средней Азии 20
О. А. Сухарева (Ташкент). Этнографическое изучение колхозного крестьянства Средней Азии 30
А. Д. Бехман (Воронеж). Черты нового в архитектуре русского крестьянского жилища 43
В. Н. Даниленко (Киев). Волошский эппалеолитический могильник 56
Г. Ф. Дебец (Москва). Черепа из эппалеолитического могильника у с. Волошского 62

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

- О. Нагодил (Прага). Чехословацкая этнография за десять лет. 74
Б. И. Шаревская (Москва). Судьба молодежи из коренного населения в современной Австралии 84

Из истории этнографии и антропологии

- В. Е. Гусев (Челябинск). Проблемы народной поэзии в русских журналах 50—60-х годов XIX века 91

Дискуссии и обсуждения

- В. Чичеров (Москва). Вопросы изучения народного творчества (К итогам дискуссии) 111

Народы мира

(Информационные материалы)

- А. И. Першиц (Москва). Арабы Саудовской Аравии 127

Хроника

- М. Я. Берзина, Я. Р. Винников (Москва). II съезд Географического общества СССР 142
Сессии, посвященные итогам экспедиционных работ 1954 года 147
И. Джаббаров (Ташкент). Обсуждение монографии «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства» в Академии наук Узбекской ССР 162
А. Орлова (Москва). Обсуждение тома «Народы Африки» 164
Роберт Андреевич Пельше 169
Николай Васильевич Кюнер 171

Критика и библиография

Народы СССР

- М. А. Сергеев (Ленинград). Литературное творчество народов Севера 171
Е. А. Давидович (Сталинабад). П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов 187
Г. Е. Марков (Москва). Новые работы о туркменах 193
Б. Кармышева (Сталинабад). Культура и быт таджикского колхозного крестьянства 196

Письмо в редакцию

- А. Н. Москаленко (Воронеж). Об одной несообразности в учебном плане исторических факультетов университетов 199